

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
им. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *З.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
член-корреспондент РАН *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, докт. геол.-минерал. наук *И.А. Резанов*,
член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

Е.А. Зайцева Г.И. Любина

**Григорий
Николаевич
ВЫРУБОВ**

1843 – 1913

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
М.С. БАСТРАКОВА

МОСКВА
НАУКА
2006

УДК 548
ББК 26.30
3-17

Рецензенты:

доктор философских наук *Б.А. Старостин*,
кандидат исторических наук *О.А. Валькова*

Зайцева Е.А.

Григорий Николаевич Вырубов 1843–1913 / Е.А. Зайцева, Г.И. Любина; отв. ред. М.С. Бастракова. – М. : Наука, 2006. – 336 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 5-02-033896-6.

Книга – первая научная биография ученого-естествоиспытателя и философа, профессора Коллеж де Франс, жившего с 1863 г. во Франции. Рассмотрены взаимоотношения Г.Н. Вырубова с представителями русской революционной эмиграции в Париже (А.И. Герцен, М.А. Бакунин, П.Л. Лавров). Представлена научная деятельность Г.Н. Вырубова, его труды в области кристаллографии, минералогии и химии, методологии науки, рассказано о его участии в работе французских научных обществ и конгрессов.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной и мировой науки.

Темплан 2005-II-95

Научное издание

Зайцева Елена Анатольевна. **Любина** Галина Ивановна

Григорий Николаевич Вырубов
1843–1913

*Утверждено к печати Редколлекцией серии
“Научно-биографическая литература” Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*. Редактор *Н.М. Александрова*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*. Корректор *А.Б. Васильев*

Подписано к печати 10.11.2005. Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная. Усл.печ.л. 21,0 + 1,8 вкл. Усл.кр.-отт. 25,8. Уч.-изд.л. 25,1
Тираж 350 экз. Тип. зак. 3001

Издательство “Наука”. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-033896-6

© Российская академия наук и издательство “Наука”,
серия “Научно-биографическая литература”
(разработка, оформление), 1959 (год основания), 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2006

“Умение наблюдать и умение философствовать – это идеал науки, возможно, никогда недостижимый, но к нему приближаются все более и более”

Г.Н. Вырубов

“Культурное человечество уже ценит его заслуги, и может, наступит такое время, когда освободившийся русский народ скажет ему свое “спасибо сердечное”

К.А. Тимирязев

Введение

XX в. оказался несправедливым к памяти Г.Н. Вырубова. Драматическими, подчас кровавыми событиями, великими научными достижениями и блестящими завоеваниями культуры он заслонил образ кристаллографа, минералога, химика, философа-позитивиста и публициста, человека, почти 50 лет прожившего за границей. Прошло уже 90 лет после его смерти, но до сих пор не написана биография Вырубова. Между тем его многообразная деятельность настолько прочно проросла в культурную ткань современного ему общества, что стала неотъемлемой частью истории последней трети XIX – начала XX в.

Трудно пройти мимо такого значимого факта личной биографии Вырубова и интеллектуальной истории той эпохи, как издание в 1867–1883 гг. совместно с Э. Литтре, а затем с Ш. Робеном “Позитивной философии”, весьма популярного журнала позитивистов Западной Европы. Нельзя забыть, что он редактировал первое “Собрание сочинений” А.И. Герцена (Женева, 1875–1879 гг.), в памяти специалистов остались его оригинальные исследования в химии и кристаллографии.

Историческая память о Вырубове принадлежит советскому времени. В советской литературе он известен в основном как философ и деятель культуры. Даже весьма предвзятая по отношению к русским эмигрантам Большая советская энциклопедия полностью не смогла проигнорировать его заслуги, хотя его имя, упомянутое в первом издании, отсутствует в издании 1951 г., втором по счету¹. Философское творчество Вырубова отражено в соответствующих справочных и обзорных работах советского времени².

¹ Вырубов Г.Н. // БСЭ. 1-е изд. М., 1929. Т. 13. С. 780–781; БСЭ. 3-е изд. М., 1971. Т. 5. С. 535.

² Философская энциклопедия. М., 1960. С. 312; История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 18, 394–398, 401.

Интерес к личности Вырубова связанный, может быть, не столько с ним самим, сколько с событиями и людьми его времени, никогда не иссякал. Публикация в 50–60-е годы XX в. писем и архивных материалов о Герцене и Тургеневе вызвала в памяти образ Вырубова. Его отношения с этими деятелями русской культуры подробно отражены в документах и комментариях к ним³. Можно думать, что пока существует интерес к истории позитивизма, а празднование 200-летнего юбилея О. Конта в конце XX в. его в очередной раз подтвердило, имя Вырубова не забудется⁴. Совсем недавно вновь вспомнили о Вырубове в связи со всплеском интереса к истории масонства⁵.

Менее всего в России знали научное творчество Вырубова, поскольку его работы были изданы за границей и на французском языке. Последний раз после энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона имя Вырубова мелькнуло в Биографическом справочнике химиков, подготовленном М.А. Блохом в 1931 г. До этого его упоминал неоднократно П. Вальден в очерке истории химии в России. Далее имя Вырубова–химика исчезло из биографических справочников русских химиков, нет его в биографических словарях минералогов и деятелей естествознания и техники⁶.

Память о Вырубове – кристаллографе оказалась более долговечной. О нем неоднократно вспоминает историк кристаллографии И.И. Шафрановский⁷. Он отметил вклад Вырубова в разра-

---

³ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1963. Т. 29, кн. 1; 1964; Т. 30; Лит. наследство. М., 1940. Т. 39–40; 1941. Т. 41–42; 1953. Т. 61; 1995. Т. 62; 1958. Т. 64; 1985. Т. 96; 1977. Т. 99, кн. 1,2; *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1965–1966 Т. 10, 11, 12.

⁴ Подробную библиографию русских работ о позитивизме см. в статье: Шахматов Б.М. Огюст Конт в России: Материалы к библиографии, 1845–1999 // Огюст Конт. Взгляд из России. М., 2000. С. 311–342.

⁵ *Карпачев С.П.* Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX в. М., 1998; *Серков А.И.* Русское масонство, 1731–2000 // Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 546; *Соловьев О.Ф.* Масонство: Словарь-справочник. М., 2001. С. 328 и др.

⁶ Г.Н. Вырубов // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. СПб., 1892. Т. VII. С. 546; *Блох М.А.* Биографический справочник химиков. Л., 1931. Т. 2. С. 789; *Вальден П.* Очерк истории химии в России // Ладенбург А. Лекции по истории развития химии от Лавуазье до нашего времени. Одесса, 1917. С. 533; *Григорьев Д.П., Шафрановский И.И.* Выдающиеся русские минералоги. М.; Л., 1949; *Волков В.А.* и др. Химики: Биографический справочник. Киев, 1984; Биографический словарь деятелей естествознания и техники. М., 1958. Т. 1.

⁷ *Бокий Г.Б., Шафрановский И.И.* Русские кристаллографы // Труды Института естествознания. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 97–98; *Шафрановский И.И.* История кристаллографии в России. М.; Л., 1962. С. 297–301.

ботку проблем изоморфизма и полиморфизма, а его суждение о необходимости отделения кристаллографии от минералогии нашел едва ли не пророческим.

Лишь в начале 60-х годов истории химии вновь вспомнили о Вырубове. В 1962 г. З.И. Шептунова дала беглый очерк направлений, в которых Вырубов вел свои изыскания, подчеркнув, что биография и творчество этого оригинального ученого подлежат еще тщательному изучению с привлечением архивов и его научных работ⁸.

Тогда же имя Вырубова появилось в советской литературе в совершенно новом контексте. И.В. Поздеева, в ту пору сотрудница научной библиотеки МГУ, опубликовала две статьи о фонде Вырубова, хранящемся в Отделе редких книг и рукописей библиотеки⁹. В первой статье она обратила внимание, прежде всего работников архива, на практически недоступный для пользования фонд Вырубова, так как “при большом объеме чрезвычайно трудно читаемого текста и широте интересов автора писем, требовалось слишком много труда для исследования какого-либо частного вопроса”. В статье 1973 г. Поздеева обращалась уже к исследователям, сообщая, что фонд полностью обработан и получил необходимый научно-технический аппарат. Она провела будущего читателя, предположительно историка науки, по лабиринту вырубовских писем, обозначив основные темы его творчества. Но и тогда призыв Поздеевой, приоткрывшей перед исследователями замечательно интересный фонд Вырубова, остался без ответа.

На Западе творчество Вырубова было гораздо более известно. Еще при жизни его цитировал Я. Вант-Гоф в своей “Стереохимии”¹⁰. Труды Вырубова упоминаются чуть ли не на каждой странице в ценном справочном издании конца XIX в. А. Арцруни “Физическая химия кристаллов”¹¹, популярном среди кристаллографов и в наши дни. В первые десятилетия XX в. на его работы неоднократно ссылался П. Грот в многотомной “Химической

---

⁸ Шептунова З.И. Заметка о Г.Н. Вырубове // Тр. ИИЕиТ. М., 1962. Т. 39. С. 283–287.

⁹ Поздеева И.В. Обзор архивных фондов личного происхождения Отдела редких книг и рукописей научной библиотеки МГУ // Вопросы библиотечной и библиографической работы. Опыт молодых специалистов. М., 1964. С. 147–168; Она же. Неопубликованные письма Г.Н. Вырубова к А.Н. Петунникову // Рукописная и печатная книга в фондах НБ МГУ: Сб. ст. М., 1973. Вып. 1. С. 117–128.

¹⁰ *Vant Hoff J. Stéréochimie. P., 1892. P. 15, 74, 78.*

¹¹ *Arzruni A. Physikalische Chemie der Krystalle. Braunschweig: Druck u. Verlag von Friedrich Vieweg und Sohn, 1893. S. 111, 172, 176, 197, 270–271, 305 etc.*

кристаллографии”¹² и особенно часто в более ранней книге “Введение в химическую кристаллографию”. Его цитировали профессор Коллеж де Франс М. Делепин, а также английский химик Л.И. Спенсер в монографии по редкоземельным элементам¹³. В 1914 г. в книге известного французского математика Ш.Э. Пикара о современной науке была дана высокая оценка вкладу Ф. Валлерана и Вырубова в определении понятия кристаллической частицы¹⁴. Его имя упоминается в ряде биографических изданий¹⁵, в том числе в справочнике современных ученых И. Поггендорфа (1926), где приведена библиография научных работ Вырубова, всего около 50-ти названий¹⁶. Позже ссылки на его работы в основном пропадают¹⁷; результаты исследований ученого вошли в обиход науки того времени, были адаптированы; научная мысль пошла дальше в своем развитии. Наступила очередь историков. Первые попытки оценить вклад Вырубова в естествознание были сделаны сразу же после его смерти. В некрологах, друзья покойного, в частности, химик А. Копо, его ученик, и кристаллограф Ф.Валлеран, обозначили основные направления творчества ученого¹⁸.

После Второй мировой войны два американских историка Д. Сартон и Г. Паул с интервалом почти в 30 лет обратились к эпизоду назначения Вырубова на Кафедру общей истории науки

---

¹² *Groth P.* Chemische Kristallographie. Leipzig, 1906. Teil 1. Этот грандиозный труд вышел в пяти томах (последующие части – 1908, 1910, 1917, 1919 гг.). Основные понятия, включенные ученым в это издание, были во многих чертах уже сформулированы в вышедшей несколько ранее небольшой монографии “Einleitung in die chemische Krystallographie” (1904). Здесь же ученый приводит множество экспериментальных подтверждений его теоретическим воззрениям, среди этих примеров упоминаются и труды Вырубова. В 1911 г. вышло русскоязычное издание книги (см.: *Грот П.* Введение в химическую кристаллографию / Пер. с нем. И.Л. Левинтова, Одесса: Mathesis, 1911), где о трудах Вырубова упоминается на стр. 26, 97 и др.

¹³ *Delépine M.* La théorie du charbon assymétrique // Bull. Soc. Chim. 1925. Sér. 4. T. 37/38, N 1. P. 39; *Spencer L.J.* Les métaux des terres rares. P., 1922. P. 8, 22.

¹⁴ *Picard E.* La science moderne et son état actuel. P., 1914. P. 223.

¹⁵ Например, см.: *Wyrouboff (Grégoire, Nicolas)* // Charle Ch., Telkés E. Les professeurs de la Faculté des sciences de Paris: Dict. Biogr., 1901–1939. P.: Inst. Nat. de Rech. Pédagog. Ed. CNRS, 1988. P. 242–243.

¹⁶ *Poggendorff J.C.* Biographisch-literarisches Handwörterbuch der exakten Naturwissenschaften. Leipzig; Berlin, 1926. Bd. 4. T. 4. S. 1675; T. 5. S. 1397.

¹⁷ Приятным исключением является работа: *Borène J., Solery J.* Structure cristalline de sulfates doubles hydratés de Wyrouboff // Acta crystallogr., 1972. Vol. 28. P. 2687–2694.

¹⁸ *Copaux H.* // Bull. Soc. Chim. 1914. Vol. 15. N 1; *Wallerant F.* //Bull. Soc. Franç. minéral. 1914. N 1.

в Коллеж де Франс¹⁹. Победа Вырубова над известным историком науки П. Таннери была оценена ими как торжество признанного идеолога позитивизма над высоким профессионалом. Сравнительно недавно известный историк науки, ученик Делепина, Ж. Жак (Коллеж де Франс) попытался проследить влияние доктрин позитивизма на химические представления Вырубова. Он подчеркнул, что эта тема еще практически не исследована и требует очень серьезного и всестороннего изучения²⁰. Его вывод подтверждают статья Б. Бенсод-Винсент²¹ и монография Х. Куббинга²². Одна из глав этой книги посвящена естественно-научному подтексту контовской теории трех состояний, ее генетической связи с физико-химической теорией трех состояний вещества, положенной в основу молекулярной космогонии Лапласа. Однако позиция Вырубова, названного в противоположность “отступнику” Литтре “представителем позитивистской ортодоксии”, по отношению к молекулярной теории остается невыясненной. Пока что связь между философией позитивизма и естественно-научными работами Вырубова – самая темная страница его творческой биографии. При этом факт его сотрудничества с Литтре в пропаганде учения О. Конта отмечали многие западноевропейские историки позитивизма²³.

Нельзя сказать, что попыток написать научную биографию Вырубова совсем не делалось. Такая биография принадлежит его другу – московскому ботанику А.Н. Петунникову. Неопубликованная рукопись его “Воспоминаний о покойном друге” хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в фонде Вырубова²⁴. Однако Петунников свел до мини-

¹⁹ *Sarton G.* Paul, Jules and Marie Tannery (with a note on Grégoire Wyruboff) // *Isis.* 1947. Vol. 38. Pt. 1, 2. N 111, 112. P. 33–51; *Paul H.W.* Scholarship and ideology: The chair of the general history of science at the Collège de France, 1892–1913 // *Isis.* 1976. Sept. Vol. 67. N 238. P. 376–397.

²⁰ *Jacques J.* Grégoire Wyruboff (1843–1913) et la chimie positive. Рукопись. Личный архив Е.А. Зайцевой.

²¹ *Bensaude-Vincent B.* Littré et la chimie: histoire d’une méconnaissance // *Actes du colloque Émile Littré.* P., 1981. P. 245–254.

²² *Kubbinga H.* L’histoire du concept de “molécule”. P., 2002. Т. 2 (Chap XII: “Positivisme et molécularisme: Auguste Comte. P. 559–598.

²³ *Simon W.M.* European positivism in the nineteenth century: An essay in intellectual history. N.Y., London, 1963; Premier centenaire de la morte d’Émile Littré // *Rev. synthèse.* 1981. Vol. 106; Auguste Comte. Qui êtes-vous? Lyon., 1988.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. 162. Помимо упоминавшейся выше библиографии Погендорфа список научных работ Вырубова приводится в приложении к статье А. Копо (см.: *Сораух Н.* Wyruboff: Liste chronologique des travaux // *Bull. Soc. Chim.* 1914. Т. 15. P. XV–XXI). Библиографии научных работ Вырубова, составленные Петунниковым и Копо, дополняют друг друга. Если добавить к библиографии Петунникова (немного бо-

мума биографические подробности и опустил тему своего участия в судьбе Вырубова. Биография написана на материале писем Вырубова к автору. Во французском эпиграфе “Воспоминаний” он дал понять читателю, что слишком любил своего друга, чтобы относиться к нему критически. Действительно, критика в его “Воспоминаниях” отсутствует, но есть попытка систематизировать вырубовское научное и философское наследие. Для современного исследователя рукопись Петунникова интересна особенно тем, что транслирует часть вырубовских писем, труднодоступных в оригинале из-за большого объема и сложного почерка их автора. Петунников приложил к “Воспоминаниям” перечень философских и естественно-научных работ покойного друга, всего около 300 названий, это – наиболее полная из всех имеющихся библиографий.

Запаздывание интереса к изучению личности и творчества Вырубова скорее всего связано с тем, что по меркам недавнего времени его нельзя было отнести к “прогрессивным” деятелям. Добровольный изгнанник, хотя и чуждый интересам революционной эмиграции, он при жизни вызывал неприязнь у официальной власти, а у либералов – чувство настороженности. Некоторые современники и друзья даже сетовали, что этот исконно русский по духу человек сделался “добровольным иностранцем”. Первым это сожаление высказал А.И. Герцен, затем его повторили П.Д. Боборыкин и М.М. Ковалевский. К.А. Тимирязев был одним из немногих, кто принял мотивы эмиграции Вырубова. Его воспоминания о Вырубове, философе, естествоиспытателе и человеке, написанные в 1914 г., поражают своей доброжелательностью и уважительным отношением к герою. Тогда еще можно было писать о позитивизме и о Вырубове с симпатией. Когда в 1939 г. этот очерк переиздали, комментаторам пришлось прибегнуть к идеологическим штампам своего времени²⁵.

Шлейф подозрительности потянулся за Вырубовым в советское время. При публикации адресованных ему писем П.Л. Лав-

---

лее полной) недостающие названия из списка Копо, получится, что ими выявлено около 130 научных работ Вырубова. Вырубов издал также около дюжины своих статей из журнала “Позитивная философия” отдельными брошюрами. Их названия приводятся в книге Г. Геннади (см.: *Gennady G. Bibliographie des ouvrages français publiés par des russes. Dresde, 1874. P. 81*). Наиболее полная библиография его работ по 1909 г. приведена в книге “Записка о работах Г. Вырубова”, изданной на средства автора и хранящейся в Архиве Коллеж де Франс (см.: *Notice sur les travaux de M.G. Wyruboff. Professeur au Collège de France. P., s.a. (ACF. C-XII)*).

²⁵ Тимирязев К.А. Григорий Николаевич Вырубов: Обрывки личных воспоминаний // Наука и демократия: Сб. ст., 1904–1919. М., 1929. С. 91–103; то же см.: Тимирязев К.А. Сочинения. М., 1939. Т. 9. С. 81–97.

рова автор исторического очерка и комментариев Е. Казанович представила Вырубова как “холодного эгоиста”, богатого барина, безбедно проживающего в Париже вдали от забот многострадального отечества. Даже немалые услуги, которые Вырубов по просьбе Лаврова оказывал русским политическим эмигрантам, не смягчили Казанович. Она расценила их как проявление некоего поверхностного “джентльменства”, а не как отражение сущности гуманной природы Вырубова²⁶. В этом портрете при всем его видимом правдоподобии мало правды. Но он соответствовал принятым в ту пору представлениям о людях, подобных Вырубову.

В конечном счете, время сняло пелену предубеждения с глаз потомков и позволило вдумчиво и спокойно оценить все, что сделал этот неординарный человек для науки и культуры XIX в.

Перед биографом Вырубова стоит ответственная и увлекательная задача. Все, что было написано о нем до сих пор, неполно, чрезвычайно противоречиво, изобилует фактическими неточностями. Даже при беглом знакомстве с его жизнью и деятельностью личность Вырубова поражает своей яркостью и необычностью. Исследователя ждет неподнятая целина богатейшего архивного материала. Он чувствует себя следопытом и почти участником событий, пробираясь по лабиринту вырубовских писем. Из его огромного эпистолярного наследия, хранящегося в Москве, опубликована только малая часть: 2 письма А.И. Герцену, автографы которых хранятся в РГАЛИ, и письма П.Л. Лаврову из собрания ГАРФа²⁷. Остальные документы – письма кн. А.И. Урусову, А.Н. Петунникову, Н.А. Тучковой-Огаревой, секретарю МОИПа К.И. Ренару (архив МОИП), не тронуты исследователями.

Истинной жемчужиной этого архивного богатства являются письма Вырубова Петунникову. Это – подробная хроника почти 50-летней жизни Вырубова в Париже, 640 дружеских посланий, испещренных бисерным почерком²⁸. Для биографа Вырубова они бесценны тем, что были написаны по горячим следам событий и дают возможность уточнить некоторые факты и даты.

В фондах РГАЛИ хранится упоминавшаяся рукопись Петунникова о Вырубове, частично использованная историками Б.С. Итенбергом и С.П. Карпачевым, а также письма отдельных русских корреспондентов, в том числе письма Натальи Александр-

²⁶ Письма П.Л. Лаврова Г.Н. Вырубову / Публикация Е. Казанович // Былое. 1925. Т. 32(30).

²⁷ Письма Г.Н. Вырубова А.И. Герцену // Лит. наследство. М., 1955. Т. 62. Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову, 1864–1889 // Ист. арх. 2001. № 4. С. 175–202.

²⁸ НБ МГУ ОР. Ф. 12 (Г.Н. Вырубова). Письма Г.Н. Вырубова А.Н. Петунникову. 1864–1913. Д. 1–50.

ровны Герцен, и несколько единичных писем Вырубова русским адресатам.

Основной массив писем русских корреспондентов Вырубова – философа Е.В. де Роберти, журналистов В.Ф. Корша, Е.И. Рагозина, Э.К. Ватсона, опубликованные в советское время письма И.С. Тургенева были переданы вдовой Вырубова в Петербургскую академию наук. Там, в Архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) в фонде Вырубова они хранятся поныне вместе с автографами писем А.И. Герцена, его рукописным “Дневником” и оттисками его статей, переданными в Россию еще при жизни Вырубова. В этой коллекции документов особенно интересны письма Е.В. де Роберти как источник сведений о распространении философии позитивизма в России.

В Архиве Коллеж де Франс в Париже и в Национальном архиве Франции были обнаружены документы о деятельности Вырубова, связанной с его заведованием Кафедрой общей истории науки в Коллеж де Франс: служебная переписка, формулярные списки, материалы о работе кафедры²⁹. Была также просмотрена переписка Вырубова с известным немецким кристаллографом П. Гротом, находящаяся в архиве Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, включающая 16 писем³⁰.

Архивные документы обнажают внутренние пружины поступков и замыслов Вырубова, результатом которых явились многочисленные философские, естественно-научные и публицистические работы. Чтение его философских и научных статей, написанных по-французски, облегчает покоряющая ясность вырубовской мысли, что неоднократно отмечали его французские коллеги. Отечественный читатель может убедиться в верности этого наблюдения, прочитав русскоязычные публикации Вырубова.

Разумеется, авторам пришлось прибегнуть к литературным источникам: к воспоминаниям современников о Вырубове и его эпохе, к книгам и статьям по гражданской истории, истории позитивизма³¹, социологии, масонства, к сочинениям по истории науки и трудам некоторых естествоиспытателей – историков науки, к справочным изданиям и др.

Первые две части книги построены по хронологическому принципу, в них представлены ключевые моменты в жизни

²⁹ ACF. C-XII; AN (Dossier au Collège de France. Chaire d'histoire générale des sciences. F. 17/13555)

³⁰ Grothiana X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen-Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek. München. Письма Г.Н. Вырубова П. Гроту, 1885–1913.

³¹ В этой связи в работе широко были использованы богатые фонды библиотеки Maison des Sciences de l'Homme (Париж).

нашего героя в России и во Франции: его учеба, участие в общественной и культурной жизни Западной Европы, масонская и преподавательская деятельность, основные этапы научной карьеры, путешествия, окружение, друзья, семья. Третья часть освещает магистральные направления творчества Вырубова: его вклад в пропаганду философии позитивизма, работу естествоиспытателя в области химии, кристаллографии и минералогии, его публицистические опыты в русских литературно-политических журналах.

Творчество Вырубова далеко не исчерпывается названными сюжетами. Друзья отмечали, что он обладал всеми качествами, необходимыми для преуспевающего политика: пронизательным и живым умом, боевым темпераментом, прирожденным даром слова. Он не ввязывался в политическую борьбу, она слишком противоречила его внутреннему строю, его нравственным идеалам. Но он не чуждался вопросов политики, по духу он был политиком-теоретиком. В частности, он разрабатывал такую, все еще актуальную для Франции, проблему как соотношение принципов централизации и федеративного устройства, указывал в своих работах на опасность роста влияния военщины и военной диктатуры для гарантии демократических свобод общества. Вырубов попытался осмыслить роль России в балканском вопросе, в дальневосточном кризисе. Многие его замечания на этот счет отличались пророческой пронизательностью. Современники отмечали, что вырубовская критика организации русской армии в русско-турецкой войне оказалась вполне приложимой к событиям русско-японской войны, случившейся на 25 лет позже. Со страниц его писем и статей встает панорама французских политических нравов, русского и французского общественного движения, портреты политических деятелей и ученых и пр.

Опираясь на собственный опыт и наблюдения за здоровьем близких, Вырубов высказал много интересных суждений о современной медицине, о важности предупредительных мер, разумной гигиены и физического тренинга для предотвращения преждевременного старения организма, особенно частого у лиц умственного труда.

В вырубовских письмах предстает картина оскудения русской дворянской усадьбы в промежуток времени от тургеневского “Дворянского гнезда” до чеховского “Вишневого сада”, постепенного вырождения обитателей этих имений, дворян-помещиков, не сумевших приспособиться к обстоятельствам нового времени.

У Вырубова много рассуждений о нравственных устоях личности, о границах дозволенного в жестокой “борьбе за существо-

вание”. Психолог нашел бы в его письмах любопытный сюжет о “вагабондстве” (бродяжничестве) и об умственной и нравственной “оседлости” личности. Именно отсутствием таковой он объяснял болезненное “стремление к перемене мест” у некоторых своих знакомых. Даже метеоролог извлек бы полезную информацию из Вырубовских сводок о парижской погоде и его рассуждений о “чистом воздухе”, о новомодных понятиях циклонов и антициклонов. И много еще других тем можно найти в журнальных статьях и письмах Вырубова. Из-за недостатка места многие его наблюдения и рассуждения пришлось опустить.

Активная натура Вырубова приводила его в гущу политических и культурных событий времени. Он был знаком со многими выдающимися деятелями эпохи, в его окружении – много замечательных людей. Некоторые его друзья – Е.В. де Роберти, А.Н. Петунников, А.Г. Небольсин, Н.А. Тройницкий – незаслуженно забыты. Эта книга – попытка показать Вырубова во взаимодействии с друзьями и единомышленниками. Может быть, правильнее было бы назвать ее: “Г.Н. Вырубов и его друзья”.

При изучении биографии Вырубова обращает на себя внимание одно обстоятельство. При большом объеме деловой переписки и самой разнообразной информации Вырубов скуп на подробности своей частной жизни. Причина такой сдержанности связана с общей установкой позитивистов и масонов. Они полагали, что частное в жизни человека – это проявление крайнего индивидуализма, столь бурно расцветшего в буржуазном обществе, и считали достойным гласности лишь то, что имеет общий смысл. В таком ключе выдержана биография Вырубова, написанная Петунниковым. По его мнению, жизнь Вырубова, столь напряженно и плодотворно работавшего в различных областях творчества, должна этим творчеством ограничиться. Как уже отмечалось, в “Воспоминаниях” он сознательно опускает биографические подробности, которые знал как никто другой.

Недостаточность биографического материала относится прежде всего к “предыстории” Вырубова и ранним его годам. Такой материал пришлось собирать по крупицам, и он неполон. В добывании некоторых биографических сведений о самом Вырубове и его роде очень помог его внучатый племянник Николай Васильевич Вырубов. Верный традиции семьи, Николай Васильевич не остался в стороне от драматических событий своего времени. Он вступил добровольцем в патриотическое движение Ш. де Голля “Сражающаяся Франция” и с оружием в руках отстаивал честь своего рода, России и приемной родины Франции. За участие в борьбе с фашистами он был удостоен ордена Почетного легиона и редкой награды Креста Освобождения, высшего

знака воинской доблести³². Н.В. деятельно участвует в жизни русской общины в Париже, возглавляя в восьмидесятые годы Земгор. Он бережно хранит традиции и архив Вырубовской семьи, то, что связывает его с давними предками, те связи, которые сам Григорий Николаевич называл “святыми”. Николай Васильевич передал часть семейного архива в Россию, которая хранится в “Архиве русской эмиграции” дома-музея Марины Цветаевой в Москве³³. Авторы искренне благодарят Н.В. Вырубова за помощь в работе, за его материалы и ценные советы.

В генеалогических разысканиях неоценимую помощь своими советами и материалами оказал большой знаток родословия русского дворянства г-н Жак Ферран (Jaques Ferrand) при любезном содействии г-на Жоржа Иванова (Géorges Ivanoff). Авторы многим обязаны недавно скончавшемуся французскому историку науки г-ну Жан Жаку (Jean Jacques), предоставившему материалы из своего личного архива; профессору Мюнхенского университета, историку науки г-же Бригитте Хоппе (Brigitte Hoppe) за ознакомление с эпистолярным наследием Вырубова в архиве Баварской государственной библиотеки; Ю.А. Трубникову за доброжелательное посредничество при передаче иллюстративных материалов и О.Н. Зайцеву за помощь при оформлении настоящего труда.

Авторы глубоко благодарны сотрудникам московских архивов: ГАРФ, ОР РГБ, ОР НБ МГУ, РГАЛИ, МОИП, ЦИАМ, РГВИА; архивов РГИА, ИРЛ (Пушкинский Дом) в Петербурге, архива Коллеж де Франс в Париже и архива Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, помогавших в поисках документов.

Среди лиц, во многом способствовавших написанию этой книги, хочется особо выделить и высказать признательность Е.Н. Орловой и Н.И. Абдуллаевой из ГАРФа; И.Л. Великой, Г.А. Космолинской и Н.И. Шленской из Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета; И.В. Грачевой, Т.И. Гурьяновой из МОИПа, заведующему

---

³² В представлении к награде Н.В. Вырубов охарактеризован командованием как “прекрасный воин, воплощающий высокий дух служения Франции, своей второй родине” Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. 1993. С. 109).

³³ В 90-е годы Николай Васильевич подарил Фонду культуры четыре сотни томов русских сочинений, изданных за рубежом. Коллекцию гравюр и несколько живописных портретов великого князя Константина Павловича, его семьи и потомков, связанных родственными узами с князьями Львовыми, семейную реликвию родственника по отцу П.Д. Львова, он передал в музей Гатчины, где в свое время жил великий князь и князя Львова. Тургеневский музей в Орле получил от него в подарок редкое издание сочинений А.С. Пушкина и другие вещи тургеневской эпохи (Там же, с. 112).

“Архивом русского зарубежья” дома-музея Марины Цветаевой Д.А. Беляеву, г-же Мори (Maury) из архива Коллеж де Франс.

Большое участие в подготовке иллюстративного материала принимали заведующая иконотеккой ИИЕиТ РАН О.В. Севастьянова и сотрудницы Института М.А. Мокрова и С.В. Костина, за что приносим им свою сердечную благодарность.

Выражаем признательность сотрудникам Информационно-аналитического центра “Архив науки и техники” ИИЕиТ РАН, принявшим участие в обсуждении рукописи, и особенно тем коллегам, кто способствовал ее улучшению – ответственному редактору М.С. Бастраковой и рецензентам Б.А. Старостину и О.А. Вальковой. Хотелось бы сказать слова благодарности ученому секретарю серии “Научные биографии” З.К. Соколовской за деятельную поддержку работы от зарождения замысла до публикации рукописи.

Все исследования, проведенные во Франции и связанные с поисками документов о жизни и деятельности Вырубова в Париже, были выполнены благодаря поддержке “Дома наук о человеке” (Maison des Sciences de l’Homme, Paris) при активной помощи г-на Мориса Имара (Maurice Aymard) и г-жи Сони Кольпар (Sonia Colpart).

Между Россией и Западом

“Семейство, странствующее по Вселенной”

Родословная. Отец. Высоцкие. Мать.

Чужой среди “своих”. Дворянская усадьба.

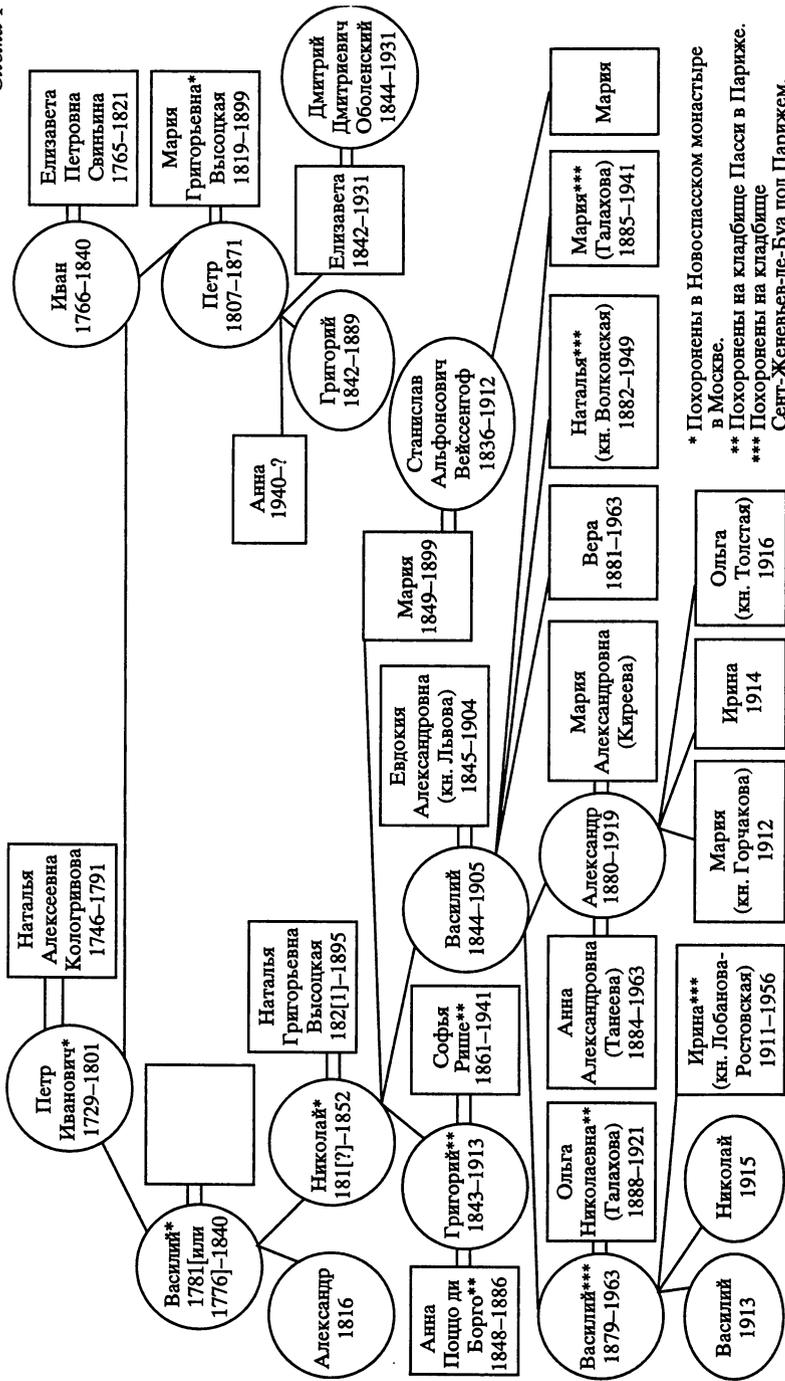
Поездка на юг Европы. Начало обучения. Лицей Бонапарта

Григорий Николаевич Вырубов родился 31 октября 1843 г. в Москве. В нем соединилась кровь двух старинных московских родов. Отцовская родословная восходит к XVI веку. Основатель рода Михайло Тимофеевич жил в начале столетия. В 1659 г. Иван Грозный пожаловал боярину Ивану Михайловичу Вырубому “за храбрость и верность” поместья и деньги. Дальние предки Григория Николаевича ходили “в головах и начальных людех” походами на крымских татар и Литву, были воеводами, копейщиками, конными ратниками. Во времена Империи служили в отборных частях – в рейторских войсках, гвардии, артиллерии¹.

О воинской славе предков свидетельствовал герб Вырубовых – натянутый лук и колчан со стрелами в лучах полуденного солнца. Этот герб вместе с другими свидетельствами знатности рода представил в 1792 г. в Московское дворянское собрание прадед ученого Петр Иванович. Действительный тайный советник, камергер и сенатор, он известен тем, что участвовал в дворцовом перевороте 1762 г. Начав службу в лейб-гвардии Измайловском полку, Петр Иванович занялся позднее гражданскими делами: управлял казенными винными заводами, во главе специальной комиссии изучал соляные запасы государства, с 1773 г. заседал в Сенате.

Он составил “Поколенную роспись рода Вырубовых”. По его ходатайству род Вырубовых и его собственное потомство были занесены в 6-ю часть дворянской родословной книги, в которую вписывались “древние благородные дворянские роды” Московской губернии. Отпрыски этих родов пользовались правом поступления в элитные учебные заведения и службы в привилегированных родах войск. Принадлежность к московскому дворянству

¹ ЦИАМ. Ф. 4 (Московское дворянское депутатское собрание). Оп. 17. № 206. Л. 2 об.; Оп. 14. № 395. Л. 18;

* Похоронены в Новоспасском монастыре в Москве.
 ** Похоронены на кладбище Паси в Париже.
 *** Похоронены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Шесть поколений Вырубовых (XVIII–XX вв.)
 (источники – см. на с. 19)

считалась особенно почетной. Для старинных родов она не означала территориальной привязки к Москве или Московской губернии, а свидетельствовала только о близости фамилии сначала к московскому, а затем и российскому престолу².

Прадед Григория Николаевича жил в Москве. Дед и отец в Москве бывали наездами и иногда крестили там детей. Вот почему сведения о близких родственниках нашего героя в архивах Москвы крайне скупы.

Василий, дед Григория Николаевича, как и 8 его братьев, был военным, закончил шляхетский сухопутный корпус. В 1805 г. он вышел в отставку в чине “артиллерии капитана”. Отец Григория Николаевича, Николай Васильевич, родился где-то в середине десятых годов XIX в. По семейной традиции начал службу в Измайловском гвардейском полку, в 1834 г. – прапорщик гвардейского стрелкового полка, в 1841 г. вышел в отставку в чине поручика.

Николай Васильевич унаследовал большие земельные владения в Пензенской губернии, его потомкам перешли также земли села Екатеринино Козловского уезда Тамбовской губернии. Они стали владельцами более 8 тыс. гектаров земли. Н.В. был записан в дворянскую книгу Пензенской губернии. В 1850 г. его имя единственный раз мелькнуло в списках дворян Московской губернии. Тогда же им было подано прошение о записи детей в родословную книгу московского дворянства. Просьба была удовлетворена осенью того же года³.

² Глуховская И.И., Романова С.Н. Указатель видов документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. – 1917 г.). М., 1979. С. 102; Родословный русский словарь, содержащий в себе историческое описание князей и дворян российских / Издан М. Свиридовым. М., 1793. Ч. 1. С. LXI; Соловьев Б.И. Русское дворянство и его выдающиеся представители. Ростов н/Д, 2000. С. 132.

³ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 17. № 17. Л. 21.

← К схеме 1

Источники: Руммель В. Вырубовы // Энцикл. словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. VII^A. СПб., 1892. С. 546; Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1799–1840. Ч. 2. С. 79; Ч. 7. С. 2; Бобринский А.Н. Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник. СПб., 1898. Ч. 1; Саитов В.И. и Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1–3. СПб., 1907–1908. Т. 1; Андерсон Вл.М. Русский некрополь в чужих краях. Вып. 1. Париж и его окрестности. Пг., 1915. С. 268; Герцен А.И. Собр. соч. / Под ред. М. Лемке. Т. 18. Л.-М., 1920. С. 248; *Ikonnikov N.F.* La noblesse de Russie. Paris, 1962; *Greziezine I.* Inventaire nominatif des sepultures russes du cimetière de Ste-Geneviève-des-Bois. Paris. Ed. J. Ferrand. 1995; Московское дворянство. Алфавитный список дворянских родов с кратким указанием важнейших документов, находящихся в родословных делах Архива Московский двор депутатского собрания. М., [1910]. С. 88; ЦИАМ. Ф. 4 (Канцелярия Московского дворянского собрания). Оп. 1. № 138, 371, 373, 400, 2346, 2354, 2949; Карпачев С.П. Массонская интеллигенция России конца XIX – начала XX века. М. 1998. С. 62, 126; Серков А.И. Русское массонство 1731–2000; Энцикл. словарь. М., 2001. С. 205–206, 1219; Н.Д. Лобанов-Ростовский. Воспоминания (записки коллекционера). Отд. оттиск. М. РАН, 2003. С. 66–77, 233–238. Некоторые сведения о семье Вырубовых любезно предоставил Н.В. Вырубов.

Григорий Николаевич вспоминал, что ему исполнилось семь лет, когда умер отец. Однако если привязать последующие события к единственно достоверно известной дате – времени поступления Григория Николаевича в Лицей – 1 января 1858 г., то получится, что в момент смерти отца в начале 1852 г. ему шел девятый год, брату Василию исполнилось 7 лет, сестре Марии – три года. Отец оставил у детей смутные воспоминания. О нем напоминали посаженный в 1850 г. сад и коллекция земледельческих журналов в скромной библиотеке родового отцовского имения Вырубовка Саратовской губернии.

В Москве были известны и другие представители рода Вырубовых. Родной брат деда Г.Н. генерал-лейтенант Иван Петрович Вырубов в 1827–1828 гг. был предводителем московского дворянства. Его сын, Петр Иванович, полковник в отставке, выпускник Института корпуса военных инженеров, “в походах не участвовал”, а занимался благоустройством Москвы. В 1840 г. 33-х лет от роду он вышел в отставку и женился на Марии Григорьевне Высоцкой, родной сестре матери Г.Н. Семья жила широко и богато. Петр Иванович, владевший землей в Рузском уезде, с середины 30-х годов стал депутатом, а в 1857 г. предводителем тамошнего дворянства. Он занимался составлением родословных книг московского дворянства и позаботился, чтобы в них было вписано все его потомство, кузены и кузины Григория Николаевича⁴.

Представители этих ветвей древнего вырубовского рода, связанные двойным родством, были дружны между собой и часто крестили друг у друга детей. Дружеские связи на протяжении нескольких поколений существовали у Вырубовых с родом Высоцких. Родословная запись Высоцких, родственников Григория Николаевича по матери, прослеживается с XVII в. Предки матери служили московским государям. Они являлись на войну в полном боевом снаряжении во главе небольшого конного отряда. На протяжении XVII в. пищали сменились пистолями, Высоцкие сражались с литовцами и поляками и были жалованы за это окладами и землями, высокими должностями стольников и окольничих. Их вотчина находилась в Костромской губернии, позднее к ней были присоединены ярославские земли.

В XVIII в. Высоцкие одинаково успешно подвизались на военной и гражданской службах. Прадед Г.Н., Петр Егорович Высоцкий, действительный статский советник, прокурор главного магистрата, был богатым помещиком, имел обширные владения в нескольких центральных областях России, в том числе и в Московской губернии. За ним было записано до полутора тысяч

⁴ Там же. Оп. 14. № 393. Л. 3–4; № 395. Л. 28–30; № 371. Л. 14; № 373. Л. 12.

крестьян. Некоторое время он был предводителем дворянства Рuzского уезда⁵.

Дед матери, Григорий Петрович-меньшой (1777–1833), родился в Москве. Был военным, но служил в армии недолго. Наиболее яркое событие его армейской карьеры – участие в 1799 г. в итальянском походе А.В. Суворова. В следующем году он уволился из армии с повышением в чине до штабс-капитана и с гражданским званием чиновника 11 класса. Его гражданская служба была связана с Ярославлем, где находилось наследственное имение. Он владел также землями в Костромской, Московской, Херсонской, Рязанской и других губерниях. Ему принадлежало два каменных дома в Москве. В 1826 г. он ушел со службы и жил в Москве в окружении многочисленного потомства. Его дети были состоятельными помещиками. Один из них, отставной гвардии штабс-ротмистр Александр Григорьевич, обзавелся имением на Рейне. Другой, поручик Петр Григорьевич, обитал близ Елисаветграда Херсонской губернии. О нем Г.Н. вспоминал как об умном, добром, честном и в известном смысле либеральном и симпатизирующем всякому знанию человеке. Он отличался необузданным нравом, и в этом чувствовалась “какая-то дикая ширь, какой-то азиатский разгул”⁶. Этому дяде суждено было сыграть важную роль в жизни подростка Гриши Вырубова.

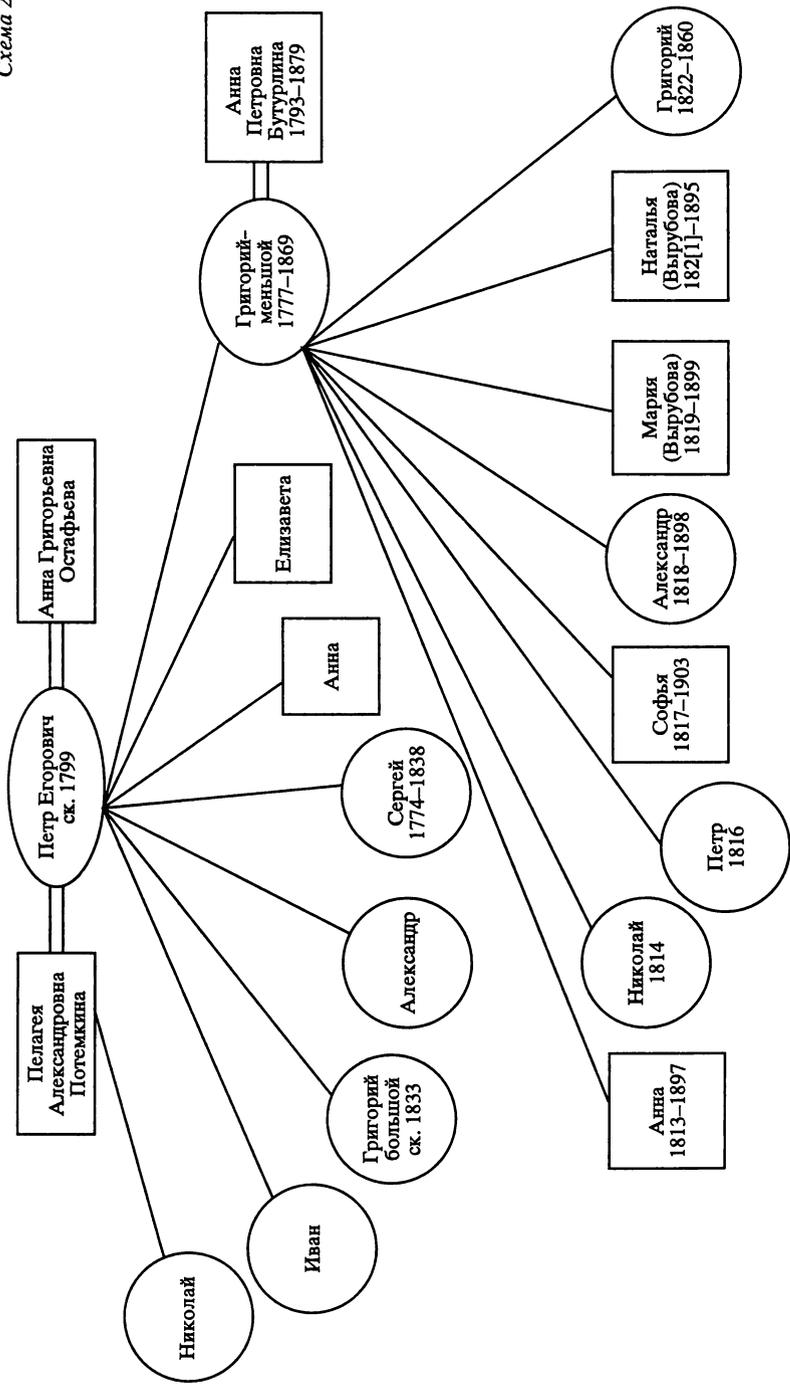
Представители материнского рода отличались физической крепостью и долгожительством. В конце 90-х годов, когда вскоре после смерти матери один за другим сошли в могилу ее брат и сестра, Г.Н. писал о Высоцких: “А крепкое это семейство, почти все умерли в глубокой старости, мало теперь таких примеров. Правда, живем мы теперь иначе, главное живем вдвое, если не втрое [быстрее. – *Авт.*]”⁷.

Дату рождения Натальи, будущей матери Григория Николаевича, можно определить лишь предположительно – 1821 г., следуя алгоритму рождения детей в семействе Григория Петровича Высоцкого. Наталья Григорьевна, став вдовой и будучи тамбовской помещицей, зиму проводила, следуя тогдашней моде, в одном из семейных имений, а с наступлением тепла отправлялась в заграничные путешествия. В одиночку или с детьми, в обществе друга семьи и дальнего родственника П.П. Свиньина она объездила многие страны Западной Европы. Ее маршруты напоминают заграничные странствия другой неутомимой путешественницы, героини популярной в 40–60-е гг. XIX в. поэмы И.П. Мят-

⁵ Там же. № 397, 399, 398.

⁶ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 10. № 93. Л. 211 об.; Карт. 2. Д. 31. № 355. Л. 761.

⁷ Там же. Карт. 3. Д. 34. № 422. Л. 905 об.

Высоцкие, материнская родня

Источники: ЦИАМ. Ф. 40. Оп. 14. № 306. Л. 22-23; № 397. Л. 35, 59, 74, 76; № 398. Л. 5, 7, 8 об.; № 401. Л. 24; № 402. Л. 1-5; № 403. Л. 1-3.

лева “Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей, дан л’этранже”, волею автора тоже тамбовской помещицы. Не списал ли Мятлев “мадам Курдюкоф” с Натальи Вырубовой? Конечно, госпожа Курдюкова – образ собирательный, это гротескный портрет ринувшихся на штурм Западной Европы русских провинциалов, хотя был у нее и вполне реальный прототип⁸. Наталья Григорьевна была много моложе грубоватой и простоватой литературной героини и в отличие от нее была женщиной умной, тонкой и образованной. Такой она запомнилась друзьям Вырубова. Она не имела комичной привычки Акулины Курдюковой пересыпать русскую речь французскими словечками, переходила на родной язык в редких случаях, когда хотела особенно сильно воздействовать на чувства собеседника. В обычных обстоятельствах она предпочитала общаться с людьми своего круга по-французски. Находила общий язык с друзьями сына, через него познакомилась с семьей А.И. Герцена. В предпочтениях ее сына русские знакомые находили следы “старофранцузского воспитания”, а в его поведении привитые семьей привычки московского барина.

Первенец Гриша разочаровал надежды матери. Она видела его дипломатом на службе русскому царю, а он стал ученым, сделался гражданином мятежной Франции, обзавелся женой-французенкой. В глазах высшего света, к которому принадлежала семья, он казался отщепенцем, подозрительной личностью, одно знакомство с которой бросало тень на партнера. “Отступничество” сына огорчало мать, служило поводом для чувствительных сцен, назойливых увещаний, назидательных посланий. Вырубов всегда поступал по-своему. Он пытался уклониться от ситуаций, грозящих взрывом сильных эмоций у матери. Высшей материнской мудростью Натальи Григорьевны было то, что она при всем несогласии с выбором сына никогда не становилась поперек его пути. Страсти со временем утихали, тайное становилось явным, мир в семействе Вырубовых восстанавливался, отношения между сыном и матерью оставались дружескими, именно ее вызвал Г.Н. к постели умирающей жены.

Вырубов охотно прощал матери все ее слабости – ее житейскую непрактичность, склонность к авантюрным и разорительным предприятиям, явное предпочтение, которое она оказывала многодетному брату при разделе имущества. Во многих ее чертах он видел свое собственное отражение. Он унаследовал от матери живой ум, сильный характер, энергию, предприимчивость, любознательность.

---

⁸ Записки гр. М.Д. Бутурлина 1838–1839 // Ист. арх. 1901. № 9. С. 98–104.

Семья Вырубовых состояла в родстве со многими старинными дворянскими фамилиями: Бибиковыми, Оболенскими, Колтовскими, Черкесовыми. Бутурлины, Свиньины, Майлевские были родственниками по матери⁹. Г.Н. мало интересовала его родословная. Это было время, когда в глазах образованных россиян превыше всего ценились личные достоинства и любовь к отечеству, а не аристократизм происхождения, когда обращение “товарищ” звучало доверительно и естественно в устах таких аристократов, как кн. П.А. Кропоткин или Д.Д. Оболенский¹⁰. По собственному признанию, Вырубов чувствовал себя среди “своих” белой вороной, настолько его жизненные понятия отличались от общепринятых представлений его среды. У людей своего класса Вырубов осуждал ничегонеделание, пустоту и бессмысленность существования, прикрытую массой светских обязанностей и развлечений. Он не раз отрекся от великосветских замашек своих родственников. Особенно его раздражали их необоснованные претензии на исключительность, неумение соотносить расходы с доходами, въевшаяся привычка сорить деньгами даже в стесненных финансовых обстоятельствах. Их неумную страсть “к перемене мест”, “блуждание по вселенной, когда сегодня не знают, где будут завтра”, он считал проявлением внутренней пустоты¹¹.

При этом Вырубов принимал близких со всеми их слабостями и недостатками, не пытаясь подгонять их к идеальным стандартам. Он любил брата, сестру, бабушку, живущую в Москве на Садовой, был внимателен к многочисленной отцовской и материнской родне. Из Парижа он вел “правильную” переписку с матерью, часто не получая ответа, писал брату и сестре, интересовался делами московских родственников. В Москве он исправно отдавал родственные визиты, присутствовал на семейных именинах и праздниках, хотя и досадовал на свой “домашний арест”. В отношении к родственникам сказывалась сила привычки и хорошее воспитание. И все же, когда бывала возможность, Г.Н. отправлялся в одно из семейных имений, минуя Москву.

Этот уроженец Москвы недолюбливал “первопрестольную”. В ней он видел оплот всего рутинного, застойного, ветхозаветного, что присутствовало в русской жизни. Она представлялась Вырубову “вертепом чиновничества”, где на одного работающе-

---

⁹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., 1803–1809. Ч. 2. С. 3, 9, 23, 56; Родословная князей и дворян российских и выезжих. М., 1787. Ч. II. С. 184, 302, 329, 422.

¹⁰ Чичерин Б.Н. Об аристократии, в особенности русской. Лейпциг, 1876. С. 105.

¹¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 64. Л. 154.

го приходится девять бездельников. Даже в начале XX в., когда было много сделано для благоустройства Москвы, она казалась Вырубову провинциальным, далеким от европейских стандартов городом. Сравнение с Петербургом всегда оказывалось не в пользу “белокаменной”¹².

У Вырубовых не было собственного дома в Москве. Они имели четыре имения и кочевали из одного в другое, останавливаясь иногда в гостиницах провинциальных городов – Козлова, Тамбова, Пензы, Саратова, Липецка. Чаще всего семья обитала в имении Екатеринино Козловского уезда Тамбовской губернии. Хозяйственные дела вел управляющий-немец. Само село с курными избами, крытыми соломой, имело неказистый вид. Зато господская усадьба была устроена с размахом. Барский дом с флигелями окружали многочисленные хозяйственные службы, обширный фруктовый сад, огороды, оранжереи, цветники. В доме были заметны следы “широкого барства”: хорошая обстановка, приличная библиотека русских и французских книг¹³. Так выглядела усадьба в начале 60-х годов. Позднее летом 1866 г. Вырубов обнаружил в доме модную новинку – бильярдную – и “итальянскую атмосферу”, по приглашению Натальи Григорьевны в доме гостил итальянский баритон. Гостей бывало много, но жизнь в доме текла размеренно в соответствии со строгим распорядком. Вырубов явно скучал в родительском доме, его тяготили “скучные развлечения”, вроде празднования именин членов семьи. Положение спасала богатая охота и те возможности, которые предоставлял для научных занятий регулярный образ жизни обитателей дома.

Отец Вырубова умер от скоротечной чахотки. Обеспокоенная слабым здоровьем сына Н.Г. отправила его вместе со своим братом Петром Григорьевичем на юг Европы. Там они провели 3 года. Жили в Италии, Швейцарии, на юге Франции. Дядя позаботился о физическом развитии мальчика, сделал из него ловкого гимнаста, меткого стрелка, искусного наездника, научил презирать опасность и лень, но образованием племянника не занимался. Г.Н. вспоминал, что к 10-ти годам он едва умел читать и писать.

Грише исполнилось 11 лет, когда задумались о его образовании. Мать выбрала Александровский (бывший Царскосельский) лицей, готовивший высокого ранга государственных чиновников и дававший блестящее общее образование. Она надеялась, что дипломатическая служба спасет сына от сурового климата Рос-

---

¹² Там же. № 57. Л. 139 об.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. Л. 18.

сии. Для поступления в Лицей нужно было знать латынь и три живых европейских языка. Через год после возвращения в Россию здоровье Гриши стало внушать опасения. В 1856 г. семья переехала в Париж. Для обучения детей были наняты домашние учителя. Позднее систему подбора домашних учителей “за 5 рублей” Вырубов оценивал как порочную, результаты занятий по такой программе как “самые небогатые, самые разноречивые”, сама наука, которую преподали ему некоторые учителя, казалась ему “куда как нехороша”¹⁴. Но и при такой системе, то ли благодаря выбору Н.Г., то ли по счастливой случайности, Вырубову достались достойные наставники. Настоятель русской православной церкви в Париже о. И. Васильев, по общему признанию, был одним из образованнейших представителей русского духовенства XIX в. Выпускник Московского университета, родом из “русских немцев”, ботаник Н.Н. Кауфман преподавал Григорию русский и немецкий языки. Его старания приобщить питомца к занятиям ботаникой оказались тщетными, но он на всю жизнь внушил Вырубову уважение к усидчивому труду исследователя. В Париже Вырубов экстерном в два года окончил Лицей Бонапарта (Lycée de Bonaparte), позже переименованный в Лицей Кондорсе (Condorcet). Здесь он получил хорошее знание латыни. Преподавание знакомило с миром античной истории, литературы и культуры. Г.Н. навсегда проникся любовью к этой начальной странице европейской цивилизации и считал, что знание античной истории и культуры необходимо для любого образованного человека¹⁵.

Александровский лицей 1858–1862

Учебная программа. Поездка за границу в 1859 г. Естественно-научное образование. Наставники. Достоинства лицейской подготовки

Через год семья вернулась в Россию и уже в декабре 1857 г. по настоянию матери, чтобы максимально сократить пребывание в Петербурге, Гриша сдал экзамены сразу на 3-й курс Александровского лицея. Ему едва исполнилось 14 лет.

Лицей был гражданским общеобразовательным учебным заведением закрытого типа для отпрысков потомственных дворян, хотя это правило во времена Вырубова часто нарушалось и в лицей принимались дети государственных служащих и преподавателей. Лицей давал своим выпускникам большие привилегии.

¹⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 49. Л. 123 об.

¹⁵ *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. СПб., 1910. С. 40.

Они могли служить во всех государственных ведомствах, особенно в министерстве внутренних дел. Медалисты получали чин IX разряда (всего их в тогдашней России насчитывалось 14), и это давало право поступать во все министерства и ведомства Российской империи.

Обучение продолжалось 6 лет, в 3-х старших классах подготовка велась по программе высшей школы и включала широкий круг предметов. Учебную программу отличало большое разнообразие богословских дисциплин на протяжении всего периода обучения. Много времени занимало изучение языков и словесности: русского, старославянского, латыни, французского, немецкого, английского. На старших курсах Лицея был широко представлен весь спектр юридических наук – история и все виды права. Преподавались отечественная и всеобщая история¹⁶.

Естественно-научная подготовка, по оценке Вырубова, была довольно слабой и бессистемной. В старших классах преподавали минералогию на немецком, ботанику – на английском, зоологию – на французском языках. Учителями были гуманитарии, и поэтому в ряде случаев изложение естественной истории было “до невероятия наивное, до безобразия неверное”¹⁷. В Лицее преподавали все разделы элементарной математики: алгебру, геометрию, начальную тригонометрию. Вырубову не нравился сам подбор дисциплин. По его мнению, можно было бы заменить описательные дисциплины науками, имеющими более широкое образовательное значение – космографией, механикой и т.п. Вырубов сожалел, что еще до его появления в Лицее был отменен курс механики талантливого математика П.Л. Чебышева.

В Лицее много занимались физическим воспитанием и внешней выправкой, практиковались уроки фехтования, верховой езды, танцев. По желанию можно было заниматься музыкой, обучаться игре на фортепиано и скрипке. Лицей давал базу для последующего научного образования. Своёкоштные ученики¹⁸, а именно к ним принадлежал Вырубов, получали право слушать университетские курсы и выезжать в Западную Европу для продолжения образования.

---

¹⁶ Селезнев И. Исторический очерк Императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие. СПб., 1861; Рубец А.А. “Наставникам, хранившим юность нашу”: Памятная книжка чинов Императорского Александровского лицея с 1811 по 1911 год. СПб., 1911.

¹⁷ Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. С. 12.

¹⁸ Своёкоштные ученики – ученики, находящиеся на собственном содержании, не получающие казенного кошта.

При поступлении в Лицей у Гриши Вырубова, по его воспоминаниям, несколько страдали русский язык и богословие. Камнем преткновения в первый год обучения стала для него латынь. Григорий Иванович Лапшин, преподававший предмет в полном отрыве от историко-культурного контекста Древнего мира, превратил его для Вырубова “в полной мере мертвый язык”. Подросток настолько запустил занятия, что чуть не остался на второй год.

Переломным стал 1859 г., когда пришлось взять годичный отпуск по состоянию здоровья. Вместе с матерью и гувернером, кандидатом права Московского университета, Вырубов отправился в Монпелье и Женеву. Женевская академия¹⁹ в ту пору не блистала роскошью лабораторий, но славилась первоклассными учеными. Вырубов стал посещать лекции химика Ж.Ш. Мариньяка, проводил опыты в лаборатории его ассистента. Из-за недостатка химических знаний он не вполне понимал лектора. Его поразило и навсегда покорило методологический, “философский” подход женевского ученого, неукоснительная требовательность к достоверности научных фактов и осмотрительная осторожность в выводах. В Женеве с помощью виртуозного толкователя Овидия Топфера Вырубов приобрел вкус к латыни и настолько продвинул свои знания, что сдал переходной экзамен с хорошей оценкой.

Заграничная поездка пробудила его интерес к занятиям наукой, прежде всего, философией. Этому же способствовала и встреча с Эдмоном Помье, преподавателем французской словесности в Лицее (1851–1865) и непосредственным учеником Огюста Конта. Он познакомил лицеистов с “суперцензурной” философией Конта. Вырубов признавался, что усвоение философии Конта было у него в ту пору поверхностным, но знакомство с ней нацелило на выработку философского мировоззрения и навсегда отвратило юношу от богословия и философского идеализма. Было еще одно положительное последствие, у молодого человека возникло желание продвинуть свое естественно-научное образование. Он оказался в числе тех воспитанников, кто занимался этим факультативно. Видимо, под впечатлением примера О. Конта, готовившего себя в молодые годы к карьере философа биологии, Вырубов стал посещать лекции Военно-хирургической академии, где прослушал курс профессора нормальной и патологической анатомии В. Грубера. В выпускном классе он выхлопотал

---

¹⁹ “Тогда в Женеве университета не было, – писал Вырубов в “Школьных воспоминаниях”, – а была так называемая “Академия”, что-то среднее между средней и высшей школой” (С. 13).

разрешение заниматься химическими опытами в скромной лицейской лаборатории. Г.Н. встретил сочувствие инспектора Лицея С.Г. Биркина, также интересовавшегося химией. По скудости знаний тот ничем не мог помочь любознательному ученику. Результаты самостоятельных опытов оказались более чем скромными.

Светлые воспоминания оставили преподаватели словесности: немец Р. Минцлов, француз Э. Помье, англичанин Ф.И. Шау. С благодарностью вспоминал Вырубов И.И. Ивановского, читавшего государственное право зарубежных стран, пытавшегося привить слушателям критическое отношение к предмету. Запомнились блестящие лекции А.В. Лохвицкого по истории русского права, который оживлял свой довольно сухой предмет обращением к фактам общей истории.

Вырубов учился с увлечением, особенно в последние годы, и окончил Лицей с серебряной медалью.

Он навсегда сохранил благодарность Лицею за широкое общее образование. В его время Лицей еще оставался высшей общеобразовательной школой. По отзыву Вырубова, он заложил фундамент для дальнейшей научной подготовки, привил привычку критического отношения к фактам, “которая вырабатывается ни одним каким-нибудь отделом знания, а из совокупности методов точных наук”. Вырубов гордился принадлежностью к элитарному учебному заведению, из стен которого вышло много видных государственных деятелей и ученых.

Московский университет

Студенческая среда. Преподаватели. Кандидатские экзамены. Поездка в Париж (1864–1865). Знакомство с французскими учеными. Увлечение биологией. Полемика с аббатом Муаньо. Поездка в Париж для подготовки диссертации (1865–1866). Заминка с защитой диссертации. Московское общество испытателей природы. Мотивы эмиграции

По окончании Лицея осенью того же 1862 г. Вырубов определился вольным слушателем естественного отделения физико-математического факультета Московского университета. Своёкоштные выпускники Лицея должны были отработать 2 года на государственной службе. Благодаря протекции товарища министра внутренних дел А.Г. Тройницкого, отца его однокашника, Вырубов устроился в канцелярию московского губернатора и

сразу же взял бессрочный отпуск “для совершенствования в науках”. Проволочки с оформлением заграничного отпуска утвердили желание покинуть государственную службу, что он и сделал в 1864 г., навсегда оставшись титулярным советником.

Университетская среда разочаровала Вырубова. Канули, по его наблюдениям, в прошлые 40-е годы с романтическим увлечением высокими идеалами. Стремление к “высокому” у части студентов Вырубов все же нашел, но оно было смутным и неявным. В начале 60-х годов, особенно после принятия университетского устава 1863 г., в высшие учебные заведения России хлынул поток разночинной молодежи. Среди студентов возобладал тип тургеневского Базарова. Приобретение знаний отодвинулось на второй план, основной целью стало получение диплома и устройство жизненной карьеры “ради куска хлеба”. “Фабрикой дипломов” называл Вырубов Московский университет. “Московский идеализм (Белинского и Грановского. – *Авт.*) уступил место петербургскому, прямо с Запада навеянному реализму”²⁰, – констатировал он. Вырубов находил такой порядок вещей вполне естественным, но сожалел, что деляческие интересы понизили уровень университетского образования. По его оценке, многие преподаватели существенно снизили уровень требований к себе и студентам, тон пытались задавать профессора-чиновники.

Наблюдения Вырубова о разношерстной и малообразованной студенческой публике Московского университета, среди которой было много провинциалов и разночинцев, где на дворянскую молодежь косились не только студенты, но и профессора, совпадали с впечатлениями его родственника кн. Д.Д. Оболенского, в ту пору студента юридического факультета университета²¹. Оба отмечали беспокойную атмосферу в университете, разжигаемую крайними радикалами. Вырубов появился в университете вскоре после студенческих волнений конца 1861 – начала 1862 г., приведших к столкновению с полицией и вызвавших жесткие репрессивные меры по отношению к зачинщикам этих событий. Выступления студентов отражали чаяния той части российского общества, которая требовала проведения радикальных реформ. Политический оттенок студенческому движению придавали агитаторы из “Народной воли” и представители польского кружка²².

---

²⁰ Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. С. 36

²¹ Оболенский Д.Д. Университетские воспоминания студента выпуска 1865 г. // Московский университет: Юбил. сб. Париж, 1930. С. 215–261.

²² История Москвы. М., 1954. Т. 4: Период промышленного капитализма. С. 303–312.

В отличие от Д.Д. Оболенского, пытавшегося просвещать фабричных парней, Вырубов не пошел в народ, не увлекся студенческой вольницей. Он всегда считал воздействие политических страстей на жизнь университета крайне вредным, так как они отвлекали от основной образовательной задачи высшей школы и затрудняли и без того сложную задачу проведения либеральных реформ. В этом случае он был вполне солидарен с идеологом “либерального консерватизма” Б.Н. Чичериным, который в пору перехода от одного гражданского состояния общества к другому зывал к спокойному благоразумию, к “разуму познающему и созидающему”, к нему он относил и науку²³. К тому же, Вырубов поставил перед собою четкую цель – приобрести знания и навыки, необходимые для самостоятельных исследований, и определил жесткие сроки – 2 года для усвоения всей университетской премудрости. При таком распорядке почти не оставалось времени для посторонних занятий.

Первым, кого встретил Вырубов в университете, был учитель его отроческих лет, профессор ботаники Н.Н. Кауфман. Он познакомил молодого человека со своим учеником Алексеем Николаевичем Петунниковым. При первой встрече Петунникову запомнилась некрасивая, но оригинальная внешность Вырубова, особенно его глаза и тембр голоса, выдававшие “живость натуры, огромную энергию и непреклонную волю”²⁴. Многие отмечали во внешности молодого Вырубова некоторую старообразность облика, почти болезненную худобу лица и высокой фигуры, легкую, летящую походку. Молодые люди подружились на всю жизнь, у Вырубова не было более преданного и душевного товарища. В университетские годы они были неразлучны.

Сначала Вырубов снимал квартиру на Поварской близ Арбатских ворот у своих родственников Майлевских. Он устроил там небольшую лабораторию и вместе с Петунниковым проводил химические опыты по количественному и качественному анализу. На правах вольнослушателей друзья стали посещать лекции третьего курса физико-математического факультета, но лишь немногие показались им интересными, и пришлось обратиться к книгам.

Уровень преподавания по выбранной им основной специальности – минералогии – также не удовлетворил Вырубова. Преподавали по-старинке, читали лекции “по тетрадкам” в отрыве от лабораторных и практических занятий. По сравнению с западными коллегами московские профессора казались Вырубову от-

---

²³ Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 12, 13.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 15 об.

ставшими в своих познаниях. В начале 1860-х годов в Московском университете только произошло разделение учебного курса минералогии и геогнозии на два отдельных²⁵: геогнозии и палеонтологии, который читал профессор Г.Е. Щуровский²⁶, и минералогии и кристаллографии, который стал читать с 1861 г. его ученик М.А. Толстопятов²⁷. Им обоим, как педагогам, Вырубов дал нелицеприятные характеристики в своих “Воспоминаниях”²⁸.

Особенно его раздражал молодой и не очень опытный Толстопятов. Как его охарактеризовал Вырубов, “в научном отношении это был квадратный корень, извлеченный из его учителя, от которого он отличался еще необычайной, неизлечимой ленью”²⁹. При преподавании минералогии и кристаллографии одним из главных

²⁵ В 1861 г. благодаря многочисленным ходатайствам профессора Щуровского произошло, наконец-то, разделение кафедры минералогии и геогнозии на две: геогнозии и палеонтологии (во главе нее остался Щуровский) и минералогии (возглавил кандидат Толстопятов). В 1863 г. Щуровский передал Толстопятову также заведование так называемым Малым минералогическим кабинетом с коллекциями учебного характера, см.: История геологических наук в Московском университете / Под ред. Д.И. Гордеева. М., 1962. С. 115–116.

²⁶ Щуровский – доктор медицины (1829), в 1835 г. занял кафедру минералогии и геогнозии на философском факультете Московского университета, тогда-то он и начал заниматься геологическими исследованиями. Специалисты ценят его как основоположника отечественной геологии и особенно подмосковной гидрогеологии. Труды ученого о подземных водах способствовали расширению московского городского водоснабжения (использование артезианских скважин). Он создал московскую школу геологов, известен как талантливый популяризатор научного знания (см.: Там же. С. 109–115; Райков Б.Е. Григорий Ефимович Щуровский. М.; Л., 1965).

²⁷ Толстопятов стал основоположником экспериментальной минералогии и кристаллогенезиса в Московском университете (см.: Егоров-Тисменко Ю.К., Дорохова Г.И. Прошлое и настоящее преподавания кристаллографических дисциплин на геологическом факультете МГУ // Проблемы кристаллологии. М., 1999. Вып. 5. С. 366–380; Чернов В.Г. Геологи Московского университета: Биографический справочник / Под ред. В.И. Смирнова. М., 1989. С. 221–222). В 1859 г. окончил Московский университет, с 1864 г. был назначен и.о. экстраординарного профессора, в 1867 г. защитил магистерскую диссертацию на тему “О причинах гетероморфизма углекислой извести”, в 1869 г. – докторскую.

²⁸ О Щуровском Вырубов писал: “у него мне нечему было поучиться; я и без него мог вычитать из книг все нужное”. Он признавал за Щуровским поздней поры солидные познания в области геологии, но умозрительные, не подкрепленные “экскурсированием” и личными наблюдениями, что объяснял его почтенным возрастом. Даже смерть Г.Е. Щуровского не изменила оценки Вырубова. В 1884 г. он, в сущности, повторил свое первое впечатление: “Бедный русский Мурчисон! Я уже, было, привык считать его бессмертным, потому что мне казалось, что в наше время ему было уже за 80 лет, до такой степени были допотопны его знания” (НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 138. Л. 299).

²⁹ Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. С. 43. Разница в годах между ними была невелика. И Вырубов взялся быть гидом “Тото” в путешествиях по Западной Европе в 1864 г. Он обязался показать своему “сожителю” Париж и

элементов курса должно быть “измерение кристаллов”, включающее в первую очередь определение углов между гранями кристалла. Углы, которыми пользуются при вычислении кристаллов, измеряются при помощи специальных приборов – гониометров. Толстопятов лишь показывал на своих лекциях этот инструмент. Заинтересовавшись кристаллографией, юноша на собственные средства приобрел гониометр и решил обратиться за помощью к своему преподавателю, чтобы тот объяснил ему процедуру “измерений”. Увы, совместными усилиями они так и не смогли измерить ни одного угла. Постигать премудрости экспериментальной геометрической кристаллографии пришлось Вырубову собственными силами.

Московский минералог навсегда остался в представлении Вырубова “архилентаем”, только тем и занятым, что “точил какие-то пластины и приклеивал к ним ярлычки с иероглифическими надписями”. Вырубов ставил в вину Толстопятову, что за несколько десятилетий преподавательской карьеры, он не научил ничему целый ряд поколений. Он ничего не читал по своему предмету, довольствуясь “тетрадками” Щуровского, а исследованиями не занимался³⁰.

Убийственной критике Вырубова подверглись физик Н.А. Любимов и его друг механик А.С. Ершов. Добыв популярность публичными лекциями и демонстрациями эффектных опытов, они оставались слабыми в области высшей математики, дисциплины, по разумению Вырубова, совершенно необходимой для любого представителя точных наук.

В своей “второй alma mater”, так называл Вырубов университет, он не нашел того, что так высоко ценил в Лицее – общеобразования. Он заметил в университете тенденцию к ранней и чрезмерной специализации. Претензии Вырубова связаны, вероятно, с тем, что он сразу попал на старшие курсы университета, предполагавшие специализацию. Его современник, студент физико-математического факультета В.Н. Линд, увлекавшийся зоологией, напротив, испытывал неудовольствие, что на первых общих курсах преподавание математики и сопутствующих ей точных дисциплин заслонило подступы к биологии и химии, которые, по его понятиям, были представлены слабо. Кстати, лекции Любимова показались ему весьма интересными³¹.

Берлин “во всем блеске удовольствий”. Молодые люди даже сфотографировались на память, но дружбы между ними не получилось. Вырубова раздражало “дремучее” невежество Толстопятова (НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 2. № 14. Л. 57).

³⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 25. № 263. Л. 576–578 об.

³¹ Линд В.Н. Воспоминания о моей жизни. Московский университет // Русская мысль. 1911. Кн. 7. С. 109.

Корифеем мании специализации Вырубов считал зоолога и антрополога профессора А.П. Богданова. В его лекциях по беспозвоночным, длившимся в течение 3-х лет, слушатели так и не узнали, как из гусеницы появляется бабочка³². Авторитет Богданова казался ему искусственно раздутым и подогретым окружающими его учениками, для которых профессор ловко добывал чины и награды³³.

Безыдейное, как ему казалось, коллекционирование минералов у Толстопятова, коллекционирование фактов на манер “послужного списка аммонитов” у Щуровского, демонстрация, то же коллекционирование научных экспонатов, как это делалось на выставках Богданова, представлялось Вырубому слишком узкой и чисто технической задачей.

Был ли справедлив Вырубов в критике преподавателей Московского университета? И да, и нет. В отношении Толстопятова он ошибался лишь отчасти. В.И. Вернадский приступил в 1890 г. к заведованию созданной по его инициативе минералогической лаборатории в Московском университете. Он отмечал, в “Дневниках”, не предназначавшихся для печати, что столкнулся с неисправностью научных инструментов, запущенностью минералогических коллекций, с отсутствием в библиотеке кабинета элементарных книг и журналов по кристаллографии и минералогии. Научная работа на кафедре не велась, преподавание было поставлено таким

³² *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. С. 38. А.П. Богданов уже при жизни получил широкое признание как талантливый организатор науки. Он был одним из основателей ОЛЕАЭ, организатором этнографического, политехнического и антропологического национальных конгрессов, чем способствовал созданию в более позднее время Политехнического и Исторического музеев. Он представлял отечественную науку на международных выставках и конгрессах, не говоря уже о собственно научных заслугах в области зоологии и истории науки. У Вырубова помимо всего прочего существовало неприятие личности московского зоолога, связанное с какой-то темной историей со студентом университета Львом Гольдсмитом. Вырубов и Петунников горячо вступились за “потерпевшего”, в чем довольно скоро раскаялись. Гольдсмит оказался типом проженного дельца, способного ради денег на любые низости. С тех пор и навсегда Богданов остался для Вырубова примером “антинравственности, одетой в парижский костюм последнего фасона” (НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 31. № 355. 760 об.). Биограф Богданова Б.Е. Райков не зря называл его “двуликим Янусом”. Многие либеральные интеллигенты были шокированы умением Богданова ладить со светскими и духовными властями, его неразборчивостью при добывании средств для научных предприятий, аляповатой небрежностью проводимых им рекламных акций в пользу науки. При этом забывали, что это делалось из бескорыстного побуждения поддерживать отечественную науку, в чем Богданов несомненно преуспел. (Райков Б.Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. М.; Л., 1959. Т. 4. Материалы к истории эволюционной идеи в России. С. 203–467).

³³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 31. № 355. Л. 761.

образом, что с приходом Вернадского на экзаменах посыпались почти поголовные двойки³⁴. Потребовалось несколько лет энергичных усилий, чтобы преодолеть эту разруху. Правда, в другой, опубликованной работе Вернадский отметил некоторый позитив в деятельности Толстопятова (считался блестящим лектором, оставил хорошую коллекцию минералов, дал широкую сводку литературных данных в компилятивной докторской диссертации)³⁵.

Современный историк науки И.И. Шафрановский считает оценку Вернадского “не совсем справедливой”, а вырубовскую характеристику “глубоко несправедливой”. Он приписывает это тому, что разрабатываемое Толстопятовым направление – кристаллогенезис природных минералов, лишь со временем обнаружило свою перспективность, а современниками не было замечено. Впрочем, Шафрановский вынужден был признать, что Толстопятов не утруждал себя письменным оформлением своих мыслей и оставленные им черновые материалы с трудом поддаются прочтению. Другие современные исследователи также отдают определенную дань Толстопятову как основателю в Московском университете исследований в области минералогической кристаллографии и кристаллогенезиса.

Вырубовские претензии относились скорее к самой системе организации кафедр минералогии российских университетов. До 90-х годов XIX в. они были подчинены естественным факультетам, ими, как правило, руководили геологи, высшая математика была полностью исключена из преподавания, физика преподавалась неполно³⁶.

Что касается других объектов вырубовской критики, здесь сказался субъективный взгляд на русскую науку, как отсталую, застойную, неумелую. Вырубов неправоммерно сравнивал молодую русскую науку со зрелой западноевропейской. Действительно, в его узкой специальности дела обстояли не вполне благополучно, но были области, где жизнь была ключем. Об этом свидетельствовали, например, правоведы Д.Д. Оболенский и И.А. Свиньин. После университетской реформы 1863 г. и в предшествующие годы сформировалась блестящая плеяда университетских профессоров-исследователей. Правда, Москва, по свидетельству К.А. Тимирязева, в этом процессе запаздывала. Во времена Вырубова здесь еще господствовал тип профессора – оратора на кафедре³⁷.

³⁴ Страницы биографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 87, 109.

³⁵ *Вернадский В.И., Курбатов С.М.* Земные силикаты, алюмосиликаты и их аналоги. М.; Л., 1937. С. 28.

³⁶ *Шафрановский И.И.* История кристаллографии в России. М.; Л., 1937. С. 98.

³⁷ *Тимирязев К.А.* Развитие естествознания в России в эпоху 60-х годов. М., 1920. С. 25–28.

Противопоставление себя “консерваторам”, которыми были, по его мнению, Щуровский и Богданов, составлявшие творческий потенциал Московского университета в 60–70-е годы, автоматически отстраняло Вырубова от исследовательской работы³⁸. Вырубов выступал как демократ, когда касался вопроса об использовании результатов исследований. Он рассматривал их как общее достояние, источник материального достатка, залог умственного и нравственного развития народа. Он приветствовал распространение знаний среди широких слоев населения. Что касается доступа к самим исследованиям, здесь он обнаруживал определенную корпоративную замкнутость. Вырубов считал, что занятие наукой – это удел немногочисленной группы людей, специальным образом подготовленных и имеющих необходимые способности. Он выступил как консерватор по отношению к демократичным формам преподавания и науки. Он скептически относился к общедоступным лекциям, научным съездам и выставкам, к новому типу научных обществ (Общество любителей естествознания, антропологии и естествознания – ОЛЕАЭ). Он полагал, что, привлекая дилетантов, они снижают профессиональный уровень исследований. В этом он не был одинок. Многие ревнители “строгой науки” поначалу окрестили ОЛЕАЭ обществом “губителей естествознания”³⁹. В отношении публичных лекций Вырубов был вполне солидарен с Б.Н. Чичериным, который рассматривал присутствие случайной публики на лекциях, как профанацию преподавания, превращение его “в общественную забаву”⁴⁰.

Оценка Вырубова-юноши во многом объясняется свойственным ему максимализмом и некоторым снобизмом человека, получившего элитарное образование и еще в детстве приобщившегося к европейской культуре. В зрелые годы “русский парижанин” мог судить о научной жизни на родине лишь опосредованно, из вторых рук: по письмам друзей и по редким в 60–70-е годы публикациям отечественных ученых в зарубежных журналах.

В пору своего обучения Вырубов повстречал нескольких профессоров новой формации. Это были: ученик Ю. Либиха, профессор химии Н.Э. Лясковский, который “облегчил уразумение самого трудного в науке – ее общих начал”, только что вернувшийся из-за границы специалист по анатомии и физиологии рас-

---

³⁸ *Кривошеина Г.Г.* Либералы и консерваторы в Московском университете // Институт истории естествознания и техники. Годичная конференция. М., 2003. С. 259–260.

³⁹ *Райков Б.Е.* Григорий Ефимович Щуровский. М.; Л., 1965. С. 68.

⁴⁰ *Чичерин Б.Н.* Несколько... С. 48–53.

тений С.А. Рачинский, зоолог С.А. Усов, талантливый астроном Ф.А. Бредихин. Эти профессора обладали самым ценным, как казалось Вырубову, качеством педагога, они умели пробудить у слушателей интерес к своему предмету.

К чести Вырубова следует заметить, что он рано понял бесплодность юношеского критицизма, уводящего в сторону от полезной работы. Он попытался заполнить лакуны университетского образования, объединившись с Петунниковым. Друзья выбрали немногие им интересные лекции, а основные усилия направили на самообразование. Летом 1863 г. в усадьбе Екатеририно они усердно готовились к кандидатским экзаменам, прошли несколько курсов по немецким и французским руководствам, а осенью продолжили занятия в Москве. Как вольнослушателям им предстояло сдать 22 экзамена за все 4 курса обучения. Вырубов снял для себя и брата Василия новую квартиру на Никитском бульваре в доме Иевлева напротив церкви Большого Вознесения, где венчался Пушкин. Дом был буквально набит студентами⁴¹. В этом доме над квартирой Вырубова помещалось фотоателье. Молодые люди договорились с хозяином и в отведенные им часы с увлечением занимались фотографированием, освоив довольно сложный процесс от полирования стеклянных пластин до проявления. Фотографирование, музыкальные дуэты, непродолжительные прогулки по Никитскому бульвару составляли короткие паузы в напряженных занятиях.

Молодые люди с энтузиазмом взялись за изучение университетских наук. Их нисколько не пугала зубрежка разных предметов, включая технологию и сельское хозяйство. На экзамене по сельскохозяйственной практике Вырубов получил единственную четверку. (“Очень уж я был слаб по части обрабатывания свекловицы”).⁴² Этот юношеский задор запомнился ему на всю жизнь: “Какие славные воспоминания остались мне о наших экзаменах. Помнишь ли ты это давнее и дорогое время?” – спрашивал он у Петунникова почти 30 лет спустя⁴³.

Годы обучения были освещены почти мессианским представлением о высоком назначении науки и служении ей: “Молодость, стремление к познанию истины, порывы вознестись на бесконечную высоту – разве это не хорошие воспоминания? Разные Толстопятовы, Богдановы, Кирилловы и прочая чушь исчезает в тумане, и остаются только светлые точки”⁴⁴. Отсутствие богатых

⁴¹ *Свиньин И.А.* Воспоминания студента 60-х годов за 1862–1865 гг. Тамбов, 1890. С. 130.

⁴² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 35. № 429. Л. 922 об.

⁴³ Там же. Карт. 2. Д. 30. № 343. Л. 738.

⁴⁴ Там же. Д. 31. № 355. Л. 761.

лабораторий и физических кабинетов, недостаток хороших профессоров не помешали, по наблюдению Вырубова, “проложить себе тропинку в огороде знания”⁴⁵.

Весной 1864 г. экзамены были успешно сданы. Возникли сложности с получением кандидатского диплома. Декан факультета А.Ю. Давыдов потребовал от молодых людей сдачи экзамена по богословию, хотя данный предмет отсутствовал в экзаменационных программах. Петунникову пришлось вновь засесть за учебники. Вырубов добился освобождения, сославшись на то, что уже сдавал экзамен по богословию в Лицее. Такая строптивость задержала получение диплома почти на год.

Вырубов не стал дожидаться этого события и в мае 1864 г. сразу же после сдачи экзаменов отправился сначала в Берлин и Трувиль, где жили родные, затем в Париж. Он пробыл там с сентября 1864 до лета 1865 г. Этот неполный год он использовал, чтобы завершить научное образование и подготовить магистерскую диссертацию.

Вырубов составил жесткий распорядок и неукоснительно придерживался его. Утро он посвятил занятиям кристаллографией, вечер – химией. Самостоятельный молодой человек был принят французскими учеными “в высшей степени радушно”. Во французской столице Вырубова интересовали не столько лекции, сколько лабораторные исследования близких ему по интересам ученых. Он познакомился с “милым и общительным господином” геологом Г. Добре, с известным уже палеонтологом А. Годри, кристаллографом А.Л. Деклазо, химиками Э. Фреми и Ф. Пизани. Он часто встречал “здешний ученый народ” в библиотеке Ботанического сада (Jardin des plantes). “Как-то иначе себя чувствуешь, какое-то особенно научное настроение овладевает, когда находишься в одной небольшой зале, наполненной сверху донизу книгами, где безмолвно сидят с гигантскими фолиантами такие личности, как Archiac (Э.-Ж.-Д. Аршиак. – *Авт.*), Miln – Edwards (А. Мильн-Эдвардс. – *Авт.*), Daubr e (Г. Добре. – *Авт.*)”, – изливал Вырубов свои восторги другу Петунникову⁴⁶.

Вырубов изучил минералогическую коллекцию Горной школы (L’ cole des mines), где ему помогал ее хранитель Ш. Фридель. Особенно сильное впечатление на него произвела одна из лучших в Европе коллекция ископаемых моллюсков Ж.-П. Дегея (“Я ничего подобного не видел даже во сне”). Здесь он работал часами под руководством “любезного хозяина”, с которым был

---

⁴⁵ Там же. Карт. 3. Д. 35. № 436. Л. 934 об.

⁴⁶ Там же... Карт. 1. Д. 1. № 4. Л. 14.

готов “говорить до бесконечности”⁴⁷. Некоторое время он занимался практической кристаллографией, т.е. определением формы кристаллов, измеряя углы с использованием гониометра. Его работами в Горной школе руководили Ш. Фридель и Г. Добре. Параллельно Вырубов изучил известную в Европе коллекцию машин и механических моделей Консерватории искусств и ремесел (Conservatoire National des arts et des métiers), присутствовал при анатомировании трупов, осуществлял геологические экскурсии в окрестности Парижа.

Знакомство с “классическим Фреми”, который одобрил тему его диссертации “о цвете кристаллов”, несколько разочаровало Вырубова. Он выбрал для занятий химией частную лабораторию Ф. Пизани. Этот полуфранцуз, полуитальянец был женат на русской и имел русское подданство. Он охотно принимал всех желающих, в его лаборатории знаменитый французский химик Ш. Жерар, “один из великих творцов унитарной теории извлекал себе насущный хлеб”⁴⁸. К Пизани заглядывали многие русские минералоги, они покупали у него камни для коллекций.

Как сторонник опытного естествознания Вырубов высоко ценил экспериментальные способности исследователя, проявлял постоянный интерес к новому лабораторному оборудованию. “Усвоить себе способы исследования науки, а не сами предметы исследования”, – такую задачу поставил он перед собой, посещая лаборатории знаменитых естествоиспытателей⁴⁹. Его основные усилия были направлены на то, чтобы “завести себе технический арсенал”. Он писал Петунникову: “Я исключительно обратил внимание на научную практику, на те способы, с которыми должны мы препарировать физическое явление”⁵⁰. Он находил такое времяпрепровождение довольно скучным, но настаивал на необходимости такой выучки. Очень скоро Вырубов освоил навыки, необходимые для каждого экспериментатора: научился выдувать химические стеклянные приборы, приготавливать пластины для поляризационного микроскопа и необходимые препараты для исследований⁵¹.

Вырубов всегда был равнодушен к наиболее рациональным методам исследования, способным сберечь силы и время экспериментатора. В лаборатории Пизани его заинтересовал оригинальный способ анализа кремниевых соединений, предло-

---

⁴⁷ Там же. № 7. Л. 26 об.

⁴⁸ Там же. № 9. Л. 38.

⁴⁹ Там же. Д. 2. № 11. Л. 45 об.

⁵⁰ Там же. № 14. Л. 58.

⁵¹ Там же. Л. 53.

женный Сен-Клер-Девилем, требовавший втрое меньше времени, чем прежний⁵². В Париже Вырубов поспешил познакомиться с мастерами микроскопических исследований: ботаником Шютеном и физиологом Ш. Робеном, будущим соратником по пропаганде позитивизма. Он навсегда сохранил интерес к технике микроскопических исследований, следя за сочинениями в этой области Ш. Робена и Фурниля.

Те же требования рациональности, простоты, удобства предъявлял Вырубов к научным инструментам. Он стал постоянным клиентом известного поставщика научных инструментов Нашё. В ноябре 1864 г. Вырубов заказал ему партию научных инструментов и приобрел прибор для шлифования пластин, поляризационный аппарат, гониометры Волластона и Бабине и проч. Нашё консультировал Вырубова и Петунникова по части всяческих инструментальных новшеств. Особый интерес оба друга проявляли к оптическим приборам: призмам, линзам, объективам, лупам. Их консультантом в этих вопросах был оптик Солей. Вырубов всегда был чувствителен к новинкам технической мысли. Его чрезвычайно заинтересовала возможность использовать фотографию в кристаллографии “для перенесения проекции тела на горизонтальный план”⁵³. В течение нескольких лет предметом его воцелений был микроскоп с прилагаемой к нему фотографической камерой, который “на вид бесподобен”⁵⁴.

Жизнь в Париже оказалась втрое дешевле, чем в Москве. Вырубов свел к минимуму свои личные расходы, сэкономленные деньги он употребил на покупку научных инструментов, а также приобрел коллекцию кремниевых минералов из 400 экземпляров, полагая, что предпочтительнее иметь полное собрание “одного (вида. – Авт.) минерала, нежели всего понемногу”⁵⁵. С помощью Дегея он составил богатую, едва ли не лучшую в России, коллекцию ископаемых моллюсков парижского бассейна третичного периода⁵⁶.

Свои экспериментальные исследования Вырубов рассматривал как фундамент для широких обобщений. Собирая естественнонаучные коллекции, приобретая умение определять минералы, он менее всего преследовал цель превратиться в коллекционера. Для него было важно изучить сопредельные с кристаллографией дисциплины – минералогию, химию, физику, “такие

---

⁵² Там же. № 11. Л. 45.

⁵³ Там же. № 13. Л. 50.

⁵⁴ Там же. Д. 3. № 29. Л. 86.

⁵⁵ Там же. Д. 2. № 11. Л. 44.

⁵⁶ Эту коллекцию он затем подарил МОИП.

орудия, с которыми можно смело идти по минералогическому полю”⁵⁷. В Париже Вырубов занимался этими дисциплинами, а также математической кристаллографией и сферической тригонометрией, химическим анализом и теоретической химией, практической палеонтологией (разбирал и классифицировал свои коллекции), изучал геологию Н.И. Кокшарова и выводил его “невозможные уравнения”⁵⁸. Особенно серьезно он занимался математикой, так как считал, что без знания высшей математики, без умения производить математические вычисления самой высокой сложности, немыслим современный минералог.

Первым гидом Вырубова по научному Парижу был Э. Губер. В 1862 г. этот “парижский физик” стал членом Московского общества испытателей природы⁵⁹. О нем известно также, что он преподавал математику в подготовительных классах Политехнической школы, писал книгу о низших животных, интересовался палеонтологией и первобытной историей. А.Н. Петунников вспоминал о нем, как о человеке неистощимой энергии и большой доброжелательности. Его кипучая деятельность послужила причиной внезапной смерти в июле 1868 г.

Губер водил Вырубова по окрестностям Парижа. Там они изучали геологию парижского третичного бассейна. В 1864 г. Вырубов взялся за перевод на французский язык книги Р. Лейкарта о паразитах. Его чрезвычайно заинтересовали “бактерии, вибрионы и прочая мелюзга”⁶⁰. Он обратил внимание Петунникова на работу французского гельминтолога К.Ж. Давена, открывшего присутствие бактерий в крови больных тифозной горячкой и сибирской язвой и считавшего их возбудителями этих болезней. Наблюдения Давена подтвердили опыты К. Бернара и, по мнению Вырубова, превратили их в “факт необыкновенной верности”.

Тогда же, по предложению Губера и в соавторстве с ним, Вырубов согласился писать статью о паразитах. Он прочел много книг по биологии, в том числе работы А.П. Богданова, побывал в клинике кожных болезней Сен-Луи (Saint-Lois). Он изучил наружных паразитов растительного и животного происхождения и попытался провести “философскую идею” о зависимости организма от внешних условий⁶¹. Вырубов преуспел в этой работе настолько, что скоро стал научным консультантом Губера, “полного игноранта” по части сочинений иностранных авторов.

⁵⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 2. № 11. Л. 45.

⁵⁸ Там же. Д. 1. № 3. Л. 10; Д. 2. № 4. Л. 14.

⁵⁹ Bull. Soc. Imp. natur. Moscou. 1862. N 1/2. P. 26, 35..

⁶⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 2. Л. 6 об.

⁶¹ Там же. № 6. Л. 23 об.

Увлечение биологией оказалось настолько сильным, что Вырубов очутился на перепутье между “царством органической и неорганической природы”. “Стою пока одной ногой в органической и двумя в неорганической природе. Долго ли будет сохраняться эквilibrium и скоро ли перетянет первое, не могу еще сказать. Но я с большим наслаждением перечитываю трактаты о кожных болезнях, пересматриваю рисунки различных паразитов”, – писал он Петунникову в 1864 г.⁶² Интерес Вырубова к биологии демонстрирует его внимание к спору “пушотистов и пастеристов” о самопроизвольном зарождении. Весной 1865 г. он побывал на лекциях специально прибывшего из Тулузы защитника теории самопроизвольного зарождения Н. Жоли. Вырубов нашел, что Жоли ничего не добавил к решению вопроса, что сама постановка доказательства неверна – нельзя найти причину явления в конечном результате жизнедеятельности организма. Это – вращение в пустоте, и никакой микроскоп этому не поможет. Однако он признавался, что аплодировал лектору из-за “либерального, антиакадемического духа” его выступления⁶³. Известно, что Пуше подвергся критике Пастера, академика и клерикала⁶⁴.

После недолгих колебаний Вырубов остался в мире неорганической природы. Интерес к биологии, особенно к практической медицине, он сохранил навсегда. Ряд философских статей, связанных с биологическими проблемами, был им напечатан в журнале “Позитивная философия” (например, “L’influence metaphysique en biologie”). В 1884 г. его пригласили написать предисловие к французскому переводу работы И.М. Сеченова.

Работа по заранее составленному плану позволила сэкономить силы и в небольшой срок завершить научное образование.

⁶² Там же. № 4. Л. 14.

⁶³ Там же. № 13. Л. 53 об.

⁶⁴ В 1858 г. директор Музея естественной истории в Руане Пуше направил в Академию наук статью “Заметка о простейших растительного и животного происхождения, самопроизвольно зарождающихся в изолированном воздухе и кислороде”. Заметка эта начиналась следующими словами: “В тот момент, когда, основываясь на достижениях науки, некоторые естествоиспытатели пытались или ограничить область возможного самозарождения, или совершенно опровергнуть эту возможность, я предпринял серию опытов с целью пролить свет на этот столь спорный вопрос”. В ней ученый объявил, что берется показать, как добиться зарождения “мельчайших животных и растений в среде, совершенно изолированной от атмосферного воздуха, в которую, следовательно, не может быть занесено никаких зародышей организованных существ”. Своими ответными опытами Пастер пытался доказать, что эксперименты Пуше были выстроены не совсем тщательно. Что ему в конечном итоге и удалось отстоять при активной поддержке Академии в годы Второй империи (см.: *Валлери-Радо Р. Жизнь Пастера. М.: Изд-во иностр. лит., 1950*).

Оглядываясь на прожитое время, Вырубов остался “не совсем им недоволен”. В письме к Петунникову он сообщал о “на диво удовлетворительных результатах”⁶⁵. Один поступок того времени свидетельствует о том, что Вырубов уже подумывал о возможности покинуть родину. Он даже нашел для себя подходящее поприще. В 60-е годы XIX в. волна антиклерикальных настроений захлестнула Францию. Благодаря усилиям позитивистов религиозные догмы в сознании французов стали уступать место научным принципам⁶⁶.

Вырубов решил поучаствовать в этой работе. В начале 1865 г. он вступил в полемику с известным французским математиком, аббатом Ф. Муаньо, который представил математические доказательства существования Бога. На страницах научно-популярного журнала “Вестник наук” (*Courrier des Sciences*) Вырубов привел опровержение доказательств Муаньо и обменялся с ним несколькими статьями. Неожиданно в этот спор вмешался журнал русской православной церкви в Париже “Христианский союз” (*Union chrétienne*). Оппонентом Вырубова с весьма ядовитой статьей выступил перешедший в православие французский аббат В. Гетте. Этому предшествовали собеседования Вырубова с аббатом об отступниках ортодоксальной веры Э. Ренане и Д.Ф. Страусе. Гетте пытался вернуть молодого человека на путь “истинной веры”. Вырубова возмутили “инквизиторские” замашки русских “попов”. С их вмешательством история могла бы получить нежелательную огласку на родине. Вырубов счел за благо отказаться от полемики в богословском журнале. Он сообщил о своем намерении в “Христианский союз” и просил рассматривать его письмо, как сугубо частное и не публиковать его. Редакция все же напечатала письмо, снабдив его соответствующим комментарием⁶⁷.

Сгоряча Вырубов хотел подать в суд за нарушение авторских прав. Но ограничился тем, что издал отдельной брошюрой все документы и письмо Э. Губера в свою защиту⁶⁸. На советы Петунникова вести себя осторожнее он ответил, что защищает общий принцип. Он считал своей обязанностью позитивиста выступить против “фаталистического отношения” к жизни, препятствующего развитию философской мысли. “Без сомнения, это еще мелочная борьба, это пропаганда в микроскопических размерах,

⁶⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 9. Л. 49.

⁶⁶ *Paul H.W. The crucifix and the Crucible: catholic scientists in the Third republic // Catholic Historical Review. 1972. Vol. 58, N 2. P. 196.*

⁶⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 2. № 12. Л. 47 об.

⁶⁸ *La science vis-à-vis à réligion par m.m. Gr. Wyruboff et Ém. Goubert. P. 1865.*

но надо с малого начать, чтобы дойти до большего”, – резюмировал Вырубов⁶⁹.

Он думал, что неуязвим для русской цензуры, так как не вступил в спор с русскими “попами”. Его поступок все же стал известен на родине. “Современное обозрение” напечатало анонимную заметку под названием “Опасный друг”, авторство которой приписывается М.Н. Каткову (1865. 24 окт. № 40. С. 15). Основной яд критики был направлен против Губера, который выставил самозванцем (Губер представил Вырубова как доктора естественных наук) самонадеянного юнца. Ему можно было бы простить грехи молодости, если бы не “тон холодной самоуверенности, с какой молодой человек считает себя счастливым обладателем и глашатаем истины, делая в то же время ученические промахи”.

После этой заметки у Вырубова появились опасения, что его особой заинтересует российская полиция. При возвращении в Россию были приняты меры предосторожности – ничего недозволенного в багаже. В случае перетряски вещей при пересечении границы нашли бы только библию и катехизис Филарета для сестры. “Авось с такими хоругвями не будут на меня злобно смотреть”, – надеялся Вырубов⁷⁰. С полицией на этот раз обошлось, но университетское начальство встретило его “кисло”.

Летом 1865 г. Вырубов и Петунников в имении Екатеринино готовились к магистерским экзаменам. Тогда же они совершили экскурсию по “тамбовским пустыням”. Воспоминание об этом путешествии сопровождало Вырубова всю жизнь. В 36-тиградусную жару “под сенью нашей палатки, хранимые нашими псами”, друзья прошли по долине реки Воронеж до Липецка, и там, “на водах”, познакомились с П.Д. Боборыкиным⁷¹. Вырубов изучал прибрежные девонские отложения, Петунников – флору тамошних мест. Попутно Вырубов “натаскивал” друга в разговорных немецком и французском языках. Тогда же в газете “Тамбовские губернские ведомости” (1865. 15 июня) он обратился к местным помещикам с просьбой указать на существующие в губернии каменоломни⁷².

Осенью, сдав магистерские экзамены, друзья отправились в Париж, захватив с собою Боборыкина и младшего брата Вырубова. Они поселились в Латинском квартале. За посещением театров и всяческими увеселениями не забывали о занятиях. Губер опекал молодых людей, был их неизменным гидом в экскурсиях

---

⁶⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 2. № 12. Л. 48, 48 об.; Д. 1. № 4. Л. 50, 51 об.

⁷⁰ Там же. Карт. 1. Д. 2. № 4. Л. 55 об.

⁷¹ Там же. Карт. 2. Д. 20. № 171. Л. 363.

⁷² РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 38 об.

по окрестностям Парижа, водил в клиники, в бараки с холерными больными, в анатомический театр. Осенью из-за эпидемии холеры молодые люди перебрались в Швейцарию. Там Вырубов познакомился с А.И. Герценом. Всю зиму 1865–1866 гг. в Париже друзья усердно работали над диссертациями.

К лету 1866 г. диссертации были закончены и отосланы в рукописях в Москву к М.А. Толстопятову и Н.Н. Кауфману. Друзья тем временем отправились в путешествие по Италии. Они побывали в Генуе, Флоренции, Риме, на некоторое время задержались в Неаполе. Вырубов познакомился с известным минералогом А. Скакки и занялся кристаллографией. Петунников изучал морские водоросли и флору Неаполитанского залива. Их компаньон по ночным прогулкам скоро стал А.О. Ковалевский. Молодые люди с лодки ловили донными сетками “обитателей моря”. Вырубов и Петунников облазили окрестности Неаполя, изучили их геологию и минералогию, посетили пещеры, побывали на вершине огнедыщащего Везувия, прошли по улицам погребенной под пеплом Помпеи. Путешествие на остров Искию чуть не закончилось катастрофой, в открытом море лодка попала в шторм. Спасли только хладнокровие и находчивость искусного рыбака-кормчего. На Искии произошло знакомство с М.А. Бакуниным, в котором друзей поразили богатый размах личности.

К осени молодые люди вернулись в Москву. Диссертация Петунникова была одобрена Н.Н. Кауфманом и С.А. Рачинским. Диссертация Вырубова, к тому времени напечатанная типографским способом, не получила отзыва оппонентов. В “Воспоминаниях” Вырубов объяснил этот инцидент нежеланием утвердить магистром человека, исповедующего сомнительную философскую доктрину. Было принято “соломоново решение”: сослались на то, что в университете якобы некому рассмотреть работу Вырубова, так как ее химическое содержание выходило за пределы компетенции М.А. Толстопятова, а минералогическое – не укладывалось в познания химика Н.Э. Ляковского. Петунников объяснял причину задержки защиты простой халатностью: сначала перебрасывали диссертацию от одного оппонента к другому, потом не смогли собрать необходимый кворум и проч.

Постоянное фрондирование Вырубова, его желание “наставить хотя бы маленький нос” Московскому университету сыграло с ним злую шутку⁷³. Он уже тогда подлил масла в огонь, когда осе-

⁷³ В отношении Вырубова к Московскому университету было много самонадеянности и откровенной бравады. В Татьянин день 25 января 1866 г. несколько выпускников и студентов Московского университета отправили по предложению Вырубова приветственную телеграмму на имя ректора из ресторана Дуайен (Doyen) на Елисейских полях. Делепа была написана по-француз-

нию 1864 г., сдал кандидатские экзамены, отказался от предложения университета читать лекции в качестве приват-доцента. Это предложение открывало путь к преподавательской карьере, тем более что Толстопятов не был еще магистром, он защитился только в 1867 г. Но такая перспектива не улыбалась Вырубову, через Толстопятова он ответил университетскому начальству отказом, а самому Толстопятову без обиняков заявил, что “пока еще здоров головой, и таких глупостей предпринимать никак не намерен”⁷⁴.

В ноябре 1866 г. Вырубов отвез диссертацию в Петербург. Там она была одобрена и незамедлительно принята к защите деканом физико-математического факультета университета П.А. Пузыревским. Но Вырубов уехал за границу, надолго махнув рукой на приобретение официальных званий. Досада на Московский университет осталась, хотя не это послужило поводом для отъезда. История с диссертацией лишь ускорила события.

Перед отъездом Вырубов оставил довольно раздраженное письмо Г.Е. Щуровскому. В нем он заявил, что ему, представителю передовой философии, не по пути с Московским университетом⁷⁵. Позже Вырубов оправдывал свой тон юношеской горячностью (см.: Приложение 2. № 1).

Показательно отношение Вырубова к Московскому обществу испытателей природы (МОИПу). Он признавался, что своих научных наставников он нашел вне стен Московского университета. Он встретил их в МОИПе. Это был математик Николай Николаевич Алексеев, автор многих сочинений по высшей математике, профессор Варшавского университета, а затем адъюнкт Петербургской академии наук. В 1867 г. он стал одним из учредителей Московского математического общества, был членом МОИП.

В этом же Обществе Вырубов познакомился с Р.И. Германом, любителем-минералогом, исследователем русских минералов. Особенно плодотворной оказалась встреча с “вольнопрактикующими” минералогом И.Б. Ауэрбахом и геологом Г.А. Траутшольдом⁷⁶. В разное время они были секретарями Общества.

Эти исследователи прошли европейскую школу обучения и поддерживали переписку с зарубежными коллегами. Во время

ски, обращение звучало по-якобински дерзко: “Братский привет! Поздравляем университет и желаем любви, процветания и прогресса!” (Там же. Л. 37). Вырубов был автором послания и первый поставил свою подпись.

⁷⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 3. Л. 9.

⁷⁵ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 40 об. См.: приложение 2, № 1.

⁷⁶ Траутшольд обучался в Берлинском университете, работал ассистентом известных ботаников Г.-Ф. Линка (H.-F. Link) и Р.-С. Кунта (R.S. Kunth). Затем получал образование в Гиссенском университете, где специализировался в области химии, минералогии и кристаллографии. В 1846 г. там получил сте-

знакомства с Вырубовым Ауэрбах преподавал в Петровской земледельческой и лесной академии. Ему принадлежало несколько исследований в области минералогии и палеонтологии⁷⁷. Толстопятов, по признанию Петунникова, читал минералогию так плохо, что приятели обратились к Ауэрбаху, хранителю минералогического кабинета Московского университета, за помощью. В его изложении предмет оказался очень увлекательным. Вырубов пользовался библиотекой и богатыми коллекциями Ауэрбаха и даже намеревался поменять некоторые экземпляры своей коллекции ископаемых парижского третичного бассейна на русские, которыми “так богат Иван Богданович”. После его преждевременной смерти в 1867 г. Вырубов собирался приобрести некоторые книги из его библиотеки^{78–79}. Он знал научные работы И.Б. Ауэрбаха и сожалел, что в прощальной речи Г.А. Траутшольда не была приведена их подробная библиография.

Траутшольд славился своим обаянием, добродушием, оптимизмом и тонким юмором. Несомненно, Вырубов много почерпнул из общения с ним и из чтения его работ. В парижский период жизни Вырубов часто обращался к Траутшольду с просьбами о трудоустройстве Петунникова. Осенью 1869 г. он получил от Траутшольда его магистерскую диссертацию “Ueber säculare Hebungen und Senkungen der Erdoberfläche” (О столетних циклах в подъемах и опусканиях земной коры), по мнению Вырубова, отличающуюся “весьма оригинальными выводами”⁸⁰. Резюме об

пень доктора философии. В течение двух лет состоял ассистентом известного химика Ю. фон Либиха. В 1846–1848 гг. работал воспитателем в семье Лугининых. Уехал затем в Германию и в 1857 г. вновь вернулся в Россию, см.: ЦИАМ. Ф. 418. (Моск. ун-т). Оп. 32. Д. 49. Л. 11–13 об. (1863). Траутшольд – крупный специалист в области палеонтологии и стратиграфии юрских отложений России. Двадцать лет он преподавал в Петровской земледельческой и лесной академии (1868–1888), заведовал там минералогическим кабинетом. Им написаны учебники по геологии, палеонтологии, большое число научно-популярных статей, привлекая к изучению естественной истории многих любителей. В 1888 г. навсегда покинул Россию, возвратившись на родину (см.: *Стародубцева И.А., Митта В.В.* Герман Адольфович Траутшольд: (К 185-летию со дня рождения) // Бюл. МОИП. Отд. геол. 2002. Т. 77, вып. 6. С. 78–87); *Павлов А.П.* Памяти Г.А. Траутшольда // Бюл. МОИП. 1902. Т. 16, вып. 4. С. 32–41.

⁷⁷ *Пузыревский П.А.* Ауэрбах И.Б.: Некролог // Зап. Имп. СПб. минерал. о-ва. 1869. Т. 4. С. 327–328.

^{78–79} НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 4. № 35. Л. 96.

⁸⁰ Траутшольд к тому времени был уже избран экстраординарным профессором академии (1868) и читал там лекции по геологии и минералогии, но должность его была “временной”, так как он не имел степени магистра ни одного из русских университетов (см.: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 36. Д. 691 (1868)), пришлось срочно защищать диссертацию.

этой работе и свои критические замечания (Вырубову казалось, что доводы Траутшольда недостаточно аргументированы) он предполагал поместить в редактируемом им журнале “Позитивная философия”⁸¹.

С годами личные связи с московским профессором несколько ослабели, но Вырубов по-прежнему интересовался научной работой и поворотами судьбы Траутшольда. Известия о “старике” передавал В.Ф. Лугинин, у которого Траутшольд в свое время был домашним учителем. В 1873 г. Вырубов высоко оценил новую книгу Траутшольда “Основы геологии” (его первую часть “Геогения и геоморфия”)⁸², хотя считал, что общие соображения автора о геологии “несколько жидковаты”, и сожалел, что Траутшольд не воспользовался его собственной статьей о геологии в “Позитивной философии”⁸³.

После смерти Траутшольда в 1902 г. и некролога Петунникова о нем в “Русских ведомостях” (1902. 4 нояб. № 305) Вырубов дал оценку научной деятельности ученого. Ему казалось, что Траутшольд был скорее любителем, тем, кого в XVIII в. называли “*amateur des sciences*”, чем профессиональным исследователем. Он не вполне еще отрешился от старой рутины. “Но в темном царстве русской науки он все-таки останется светлой точкой”, – писал Вырубов⁸⁴.

Вырубов был благодарен МОИПу за то, что именно там реализовал свой интерес к научной работе: познакомился со знающими специалистами, опубликовал первые статьи. Его привлекал международный статус Общества, половину членов которого составляли иностранцы. Общество имело богатую библиотеку западноевропейской периодики и литературы, поступавшей в обмен на франкоязычный, (и тем привлекательный для европейцев), журнал “Бюллетень Императорского общества испытателей природы Москвы” (*Bull. de la Société Impériale des naturalistes de Moscou*). В его публикациях были широко представлены достижения западноевропейской научной мысли⁸⁵.

Вырубов стал членом Общества в 1866 г., когда сообщил на заседании МОИПа о микроскопических исследованиях, касающихся окраски плавика. Это была тема его магистерской диссертации⁸⁶.

---

⁸¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 8. № 71. Л. 168.

⁸² В 1872 г. вышла первая часть этого учебника, соответственно, вторая (“Палеонтология”) и третья (“Стратиграфия”) – в 1875 и 1877 гг.

⁸³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 10. № 90. Л. 207 об.

⁸⁴ Там же. Карт. 3. Д. 37. № 477. Л. 1016 об.

⁸⁵ *Липшиц С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования. М., 1940. С. 82.

⁸⁶ Арх. МОИП. 1867. № 427. Л. 17 об.

Вскоре его доклад был опубликован в “Бюллетене” МОИПа на французском языке⁸⁷.

Черту под московским периодом общения с МОИПом подвел щедрый дар Вырубова – палеонтологическая коллекция из 1615 предметов, атрибутированных им вместе с известным французским специалистом по ископаемым моллюскам Дегеем. Вырубов послал сопроводительное письмо ученому секретарю Общества К.И. Ренару в надежде, что оно будет опубликовано в “Бюллетене” МОИПа (см.: Приложение 2. № 2). Ренар этого не сделал, видимо, из дипломатических соображений. Требование Вырубова, чтобы коллекция осталась собственностью Общества и не была передана университету (а такая практика существовала), подтверждает негласное соперничество, которое существовало между Обществом и Московским университетом. Вырубов приписывал научным обществам и университету различные функции, исследовательские – первым, общеобразовательные – второму⁸⁸. Волей дарителя пренебрегли, и коллекция была передана в Минералогический музей университета.

“Удаление из университета” Вырубов считал фатальной неизбежностью, полагая, что из-за неровности своего характера он не смог бы занять в нем “надлежащего места”. Роль оппозиционера, на которую обрекал его независимый нрав, противоречила желанию посвятить себя “положительной”, творческой работе. В России он не видел для себя такой возможности⁸⁹. Во Франции Вырубов предполагал заняться пропагандой позитивизма. Во французской столице его привлекали культурная среда, созвучие его собственных настроений стремлениям и потребностям окружающего общества и, конечно, возможность свободного творчества.

В отличие от других эмигрантов у Вырубова не было проблемы вживания в чуждую для него среду. Многолетнее проживание в Европе подготовило его к западной жизни, он приспособился к тамошним условиям, приобрел необходимые привычки, проникся духом чужой культуры, усвоил иностранные языки. Он считал, что эмиграция – единственная для него возможность сделать что-то полезное в науке. Поэтому план его состоял в том, чтобы упредить события. На предостережения Петунникова Вырубов отвечал в 1865 г.: “Я слишком хорошо понимаю ту среду, в которой нахожусь, чтобы мог позволить ни за что ни про что сломать

---

⁸⁷ См.: *Baillon E.* Table générale et systématique des matières contenues dans les premiers 50 volumes (années 1829–1881). Moscou, 1882.

⁸⁸ Арх. МОИП. 1867. № 423. Л. 401–403.

⁸⁹ РГБ ОР. Ф. 311 (А.И. Урусова). П. 15. № 31. Л. 2.

себе голову. План мной давно составлен и меры давно обдуманы. Плану этому я до сих пор не изменял и полагаю, что и последующие обстоятельства не заставят меня изменить его. Русское правительство до меня не скоро доберется... Если хитро наше правительство, не прост тоже и я. Из России убегу я, вероятно, прежде того времени, когда из нее выгонят”, – признавался он⁹⁰.

Не последним доводом в пользу переселения за границу были соображения здоровья. Вырубов с трудом переносил русскую зиму с ее “глубокими, холодными снегами”. С годами это болезненное восприятие холода усугублялось. Вырубов признавался, что “столько же любит жару, сколько ненавидит холод”, и сетовал, что Париж не находится на широте Египта или Абиссинии⁹¹.

Прощание с родиной происходило без горечи. Выбор был свободным и добровольным. Не было необратимости участи политического изгнанника. Вырубов связал свои жизненные планы с новой страной, но не обрубил корни, соединявшие его с исконной родиной. Близкие, друзья, родная земля оставались в пределах досягаемости, духовная близость сохранялась. Он покинул Россию, глубоко благодарный отечеству за полученное здесь образование.

---

⁹⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карг. 1. Д. 2. № 14. Л. 56.

⁹¹ Там же. Карг. 2. Д. 27. № 305. Л. 666.

Хроника парижской жизни

Жизнь Вырубова с трудом укладывается в рамки хронологии. Как разложить по годам такие, например, сквозные сюжеты как 50-летняя дружба с Е.В. де Роберти и А.Н. Петунниковым, герценовская тема, проблемы воспитания молодого поколения и многие другие вопросы, вырвавшиеся из переписки с друзьями и из публицистики? Мы их коснемся по мере развития повествования о нашем герое.

Обычно биография ученого завершается портретом личности человека, характеристикой его психологических особенностей, их проявлений в гражданской и частной жизни и проч. В случае Вырубова с этого следует начать, ибо особенности этого человека – его интеллект, воля, нравственность во многом определили его творческую судьбу.

Подобно многим молодым людям своего поколения, Вырубов рано сложился как личность, выработал жизненные максимы, определил цели, составил план действий и твердо шел по избранному пути, не ограничивая себя рамками узкой специальности, но и не разбрасываясь на занятия, которые считал бесплодными или бесполезными.

Как истинный позитивист, Вырубов допускал действие в реальной жизни неких независящих от воли человека сил. Он объяснял Петунникову: “В нашу анархическую, переходную эпоху людьми управляют не силы общественной гармонии, а некий фатум, какая-то глупая, невежественная случайность”¹. Поэтому бесполезно бороться со всякого рода фатальными обстоятельствами, необходимо к ним примениться, чтобы сберечь силы для полезной работы. Когда можно и нужно было действовать, Вырубов реагировал без промедления. Но ни один из поворотов судьбы не смог сломить его волю, навязать неудобное для него решение, уронить его человеческое достоинство. Он был хозяином своей судьбы.

---

¹ Там же. Карт. 1. Д. 5. № 48. Л. 122.

Большое влияние на формирование молодого Вырубова оказали идеи Т.Н. Грановского, В.Г. Белинского и особенно А.И. Герцена. Это поколение принято называть идеалистами 40-х годов XIX в. Именно они, а не герои-”шестидесятники”, более близкие ему по времени, завладели симпатиями Вырубова. В них он видел последователей идеалов французской революции XVIII в. Им он приписывал заслугу подготовки преобразований 60-х годов. Эти деятели были дороги ему как воплощение высокой степени одаренности и культуры, общих гуманистических, а не классовых или клановых чаяний. Он чтит в них людей, взывавших к самым высоким струнам человеческой души, чья совесть не была еще омрачена, как у народников, комплексом вины перед народом. Подобно Б.Н. Чичерину он находил в них квинтэссенцию человечности, “всех лучших стремлений человека”².

Другим фактором влияния стала философия позитивизма. Она сформировала мировоззрение, на многие годы определила направление деятельности, выработала привычку к размышлению и дала ключ к философскому осмыслению жизни. Вырубов, даже в молодые годы, поражает внятностью и определенностью своих суждений. Если хорошо в них вникнуть, то всегда можно докопаться до позитивистских корней. Положения этой философии настолько естественно вошли в его жизнь, настолько органично совпали с его жизненными планами и обстоятельствами, что воспринимаются как его собственные. Один из тезисов позитивизма – неизменность законов природы. Вырубов с ранних лет выбрал для себя девиз неизменности жизненных принципов, которые резюмировал в строчке французского поэта Альфреда де Виньи: “*Tel j’ étais, tel je suis, tel je serai toujours*” (Таким я был, таков я есть, таким я буду всегда). К этим принципам он относил первенствующее значение нравственных качеств личности, стремление к правде, враждебность всякой фальши и неискренности.

Другим заветом позитивистской этики стало для него представление об обязательности и благодетельности общественно полезного труда и необходимости справедливого вознаграждения за него. Вырубов был убежден и внушал эту мысль своему окружению, что “труд – не добродетель, а обязанность всякого честного человека, что на то мы и живем, чтобы приносить пользу и помогать ближним”³. У него не было ни малейшего сомнения в полезности его труда и в законности его прав на достойное содержание, которое давали доходы от помещичьего хозяйства. Свой

---

² Чичерин Б.Н. Несколько... С. 42.

³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 4. № 35. Л. 98 об.

нравственный долг он полагал в том, чтобы по мере сил поддерживать свое состояние и разумно использовать предоставленную ему судьбой материальную независимость не только для себя, но и для людей, нуждающихся в помощи. Его нравственное сознание легко восприняло заветы масонства о нерасторжимости родственных уз всех людей, о деятельной к ним любви.

Рассудочный ум сочетался у Вырубова с горячим боевым темпераментом. По его убеждению, темперамент – не что иное, как выражение действенного начала человека, определяющее в конечном счете его деятельность и призвание. Иногда темперамент брал у него верх над рассудком, и тогда с помощью логических противовесов он приводил свои действия в соответствие со здравым смыслом. Отсюда кажущаяся двойственность его натуры. В нем свободно уживались такие противоречивые качества, как общая толерантность, способность оценить личные достоинства оппонента, нелюбовь к выяснению узкопартийных или групповых интересов и бескомпромиссность, прямота, некоторая прямолинейность и даже неистовство в отстаивании убеждений в полемике, что делало его в глазах многих современников воинствующим позитивистом. Воинственность отступала на второй план при общении с людьми, жизненный опыт и талант которых он ценил, тогда на первое место выступали более общие интересы. Так было в общении с А.И. Герценом, М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым, довольно чуждыми ему по политическим убеждениям. Правда, так бывало в тех случаях, когда и противная сторона проявляла определенную уступчивость.

Вырубова можно было бы считать баловнем судьбы, настолько благоприятными были стартовые условия его жизни, если бы не одно обстоятельство. У него было слабое здоровье, и любая, самая банальная простуда, а они одолевали его довольно часто, могла запереть его в четырех стенах на несколько недель. Он придерживался определенных “гигиенических приемов”, чтобы поддерживать себя “в вожделенном здравии”: обливался холодной водой, совершал пешие и конные прогулки, занимался фехтованием и греблей, катался на велосипеде. И все же он часто нарушал меру осторожности. Он “каторжно”, иступленно работал, чем периодически доводил себя до физического и нервного истощения.

Знакомый Вырубову минералог Ф. Валлеран писал о его самоубийственных опытах, когда он часами вдыхал ядовитые пары и “казался на своем месте в атмосфере, невыносимой для других”. “Но кто осмелится осуждать его за это, – продолжал Валлеран, – вспомнив о многочисленных результатах, которые побуждали его к новым работам, на которые ему едва хватало

времени, так что он считал потерянным всякое мгновение, проведенное вне стен лаборатории”⁴. В этом, казалось бы, рассудочном человеке жила неистребимая жажда творчества, которая его буквально сжигала. Это было не только свойство темперамента, но и особенность интеллекта. Стоило Вырубову заняться изучением какой-нибудь научной проблемы, как она мгновенно обрастала множеством боковых “побегов”, а это еще больше подстегивало исследовательский азарт. Самое емкое определение натуры Вырубова дал его сотоварищ по научному ремеслу К.А.Тимирязев, он назвал его “холодным энтузиастом”.

Лекарством против лихорадки и бессоницы, следствия умственного переутомления, становилось “сладостное ничегонеделание” – 2–3 недели на природе при максимальной физической и минимальной умственной нагрузке. “Как можно менее заниматься, как можно более шлаться”, – с помощью этого правила он восстанавливал жизненную силу и работоспособность.

Осмотрительность, взвешенность поступков, всегда свойственная Вырубову, которую он особенно виртуозно продемонстрировал в своих взаимоотношениях с русским правительством поскольку оно не смогло поставить ему в вину даже дружбу с Герценом, сотрудничество в некоторых случаях с Лавровым, сочетались с готовностью к решениям, содержащим определенную долю риска, отчаянным и безрассудным с точки зрения здравого смысла. Все ужасы кровопролития не помешали Вырубову очутиться в самом пекле франко-прусской войны и Парижской коммуны, он не задумывался о личной безопасности, спасая людей под свист пуль и шипение гранат.

Двойственность поведения сказывалась даже в расходовании денег. Молодой Вырубов был достаточно богат, он был щедр с друзьями, финансировал лечение за границей университетского сокурсника, оплатил многомесячную поездку в Западную Европу своего друга Петунникова. Критики позитивизма нашли бы его повадки мелкобуржуазными. В своем личном обиходе он придерживался разумной достаточности, не отказывая себе в современном комфорте, избегал расточительности. Приобретение яхты, “хотя бы маленького кораблика”, о котором он одно время мечтал, считал непозволительной роскошью, он только любовался дорогостоящими научными инструментами, а от покупки их отказывался. Привычка к самоограничению позволила Вырубову без особого надрыва пережить трудные времена вынужденной экономии, когда резко сократились доходы от его имения в России.

---

⁴ *Wallerant F. Wyrouboff (1843–1913) // Bull. Soc. Franç. minéral. 1914. Т. 37, N 1. P. 45.*

Видимым противоречием выглядят свидетельства современников, в том числе таких известных эрудитов, как П.Л. Лавров, М.М. Ковалевский и К.А. Тимирязев, об обширных и разнообразных познаниях Вырубова и его собственные признания в письмах Петунникову, что из-за лабораторных занятий он почти ничего не читает. Удивительным свойством вырубовской памяти была способность мгновенно схватывать и мобилизовать в нужный момент большой запас сведений.

Такая особенность сделала Вырубова великолепным полемистом, неутомимым, находчивым и хорошо подкованным в спорах. Об этом писали все, кто с ним встречался. В спорах проявлялся боевой темперамент Вырубова, неистовая горячность, с которой он отстаивал свои взгляды, желание, чтобы последнее слово осталось за ним. Французские друзья высоко ценили его способность отвечать мгновенными остроумными экспромтами на любую жизненную ситуацию.

Вырубов с самого начала сформировался как человек западной культуры. У него был рациональный, дисциплинированный ум. Глубокую неприязнь вызывали у него профессиональная некомпетентность, невежество, расхлябанность, необязательность, бестактность, мотовство. В устройстве общественной жизни он ценил рациональные методы: достижение малыми средствами и в наиболее короткие сроки возможно большего эффекта, необходимость элитарной подготовки для высшего эшелона государственной администрации, разумную эксплуатацию природных богатств, бережное отношение к жизни сограждан. Его возмущало бездумное истребление лесов в России, он подчеркивал губительные последствия этого варварства для природы всей земли. Ему претило такое чисто русское свойство как «шапкозакидательство», привычка ввязываться в опасные конфликты без должной подготовки, действуя «на авось».

Вырубов высоко ценил свободу творчества. Гарантами такой свободы, по его убеждению, были частная собственность и личная свобода. Последняя в его представлении включала многое: свободу вероисповедания и передвижения, волеизъявления и выражения мысли. При этом Вырубов подчеркивал, что свобода плодотворна лишь в образованном обществе, лишь оно способно воспитать граждан, для которых нервом социального поведения должна стать терпимость. Для дикарей она пагубна, так как крайнее выражение свободы – все те же анархия и деспотизм⁵. Идеалом политического правления для Вырубова была децентрализованная республика, устроенная на началах федерализма и

---

⁵ Ph. pos. 1868. Т. 2. N 6. P. 445.

миролюбивой внешней политики, в противоположность империи с ее унитаризмом и бешеным милитаризмом⁶. Вырубову казалось, что децентрализованная республика отражает интересы и надежды большинства. В то же время он опасался распространения массовой, т.е. усредненной культуры, и справедливо видел в этом угрозу торжества посредственности. Характерно для него в этом смысле понимание демократии: “Демократия заключается не в понижении высших слоев, а в повышении низших”⁷.

В жизни Западной Европы Вырубова привлекала относительная устойчивость, равновесие отдельных слоев общества, своеобразная социальная благоустроенность. Согласно заповедям позитивизма, он полагал, что эпоха отрицания для Европы отошла в прошлое вместе с потрясениями Великой французской революции. Парижская коммуна представлялась ему недоразумением, ибо поводов для гражданской войны, как ему казалось, во Франции нет и уже не будет. Напротив, он думал, что есть все предпосылки для гражданского мира, для удовлетворения законных и естественных требований пролетариата, к ним Вырубов относил равные гражданские права, свободу ассоциаций и организаций, улучшение условий труда, просвещение трудящихся и т.п.⁸

Напряженная трудовая жизнь оставляла мало досуга, но это вовсе не значит, что искусство и литература были исключены из жизни нашего героя, они просто не имели для него самостоятельного значения и редко обсуждались в переписке с друзьями. По некоторым высказываниям Вырубова можно понять, что он был консервативен и традиционен в своих симпатиях. В живописи он отдавал предпочтение мастерам голландской школы XVII в. и, по свидетельству К.А. Тимирязева, имел в своей коллекции картины яркого представителя этой живописи Ф. Вувермана. Неудивительно, что он, как и художественные критики журнала “Позитивная философия”, отдавая дань реалистическому направлению современной французской живописи, отмечая певцов жизни французского простонародья Ж. Бретона и Ж. Бастьена-Лепаж, прошли мимо художников-импрессионистов, громко заявивших о себе в 60-е годы XIX в.

В молодости Вырубов любил оперу и сольное пение. Ему больше нравился моцартовский “Дон-Жуан”, чем его же “мастерски написанная” “Волшебная флейта”⁹. У Вырубова было необ-

---

⁶ Ibid. 1870. Т. 7, N 5. P. 203.

⁷ Вырубов Г.Н. Записка об устройстве Императорского Александровского лицея и программа преподавания в нем. СПб., 1898. С. 3.

⁸ Ph. pos. 1878. Т. 17, N 3. P. 429.

⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 2. № 14. Л. 58 об.

ходимое для домашнего музицирования образование. В студенческие годы они вместе с Петунниковым часто играли дуэтом, Вырубов – на флейте, Петунников – на фортепьяно, Вырубов часто исполнял своим небольшим баритоном русские романсы и французские куплеты. В 1865 г. в Париже он подбил свою молодую компанию: младшего брата, Петунникова, Боборыкина взять уроки гармонии по курсу французского композитора Ж. Базена у профессора Парижской консерватории. Друзья пересылали Вырубову из России ноты неаполитанских романсов, новые сочинения М.А. Балакирева, партитуру оперы М.И. Глинки “Жизнь за царя”. После 1870 г., когда И.С. Тургенев переселился из Баден-Бадена в Париж, Вырубов бывал на концертах в доме Полины Виардо.

Немногие стихотворные экспромты Вырубова, приводимые Петунниковым, – шуточные рассказы о некоторых событиях студенческой жизни, не свидетельствуют о его поэтическом даре. Недаром он ими не дорожил, разбрасывая где попало клочки бумаги с записями. Но, судя по всему, Вырубов любил и знал поэзию, цитируя строчки Хемницера, Пушкина, Майкова, Некрасова. В его ранних письмах иногда встречаются цитаты из Лермонтова, он и в старости вспоминал “великолепную прозу и бесподобные стихи” этого мастера. В 1886 г. Вырубов намеревался издать “очень недурной” перевод “Демона” с собственным предисловием и просил Петунникова прислать или хотя бы сообщить сведения о более раннем французском переводе Аносвой¹⁰. Из России вслед за Вырубовым отправились томики сочинений Лермонтова, Майкова, Некрасова, русские сказки А.Н. Афанасьева. Попытка издать в 1895 г. в Париже “легенды Афанасьева” окончилась неудачей. Вырубов забраковал перевод Белопольского, в нем он не нашел и тени подлинного Афанасьева. Буквальный и довольно корявый перевод лишил сказки Афанасьева их наивности и детскости. В связи с этим Вырубов высказал суждение, что переводчик должен свободно владеть языком, на который переводит¹¹. На литературные гонорары Вырубова от печатания статей в русских журналах В.Ф. Корш и Е.В. де Роберти посылали ему в Париж: “Словарь русского языка” В.И. Даля, сочинения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Хомякова, полное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина.

Из современных русских прозаиков Вырубов иногда ссылался на Салтыкова-Щедрина и Гоголя и особенно отличал А.И. Герцена и И.С. Тургенева, хотя его удивляло причисление к

---

¹⁰ Там же. Карт. 2. Д. 21. № 187. Л. 732.

¹¹ Там же. Д. 30. № 340. Л. 340 об.

сонму “великих” Тургенева, Толстого, Достоевского. Л.Н. Толстой был антипатичен Вырубову из-за его утверждения, что наука не только бесполезна, но и вредна, и из-за “доморощенного”, как ему казалось, философствования. “Тоголевские неистовства” в 1909 г. по случаю юбилея писателя побудили Вырубова перечитать его сочинения. Он удивлялся, чем можно восхищаться у этого автора с его неправильным русским языком, отсутствием сценичности в пьесах, с невероятными сюжетами. “Конечно, в этих 4-х томах его сочинений есть прекрасные страницы, но, во-первых, их мало, а во-вторых, у кого же их нет, и у Золя ты найдешь удачные пассажи”¹².

Это одно из немногих высказываний Вырубова о современной ему французской литературе. “Мерзости Золя” и, похоже, всей “натуральной школы” он не принимал, он остался равнодушен и к литературному кумиру своего времени В. Гюго. Т. Готье и Г. Флобер, по его оценке, были вполне достойными места во Французской академии наряду с другими проигнорированными ею мастерами слова, такими как П. Прудон, Ж. Мишле, Луи Блан и др. Впрочем, его личные пристрастия не отразились на позиции литературной критики “Позитивной философии”. На ее страницах встречали благосклонный прием опыты “психо-физиологического анатомирования” Золя, поэтические сочинения, воспевающие жизнь рабочих и крестьян. По цитированию можно предположить, что Вырубов был поклонником традиционной французской ясности и ироничности, чему находил примеры у писательницы XVII в. мадам де Севинье, Вольтера, поэтов А. Шенье, А. де Виньи. Конечно, приведенные факты дают лишь приблизительное представление о художественных и литературных предпочтениях Вырубова. Поэтому приходится верить на слово М.М. Ковалевскому, П.Д. Боборыкину и К.А. Тимирязеву, что Вырубов превосходно знал западноевропейские литературу и искусство.

Первое десятилетие в Париже: конец 60-х – 70-е годы XIX в.

Обустройство. Вхождение в новую жизнь. Родные и друзья в Париже: семья, П.Д. Боборыкин, лицейские приятели, “вся Москва обрушилась на меня”. Встречи с деятелями русского либерального движения и научной молодежью. А.И. Урусов. Русские ученые: К.А. Тимирязев, Д.Н. Анучин.

¹² Там же. Карт. 3. Д. 44. № 594. Л. 1264.

Путешествие по Европе, поездка в Лондон (1868). Знакомство с А.И. Герценом (1865–1870). Участие в международных конгрессах мира. Издание сочинений Герцена. Оборона Парижа и Парижская коммуна (1870–1871). Массонская деятельность и благотворительность. Женитьба. Поездка в Цюрих (1873). Участие в русско-турецкой войне (1877). Поездка в Россию (1879)

Первый период жизни Вырубова в Париже особенно насыщен событиями, его отмечали многие яркие встречи и интересные знакомства, энергичная работа по изданию журнала “Позитивная философия”. Вырубов переехал в Париж в ноябре 1866 г. Он появился там, когда вторая империя Луи Бонапарта доживала последние годы. Политический режим демонстрировал свое бессилие и ужесточал репрессии. Экономика приходила в упадок. Зато умственная жизнь была ключом. Публичные лекции собирали массу народа. Студенческие аудитории и лаборатории были переполнены. Обществу жило ожиданием скорых перемен.

Вырубов поселился на левом берегу Сены, на Улице изящных искусств (Rue des beaux arts, 5) в непосредственной близости от всех научных центров французской столицы. При всех неоднократных переездах он оставался верен этому району. Принципы, которыми он руководствовался при выборе жилья, оставались всегда одними и теми же: квартира должна была быть сравнительно дешевой, теплой, светлой, обеспеченной всеми средствами современного комфорта, достаточно просторной, чтобы вместить научную лабораторию, кабинет для работы, библиотеку и чтобы в ней нашлось место для приезжих родственников и знакомых. С помощью Петунникова и де Роберти Вырубов переправил из России свои книги, научные инструменты, коллекции и даже книжные шкафы и полки, которые стоили в Париже довольно дорого.

Еще до переселения в Париж Вырубов имел в этом городе много знакомых.хлопоты по обустройству на новом месте несколько нарушили привычный строй его жизни, но вхождение в новую среду произошло без особого труда и довольно быстро. Уже в ноябре 1866 г. Вырубов приглашал Петунникова в “благословенный Париж”, соблазняя его лабораторией для микроскопических исследований в собственной квартире¹³. Три года спустя Вырубов писал в Москву адвокату кн. А.И. Урусову от имени “скромного деятеля, занятого раскапыванием маленького уголка

¹³ Там же. Карт. 1. Д. 5. № 20. Л. 70–71.

науки”, что “офранцузился совершенно”, нашел во Франции поле для полезной деятельности. “Деятельность моя здесь весьма разнообразна. Помимо редактирования журнала и писания довольно многочисленных статей, работаю над своею специальной наукой – минералогией. Всего этого, как можете себе представить, вполне достаточно, чтобы заполнить день... За последние три года дни идут за днями с необыкновенной, поражающей быстротой,” – сообщал он¹⁴.

Вырубов, должно быть, преувеличил меру своего “офранцузивания”. Еще многое связывало его с “любезным отечеством”, еще живы были дружеские и родственные связи, еще сильно тянуло на родину. Эту родину ему заменили “русские в Париже”. Тесными оставались связи с семьей: с матерью, братом, сестрой. Вместе или порознь они посещали его в Париже. Вырубов иногда ездил к матери в Висбаден, Гейдельберг, Зальцбург, в Ниццу и другие курортные города. Семейство, как и прежде, отличалось большой непоседливостью, его члены кочевали по уездным русским городам, западноевропейским столицам и курортам, остановившись напоследок в “каком-то Боржоме”. При этом к вящему неудовольствию Вырубова они предавались всем радостям праздной жизни: “таскались по балам, вечерам, раутам, концертам и т.п. увеселениям”. “При таких обстоятельствах, – замечал он, – решительно все равно путешествуют ли они или сидят на месте – человеку, не знающему, что с собою делать, не имеющему ни определенных желаний, ни ясной цели, успокоиться нигде нельзя”¹⁵. Его огорчало, что из брата Василия вырос “пустой светский барин”, а из сестры – “пустая светская барышня”. Он пытался исправить огрехи “корявого воспитания”, пробовал помочь брату найти какой-нибудь “общий интерес” в жизни. В 1870 г. ему показалось, что цель достигнута. Его брат серьезно увлекся живописью и снял в Париже мастерскую. Франко-прусская война смешала эти планы. Еще несколько лет Василий Вырубов провел в мечтах о “чем-то великом” и о какой-то серьезной работе. К этому времени Григорий Николаевич отчаялся сделать из него “что-нибудь путное”. В 1879 г. Василий женился, и братья постепенно отдалились друг от друга.

Вырубов не примкнул ни к одному из кружков русской диаспоры в Париже. Ему был чужд аристократический пошиб русских домов правого берега Сены, да его бы там и не приняли из-за его антиклерикальных и республиканских симпатий. Еще более далеки для него оказались представители “молодой эмиг-

---

¹⁴ РГБ ОР. Ф. 311 (А.И. Урусова). П. 15. № 31. Л. 1–2.

¹⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 56. Л. 218 об.

рации” – при первом же знакомстве он нашел в них малокультурных, физически и нравственно надломленных людей. Вырубов довольствовался обществом приезжих русских литераторов и ученых, охотно принимал их у себя, благодарный за возможность разговаривать по-русски.

Одним из первых появился в его доме П.Д. Боборыкин. Временами Вырубову казалось, что начинающий журналист и критик настолько сжился с ролью “странствующего гранда”, что уже не вернется в Россию¹⁶. Действительно, журналистские обязанности, интерес к театральному искусству и социалистическому движению в Западной Европе в 70-е годы сделали Боборыкина заведомо известным этого региона. В Париже он бывал часто, одно время работал парижским корреспондентом “Санкт-Петербургских ведомостей.” Знакомство Вырубова и Боборыкина было длительным, его начало относится к лету 1865 г., но между ними не было тех душевных отношений, какие сложились с Петунниковым и де Роберти. Как можно заметить из добродушно-иронических замечаний Вырубова в адрес “порхающего как бабочка” Бобо, многое его раздражало в Боборыкине: бесцеремонность, мотовство, некоторая вульгарность облика и поведения. Скоро Вырубов заметил счастливые перемены в привычках “новоявленного драматурга” – примерное воздержание в еде и питье, а после статьи о русских нигилистах в английском журнале в глазах Вырубова он “вырос на целый аршин”¹⁷. Боборыкин всегда пользовался гостеприимством Вырубова, останавливаясь в его доме. В 1868 г. в вырубовской “Позитивной философии” появилась статья Боборыкина “Феномен современной драмы” (*Phénomène de drame moderne*), “не первого сорта”, по мнению Вырубова, но читающаяся легко благодаря тщательной редакторской правке. О литературных достоинствах сочинений Боборыкина Вырубов был невысокого мнения: “Господи ты, Боже мой, что за литература!”, – писал он по поводу повестей Боборыкина в 1872 г.¹⁸ В свою очередь, Боборыкин не находил у Вырубова литературного таланта, с чем тот охотно соглашался.

Влияние Вырубова на молодого Боборыкина было довольно сильным. Об этом свидетельствуют “Воспоминания” последнего, где много упоминаний о Вырубове и о собственном увлечении философией позитивизма. После появления Боборыкина в 1868 г. на Бернском конгрессе, где героем дня стал Вырубов, родные и близкие молодого литератора забили тревогу. Мать писа-

---

¹⁶ Там же. Д. 10. № 95. Л. 140.

¹⁷ Там же. Д. 5. № 48. Л. 123, 124 об.

¹⁸ Там же. Д. 9. № 87. Л. 201.

ла ему в Вену в сентябре 1868 г.: “Погрязнешь ты с Вырубовым, может быть, и теперь уже погряз”. Она боялась, что это знакомство может навсегда погубить ее сына, вырыть пропасть между ним и родиной. Какая-то анонимная корреспондентка заклинала Боборыкина вернуться в Россию, чтобы не погибнуть “в своем постороннем поклонении Вырубову”, превратившемся “в слепую подражательность”. Она добавляла, что из-за этого знакомства на Боборыкина косятся в петербургских салонах. Выписки этих писем хранятся в архиве III управления Министерства внутренних дел, где на Боборыкина тогда же была составлена справка с упоминанием такого порочащего факта, как запрещение его романа “Жертва вечерняя” (печатался в журнале “Всемирный труд”) за осмеяние дворянства¹⁹.

В 1875 г. в “Отечественных записках” появилась повесть Боборыкина “В усадьбе и на порядке” (№ 1. С. 1–106). В ее герое, князе Грегуаре Шелонине, воспитаннике парижского лицея, а затем Гейдельбергского университета, докторе философии и магистре естествознания, многие узнали Вырубова. А в его друге Ван дер Гильзене, резонерствующем цинике-позитивисте, разуверившемся в “гейдельбергских наивностях” работать ради идеи, – Е.В. де Роберти. Последний иронизировал по поводу “придворного фотографа, который снова что-то такое описал у тебя, не то твой кабинет, не то твои сапоги, да, кстати, изобразил и меня в каких-то удивительных чертах”. Не читая повести, он уже знал, что “вышел там очень гадко”²⁰. Фабула жизни Шелонина и Вырубова в годы его молодости схожа в самых общих чертах. Сентиментальный Шелонин, которого Гильзен обвиняет в “болтовне о народе”, мало похож на Вырубова. В чем преуспел Боборыкин – это в изображении быта дворянской усадьбы конца 60-х годов. Вырубов к опусу Боборыкина отнесся довольно снисходительно, мельком упомянув о нем в “Воспоминаниях”. В 1873 г. Боборыкин женился и надолго исчез с вырубовского горизонта. Позднее их пути пересекались реже. Вырубов всегда иронизировал по поводу генеральских замашек преуспевающего литератора.

В Париж к Вырубову потянулись лицейские приятели. В 1866 г. Вырубов откровенно радовался ожидаемому приезду “наших” на Парижскую всемирную выставку летом 1867 г., предвкушая удовольствие от общения²¹. Перед открытием выставки в июле 1867 г. он совершил вместе с Небольсиным и де Роберти поездку на морские купания в Аркашон. Время прошло в прият-

---

¹⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 2088. Л. 5, 2.

²⁰ ИРЛ. Ф. 2193У1. М.Фд. Л. 181 об.

²¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 3. № 18. Л. 65.

ных развлечениях: ездили верхом, катались на лодке и даже потерпели кораблекрушение, когда яхта оказалась “игрушкой разъяренных волн”, спаслись на рыбацкой лодке благодаря хладнокровию лодочника, опытного моряка²².

В августе того же года Вырубов сообщал Петунникову: “Вся Москва обрушилась на меня”²³. Тогда на Всемирную выставку в Париж понаехало много русских ученых. Вырубов был очень рад тому, что “московские минералоги”, его учителя, Г.А. Траутшольд и И.Б. Ауэрбах, “не побрезговали навесить оплеванного магистра”. Вырубов провел их по научным центрам и обществам Парижа, показал естественно-научные коллекции, побывал с ними на заседании Геологического общества. Незаметно прошла целая неделя.

В 60-е–70-е годы Вырубов пересекался в Париже с рядом деятелей русского либерального движения: с В.М. Шаховским (Озеровым), “неаполитанским приятелем” Е.И. Утиным, А.О. Преженцовым, Е.И. Рагозиным. Чтобы не терять много времени с этим “милым народом”, Вырубов, по собственному признанию, убегал от них, как лермонтовский Гарун “быстрее лани, быстрее зайца от орла”²⁴. Много интереснее были для него встречи с юристами, стажерами российских университетов. По переписке с де Роберти и А.И. Урусовым Вырубов хорошо знал проблемы судебной реформы 60-х годов и те возможности, которые она давала адвокатской практике. По-видимому, эти же вопросы он обсуждал с харьковскими профессорами-правоведами А.Н. Стояновым, Д.И. Каченовским и “замечательным представителем русской молодежи, бросившейся в адвокатуру”, В.Д. Спасовичем²⁵.

Вырубов выказывал постоянный интерес к деятельности своего московского знакомого, восходящей звезды русской адвокатуры А.И. Урусова, часто справлялся у Петунникова о его делах. В 1869 г. он приглашал Урусова хотя бы на месяц приехать в Париж “послушать здешних адвокатов”, обязуясь показать ему “все основательно”²⁶. В конце 60-х годов Урусов увлекся позитивизмом и мечтал, что Вырубов познакомит его в Париже с историком Ж. Мишле и философом Э. Литтре, а в Швейцарии и с самим Герценом. “Каюсь, о Герцене мечтаю как о любовнице. Ну, Григорий Николаевич, будет Вам со мною возни, предупреждаю.

---

²² Там же. Д. 4. № 28. Л. 84.

²³ Там же. № 29. Л. 85–85 об.

²⁴ Там же. Д. 5. № 43. Л. 112 об.

²⁵ Там же. Д. 9. № 86. Л. 199.

²⁶ РГБ ОР. Ф. 311. П. 15. № 31. Л. 2.

Я спрятал и храню Ваше слово свести меня на поклонение святым местам в Женеве”²⁷. Крепкой дружбы между Вырубовым и Урусовым не получилось. Участие Урусова в шумных политических процессах несколько охладило симпатии Вырубова.

Тем не менее Вырубов всегда высоко ценил широкую образованность и европейский лоск Урусова. Их отношения в 80-е годы приобрели деловой характер. Урусов участвовал в судебном процессе матери Вырубова, возникшем из-за земельной тяжбы с соседями по имению. В 80-е–90-е годы разошлись не только их политические пристрастия, но и художественные вкусы. Известно, что Урусов был большим почитателем современной французской литературы, и особенно Г. Флобера, свою уникальную коллекцию документов о его жизни и творчестве он передал библиотеке парижского музея Карнавале (Musée Carnavalet)²⁸.

В 70-е годы Вырубов встречался в Париже с Д.И. Менделеевым, А.П. Федченко и русскими стажерами, а “из более юных” – с химиком Д.К. Кирилловым, стажировавшемся в Германии. Некоторое время Вырубов интересовался его делами, но, получив в 1877 г. его “весьма скверную” магистерскую диссертацию, поставил на нем крест: “Бедный Кириллов, видно из него решительно никогда ничего не выйдет”²⁹.

Знакомство с К.А. Тимирязевым произошло в середине 60-х годов. “Милый и очень дельный молодой человек” оставил у Вырубова впечатление скорее химика, чем ботаника³⁰. Вырубов полагал, что у Тимирязева, его сверстника, в запасе еще много времени. Вырубов питал к Тимирязеву особое расположение, находя в нем единомышленника в увлечении позитивизмом. Благодаря протекции Вырубова Тимирязев попал в малодоступную для случайных исследователей лабораторию М. Бергло. При следующих появлениях Тимирязева в Париже Вырубов оказывал ему дружеские услуги, познакомив с французскими химиками Ш. Фриделем, Л. Гримо, А. Наке. Во время своих поездок в Москву Вырубов встречался с Тимирязевым, посещал его лабораторию, вместе с ним бывал на “эрмитажных обедах”, устраиваемых В.И. Танеевым для интеллигенции, среди которой преобладали университетские профессора.

Другой “московитянин” Д.Н. Анучин, “весьма милый и любезный малый”, появившийся в поле зрения Вырубова в 1877 г., вызвал его живую симпатию. Он снабдил его рекомендательным письмом,

²⁷ РГАЛИ. Ф. 514 (А.И. Урусова). Оп. 1. № 52. Л. 1–2.

²⁸ Венгерова З. Парижский архив А.И. Урусова // Лит. наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 591–616.

²⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 12. № 112. Л. 250.

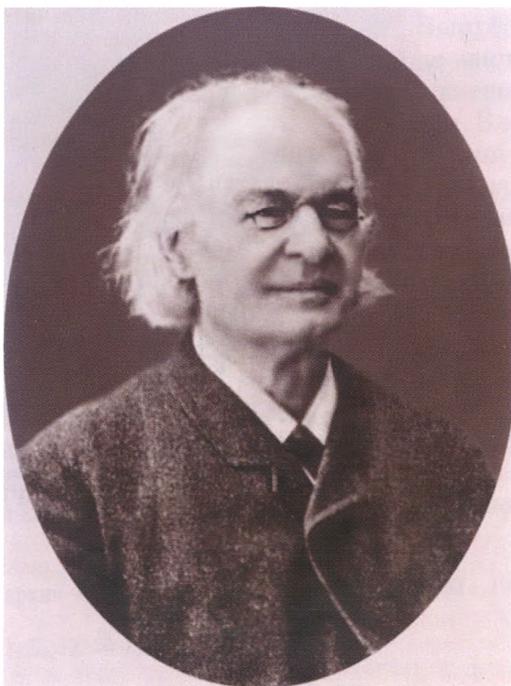
³⁰ Там же. Д. 7. № 74. Л. 175.

**Г.Н. Вырубов – студент Московского университета
(НБ МГУ ОР)**

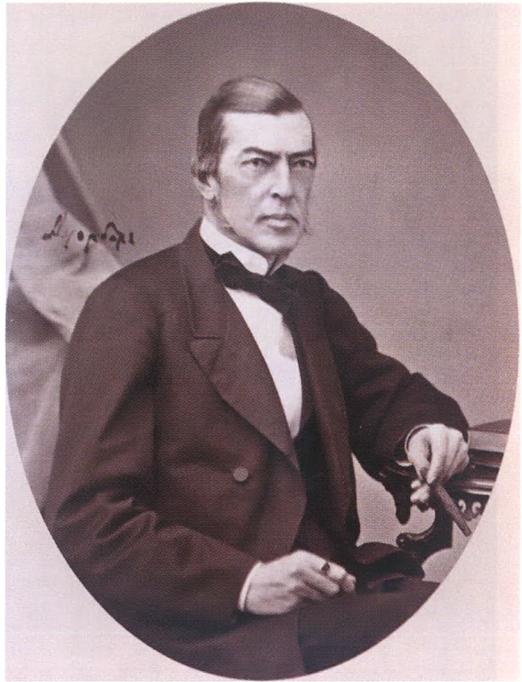

Н.Н. Кауфман
(Иконотека МОИП)

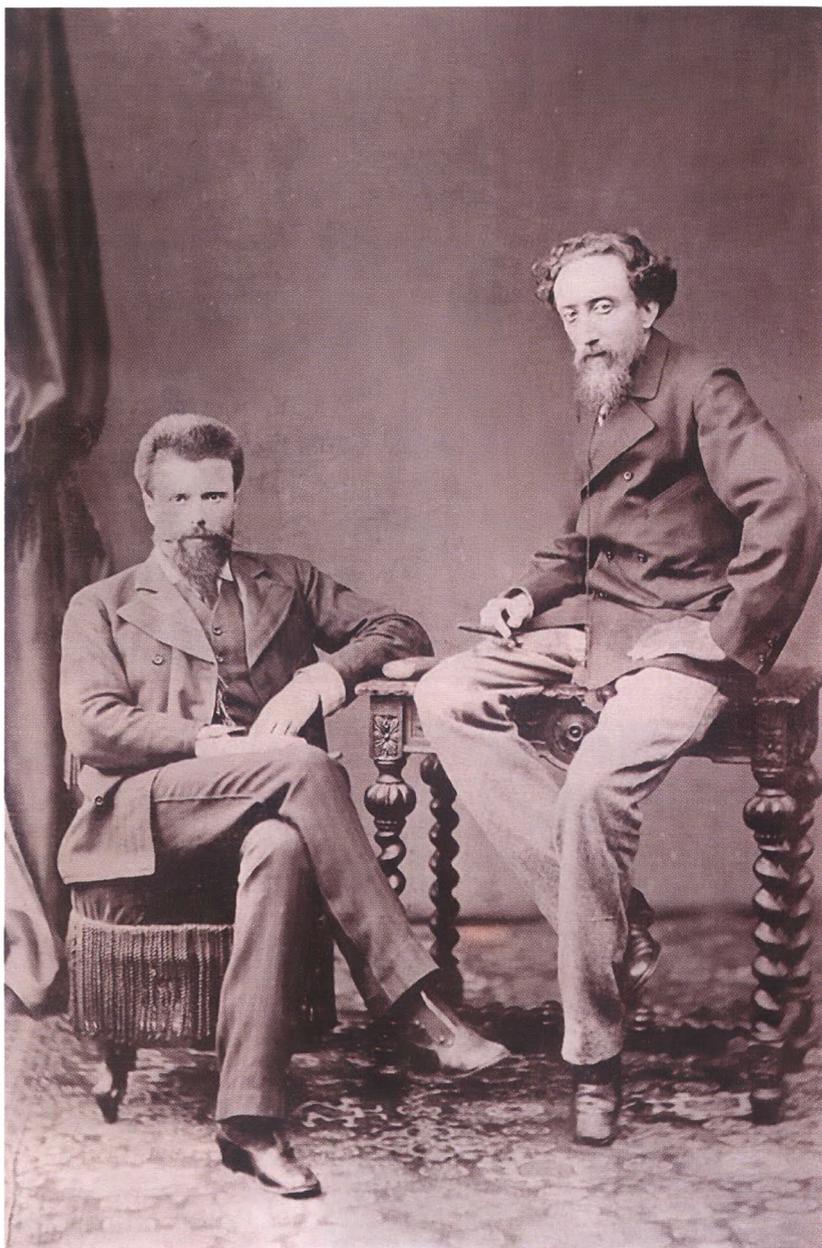

Г.А. Граутшольд
(Иконотека МОИП)

И.Б. Ауэрбах
(Иконотека МОИП)

К.И. Ренар
(Иконотека МОИП)

**Г.Н. Вырубов (на фотографии – справа), конец 1860-х гг.
(Из собрания Н.В. Вырубова)**

дал кое-какие разъяснения о многочисленных антропологических лабораториях Парижа. И в последующие свои приезды в Париж Анучин встречался с Вырубовым.

Первое десятилетие Вырубова во Франции – это наиболее подвижный период его жизни, он много путешествовал по Европе. Из-за работы в журнале его поездки не могли быть дальними или продолжительными. Чаще всего он выбирал подходящие ему по климату страны южной или центральной Европы: Италию, Испанию, Адриатическое побережье, республику Сан-Марино, Швейцарию, университетские города Германии. Путешествовал он один или в компании друзей, выбирая пешеходные или конные маршруты. В стороне от его обычных дорог был визит в Англию весной 1868 г. Лондон показался Вырубову безжизненным городом. “Нет шума, нет суеты, а без этого возможен ли город?”, – недоумевал он³¹. В английской столице его привлекли не политические прения, Вырубов нашел их слишком бледными, а ее обитатели: позитивисты Д.С. Милль и Г. Льюис, социалист Л. Блан. В Лондоне Вырубов приобрел много знакомых, общение с ними заняло все дни и вечера двухнедельной поездки. Его приятно удивила дешевизна лондонской жизни, возникло желание еще не раз побывать в английской столице.

Впечатления от поездки в Англию Вырубов напечатал в журнале “Позитивная философия”³². Полемика Вырубова с Д.С. Миллем о толковании наследия Конта несколько не повредила их отношениям, которые продолжались до смерти английского позитивиста. В 1873 г. Вырубов откликнулся на нее некрологом в “Позитивной философии”. Вырубов увидел в Милле не столько апологета, сколько критика философии Конта, демонстрирующего новый взгляд на вещи, философа, достойного памяти человечества за умножение интеллектуальных богатств, в котором он участвовал.

В 1879 г. в “Позитивной философии” появился некролог памяти “оригинального мыслителя” Г. Льюиса, оставившего глубокий след в истории современной мысли³³.

Центральным событием рассматриваемого периода стало знакомство с Герценом. К нему Вырубов был подготовлен с юношеских лет; по собственному признанию, он зачитывался сочинениями свободолюбивого Искандера³⁴, благо мать привозила из

³¹ Там же. Д. 5. № 45. Л. 116.

³² *Wyrouboff G. Londres et Paris // Ph. pos. 1868. Т. 3, N 1.*

³³ *Le mort de J.St. Mille // Ph. pos. 1873. Т. 9, N 1. P. 163; G.Y. Lewes // Ph. pos. 1879. Т. 22, N 4. P. 147.*

³⁴ Псевдоним, под которым Герцен печатался за рубежом.

заграничных путешествий целые кипы запрещенной литературы³⁵. Знакомство добавило еще больше блеска к лучезарному образу Герцена. Вырубов признавался, что ничто так не передавало обаяние личности Герцена, как непосредственное общение с ним, “от него веяло благородным умом и бесконечной сердечной добротой”³⁶. Он навсегда остался для Вырубова идеалом творческой одаренности и светочем свободной мысли. Редко о ком он писал с таким восхищением.

История их знакомства легко прослеживается по “Воспоминаниям” Вырубова, по письмам Герцена к друзьям и родственникам и к самому Вырубову. Все это опубликовано и прокомментировано в академических изданиях, посвященных жизни и творчеству Герцена³⁷. Укажем хронологию их знакомства. Первая встреча произошла в Женеве в ноябре 1865 г. Декабрем 1866 г. датируется первое письмо Герцена к Вырубову, последнее отослано в августе 1869 г. Скитальческая жизнь Герцена, “жизнь бегуна и вагабонда”, отразилась в географии переписки, его послания приходили к Вырубову из Швейцарии, Италии, Бельгии. В эти годы Герцен и Вырубов несколько раз встречались. Перед поездкой в Россию в июле 1866 г. Вырубов видел Герцена на берегу Женевского озера. Осенью 1867 г. Герцен приезжал в Париж по своим финансовым делам. Его визит совпал с Всемирной выставкой. Герцен и Вырубов встречались почти каждый день, Герцен бывал у него дома, они обедали в парижских ресторанах. Следующее их свидание состоялось в январе 1869 г. в Ницце. И, наконец, в последние три месяца жизни Герцена, когда он поселился в Париже, они много общались.

Герцен не любил Вырубова так, как он любил “христианнейшего” В.Ф. Лугинина. Их отношения были окрашены несколько иным чувством. “Искренне уважающий вас и откровенно несогласный со многим”, – писал Герцен в одном из писем Вырубову. Эта фраза является ключом к пониманию их на первый взгляд довольно странной дружбы. Герцену были симпатичны многие личные качества Вырубова, он не уставал повторять, что он им вполне доволен как человеком. Первое впечатление Герцена от Вырубова, сохранившееся на протяжении всего их знакомства, что это – хороший, способный, по-своему умный, любезный,

---

³⁵ *Вырубов Г.Н.* Революционные воспоминания // Вестн. Европы. 1913. № 1. С. 55.

³⁶ Там же. С. 58.

³⁷ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966; *Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. М., 1947–1990. Кн. 1–15; Лит. наследство. М., 1941. Т. 39/40, 41/42; 1953. Т. 61; 1955. Т. 62; 1958. Т. 96; 1997. Т. 99.*

незловбивый, чистый и добрый человек. Так характеризовал Герцен Вырубова в письмах к И.С. Тургеневу, М. Мейзенбуг, М.А. Бакунину³⁸.

По образу мыслей и по своей жизненной программе Вырубов был “не свой”, а по воспитанию, образованию, умственному кругозору, привычкам он был для Герцена гораздо более человеком “своего круга”, чем молодые эмигранты. Во всяком случае, он – “не враг”, как всякие там “Утята, Жуки” (Е.И. и Н.И. Утины, Н.И.Жуковский. – *Авт.*) и прочие представители русских “эмигранцев”, как окрестил их Герцен. И поэтому Герцен заботился о том, чтобы “не отогнать” подобных Вырубову “чистых” людей.

Но этот “чистый человек” имел несчастье сделаться “чистым французом”, а это в глазах Герцена был непростительный грех. “Француз и галлолюб” в представлении Герцена был противоположностью человека, исповедующего русские интересы. “Страшная и детская ненависть” ко всему русскому удивляла Герцена. Это чувство было, возможно, продиктовано юношеским максимализмом. Герцен обвинял Вырубова, на наш взгляд вполне справедливо, в преувеличении культурной отсталости России и досадовал: “А мне жаль, что Вы отняли свои силы от России, такой уж у меня нрав”³⁹.

Другим камнем преткновения была философия позитивизма. Герцен признавал заслуги позитивизма в борьбе с теологией и философским идеализмом, но в целом его не принял⁴⁰. Живому, воспитанному на гегелевской философии герценовскому уму был чужд догматический строй позитивизма. Герцен скептически относился к тяжеловесному, полному утомительных длиннот сочинению самого метра и довольно неудачному, как ему казалось, переложению его идей Э. Литтре. Он находил в Вырубове “слепого подражателя Конта, пол-литра Конта, *demi Comte pop rendu*” (наполовину неоплаченный счет – игра слов, по-французски фамилия Конт и слово “счет” звучат одинаково. – *Авт.*). Вырубову всегда оставалась глубоко чуждой “метафизика” Гегеля, на которой Герцен был воспитан.

Герцену казалось, что “этот Сен-Жюст позитивизма доктринерством съел свое сердце”. Рассудочность Вырубова порою бесила его, вызывала “холодную злобу”. “Минутами он мне ненави-

³⁸ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1963. Т. 29, кн. 1. С. 107, 117–118, 209, 224, 233.

³⁹ Письма А.И. Герцена Г.Н. Вырубову // Вестн. Европы. 1913. № 1. С. 85.

⁴⁰ Ципленков А.И. О критике позитивизма А.И. Герценом // Актуальные проблемы историографии народов СССР. М., 1975. Вып. 2.

стен”, – признавался он Бакунину⁴¹. Вырубов относил такую реакцию за счет разницы темпераментов. Порывистый, увлекающийся Герцен не мог понять бесстрастность Вырубова накануне грозных событий 1870 г. Кроме того, Вырубов не разделял упований Герцена: он не верил в благодетельную силу грядущей революции и в спасительную миссию для судеб России и всей Западной Европы русской сельской общины. Точки сближения между позитивистами и Герценом обнаруживались, по мнению де Роберти, в другом, в эволюции взглядов Герцена на науку, с годами он стал признавать возможность обновить Европу с ее помощью⁴².

Несмотря на словесные перепалки и идейные разногласия отношения между Герценом и Вырубовым оставались серьезными и добросердечными. Герцен оценил энергию и предприимчивость молодого энтузиаста и поддержал его ранние начинания. Он благосклонно отнесся к вырубовскому предисловию “Позитивизм и Россия” в переводе книги Литтре о Конте, ограничившись чисто формальными замечаниями. Герцен приветствовал идею издания журнала “Позитивная философия”, считая возможным превратить его в орган, формирующий “современный слой народонаселения”. Он называл Вырубова и подобных ему энтузиастов “фалангой будущего”. “Работать надо, тут нет выбора, и поэтому ваше дело, разумеется, прекрасно”, – писал он Вырубову⁴³.

По-разному отнеслись Герцен и Вырубов к известию о создании в Париже в 1867 г. демократическими партиями Европы Лиги мира и свободы. Лига, в организации которой деятельное участие принимали масоны, ставила задачей смягчение жестких нравов международной политики введением третейского суда и арбитража. В ее программу были включены требования о снижении угрозы войны, ограничении масштабов кровопролитий в межгосударственных конфликтах. Вырубов принял идею конгресса Лиги с воодушевлением: “Аплодирую от всей души этой мысли. Мысль хороша и может впоследствии приносить плоды. Надо же, наконец, положить начало этому прекрасному делу”, – писал он Петунникову в июле 1867 г.⁴⁴ Герцен с самого начала отнесся к деятельности Лиги скептически, считая утопичными разговоры о мире при наличии армий, “исполненных свирепого плотоядного патриотизма”, разжигаемого правительствами разных

---

⁴¹ Герцен А.И. Собр. соч. М., 1964. Т. 30. С. 228.

⁴² ИРЛ. 2193. У1. М. 5Фб. Л. 91.

⁴³ Письма А.И. Герцена... С. 83.

⁴⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 4. № 27. Л. 82.

стран. Он полагал, что конгрессы мира не имеют реальных средств, чтобы воплотить в жизнь свои резолюции, т.е. предотвратить войну⁴⁵. Кроме того, Герцена обижало, что русское демократическое движение недостаточно оценено на Западе. Сам он отказался от участия в конгрессе, но сочувственно отнесся к намерению Н.П. Огарева, М.А. Бакунина и Г.Н. Вырубова присутствовать на нем⁴⁶.

Женевский конгресс открылся 9 сентября 1867 г. От русской делегации вице-президентом был выбран Огарев, секретарем Вырубов, настоящий фурор произвела речь Бакунина. Однако Вырубов понял утопичность целей, заявленных конгрессом, он не увидел возможности согласовать национальные интересы разных стран: что может быть общего между стремлением к единству в Германии и чрезмерной централизацией во Франции? В бесконечных речах конгрессменов его разочаровало пережевывание старых принципов французской революции и уклончивое отношение к социальным вопросам, к серьезному анализу существующего строя. Вырубову не позволили поднять на конгрессе “жгучий” религиозный вопрос. Он вышел из его состава, мотивируя свой поступок “несостоятельностью и нелогичностью всех прений” и неспособностью обеспечить необходимые условия мира⁴⁷.

Конгресс оставил у Вырубова “самое пасквильное” впечатление. Его цели казались слишком отвлеченными и разнохарактерными, состав участников разношерстным. По его мнению, конгресс показал слабость либеральных партий и сыграл на руку консерваторам. Под давлением католической партии, устраивавшей шумные демонстрации, конгресс досрочно закрылся. Тем не менее Вырубов не считал время “совершенно потерянным”. Он познакомился с яркими представителями радикальных партий, особенно сильное впечатление на него произвела встреча с Д. Гарibaldi. Свои впечатления о конгрессе Вырубов изложил в статье в “Позитивной философии”⁴⁸.

Неудача первого конгресса мира не обескуражила Вырубова. В сентябре 1868 г. он отправился на второй конгресс в Берне, прихватив попутно мать и сестру. Не без иронии сообщал он Петунникову, как с 8 часов утра и до поздней ночи “спасали мы человечество от несчастных последствий войны”⁴⁹.

---

⁴⁵ Герцен А.И. Русские на Бернском конгрессе // Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 20, кн. 1. С. 381–382.

⁴⁶ Анциферов Н.П. Герцен и Женевский конгресс Лиги мира и свободы // Вестн. АН СССР. 1945. № 1–2.

⁴⁷ Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания... С. 67, 45.

⁴⁸ Wyrouboff G. Le congrès de la paix // Ph. pos. 1867. Т. 1, N 3.

⁴⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 51. Л. 124.

Участники конгресса разделились на две группы. “Схватились”, по определению Вырубова, представители “школы социализма и школы индивидуализма”, радикалы социалистического направления и умеренные либералы буржуазного толка⁵⁰. Вырубов оказался в первой партии, партии меньшинства. Его речь на конгрессе никого не оставила равнодушным. Он признавался Петунникову, что его привлекали не ораторские лавры, а возможность проверить действие позитивистской логики на умы, “с малолетства отуманенные всякими метафизическими идеями”⁵¹. Он открыто заявил о своей принадлежности к фракции людей “свободно мыслящих, атеистов, материалистов, позитивистов”. Вырубов воспользовался международной трибуной для пропаганды некоторых общих и довольно отвлеченных тезисов позитивистов: их представлений о постепенности исторического прогресса и его зависимости, особенно в XIX в., от успехов просвещения, о закрепощающем действии религиозных догматов на человеческий ум. Он провозгласил основным лозунгом сторонников своей партии просвещение народа “всеми доступными нам средствами”, длительное воспитание понятий о свободе мысли и совести для достижения общей цели, которую он сформулировал как “всеобщее благо, духовное освобождение людей, новая философия, которая сменит столь наивную философию наших отцов”.

Вырубов завершил свое выступление решительным призывом: «Провозгласим же во всеуслышании с высоты этой международной трибуны: “Создать общество без Бога и короля!” – да восторжествует во всех наших странах девиз величайшего мыслителя современности»⁵². В поправке к резолюции конгресса Вырубов предложил практические способы “освобождения народов от религии”: отделение церкви от государства, изъятие школы из-под влияния клерикалов, замену религиозных верований научными представлениями.

Русский ученый-позитивист высоко оценил значение Бернского конгресса, полагая, что постановка вопроса о мире и войне лишь вывеска, лишь предлог для выработки политической программы демократических сил, необходимой для снятия преград “на пути прогресса и цивилизации”. Это попытка, думал он, опереться на общественное мнение, а не на измышления кабинетных людей. “В политике все теоретики, вместе взятые, не стоят и ми-

---

⁵⁰ Ph. pos. 1868. Т. 3, N 3. P. 471–485.

⁵¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 51. Л. 127.

⁵² Речь Г. Вырубова на конгрессе мира и свободы // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Женева. 1868–1869. М., 1978. С. 100.

зинца практического человека, и с этим надо примириться”, – пояснял он Петунникову свою позицию. В этом конгрессе, по мнению Вырубова, преуспел. Он привлек внимание прессы, вызвал яростные нападки противников, его участники определили свои позиции и установили, на чем можно сойтись. Вырубов не исключал даже, что время их объединит, “сольет их в одно сильное целое”. “Правда, до этого времени мы с тобой, конечно, не доживем, но что за дело, будем работать так как будто оно в близком будущем”, – призывал он Петунникова⁵³.

“Видите, каковы русские, когда они принимаются за дело?”, – радовался Герцен, прочитав речи Бакунина и Вырубова на “толкуне мира”⁵⁴. В то же время он не сомневался, что “старушка католическая” [церковь. – *Авт.*] переживет всех участников конгресса⁵⁵. Совсем иначе отозвались на выступление Вырубова консерваторы. В архиве III-го управления Министерства внутренних дел России сохранилась выписка из письма кн. П. Долгорукова кн. Е.Д. Долгорукой, в нем Вырубов представлен “человеком посредственным и даже ничтожным, пропитанным социализмом и даже воображающим себя призванным преобразовать весь мир”⁵⁶.

Герцен напечатал речь Вырубова на Бернском конгрессе в № 13 “Колокола” от 15 октября 1868 г., сопроводив ее собственной статьей “Русские на конгрессе мира в Берне”. Герценовская оценка конгресса близка той, что дал ему Вырубов в письме Петунникову. Герцен считал заслугой Бакунина и Вырубова то что они использовали европейскую трибуну. Без причитаний по поводу ужасов войны они появились на конгрессе как “люди нового мира”, высоко держа знамя нигилизма, ибо “уничтожение старого есть рождение грядущего”⁵⁷.

Причисление Вырубова к группе нигилистов вызвало у последнего возражение. 18 ноября 1868 г. он отправил открытое письмо Герцену, которое было опубликовано в 14–15 номерах “Колокола” от 1 декабря 1868 г.⁵⁸ Прежде чем написать Герцену, Вырубов некоторое время колебался. Возможные политические последствия за причисление к “молодой России” побудили его высказаться. Он отказался от сомнительной, как ему казалось, чести находиться в одной компании с нигилистами, потому что основным мотивом их деятельности, по его мнению, было разру-

⁵³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 49. Л. 128, 129 об., 130.

⁵⁴ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1964. Т. 29, кн. 2. С. 454.

⁵⁵ Письма А.И. Герцена... С. 90.

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 2157. Л. 4.

⁵⁷ Герцен А.И. Русские на... С. 381–382.

⁵⁸ Там же... С. 382.

шение, тогда как для себя он выбрал созидание. Вырубов подчеркнул, что хотел бы вести пропаганду исключительно путем распространения знаний⁵⁹.

Услыхав о возражении Вырубова, Герцен подготовил ответ, ибо считал, что человек, прямо поставивший вопрос атеизма, может называться нигилистом, реалистом, позитивистом. Публикация ответа далась Герцену не без труда, потому что он боялся испортить отношения. В письме к старшей дочери Герцен высказал опасение, что дружбе в таком случае придет конец⁶⁰. Печатаение ответа несколько раз откладывалось, наконец, в отредактированном и менее резком виде он был опубликован в Приложении к “Колоколу” 15 февраля 1869 г.⁶¹

Герцен настаивал на включение в когорту “новых людей” Бакунина и Вырубова, поскольку они открыто противостоят старому миру, как деятели, которые “с твердым убеждением и огромным бесстрашием логики привлекают к суду конгресса: один – благого господа Бога с его церковью, другой – благую собственность с государством, ее сутенером”⁶². Возражение Вырубова Герцен отнес к нетерпимости человека, фанатично преданного определенной доктрине: “Вы боитесь, чтобы на Вас не пало и малейшего подозрения в неверности, это вполне естественно”. Концовка ответа должна была сгладить резкость выпада против Вырубова, прозелита позитивизма: “Извините за полную откровенность, чисто дружескую и мужественную откровенность, с которой я пишу – мое уважение к вам обязывает меня к ней”⁶³. И все же в письме к сыну Герцен опасался разрыва: “а дружба, вероятно, кончится. Я его помял”⁶⁴.

Вырубов опасался того же и решил не продолжать полемику, чтобы сохранить добрые отношения с человеком, дружбой которого дорожил. Герцен явно одобрил его позицию и писал в марте 1869 г.: “Я очень рад, что полемика наша жила, как розы жгут – один день и что вы не вознегодовали на меня”⁶⁵.

Следующий конгресс мира в Лозанне в сентябре 1869 г. не оставил яркого следа в жизни Вырубова, он присутствовал на нем, как представитель “в прошлом году убитого меньшинства”⁶⁶. Вырубов провел в Лозанне 10 дней в компании множества рус-

---

⁵⁹ Письма А.И. Герцена... С. 73.

⁶⁰ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 2. С. 442.

⁶¹ Там же. М., 1960. Т. 20, кн. 2. С. 507–510.

⁶² Там же. С. 511.

⁶³ Там же. С. 514.

⁶⁴ Там же. С. 500.

⁶⁵ Письма А.И. Герцена... С. 93.

⁶⁶ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 60. Л. 147.

ских, в том числе П.Д. Боборыкина, и уехал в Италию, не дождав- шись конца, поскольку пережевывание общих мест всегда казалось ему нестерпимым⁶⁷. Даже присутствие многих знамени- тостей не спасло конгресс, который был плохо организован и в его глазах представлял «вид базара с участием невежественной толпы и под вывеской “Вход свободен”». Общения между людь- ми, объединенными одним интересом и действующими в пользу общего дела, не произошло, а только это, как казалось Вырубо- ву, оправдывало международные конгрессы⁶⁸.

Герцен не зря опасался разрыва дружбы, он уже привык об- суждать с Вырубовым многие важные вопросы. Вырубов поя- вился в его жизни в тяжелую пору, когда возникло некоторое разочарование в революционной пропаганде, обнаружился раз- рыв между ним и эмигрантской молодежью. Тогда за поддержку польского восстания 1863 г. от него отвернулись многие друзья молодости. Выход виделся в литературном творчестве, в оседлой жизни в каком-нибудь из городов Центральной Европы. Выру- бов был в числе тех, кто горячо поддерживал и настойчиво про- двигал эту идею. Очень сочувственно отнесся Вырубов к намери- нию Герцена “поселиться в нашем соседстве”⁶⁹. Поскольку Париж, как “полицейская секальня”, был отвергнут Герценом, Вырубов пытался убедить его в “удобообитаемости” бельгий- ской столицы. После некоторых колебаний Герцен все же оста- новил свой выбор на Париже, когда ему оставалось жить всего три месяца.

Вырубов стал своеобразным поверенным в издательских и литературных планах Герцена. Герцен посылал Вырубову новые главы “Былого и дум” и радовался, что они ему понравились. Программа нового франкоязычного “Колокола” также была от- правлена к Вырубову в надежде, что он поможет ее печатанию в ряде парижских журналов. Герцен просил Вырубова следить за реакцией французской прессы на появление нового издания. «Если и вам захочется пощелкать нас в вашем “Ревю” (“Позитив- ная философия.” – *Авт.*) – пощелкайте», – приглашал он Вырубо- ва⁷⁰. Герцен обращался к содействию Вырубова, чтобы напеча- тать у его издателя Ж. Бальера “недурную вещицу”, книгу своего сына-физиолога “Физиологические беседы” (*Conversations physiolo- giques*), работу “женевского гражданина” – географа и социолога

---

⁶⁷ Там же. № 70. Л. 166.

⁶⁸ *Wyrouboff G. Le congrès de Lausanne // Ph. pos. 1869. T. 5, N 3.*

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 2197 (Заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарева). Оп. 1. № 219. Л. 4.

⁷⁰ Письма А.И. Герцена... С. 87.

Л.И. Мечникова и собственные записки. Герцен посвящал Вырубова в планы издания своих сочинений на французском языке, наметив их объем и структуру⁷¹.

Иногда Герцен признавался Вырубову в “желании поболтать”. И тогда обсуждались вопросы о роли личности в истории, высказывались мнения о расстановке сил на международной политической арене, о покушении Березовского на Александра II и др. Вырубов выполнял личные просьбы Герцена, связанные с приобретением и пересылкой книг, журналов, учебных пособий для дочерей и т.п. Он стал другом дома, был знаком со всеми членами семьи, дружил со старшей дочерью Натальей Александровной и с гражданской женой А.И. Герцена Натальей Алексеевной Тучковой-Огаревой. Случилось так, что он оказался в числе наиболее близких людей у постели умирающего Герцена.

12/24 января 1870 г. Вырубов сообщал Петуникову о болезни, а затем и смерти “одного из великих русских деятелей”, “одного из лучших людей нашего времени”⁷². Вырубову пришлось позаботиться о всех “подробностях полицейских формальностей” похорон. По желанию семьи речей на месте временного пристанища тела Герцена на кладбище Пер-Лашез не было, лишь один Вырубов сказал несколько слов от имени родных. Похороны Герцена собрали русских эмигрантов и многих представителей французской демократии. Речь Вырубова – это первое похвальное слово в адрес великого современника, позднее он не раз возвращался к этой теме. Речь была коротка и сводилась к двум тезисам. Во-первых, для России, страны безграничного деспотизма, заявил Вырубов, утрата Герцена особенно тяжела, поскольку вместе с ним потеряян “великий и ничем не заменимый голос, протестующий против всякого произвола и насилия”. Во-вторых, благодарное человечество будет признательно Герцену за движение к сближению европейской демократии, столь заметное в последние годы и предполагающее в будущем более счастливую эпоху, “в которой народы, уничтожая границы, эти препоны образовательного тока, забывая ненависть, различие племен и предрассудки национальностей, соединятся в бесконечном братстве”⁷³.

Вырубову не дали возможности опубликовать некролог памяти Герцена в русских журналах. Он посвятил Герцену корот-

---

⁷¹ Там же. С. 88, 92, 96.

⁷² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 7. № 174. Л. 174.

⁷³ РГАЛИ. Ф. 129 (А.И. Герцена). Оп. 1. № 109. Воспоминания Тучковой Натальи Алексеевны о гражданских похоронах Герцена А.И. Речь Вырубова на могиле Герцена. Л. 1–2.

кую заметку в “Позитивной философии”⁷⁴. Вырубов считал своим долгом отстоять честь образованного общества России перед потоками клеветы, которая обрушилась на Герцена в русской революционной печати.

Впервые Вырубов сравнил Герцена с Вольтером, находя много общего в их влиянии на умы современников и на общественную мысль своего времени. Он заявил, что без герценовской агитации были бы немислимы либеральные преобразования 60-х годов, а “это чудо в такой стране, как Россия”. Особой заслугой своего знаменитого современника Вырубов считал его борьбу за освобождение 30 миллионов россиян, “которые назывались крепостными, но которые на самом деле были рабами”.

Вырубов высказал также мысль, что Герцен не был практическим политиком, поскольку самодержавие, которое после 1825 г. стало необузданным, перекрыло доступ к общественно полезной практической деятельности и обратило всю энергию в русло критики существующего порядка, подобно тому, как это было накануне революции во Франции.

После похорон Герцена Вырубов невольно оказался в центре дел, связанных с увековечением его памяти. Русская политическая эмиграция была непрочь превратить вырубовский журнал “Позитивная философия” в центр международной подписки на сооружение памятника Герцену. Журналист Е.И. Рагозин убеждал Вырубова в необходимости подобного шага, чтобы не уступить первенства западным газетам и тем самым не ущемить русское национальное чувство⁷⁵. Рагозин совершил поездки по городам восточной Германии, побывал в Лондоне в феврале–мае 1870 г. для сбора средств на памятник, о чем подробно писал Вырубову, предлагая ему участвовать также в распространении портретов Герцена. Наиболее горячие головы предлагали даже поставить памятник Герцену в Париже и перенести туда его прах из Ниццы. От всех этих инициатив Вырубов уклонился, хотя и дал деньги на памятник.

Вырубов обратился к друзьям и знакомым Герцена с призывом собирать его письма. Как явствует из писем Рагозина, он переслал Вырубову некоторые копии писем Герцена к зарубежным корреспондентам⁷⁶. В ответ на просьбу родственников умершего Вырубов охотно принял на себя труд издания первого собрания сочинений Герцена на русском языке.

Собрание сочинений А.И. Герцена вышло в Женеве в 1875–1879 гг. с предисловием Вырубова. В подготовке издания

⁷⁴ Herzen A. Une rectification // Ph. pos. 1870. Т. 6, N 5. P. 311–313.

⁷⁵ ИРЛ. У11. № 2196 (Письма Е.И. Рагозина Г.Н. Вырубову). Л. 24 об.

⁷⁶ Там же. Л. 9 об., 24.

участвовала Н.А. Тучкова-Огарева. Начало сотрудничества с Тучковой относится к первой половине 1870 г. Тогда они занимались переводом сочинений Герцена на французский язык для публикации в парижских журналах. По свидетельству дочери Герцена, Вырубов переводил “очень скоро и хорошо”. Тучкову и Вырубова сблизило резко отрицательное отношение к затее С.Г. Нечаева, поддержанной Бакуниным и Огаревым, продолжать герценовский “Колокол” как орган новой эмиграции. Сам А.И. Герцен противился этому плану, но вначале перед этим замыслом не устояла даже старшая дочь Александра Ивановича, о чем позднее весьма сожалела. Тучкова отозвалась на этот счет недвусмысленно: “Неизвестно, то ли Нечаев фанатик-подлец, то ли попросту провокатор, вербующий для Сибири”. Вырубов ее поддержал⁷⁷. По возвращении Тучковой в 1875 г. в Россию делами издания сочинений Герцена занялись его дети.

Герцен как бы предрешил план издания, когда перечислил в одном из писем Вырубову, что бы он хотел видеть изданным на французском языке: “Былое и думы”, основные повести и публицистические статьи. Герцен определил замысел, средства на его осуществление дала семья и немногие друзья. Издатели решили не обращаться к подписке – в России это было бы невозможно из-за запрета на имя Герцена, им не хотелось прибегать и к помощи западной публики, поскольку, как им казалось, Герцен принадлежит исключительно России. Приходилось только ждать, когда его сочинения смогут вполне легально вернуться на родину, тогда можно было бы позаботиться о более полном издании.

Первоначально предполагалось, что собрание сочинений составит 15 томов, в последнем томе Вырубов намеревался поместить небольшое число писем. Объем и сроки издания, как казалось ему, слишком затянутые, определялись тем, что часть полученной выручки вкладывалась в продолжение издания. В письме к П.Л. Лаврову Вырубов приводил цифру 18 томов, а само издание называл “Полным собранием сочинений”⁷⁸. На Западе интерес к русскоязычному изданию не был настолько велик, чтобы продолжить его дальше 10-го тома.

Женевское собрание сочинений (*Герцен А.И. Сочинения. 10 т. Genève – Vale – Lyon. 1875–1879*) составлено по хронологическому принципу. В него вошли: “Былое и думы”, повести, публицистика, разные по содержанию статьи. В первое издание сочинений не попали за редким исключением статьи, напечатанные

---

⁷⁷ Письма Н.А. Тучковой-Огаревой Г.Н. Вырубову // Лит. наследство. М., 1997. Т. 99, кн. 2. С. 230.

⁷⁸ Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову // Ист. арх. 2001. № 4. С. 188.

в “Колоколе” и в “Полярной звезде”. В нем полностью отсутствует переписка, возможно, и потому, что многие корреспонденты были еще живы.

Американский историк науки Д. Сартон, ссылаясь на более позднего издателя сочинений Герцена М.К. Лемке, упрекнул Вырубова в том, что он механически собрал уже опубликованные тексты, не утруждая себя ни их редактированием, ни комментированием⁷⁹. Это не совсем так. Действительно, русская зарубежная печать издала еще при жизни Герцена многие его крупные работы: “Былое и думы”, повести, публицистические и научные статьи⁸⁰. Вырубов был ограничен теми материалами, которые ему передала семья, рукописей среди них было немного. Довольно объемистый “Дневник” А.И. Герцена 1842–1845 гг. и ряд мелких работ были напечатаны в женевском издании впервые. То, что Вырубому пришлось работать с рукописями Герцена, подтверждает письмо Натальи Александровны. В 1913 г. она обращалась к Вырубому как знатоку “папашиного почерка” и его слога, когда получила предложение приобрести якобы герценовскую рукопись на немецком языке⁸¹. Характерно, что у самого М.К. Лемке, отдавшего 10 лет жизни изучению творчества Герцена, не было никаких претензий к женевскому изданию. Условия издания, когда в России в 1910 г. был снят запрет на печатание герценовских сочинений, кардинально отличались от тех, в которых работал Вырубов⁸². В 1913 г. наследники Герцена, дочь Наталья Александровна и внук Николай Александрович, имели легальную возможность обратиться к широкой общественности и могли рассчитывать на финансовую поддержку русских издательств, что и случилось на самом деле⁸³.

Во времена первого издания не было ничего подобного. Вырубому приходилось совмещать работу по изданию сочинений умершего друга с редактированием журнала “Позитивная философия”. В ту пору даже упоминание имени Герцена было запрещено в России, памятуя это, Вырубов не подписал своего “предисловия”. Впрочем, для тех, кто читал его статью памяти Герцена в “Позитивной философии”, авторство было несомненным. Вырубов текстуально воспроизвел некоторые отрывки из нее. В частности, он повторил тезис о том, что Герцен не был практиче-

---

⁷⁹ Sarton G. Paul, Jules et Marie Tannery (with a note on Grégoire Wyrouboff) // Isis. 1947. N 11. P. 38.

⁸⁰ Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и периодические издания. М., 1981. Ч. 1: Книги. А–М. С. 71.

⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. № 626. Л. 4.

⁸² Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке. Пг., 1915. Т. 1. С. 1.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. № 847. Л. 1.

ским политиком, что он являлся рупором свободной русской мысли и предтечей либеральных реформ 60-х годов, а также мысль о сходстве между Герценом и Вольтером, которых сближала всеобщность таланта, убийственная ирония и сходство влияния на общественную среду.

Новым и существенным моментом в “Предисловии” было противопоставление деятельности Герцена и “молодой России”. Вырубов не видел преемственности между герценовским “Колоколом” и народовольческими изданиями “Народное дело” и “Вперед”⁸⁴. Разница, по его понятиям, состояла в том, что тогда как Герцен представлял всю Россию без различия сословий, “новые эмигранты” выступили с пропагандой социально-революционного переворота в пользу крестьянства в рамках космополитической программы интернационального Союза рабочих. В представлении Вырубова, Герцен был более русским человеком, чем народники, так как смотрел на Россию глазами народа, а не примерял к ней западные социалистические теории. Он искал источник самостоятельного развития своего отечества в его собственной жизни⁸⁵.

Вырубов полагал, что события последних лет после смерти Герцена не умалили актуальность его работ, для русского образованного общества они сохранили действенность “прямого непосредственного поучения”, и поэтому был уверен, что делает полезное дело. Также восприняли инициативу Вырубова современники. Тимирязев надеялся, что соотечественники скажут ему когда-нибудь “сердечное спасибо” за этот труд.

Опыт Вырубова оказался полезен для последующих издателей Герцена. Его советами воспользовался Л.А. Тихомиров, опубликовавший в 1887 г. в Женеве избранные статьи из “Колокола”⁸⁶ и М.К. Лемке, который в числе многих других поблагодарил за содействие Г.Н. Вырубова и А.Н. Петунникова.

Наталья Александровна Герцен сохранила признательность Вырубову за его бескорыстный труд по изданию сочинений отца. В мае 1914 г. она возразила М.О. Гершензону, когда он утверждал в статье о Н.А. Огаревой, что женевское издание было “осуществлено главным образом ее усилиями и личным трудом и что ей помогал в этом деле Г.Н. Вырубов”⁸⁷. Наталия Александровна заметила, что Огарева не могла много сделать для этого издания, так как в это время занималась переводом на француз-

⁸⁴ Герцен А.И. Сочинения: 10 т. Genève; Bale; Lyon, 1875–1879. Т. 1. С. XVIII.

⁸⁵ Там же. С. XXIII.

⁸⁶ Тихомиров Л.А. “Колокол”: Избранные статьи Герцена (1857–1861). Женева, 1887.

⁸⁷ Гершензон М.О. Н.А. Огарева // Русская мысль. М.; Пг., 1914.

ский язык “Писем из Франции и Италии”, “во всяком случае, не Вырубов ей помогал, а она ему”, – уточнила положение дел дочь Герцена⁸⁸.

При жизни Герцена между Натальей Александровной и Вырубовым существовали дружеские и даже иронично-шутливые отношения. В начале 1913 г., незадолго до смерти Вырубова, между ними возникла переписка. Поводом послужила передача на родину реликвий, связанных с памятью Герцена. Наталья Александровна обратилась к Вырубову по поводу пересылки в Россию “папашиного” дневника, возвращенного ей М.К. Лемке. Через племянника Вырубова, навестившего ее в Женеве, она передала “Дневник”. Дочь Герцена надеялась, что он попадет в так называемую комнату людей 40-х годов в Румянцевском музее, созданную писательницей Е.С. Некрасовой и названную так чтобы не упоминать имя Герцена. Именно туда она уже отправила многие герценовские реликвии, ей хотелось, чтобы дневник отца хранился на его родине в Москве. Она просила Вырубова сообщить подробнее все, что касается его памяти. Наталья Александровна очень доброжелательно отнеслась к вырубовским “Воспоминаниям”, упрекнув автора только в том, что он был несколько несправедлив по отношению к Н.П. Огареву⁸⁹.

В октябре 1912 г. Вырубов отправил Петунникову 18 писем Герцена, адресованных ему в 60-е годы, с просьбой передать их в Румянцевский музей, где хранились все рукописи Герцена. Ему хотелось, чтобы они были напечатаны, так как в других, уже опубликованных письмах, Герцен относится к нему “как-то недружелюбно”⁹⁰. В ноябре того же года в Москву были посланы 6 писем Бакунина⁹¹.

В январе 1913 г., по совету М.М. Ковалевского, Вырубов решил передать письма Герцена и Бакунина в Академию наук в Петербурге, где имелась “герценовская комната” с воспоминаниями о нем, его рукописями и портретом⁹². Ковалевский передал в Петербург “Дневник” Герцена и его походную чернильницу, подаренную Вырубову сыном писателя в день похорон, и уже в марте пришла расписка непрямого секретаря Академии С.Ф. Ольденбурга о получении рукописи⁹³.

В 70-х годах Вырубов как бы по инерции намеревался продолжить свое участие в международных конгрессах западноевропей-

⁸⁸ РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. № 626. Л. 1–2.

⁸⁹ Там же. Л. 3 об.

⁹⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 47. № 639. Л. 1354, 1358.

⁹¹ Там же. № 643. Л. 1361.

⁹² Там же. Д. 48. № 647. Л. 1371.

⁹³ Там же. № 648. Л. 1371 об.

ской демократии. Очередной конгресс предполагалось провести в Цюрихе в сентябре 1870 г. Вырубов собрался поехать в Швейцарию с двумя–тремя друзьями, чтобы после конгресса совершить прогулку “пешим хождением” по Северной Италии⁹⁴. Эти планы нарушила франко-прусская война и осада Парижа 1870 г.

Осада и сдача Парижа и последовавшая вскоре за этим Парижская коммуна многое перевернули в жизни Вырубова. В июне 1870 г. на даче в Севре Вырубов с ужасом следил за тем, как смыкается кольцо блокады вокруг Франции. Сначала возможность осады Парижа казалась невероятной, затем события стали развиваться так стремительно, что потребовали спешных действий. Уже в конце августа война подступила к стенам столицы Франции. Вырубов вернулся в Париж, чтобы закупить провизию на случай осады и приспособить часть квартиры под военный лазарет, и сразу же записался в Национальную гвардию. Как иностранца его взяли не в артиллерию, как ему хотелось, а в пехоту. У Вырубова не было никакой надежды, что Париж продержится долго, он не видел у правительства ни малейшей воли к сопротивлению. “Страшно подумать, до какого положения доведена несчастная Франция двадцатилетним правлением, надеюсь, последнего из Бонапартов”⁹⁵. Скоро он убедился в пассивности Национальной гвардии и предложил свои услуги походному лазарету Красного креста, где и работал до сдачи Парижа 28 января 1871 г.

После капитуляции Парижа он ненадолго по вызову больной матери поехал в Россию. Но при первом же известии о Парижской коммуне вернулся в Париж и устроился дежурным хирургом при госпитале Международного общества попечения о раненых. В госпитале было около 350 пациентов, приходилось работать “денно и ночью”. Вырубов признавался, что в течение двух месяцев вообще не раздевался, приходилось бодрствовать иногда три–четыре ночи подряд. Он продержался до падения Коммуны, а затем слег на две недели в какой-то странной лихорадке⁹⁶. Несколько позднее он писал: “Я думал, что выполняю долг. Я хотел заплатить свой долг признательности за доброжелательное гостеприимство, которое я нашел во Франции, когда я молодой и неопытный приехал сюда, чтобы здесь поселиться”. Вырубов сожалел, что его участие в обороне не было более активным⁹⁷.

Вырубов признавался Петунникову, что эти события принесли ему много тревог и впечатлений. На примере Парижской ком-

---

⁹⁴ Там же. № 656. Л. 1376 об.

⁹⁵ Там же. Карт. 1. Д. 7. № 79. Л. 185 об.

⁹⁶ Там же. № 81. Л. 189.

⁹⁷ Ph. pos. 1872. Т. 8, N 5. P. 190–191.

муны и более ранних событий революции 1848 г. он убедился в несостоятельности некоторых лозунгов социалистов. Для себя он сделал выводы еще до кровавых событий марта–апреля 1871 г. В письмах Даниельсону в 1969 г. он высказал свой взгляд на “научную” политэкономиию К. Маркса. Вырубов считал слабостью экономической теории Маркса то, что она отражает интересы лишь одного сословия – рабочего класса, тогда как подлинная наука внеклассова. Его поражала исключительная любовь социалистов к нескольким десяткам тысяч рабочих и пренебрежение интересами десятков миллионов сельских обывателей. Вырубов резюмировал разницу мнений между ним и Даниельсоном: “Вы думаете, что для улучшения быта рабочих необходимо уничтожение частного капитала. Я же думаю, что экономический прогресс всех классов будет заключаться в более правильном распределении этих капиталов. Вы утверждаете теорию, которая имеет за себя более или менее гуманитарные соображения, я же не иду за пределы наблюдаемого факта, [спор] между нами решить может только опыт будущих времен”⁹⁸. Вырубов считал непригодной “социальную терапию” революционных социалистов, он полагал, что никакие интернационалы не способны уничтожить буржуазию, так как за нею стоят десятки миллионов собственников, он предполагал, что уничтожение права наследства не встретит поддержки у народа.

В 1873 г. Вырубова заинтересовал один из вариантов переименованного на русский манер нигилизма. В феврале 1873 г. он собирался посетить Цюрих, эту “вторую Россию”, чтобы “узреть тамошних нигилистов”. Вместе с ним хотел ехать И.С. Тургенев, чтобы собрать материал для романа “Новь”. О тамошней русской студенческой колонии шла молва, что вместо центра серьезных занятий она превратилась в “сборный пункт” политической агитации^{99–100}.

Интерес Вырубова к этому студенческому фаланстеру усилился после того, как в мае 1873 г. в 120-м номере “Правительственного вестника” было напечатано предписание русским студентам, обучавшимся в Цюрихе, вернуться на родину. Вырубов нашел этот документ вполне разумным и умеренным. Его смущало желание русских студентов в Швейцарии “поиграть в политику, в революцию”. “Игра эта смешна и опасна, – писал он Лаврову, – смешна, потому что буря в стакане воды всегда смешна, опасна, потому что заставляет терять драгоценное время и губит

---

⁹⁸ Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову. С. 179. (Раньше адресатом считался Лавров.)

^{99–100} Там же. С. 180, 185.

бесполезно молодые силы”¹⁰¹. Вырубов надеялся, что “этот беспорядочный порядок вещей” скоро прекратится, но он опасался, что студентки ослушаются предписания. Он поспешил в Цюрих, думая использовать свое влияние, чтобы уговорить молодежь, уговорить ее вернуться на родину.

К этому времени Тургенев передумал ехать в Цюрих. Вырубов поехал один и появился в Цюрихе в конце июля. То, что он увидел, его потрясло: “Безобразия, найденные там мной, превышает всякое вероятие. Это какая-то пляска Святого Витта, перешедшая с узловатой нервной системы на центральную. На этих дикарей и дикарок, конечно, убеждением не подействуешь, их можно только перебрать крутыми мерами, и в этом отношении мера, принятая правительством, окажется весьма благодетельной”¹⁰². В этом отношении Вырубов разошелся с мнением русских политэмигрантов, он с “великим прискорбием” прочел воззвание П.Л. Лаврова к цюрихским студенткам с призывом к послушанию. С явным облегчением он встретил известие о том, что Цюрих опустел, хотя и опасался, как бы студентки не свили гнезда нигилизма в каком-либо другом месте Европы. Отголоском этих событий стало открытие спустя три года высших женских курсов в России, ими правительство пыталось хотя бы частично компенсировать утраченную возможность получать образование на Западе¹⁰³.

События Парижской коммуны повернули общественный темперамент Вырубова в новое для него русло. В феврале 1872 г. он сообщил Петунникову, что стал должностным лицом у масонов и написал фельетон о них для “СПб. ведомостей”¹⁰⁴. В этой метаморфозе не было ничего удивительного. Если сравнить социальную программу позитивистов и общие положения и устав масонского братства, то можно обнаружить немало общего. Это – принцип человеческой солидарности, идеал всесветного людского братства, построенного на началах толерантности – терпимости к иноплеменникам и иноверцам, это и идея нравственного совершенствования в таких ее проявлениях, как гармония нравственного и физического начала личности, и абсолютная свобода воли, любовь к ближнему, щедрость и бескорыстие. В отношении человеческого сообщества – это не менее как интеллектуальное и моральное усовершенствование человечества, объединение братьев по духу по всему земному шару. Вырубову

¹⁰¹ Там же. С. 184.

¹⁰² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 10. № 96. Л. 217 об.

¹⁰³ *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX в. М., 1999. С. 105–107.

¹⁰⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 9. № 85. Л. 199.

могла импонировать политическая программа французских масонов, отражавшая требования восходящей к власти буржуазии: отделение церкви от государства и обмирщение школы, филантропическая направленность их деятельности¹⁰⁵.

Ему, несомненно, был известен вклад масонства в культурную историю Франции, их причастность к делам века Просвещения, в частности, к изданию французской энциклопедии и подготовке и проведению революции 1789–1794 гг.¹⁰⁶

До недавнего времени масонская деятельность Вырубова была окружена покровом тайны. В соответствии с духом организации не было принято писать о ее делах, сам Вырубов в переписке с Петунниковым этой темы почти не касался, тем более что последний не разделял его увлечения, его смущала архаичность обрядовой стороны общества вольных каменщиков. Последние работы современных историков масонства проливают свет на эту страницу жизни нашего героя¹⁰⁷.

Обращение в масонство не было случайным событием в жизни Вырубова. Масонами были его отец и младший брат, масонами были сотрудники вырубовского журнала “Позитивная философия” Ж. Кобе и А. Дюбо. Сближение Вырубова с масонами произошло во время Коммуны, они приложили много стараний для водворения гражданского мира между враждующими сторонами. После отказа версальцев пойти на переговоры массоны считали своим долгом защищать коммунаров. Вместе с масонами позитивисты спасли многих участников Коммуны от верной гибели и провели кампанию в пользу амнистии для заключенных. Много сделал в защиту жертв Коммуны позитивист, медик и публицист Ж.-Ф. Робине¹⁰⁸.

С началом третьей республики (4 сентября 1870 г.) союз масонов и позитивистов упрочился. Их сплотила общая опасность – сопротивление монархических партий, чтобы сломить его, нужно было окончательно подорвать устои религиозности, в которых они находили свою опору. Масоны как никакая другая орга-

---

¹⁰⁵ Répertoire maçonnique contenant de 30000 franc-maçons de France. P. 1911.

¹⁰⁶ Ковалевский М.М. Масонство // Русские ведомости. 1907. 21 окт., № 241; Васютинский А. Французское масонство XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. Т. 1. М., 1991. С. 35–60.

¹⁰⁷ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX в. М., 1998; Берберова Н.Н. Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. М., 1997; Грачев В. Масоны и власть в России. М., 2003; Серков А.И. Русское масонство, 1731–2000 // Энциклопедический словарь. М., 2001; Соловьев О.Ф. Масонство: Словарь-справочник. М., 2001; Naudon P. Histoire générale de la Franc-Maçonnerie. P., 1981.

¹⁰⁸ Auguste Comte. Qui êtes vous? Lyon, 1988. P. 343.

низация подходили для реализации этой задачи. В масонстве позитивисты обрели “нейтральную, видоизмененную и распространенную форму вхождения в общественную жизнь, размытую анонимностью повседневной мысли”¹⁰⁹.

Героями политического Олимпа третьей республики стали масоны-позитивисты: Жюль Симон, Леон Гамбетта, Жюль Ферри, Шарль Флоке, Поль Бер. К братству вольных каменщиков принадлежали почти все основатели республики и все видные политические деятели либерального толка¹¹⁰. Масоны были продвинуты в высшие эшелоны местной администрации, из их числа назначали мэров, префектов и супрефектов. Многие профессора и школьные преподаватели последней трети XIX в. были масонами, они оказывали большое влияние на подрастающее поколение.

В последней трети XIX в. масонство обновило свою идеологию, провозгласив позитивистскую открытость влиянию научного прогресса, здравого смысла, либеральных идей. Его адепты занялись строительством основ того, что позже назвали гражданским обществом. Их социальная политика предусматривала смягчение классовых противоречий и либерализацию общества. Был подготовлен проект закона об отмене смертной казни, проведены кампании борьбы с социальными болезнями и строительства дешевого жилья, введено обязательное светское образование.

Апофеозом единения масонов и позитивистов стал одновременный прием в масонскую ложу Великого Востока Франции политика Ж. Ферри и главы позитивистов Э. Литтре. На грандиозном банкете по случаю посвящения присутствовали Л. Блан, Э. Бриссон, Э. Абу и другие видные общественные деятели, многочисленные представители прессы. На вновь обращенных возлагалась задача консолидации нового режима “на философской и культурной основе”¹¹¹. Позитивисты расценили поступок Литтре как взвешенный и сильный отпор духу нетерпимости ряда клерикальных организаций Франции. Горячая овация присутствующих в адрес Литтре была воспринята, как “достойное вознаграждение за труженническую жизнь, целиком посвященную значительным и полезным делам”¹¹². На одном из масонских приемов в честь Литтре Ж. Ферри заявил о “тесном и тайном родстве между ма-

---

¹⁰⁹ *Simon W.M.* European positivism in the nineteenth century. N.Y., London, 1963. P. 157. *Chevallier P.* Histoire de la franc-maçonnerie française, t. 2 (1800–1877); t. 3 (1877–1945). P.: Fayard, 1988–89.

¹¹⁰ *Reclus M.* Jules Féry, 1832–1893. P., 1947. P. 118; *Рубинский Ю.И.* Масоны во Франции (вчера и сегодня) // *Вопр. истории.* 1976. С. 144.

¹¹¹ *Reclus M.* Op. cit. P. 119.

¹¹² Ph. pos. 1875. T. 14, N 5. P. 162.

сонами и позитивистами”. Оказалось, что “масоны долгое время были позитивистами, сами того не ведая”¹¹³. Год спустя Литтре и Ферри вновь появились вместе в ложе Великого Востока Франции. В их речах сближались “тонкости позитивистской мысли и масонской доктрины относительно морали”¹¹⁴. На этом приеме Вырубов призвал к необходимости общедоступного и достойного образования для представителей всех слоев общества.

В 1872 г. Вырубов вступил в ложу “Взаимность” шотландского устава, отличавшуюся антиклерикальными настроениями, за что она была закрыта в 1874 г. После этого он перешел в ложу “Роза совершенной тишины” Великого Востока Франции и стал ее вторым иерархом – венераблем (досточтимым мастером). На годичном собрании масонской ложи в 1877 г. он поддержал отмену параграфа конституции вольных каменщиков о существовании Бога и бессмертии души. Инициаторами этого демарша стали масоны-позитивисты. Они рассматривали масонство как сугубо моральный институт и внушали мысль, что исключение религиозных догматов не есть уступка атеизму, т.к. каждый волен исповедовать то верование, которое сочтет приемлемым для себя. Вырубов заявил на Конвенте о светском характере современной науки, этого универсального двигателя человеческого прогресса, перед которым меркнут все философии и религии¹¹⁵. В 1877 г. требование отмены религиозных догматов после широкого обсуждения в ложах и не без сопротивления сторонников противоположной точки зрения было принято всей организацией, что поссорило французских масонов с их англо-саксонскими собратьями.

Ложа Великого Востока Франции приобрела значительный политический вес, стала рупором антиклерикальной пропаганды республиканцев¹¹⁶. Вырубов председательствовал на конвенте и в 1885 г. стал вице-председателем совета ордена – его руководящей структуры. Он оставался пожизненным “досточтимым мастером” всех регулярных лож. Видимо, не без его влияния во французские масонские ложи вступили его близкие друзья: В.Ф. Лугинин, видный деятель земского движения, А.М. Коллюбакин, Е.В. де Роберти, М.М. Ковалевский¹¹⁷. Они привели в масонское братство преподавателей Русской школы общественных наук в Париже (1900–1905): правоведа Ю.С. Гамбарова, писателя и журналиста А.В. Амфитеатрова, литературоведа Е.В. Аничкова, поэта М.М. Волошина, историка А.С. Трачевского. В 1906 г. Кова-

¹¹³ Ibid. P. 157.

¹¹⁴ Reclus M. Op. cit. P. 118.

¹¹⁵ Ph. pos. 1875. T. 14, N 5. P. 162; РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 80.

¹¹⁶ Caubet J. Souvenirs (1860–1889). Avec une préface de Wyruboff. P., 1893.

¹¹⁷ Серков А.И. Указ. соч. С. 161, 175, 219, 403–404, 493.

левский ввел в парижскую ложу Великого Востока 15 своих соотечественников: историка В.О. Ключевского, изобретателя П.Н. Яблочкова, доктора И.З. Лорис-Меликова и др. Воспользовавшись некоторой либерализацией общественной жизни в России, новообращенные способствовали возрождению масонских лож на родине с целью оппозиции самодержавию.

Близкое знакомство с политической и административной элитой французского государства открыло для Вырубова новые возможности для благотворительности и помощи соотечественникам. К сбору средств для русских эмигрантов его привлекал еще Герцен, позднее к нему с этой же целью не раз обращался Лавров. Русской писательнице и многолетней обитательнице Парижа О.Н. Смирновой, приславшей к нему просителя, Вырубов отвечал, что его бюджет буквально трещит от платежей, связанных с делами благотворительности¹¹⁸. Он охотно ссужал деньгами Лаврова, но не давал деньги на сомнительные, как ему казалось, предприятия, особенно те, которые были связаны с организациями радикального толка.

Вырубов оказывал финансовую поддержку некоторым общественным институтам своей “второй родины”, в 1884 г. он поддержал строительство бесплатных школ в Париже, дал средства для уплаты штрафов неимущим провинциальным журналам, которым в противном случае грозило закрытие¹¹⁹. Известно, что он помогал вдове Конта¹²⁰ и некоторым своим французским друзьям.

Широкие связи в административном мире Парижа сделали Вырубова ходатаем по делам знакомых и соотечественников, он признавался Петунникову, что иногда целыми часами колесит по Парижу, улаживая дела просителей. Во время выполнения одной такой деликатной “комиссии” ему пришлось обратиться в “вертеп бюрократии и официальности”, лавировать между двумя враждующими префектурами. “Никогда бы я не вывел своей утлой лады, – признавался он Петунникову, – если бы не принадлежал к высшей власти, – перед которой преклоняются высшие власти обеих префектур”¹²¹.

Вырубов чуждался русских политэмигрантов, но не мог отказать П.Л. Лаврову, когда нужно было спасти соотечественников от преследования французской полиции. В 1874 г. после нескольких часов блужданий по коридорам префектуры полиции он вы-

---

¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 485 (Смирнова О.Н.). Оп. 1. № 225. Л. 3–4.

¹¹⁹ Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову. С. 196.

¹²⁰ См.: *Боборыкин П.Д.* За полвека: Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 371.

¹²¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 17. № 130. Л. 179 об.–180.

зволил на свободу двух “дьепских узников”, сотрудников лавровского журнала “Вперед” А.Л. Линева и Д.И. Соловьева, задержанных на пути в Лондон, куда они перевозили шрифт в связи с переездом журнала. Задержанные вели себя “как школьники”, назвавшись вымышленными именами. Вырубову пришлось удостоверить их личность.

Несколько больших усилий потребовал благополучный исход дела А.М. Кулешовой (урожденной Розенштейн). Угроза ее выдачи на родину взбудоражила всю русскую диаспору в Париже, за нее хлопотали посол кн. Н.А. Орлов, И.С. Тургенев, П.А. Кропоткин и др. Дело тянулось с марта по октябрь 1878 г. Вырубову пришлось иметь дело с полицейскими и судебными властями. В конечном счете Кулешова была выслана из Франции, ее выдворили на границу со Швейцарией. У Вырубова вся эта история, несмотря на благополучный исход, вызвала чувство досады. “Какая это неприятная специальность у г-жи Кулешовой сидеть в разных международных тюрьмах! Вы бы ей написали прекратить эти конспирационные попытки, а то, пожалуй, где-нибудь и застрянет наконец в сибирке, несмотря на все желание ее оттуда вытащить”, – выговаривал он Лаврову. Забегая несколько вперед, можем заметить, что Вырубов немало сделал и для самого Лаврова, когда в декабре 1881 г. французские власти по настоянию русского правительства выслали его в Лондон, формальным поводом послужила его подпись под “Манифестом красного креста Народной воли”. На этот раз Вырубову пришлось побеспокоить самое высокое начальство: министра внутренних дел Гобле, начальника Службы безопасности Парижа Казалья и его преемника Шнерба. Дело уладилось, и уже в мае 1882 г. Лавров вернулся в Париж¹²².

Парижская коммуна обозначила еще одну веху в жизни Вырубова. Она положила конец его многолетней связи с “черноокой андалузкой” Маркитой. Они разошлись по взаимному согласию осенью 1871 г. из-за “решительной несовместимости характеров”. На самом деле причина состояла в том, что в жизнь Вырубова вошла другая женщина “совершенно иного свойства, иного характера”. И хотя Вырубов отрицал для себя возможность романтических порывов, считая их свойством праздных или слишком молодых людей, он признавался Петунникову, что стиль его жизни сильно возмущен¹²³. В письмах де Роберти содержится намек на романтическое знакомство во время Коммуны “с прелестной сестрой милосердия”, обитательницей аристо-

¹²² Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову. С. 186, 191, 194–196.

¹²³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 8. № 84. Л. 194 об.

кратического предместья Парижа¹²⁴. Сам Вырубов не доверил бумаге истории своих романтических походов. Как можно заметить из его высказываний, он не был сторонником женской эмансипации, ему казалось, что погоня за мужскими занятиями сбивает женщину с толку, лишает ее жизненных ориентиров, часто ломает ее жизнь, подменяя ее естественное призвание матери и жены “ничего неделанием” и болтовней на тему “революционной троицы” свободы, равенства и братства. Ему не нравились мужеподобные, коротко стриженные, нарочито грубые и вольные в обращении нигилистки. Вблизи себя он предпочитал видеть женщин с живым восприятием, эмоциональных, порывистых, несколько жертвенных и, разумеется, красивых. Судьба послала ему встречу с такой женщиной. Это была Анна Поццоди Борго, корсиканка и племянница Луи Блана. М.М. Ковалевский вспоминал, что это была яркая, живая и красивая женщина. И.С. Тургенев добавил к этому портрету, что она была аристократкой и клерикалкой.

В феврале 1875 г. Вырубов отправил Петунникову, в ту пору счастливому жениху, фотографию своей избранницы – “предмет не скажу моих ухаживаний и воздыханий, потому что ты знаешь, что я ухаживать и воздыхать не умею, но моих предпочтений и желаний”¹²⁵. Но просил его раньше времени не разглашать тайну. Зная горячий нрав матери, Вырубов опасался ее вмешательства. По его словам, роман длился уже долго и подвергся самым разным испытаниям. Он сообщал другу, что помышляет об устройстве жизни “на началах семейственности”.

В июле Вырубов вместе с невестой через Вену отправился в Мюнхен и там в русской церкви обвенчался, доведя обряд “до самых последних пределов простоты”¹²⁶. Затем, минуя Москву, где в ту пору была мать, поехал в пензенское имение Екатеринино, обрушив на голову несчастного Петунникова материнский гнев по поводу своей женитьбы. Вырубов хотел решить кой-какие хозяйственные дела, поохотиться и показать жене свою родину. На обратном пути он представил жену московским родственникам.

Семейная жизнь, не нарушила обычного распорядка жизни Вырубова. Наоборот, он с удовольствием замечал, что прибавилось времени и для работы и для отдыха¹²⁷. Кроме того, он с удивлением обнаружил у себя черты “домоседства”. Вырубов писал,

---

¹²⁴ ИРЛ. 2193. VI. М.5Фд. Л. 147.

¹²⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 11. № 101. Л. 227.

¹²⁶ Там же. № 105. Л. 234.

¹²⁷ Там же. № 106. Л. 236.

что “стал ужасно ленив на всякие путешествия”, что небольшой садик при квартире заменяет ему “чистый воздух”. В апреле 1877 г. последовало совсем уже странное сообщение, что жизнь “стянулась в каком-то неестественном, невозмутимом однообразии, в какую-то непреложную математическую формулу”¹²⁸. Он писал о своей одержимости работой, когда как-будто какая-то неведомая сила удерживает его на месте в течение целого дня, если бы он был мистиком, он приписал бы такое состояние предчувствию близкой смерти, когда жалко потерять хотя бы одну минуту. Возможно, для творческого человека в таком состоянии и есть формула счастья.

Действительно, это было счастливое для Вырубова время. Молодая французская республика была в зените своей славы и, казалось, осуществила политические и социальные идеалы позитивизма. Республиканская форма правления, выстоявшая в ожесточенных схватках с монархистами и клерикалами, школьная реформа, закон о всеобщем бесплатном светском образовании – все это было воплощением идеи в ее чистом виде, еще не омраченной неизбежными издержками, ограничениями, извращениями, коррупцией, расколом единомышленников и проч. Все это случилось позже, а в середине 70-х годов. Вырубову еще охотно верилось в возможность трудиться в условиях гражданского мира в стране и мира между народами. Для людей активных открылось необозримое поле деятельности, необходимо было создавать новое общество, преодолевать разруху, оставленную крахом второй империи¹²⁹. Вырубову думалось, что Франция опять встала во главе цивилизованного человечества, что она ступила на путь, к которому безотчетно стремятся все народы Западной Европы. “Живем себе и поживаем припеваючи,” – писал Вырубов Петунникову в августе 1876 г.¹³⁰

В конце 70-х годов гостеприимный дом Вырубовых был привлекателен для многих: в нем бывали М.М. Ковалевский, И.С. Тургенев, Н.В. Ханыков. К ним зачастил П.Л. Лавров. Его принимали без всяких церемоний: “Приходите, когда хотите, – чем скорее, тем лучше – вы знаете, мы вам всегда рады”¹³¹. По воспоминаниям Тимирязева, споры в доме, где хлопотала молодая хозяйка, затягивались далеко за полночь, удивляя французскую женку своим шумом¹³². Особенно неистовствовал сам хозяин

¹²⁸ Там же. Д. 13. № 114. Л. 251.

¹²⁹ *Éméry L.* La Troisième République. P., [1943]. P. 52.

¹³⁰ НБ МГУ Ор. Ф. 12. Карт. 1. Д. 12. № 113. Л. 250 об.

¹³¹ Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову. С. 192.

¹³² *Тимирязев К.А.* Григорий Николаевич Вырубов: Обрывки личных воспоминаний // Сочинения. М., 1939. Т. 9. С. 93.

дома, в характере Вырубова было оставить последнее слово за собой.

В разгар этой мирной идиллии Вырубов совершил довольно опасную вылазку. В июне 1877 г. в начале русско-турецкой войны он сообщил Петунникову, что едет в действующую армию на Кавказ. Он привел два довода в свое оправдание: “патриотический” – ему хотелось помочь России в ту пору, когда она более всего нуждается в “обстрелянных” людях: “Так или иначе я России обязан многим, пришло время платить долг и я его плачу”. Вторая причина была более прозаической – “расшевелить несколько заржавелый организм”. Вырубов предвкушал сильные ощущения и энергичную работу: “Примемся опять за ножи, за зонды, за щипцы, будем только слышать свист пуль, шипение гранат – вещи не новые и не интересные, нетрудно будет свыкнуться тому, кто проделал трудную школу двух парижских осад”.

Действительность обманула его ожидания. На Кавказе он получил назначение начальником санитарной службы Красного креста Эриванского отряда. В селении Игдырь у подножия Арарата он оказался вдали от военных действий, до него едва доходили слухи о том, что делается в передовых частях. Такая обстановка располагала к скуке: “нервы притуплены, впечатления воспринимаются туго, вяло, а здоровье процветает”¹³³. Впрочем, и в таких условиях он не остался без занятий, так как нашел “беспорядки, безначалие, бестолковщину в гомерических размерах”. Пришлось принимать “энергические меры”, чтобы практически на пустом месте создать санитарную службу. Военные действия в письме к Лаврову он оценил как “ряд промахов, неумелостей, грубых ошибок,” и считал, что плата за войну, которую начали на авось, без серьезной подготовки, будет велика¹³⁴. За неполные четыре месяца своего пребывания на Кавказе, откуда его прогнала жестокая лихорадка, Вырубов сумел наладить санитарную службу, которую оставил на попечение энергичного и добросовестного К.Н. Лишина.

Военные заслуги Вырубова были отмечены русским и французским правительствами. За участие в русско-турецкой войне он был награжден орденом Св. Владимира. В 1884 г. французское правительство наградило его орденом Почетного легиона за заслуги на военном и гражданском поприще. При всей нелюбви ко “всяким разноцветным ленточкам”, опасаясь недоброжелательной реакции со стороны русских властей, Вырубов принял награду, так как считал отказ от нее непозволительной гру-

---

¹³³ НБ МГУ Ор. Ф. 12. Карт. 1. Д. 12. № 115. Л. 250, 254–254 об.

¹³⁴ Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову. С. 190.

бостью¹³⁵. Наивысшим признанием была оценка друзей-позитивистов. Они приветствовали человека, который “во время наших несчастий, обнаружил по отношению к своей названной родине более мужественную и действенную любовь, чем доброе число наших несчастных соотечественников”¹³⁶.

Август–октябрь 1879 г. Вырубов провел в материнском имении Екатеринино. Оттуда Петунникову в Москву был отправлен целый список нужных медикаментов, в том числе необходим был хлороформ для хирургических операций. Вырубов признавался, что его медицинская практика в деревне разрослась “до колоссальных размеров”, “болезней бездна и самых разнообразных”. Он пытался разобраться в их причинах и приходил к выводу, что они коренятся в тяжелых условиях быта, отсутствии элементарной гигиены и недоедании. Он сделал несложную операцию деревенскому мальчугану Феде и хлопотал о помещении его в московскую клинику для более сложной операции. Кроме того, он полагал что этот случай интересен для медицины¹³⁷.

Живя в Екатеринино, Вырубов настойчиво звал Петунникова, да не с пустыми руками, а с ружьем и патронами. “Перепелов бездна, волков и лисиц много, вальдшнепов гибель”, – завлекал он друга. Из-за обилия дичи Вырубов задержался в деревне до первых чисел октября. Это была последняя, неомраченная имущественными неурядицами встреча всех членов семьи Вырубовых. Именины матери были отмечены шумным фейерверком.

Середина жизни: 80–90-е годы XIX в.

Встречи с Н.С. Тургеневым, речь на гражданской панихиде писателя. Болезнь и смерть жены. Повторный брак. Защита докторской диссертации. Натурализация. Раздел имущества. Вырубов – русский помещик. Друзья-“москвитяне”: А.Н. Петунников, В.Ф. Лугинин, М.М. Ковалевский. Лицейские друзья: Д.Ф. Кобеко, А.Г. Небольсин, Н.А. Тройницкий. Поездка в Россию. Смерть матери и сестры. Чтение курса лекций по молекулярной физике. Участие в “деле Дрейфуса”.

Жизнь Вырубова в Париже в 80–90-е годы менее богата внешними событиями. В 1883 г. он завершил издание журнала “Позитивная философия” и всецело занялся научной работой.

¹³⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 151. Л. 325 об.

¹³⁶ Ph. pos. 1872. Т. 8, N 5. P. 218.

¹³⁷ НБ МГУ Ор. Ф. 12. Карт. 1. Д. 15. № 123. Л. 124–125; № 125. Л. 268–271 об.

Это было время углубленных сосредоточенных исследований. Внешнее проявление такой деятельности можно найти в многочисленных публикациях, в выступлениях на заседаниях научных обществ и конгрессов, в неформальном общении с французскими и русскими коллегами.

Общественная жизнь в третьей республике вскоре разочаровала сторонников новой формы правления. Не такой представляли ее многие горячие приверженцы. Устроить общество на началах разума и справедливости, как об этом некогда мечтали идеологи позитивизма, не удалось. Некоторые трезвые наблюдатели поняли это еще в разгар триумфов третьей республики. На церемонии приема Э. Литтре во Французскую академию в 1873 г. его коллега Шампени заметил: “Прогресс века, увы, не сделал войну менее неизбежной, военщину менее свирепой, революцию более милосердной, парижских пролетариев более способными к управлению Францией, Германию более дружественной, а Италию более признательной”¹³⁸. Скоро новая власть стала бюрократической, коррумпированной, милитаристской и чуждой интересам большинства общества. Вырубов не без горечи отмечал засилье меркантильных интересов в действиях граждан республики, алчную жажду обогащения и наживы. Он наблюдал, как гибкие и уступчивые соглашатели “идут на приступ всех мандатов, всех местечек, всех знаков отличия, всех доходных постов”, они образуют целые приятельские кланы, нимало не заботясь о делах страны.

Вырубов считал, что даже при разгуле столь низменных страстей политика должна оставаться нравственной или, по крайней мере, стремиться к этому. На фоне общего упадка нравов Вырубов сохранял чистоту своего внутреннего мира. Близкому другу де Роберти и многим современникам он казался выходцем с другой планеты, представителем иного, более совершенного мира, настолько он был чужд саморекламе, карьеризму, проталкиванию вперед¹³⁹.

Свою потребность служения общественному благу Вырубов по-прежнему реализовал в масонской деятельности, отстаивая светский характер образования, он даже отказывался от принципа свободного преподавания, чтобы не дать клерикалам свободу рук. Он много занимался делами благотворительности, тратя, по его собственному признанию, на помощь полезным делам и достойным людям большую часть своего состояния¹⁴⁰. Согласно ма-

---

¹³⁸ *Littré E.* Discours prononcé à l'Académie Française. P., 1873. P. 60.

¹³⁹ *Де Роберти Е.В.* Памяти духовного вождя // *Вестн. Европы.* 1914. № 1. С. 398.

¹⁴⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 21. Д. 1. № 181. Л. 384.

сонским заветам, благотворительность оставалась анонимной. Близкий друг семьи, генерал Э. Журди писал о Вырубове, что его благотворительность никогда не была показной, высшей наградой для него было моральное удовлетворение. Он воспринял учения масонства искренно, без малейшего ханжества. “Больше чести, чем почестей”, – таким, по наблюдениям Журди, был жизненный девиз Вырубова¹⁴¹.

В августе 1883 г. русская диаспора в Париже прощалась с И.С. Тургеневым. Вырубов и Тургенев были знакомы с начала 70-х годов. Отношения между ними были скорее приятельские, чем дружеские. Вырубов зачитывался сочинениями писателя, но их литературные вкусы расходились, о чем намекает записка Тургенева к Н.В. Ханыкову, в которой Вырубов назван “человеком строгим и к русской литературе мало расположенным”. Особенно разнилось их отношение к современным французским писателям, в частности к Э. Золя, творчество которого ценил Тургенев и не принимал Вырубов¹⁴². Сохранилось 20 писем Тургенева к Вырубову, все они опубликованы в советское время¹⁴³.

Некоторые записки касались общих хлопот обоих корреспондентов. С помощью Тургенева и корреспондента “СПб. ведомостей” Э.К. Ватсона Вырубов устраивал в Париже семейство русской певицы М.В. Адлер. В свою очередь Тургенев просил Вырубова “своей богатой опытностью парижской жизни и науки” поддержать сына писателя А.Ф. Писемского, Павла Алексеевича, стипендиата Московского университета по кафедре права¹⁴⁴. Большая часть посланий Тургенева – это приглашения на дружеские обеды, их участниками в основном были русские литераторы и художники: П.В. Анненков, В.Ф. Корш, П.В. Жуковский, Л.А. Харламов, А.П. Боголюбов, бывал на этих сборищах близкий друг Тургенева востоковед, географ и этнограф Н.В. Ханыков. “Живопись будет торжествовать”, – предупреждал Тургенев Вырубова, приглашенного вместе с братом в ресторан Маньи на проводы писателя в Россию, и называл имена участников: А.П. Боголюбова, А.А. Харламова, стипендиатов Академии художеств И.Е. Репина и В.Д. Поленова. На таких обедах Вырубов познакомился с Анненковым и Поленовым. Тургенев вместе с Ханыковым охотно посещал обеды в доме Вырубовых.

¹⁴¹ Jourdy E. Wyruboff: Sa vie, son oeuvre // Rev. sci. 1914. N 1. P. 19.

¹⁴² Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28 т. М.; Л. 1966. Т. 11. С. 65.

¹⁴³ ИРЛ. 2198. Разр. VII. М. 4. Письма И.С. Тургенева Г.Н. Вырубову изданы и прокомментированы. См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 106, 116, 133, 135, 146, 202, 228, 231, 280; Т. 11. С. 5, 20, 36, 40, 51, 72, 73, 82, 247; Т. 12, кн. 1. С. 119.

¹⁴⁴ Там же. Т. 10. С. 280.

Вырубов бывал на благотворительных “литературно-музыкальных” чтениях в доме Полины Виардо в пользу русских эмигрантов. 17 февраля 1875 г. он был приглашен на “музыкальное утро” с участием хозяйки, пианистки А.Н. Есиповой, а также писателей Г.И. Успенского, Н.С. Курочкина и самого Тургенева. Вырученные деньги пошли на устройство читальни для неимущих русских студентов, таким образом, было положено начало формированию крупнейшей на Западе библиотеки русской литературы, так называемой Тургеневской библиотеки. Вырубов принимал большую часть этих предложений, так как дорожил общением с соотечественниками и возможностью говорить по-русски.

Он оказался в числе немногих, кого допускали к постели больного Тургенева, участвовал в гражданской панихиде писателя, устроенной в помещении вокзала Северной железной дороги в Париже. Перед ним на панихиде выступили французский историк Э. Ренан и писатель Э. Абу.

Речь Вырубова русский полицейский чиновник нашел тенденциозной¹⁴⁵. Русскую охранку задело за живое упоминание Вырубовым “двух пионеров русской цивилизации” на Западе Герцена и Тургенева. В прощальном слове Вырубов развил свой излюбленный тезис о том, что безупречная форма, а не голая идея, как бы она ни была хороша, властвует над умами людей. Тургенев обладал этой “безупречной и совершенной формой”, свойственной великим писателям, поэтому его идеи вызывали восхищение даже у противников. “Твои творения всегда будут примером и поучением, они останутся вечно юными, ибо они безгранично прекрасны, ибо в них живет истина. Человеческая жизнь смертна, то, что вечно и непреложно, – это искусство на службе великой идее, это идея на службе великой цели”, – закончил Вырубов¹⁴⁶. В лице Тургенева, по мнению Вырубова, Россия обрела элемент “примирения и согласия”, в котором она так остро нуждается, чтобы благополучно миновать переходную эпоху своей истории, Запад и Восток получили посредника того сближения, ради которого писатель трудился всю жизнь¹⁴⁷.

Вырубов с некоторой обидой писал Петунникову, что его речь, не содержащая “ничего резкого” и одобренная всеми русскими, присутствовавшими на прощании с Тургеневым в Париже, не была напечатана в газете “Новости.” Он получил целую кипу

---

¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102 (ДП 3-е делопроизводство). Оп. 80. Д. 568. Л. 7 об.

¹⁴⁶ Там же. Л. 6 об.

¹⁴⁷ Лит. наследство. М., 1967. Т. 76: *Тургенев И.С.* Новые материалы и исследования. С. 662–663.

благодарностей, но все больше от французов, приезжающие в Париж соотечественники более интересуются “бульварами и Елисейскими полями”, – с горечью замечал он¹⁴⁸.

Начало 80-х годов было омрачено тяжелой болезнью жены. Признаки недомогания обнаружили у Анны Вырубовой вскоре после замужества. С годами проявления болезни приобретали все более зловещий характер. Вырубов обратился к лучшим врачам Парижа, были испробованы все современные средства терапии – электричество, водолечение, неоднократное лечение в знаменитом санатории в Крейцнахе. Молодой организм сопротивлялся болезни, но бывали приступы, когда Вырубов неделями не отходил от постели больной. В 1881 г. он понял, что молодая женщина обречена. Во время обострения болезни жены он писал другу, призывая быть снисходительным к долгому молчанию: “до того безобразно и неумолимо съедена каждая минута моей все более и более труженнической жизни. К обычным, уже всякую меру перешедшим обязанностям, прибавилась и тяжелая, неизлечимая, и в последнее время, опасная болезнь жены. К рабочим дням прибавились бессонные, горем наполненные ночи”¹⁴⁹.

Агония длилась долго. Временами болезнь отступала, врачи обнадеживали Вырубова. Но после каждого нового приступа он убеждался в верности собственного диагноза – неизлечимая болезнь, против которой “нет ни медицинских, ни хирургических пособий”. Ему было бесконечно горько наблюдать страдания молодого, ни в чем неповинного существа “без всякого упования на будущее”. Он решился на отчаянный шаг, в декабре 1884 г. переехал из центра города на окраину, в Отей. Переезд обошелся дорого, Вырубов влез в долги, но он надеялся, что более комфортные условия жизни на “чистом воздухе”, в просторном доме немного продлят жизнь больной и облегчат ее страдания. Одно его огорчало, что Анна не может выйти из дома, чтобы насладиться тишиной и видом прекрасных деревьев. “За эти, сравнительно отрадные минуты, я бы признаться много дороже этого заплатил”, – писал он Петунникову, имея в виду 40 тыс. франков, потраченные на переезд¹⁵⁰.

1(13) января 1886 г. Вырубов сообщил Петунникову, что умерла “бедная моя, многострадальная жена”. Благодаря знакомствам в городском магистрате Вырубов получил место на любимом ею, но уже 10 лет как закрытом “прекрасном кладбище” в Пасси.

---

¹⁴⁸ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 18. № 133. Л. 286.

¹⁴⁹ Там же. № 128. Л. 275 об.

¹⁵⁰ Там же. Карт. 2. Д. 20. № 170. Л. 362а.

Его тронули и немного утешили знаки внимания окружающих – около 200 писем и телеграмм соболезнования из разных концов Франции и из заграницы, многие знакомые звали его в гости. Единственным спасением для себя Вырубов считал работу и деятельную атмосферу Парижа. “Его лихорадочная, занятая жизнь, многосложность сплетающихся в нем интересов, из которых ни один не чужд мне вполне, необходимы мне теперь, как воздух необходим для дыхания”, – отвечал он на приглашение Петунникова приехать на родину. “Перед своим собственным будущим я закрываю глаза”, – писал он и вернулся к работе и повседневным делам, которые прерывал только на время тяжелых приступов болезни жены¹⁵¹.

В день годовщины смерти жены в январе 1887 г. Вырубов писал Петунникову, что время и спешная работа несколько затянули рану, но “воспоминание живет упорно и скорбь не прошла”¹⁵².

Осенью 1888 г. он сообщил другу, что “опять обзавелся хозяйкой”. Это была Софья Рише, сестра известного физиолога, позже лауреата Нобелевской премии Ш. Рише – “доброе, тихое, несколько жизнью надорванное и забитое существо”¹⁵³. Вырубов надеялся, что со временем из нее выйдет “весьма сносная подруга”. Он не обманулся в своих ожиданиях. Софья Вырубова прониклась интересами мужа, сжилась с его труженнической жизнью, сошлась с его родственниками и друзьями, взяла на себя хлопоты по дому и часть забот, связанных с денежными делами, постаралась, чтобы ничто не нарушало “крайне регулярный обиход, рассчитанный так правильно, как правильно наливованная музыкальная бумага”¹⁵⁴. После того как “домоклов меч” болезни в 1895 г. навис над ним самим, Вырубов узаконил свои отношения и постарался обеспечить материальные интересы жены, чтобы не оставить ее в случае своей смерти без средств к существованию.

---

¹⁵¹ Там же. Д. 21. № 179. Л. 379–379 об.

¹⁵² Там же. Д. 22. № 207. Л. 427.

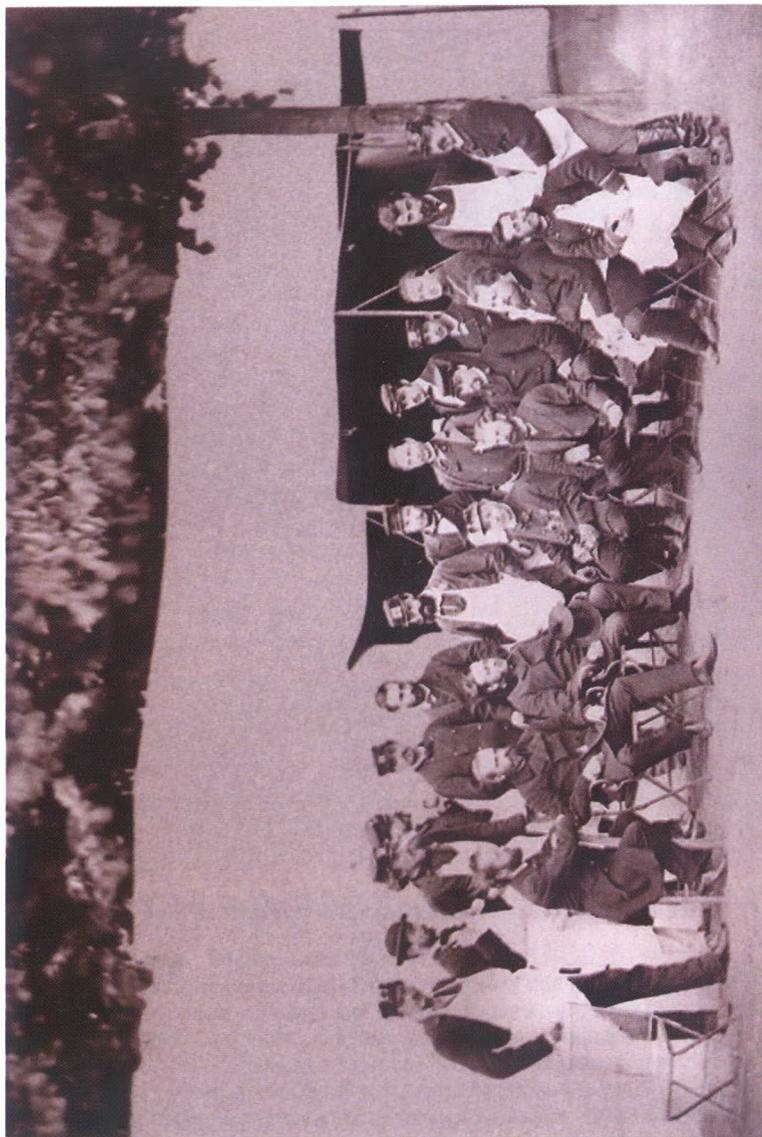
¹⁵³ Полное имя – Sophie, Léontine Richet.

С Шарлем Рише Вырубов дружил уже давно. Их сблизил принадлежность к масонству, увлечение охотой, серьезный интерес французского ученого к перспективной, как ему не без основания казалось, русской науке. В 1886–87 гг. он издавал в Париже “Журнал славянской биологии” (*Archives slaves de biologie*), центральное ядро которого составляли публикации русских биологов. Журнал не собрал необходимого числа подписчиков и скоро закрылся. Позже Рише повторил попытку, в 1924–25 гг. в Париже под его редакцией выходил двуязычный “Франко-русский журнал медицины и биологии” (*Revue franco-russe de médecine et de biologie*) для пропаганды работ русских ученых (*Любина Г.И.* Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX века). М., 1996. С. 203).

¹⁵⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 36. № 457. Л. 981.

**Г.Н. Вырубов – литографированный портрет 1870 г.
(НБ МГУ ОР)**

Г. Н. Вырубов, третий слева, в составе санитарной группы Национальной гвардии во время Парижской коммуны (1871 г.) (Из собрания Н.В. Вырубова)

**Г.Н. Вырубов по возвращении из путешествия в Черногорию.
Надпись на фотографии по-французски: “Моему дорогому Петру Павловичу
[Свиньину], философ, вернувшийся несолоно хлебавши из Черногории”.
Г. Вырубов. Париж, 8 ноября 1873 г. (Из собрания Н.В. Вырубова)**

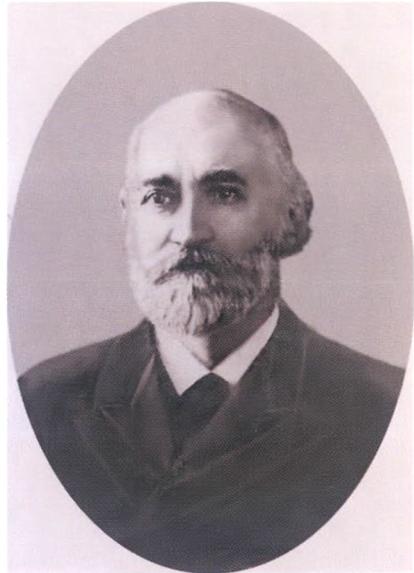

Фотографія **В. Барканова**
Тифлисъ Кавказъ.

Г.Н. Вырубов, 1877 г. Тифлис. Проездом для участия в русско-турецкой войне.
(Из собрания Н.В. Вырубова)

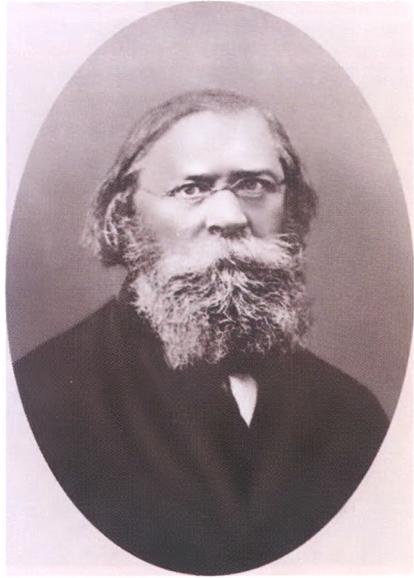
В.Ф. Лугинин
(Иконотека ИИЕиТ)

А.Н. Петуников
(Иконотека МОИП)

Е.В. Роберги (Литературное
наследство. Т. 41–42. А.И. Герцен
П. М., 1941, с. 35)

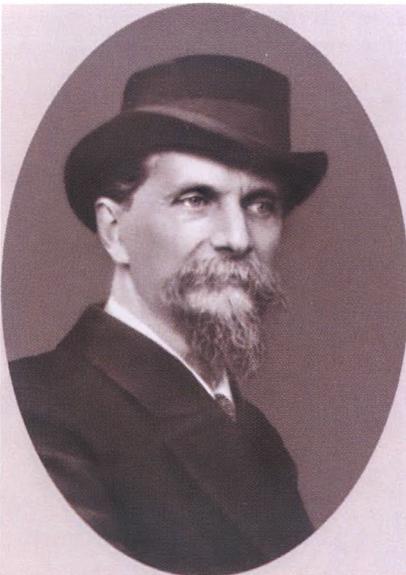
П.Л. Лавров
(Иконотека ИИЕиТ)

П.Д. Боборькин
(Вестник Европы, 1910, № 11)

М.М. Ковалевский
(Иконотека ИИЕиТ)

К.А. Тимирязев
(Иконотека ИИЕиТ)

Д.Н. Анучин
(Иконотека ИИЕиТ)

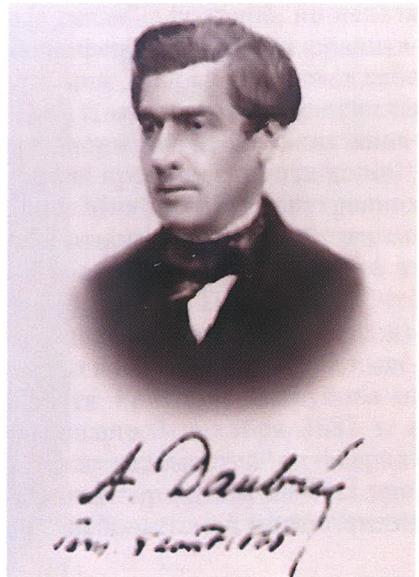
А.Г. Столетов
(Иконотека ИИЕиТ)

И.А. Каблуков
(Иконотека ИИЕиТ)

**Г.Н. Вырубов, фото середины
1870-х гг. (Иконотека ИИЕиТ)**

Г. Добре
(Иконотека МОИП)

Ж. Мариньяк
(Иконотека МОИП)

А. Наке
(Иконотека ИИЕиТ)

С этой целью он предложил Петунникову подписывать на ее имя денежные переводы из России¹⁵⁵.

Болезнь первой жены совпала с хлопотным делом защиты диссертации. Вырубов уехал из России, махнув рукой на магистерскую защиту. В первые годы в Париже он не нуждался в научной степени, был материально независим, 10 тыс. рублей серебром вполне покрывали его расходы, частная лаборатория обеспечивала исследовательские интересы, в научных кругах Парижа в качестве “свободного исследователя” он пользовался авторитетом, не требовавшим формального подтверждения.

С конца 70-х годов значительно сократились, а иногда и совсем прекращались денежные поступления из России. Тогда Вырубов впервые задумался о защите докторской диссертации. Намерение защитить в 1879 г. магистерскую диссертацию в Петербурге, которую он собирался срочно “сколотить”, Вырубов оставил, видимо, из-за болезни жены¹⁵⁶. К этой теме он вернулся в 1884 г. Решил сразу же защитить докторскую диссертацию, минуя магистерскую защиту. Приготовления заняли 1884–1885 гг. В конце февраля 1886 г. Вырубов защитил в Сорбоне диссертацию и стал доктором наук (подробнее см.: гл. III).

Ранее Вырубов тянул с переходом во французское гражданство, ему не хотелось рвать “святые связи” с родиной, но нельзя было и помыслить о профессорской кафедре, не будучи французским гражданином. Защитив диссертацию, Вырубов отрезал себе пути к отступлению. В сентябре 1887 г. он послал прошение на “высочайшее имя”, заручившись поддержкой нескольких влиятельных друзей в Петербурге, которых просил ускорить дело¹⁵⁷. Уже 3 октября того же года по запросу Министерства внутренних дел России в Департамент полиции в отношении ходатайства титулярного советника Григория Вырубова “об увольнении его из подданства России” последовало распоряжение П. Дурново, “что препятствий со стороны ДП не встречается”, “высочайшее соизволение об увольнении проживающего в Париже магистра императорского Московского университета Григория Вырубова из российского подданства” было подписано 3 декабря 1887 г. и опубликовано в 10-м номере “Сенатских ведомостей” за февраль 1888 г.¹⁵⁸ Вырубов позабавился, что этим приказом он был произведен в магистры. “Я теперь могу требовать мой магистерский

---

¹⁵⁵ Там же. Карт. 2. Д. 33. № 387. Л. 823.

¹⁵⁶ Там же. Карт. 1. Д. 15. № 121. Л. 266.

¹⁵⁷ Там же. Карт. 2. Л. 22. № 222. Л. 452 об.

¹⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 586. Л. 12, 14.

диплом”, – писал он Петунникову¹⁵⁹. Вскоре после этого Вырубов получил “малую натурализацию” у французов и спустя несколько месяцев был утвержден в правах французского гражданина.

Перемена подданства имела еще один мотив. В 80-е годы, по настоянию Григория Николаевича, семейство Вырубовых занялось разделом собственности. Прежде чем вступить во владение наследством, Вырубову пришлось выдержать мучительную эпопею по разделу имущества. Хозяйственные дела всей семьи вел в ту пору Василий Николаевич. Вырубов относил своего младшего брата с его “беспутным способом ведения дел” к преобладающей части русского дворянства, этого “рода голышей и сан-кюлотов, неспособных вести финансовые дела”¹⁶⁰. Он серьезно опасался, что своей системой “латания дыр”, бесконечными займами и закладыванием земель брат доведет дело до финансового краха. Г.Н. пришлось выдержать натиск всего семейства, но он твердо гнул свою линию “сохранения не имения, а состояния, чтобы не лишиться всего”, и решительно отказался давать деньги в займы для спасения каких-то кусков семейной вотчины. Благодаря бесконечным согласованиям и дипломатическим способностям Петунникова, на которого пала вся тяжесть переговоров, удалось закончить дело полюбовно без “судоговорения” и других крайностей. На этом настоял Вырубов, он дорожил миром в семье, особенно ему не хотелось ссориться с матерью “да еще из-за совершенных пустяков”¹⁶¹.

Вырубов благодарил друга за то, что ему удалось “уладить миролюбиво на этот раз не только важный, но и капитальный раздор”¹⁶². Из четырех земельных владений семейства Вырубовых в Пензенской, Саратовской и Тамбовской губерниях, остались только два. Деньги, вырученные от аукциона, были частично потрачены на выкуп заложенных земель, а остаток был поделен между матерью и сестрой. Г.Н. получил имение Вырубовка в Саратовской губернии. Это было родовое имение Вырубовых с барской усадьбой и шестьсот тремя десятинами земли, унаследованное отцом в свое время от покойного брата, отставного поручика Александра Николаевича. Василий Николаевич получил соседнее имение “Колтовское”. Более всего пострадала мать, она отдала свои деньги на спасение “беспутного” хозяйства брата. Вырубов предложил матери либо перебраться к нему в Париж,

---

¹⁵⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 27. № 299. Л. 651 об.

¹⁶⁰ Там же. Д. 21. № 206. Л. 422.

¹⁶¹ Там же. Д. 21. № 198. Л. 409.

¹⁶² Там же. Д. 23. № 235. Л. 478 об.

либо поселиться в Вырубовке. Тогда же он назначил ей содержание в 3 тыс. руб.¹⁶³

Вначале Вырубов намеревался продать свою земельную собственность в России и торопил Петунникова с переводом на Запад его ценных бумаг¹⁶⁴. Французское гражданство в корне изменило дело. Как иностранец Вырубов имел право на владение землей в России и над ним не висела угроза конфискации имущества, как это не раз бывало с русскими эмигрантами. Вырубов решил сохранить земельную собственность, “этот последний угол моего состояния в России, без которого мне здесь трудно будет жить и без которого матери скоро вовсе жить нельзя будет”¹⁶⁵.

К новому для него амплу хозяина земельной собственности Вырубов приноровился достаточно быстро. Для русских интеллектуалов последней трети XIX в. такое занятие не было большой редкостью. Ближайшие друзья Вырубова В.Ф. Лугинин и М.М. Ковалевский обладали настоящими латифундиями, успешно хозяйничал на своей земле в Старицком уезде Е.В. де Роберти. Пример Вырубова любопытен тем, как он согласовал свои общие соображения о сельскохозяйственной экономике с практикой ведения хозяйства. Он просил Петунникова о “далеко из ряда обычных дружеских услуг выходящее попечение о делах моих”¹⁶⁶, но сам не устранился от управления имением, вникая в такие тонкости, как разбивка сада, настилка новых полов в барском доме, разборка обветшалых флигелей и проч. Петунников держал его в курсе всех подробностей ведения хозяйства, сам Вырубов имел деловую переписку с управляющим и стариками-крестьянами.

Вырубов наметил общую линию развития, его подход отличался осмотрительностью и отсутствием мелочности. Причину хозяйственной несостоятельности русского дворянства Вырубов видел в неумении сводить доходы с расходами, в необоснованных претензиях “на ложную роскошь”. По поводу агонии соседней “колтовской экономии”, ради спасения которой мать продавала свои последние драгоценности, он писал: “Клубок подойдет, наконец, к концу, как это случилось с Екатеририно. Останется менее булавок, брошек и серебряных кувертов, зато является физическая необходимость идти далее и придется считать свои доходы и расходы”¹⁶⁷. В конце 80-х годов ему пришлось жестко

¹⁶³ Там же. Д. 25. № 268. Л. 588.

¹⁶⁴ Там же. Д. 22. № 207. Л. 423.

¹⁶⁵ Там же. Д. 24. № 245. Л. 543.

¹⁶⁶ Там же. Д. 25. № 263. Л. 576.

¹⁶⁷ Там же. Д. 27. № 303. Л. 657 об.

экономить на всем, но он не пытался решить свои экономические трудности за счет Вырубовки.

При отсутствии личного надзора за именем и достаточного оборотного капитала Вырубов принял решение о сдаче земли в аренду. Он исходил из того, что арендная плата – величина переменная, особенно в “шатких экономических условиях” России. В пору аграрного кризиса Вырубов принимал падение арендной платы как нечто неизбежное. Он был противником хозяйствования, построенного на конъюнктурных колебаниях, когда за счет роста цен на зерно хозяйство благоденствует только в голодные годы. “Хозяйственная система должна существовать для нормального среднего времени, а не для исключительных случаев”, – осуждал он спекулятивные махинации своего управляющего, который искусственно завышал арендную плату, а на оставшейся несданной земле завел собственное прибыльное хозяйство. Все эти плутни были разоблачены, а зарвавшийся управляющий уволен.

При заочном ведении хозяйства Вырубов отводил исключительную роль наемному управляющему, которого называл “приказчиком”. Он положил за правило достойно оплачивать добросовестный труд управляющего при тщательном контроле за его действиями, требуя ежемесячного финансового отчета. Одна из целей жесткого контроля – предотвратить истощение земли, возможное при погоне за быстрой прибылью. Вырубов призывал Петунникова внимательнее относиться к хозяйственным инициативам приказчика, не отвергать их сходу, а требовать разумного, в том числе финансового, обоснования, и предупреждал, что следует это делать деликатно, не роняя авторитета управляющего в глазах крестьян.

Анализируя многовековую практику аграрных отношений в России Вырубов пришел к заключению об ослаблении класса земледельцев. Он наказывал “приказчику” поддерживать жизненные силы крестьянских хозяйств, не доводить их до истощения чрезмерными поборами, жить в мире с крестьянами, избегать “всяких препирательств”¹⁶⁸.

Вместе с тем он наблюдал некоторую пассивность и иждивенчество русского крестьянина. Вырубов не любил “декоративной филантропии”, когда пожертвованные деньги исчезают нивесть куда или оседают в кармане сельского старосты. Во всех своих благотворительных акциях в пользу крестьян он требовал их взаимного участия. На таких условиях Вырубов прирезал крестьянам землю для сельского кладбища, предоставил в их временное пользование барский дом, требуя при этом, чтобы они сами вы-

---

¹⁶⁸ Там же. Д. 26. № 290. Л. 630.

делили недостающие 10 десятин земли и содержали дом в приличном виде.

Вырубов вступил во владение имением, когда оно уже в течении многих лет было убыточным. На неоднократные предложения продать Вырубовку он отвечал отказом, потому что знал, что ее земля плодородна и со временем может дать прибыль. На первых порах обходились самыми необходимыми мерами. За 90-е годы Вырубовка постепенно поднялась. По эмпирическим подсчетам Вырубова, его имение должно было приносить 4 тыс. годового дохода, после 1890 г. доходы стали увеличиваться и составили к 1899 г. в среднем 4250 руб. в год.

В начале XX в. Вырубовка переживала времена расцвета. Обсуждались планы возведения нового дома взамен обветшавшего старого, совместного с соседом строительства водяной мельницы, подъема луговых земель под пашню. Вырубов, как всегда, предостерегал предприимчивого управляющего от расточительных трат.

В 1903–1905 гг. управляющий искусно поддерживал равновесие между растущим недовольством крестьян и интересами хозяина. Вырубов считал, что “возмущение духа крестьян” – вполне естественное следствие всей предшествующей истории аграрных отношений в России. Он готов был пойти на рассрочку платежей для бедствующих от неурожая крестьян¹⁶⁹. Управляющий сумел провести Вырубовку через все потрясения 1905 г., в соседнем Колтовском не обошлось без “беспорядков”. Вырубов восхищался умением управляющего: “Этому человеку место в Думе, гораздо более, чем моему племяннику Василию Васильевичу, – он по крайней мере будет спокойно говорить о деле, а не ораторствовать о неизвестных ему предметах”¹⁷⁰. В то же время Вырубов понимал, что в условиях безвластия будущие аграрные волнения сметут все принципы международного права, и он лишится своих привилегий иностранного землевладельца. Его собственное здоровье не оставляло надежд на отдаленное будущее. Оставалось позаботиться об интересах жены. “Надо, очевидно, уступить необходимости, чтобы не потерять всего”, – заключил он и, скрепя сердце, согласился на продажу имения. В 1907 г. через Крестьянский банк Вырубовка была продана крестьянам. Вырученные деньги и все свои капиталы Вырубов перевел на имя жены. Одновременно с Вырубовым продал свои землевладения М.М. Ковалевский¹⁷¹.

---

¹⁶⁹ Там же. Карт. 3. Д. 38. № 490. Л. 1046; Д. 39. № 511. Л. 1090 об.; Д. 40. № 520. Л. 1114.

¹⁷⁰ Там же. Д. 40. № 523. Л. 1124.

¹⁷¹ Там же. № 542. Л. 1160.

“Скучные и малоинтересные заботы” о хозяйственных делах Вырубова стали испытанием его дружбы с Петунниковым. Вырубов не уставал благодарить друга, который обеспечил его материальное благополучие и относительно безбедную старость. Но Петунников сделал для Вырубова гораздо больше, он сохранил для потомства память о нем.

Алексей Николаевич Петунников, достойный ученый и общественный деятель, в настоящее время почти забыт, если не считать уже давнишнюю статью С.Ю. Липшица и небольшую биографическую заметку о нем в статье Н.В. Успенской¹⁷². Посвятим несколько страниц памяти этого человека, хотя бы в связи с биографией Вырубова.

В молодые годы Вырубова и Петунникова связали идеалы служения науке и общественной пользе. Жизнь Петунникова оказалась трудной, но от избранных принципов он не отступил, оставаясь верен делу и долгу. Это был прямой, честный, добросовестный и на редкость работоспособный человек. Независимый нрав и отсутствие дипломатичной гибкости делали его довольно беспомощным в коридорах российской бюрократии и препятствовали карьерному продвижению.

Материальное положение Петунникова было скромным, его родители были небогатые дворяне, не могли предоставить ему возможность шлифовать научное образование и знание европейских языков за границей. Вырубов помог Петунникову в приобретении к западной научной культуре, оплатив его первую заграничную поездку (осень 1865 – осень 1866 г.) и приняв его в своей парижской лаборатории зимой 1867 г. В дальнейшем, в конце 60-х – первой половине 70-х годов Петунников уже выезжал за границу, как репититор “отечественных уродов”, в числе которых был племянник Вырубова. Свои поездки за рубеж Петунников частично использовал для ботанических экскурсий, изучения гербариев, микроскопических исследований, прихватывая с собой “микроскопическую лавочку”. Позднее, в годы своей службы в Московской управе, он побывал во Франции, Швейцарии, Австрии, Германии. Петунников хорошо знал западноевропейскую научную литературу, переписывался с зарубежными коллегами и был поклонником немецкой школы систематизации растений.

Еще при жизни Петунникова существовала легенда, что знакомство с Вырубовым сгубило его научную карьеру. Скорее все-

---

¹⁷² Липшиц С.Ю. Московские ботаники: Дмитрий Петрович Сырейщиков (1868–1939) и Алексей Николаевич Петунников (1842–1919) // Бюл. МОИП. Отд. биол. 1968. Т. 73, вып. 4; Успенская Н.В. “Природа” до “Природы” // Природа. 1981. № 11.

го роковую роль сыграло не само знакомство, а скептическое отношение их обоих к влиятельной в 60–70-е годы в Московском университете партии А.П. Богданова и его учеников Я.А. Борзенкова, И.Н. Горожанкина и др.

Благодаря благосклонному отношению к нему “трех ботанических граций” естественного факультета Н.Н. Кауфмана, С.А. Рачинского, А.Г. Фишера фон Вальдгейма Петунникову удалось защитить магистерскую диссертацию “Метаморфоз клеточной стенки” (М., 1866), основанную на микроскопических исследованиях и выполненную в Париже. Автор, широко используя “превосходные работы” немецких авторов и труды своих предшественников, сформулировал вывод, что нельзя свести превращения клеточной стенки лишь к физическим и химическим явлениям, которые ей сопутствуют. После успешной защиты Петунников не был оставлен на кафедре. Университет, по мнению Вырубова, лишился способного сотрудника и прекрасного преподавателя, а жизнь Петунникова превратилась в постоянные поиски работы, причем ни одно из его занятий не было напрямую связано с научной деятельностью. Петунников начал преподавать еще в студенческие годы. В 1864–1865 гг., будучи кандидатом Московского университета, он читал общедоступные лекции по естественным наукам. Тогда Вырубов составил для друга целый список учебной литературы по математике, физике, химии, кристаллографии и сожалел, что лекции Петунникова проходят вне стен Московского университета. Позднее Петунников преподавал в Константиновском межевом институте и в гимназиях.

В конце 60-х годов он предпринял попытку устроить профессорскую карьеру: дважды участвовал в конкурсе на замещение кафедры в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве. Успех казался столь очевидным, что друзья обсуждали курс лекций по ботанике, “обнимающий все факты многосложной жизни растений” и тему докторской диссертации, “дабы скорее восходить по линии академических почестей”¹⁷³. “Счастливым соперником” Петунникова оказался “европейски образованный” и имеющий сильных покровителей К.А. Тимирязев. Неудачей окончилась попытка занять вакантное место в Лесном институте. Петунникова часто подводило “незнание научной интриги”, “нерешительность”, неумение подать себя.

В 70-е годы Петунников попробовал свои силы на издательско-журналистском поприще. В 1869–1870 гг. он публиковал статьи в московской газете М.П. Щепкина “Русская летопись”, в устройстве которой деятельно участвовал. Вырубов придирчиво

¹⁷³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 50. Л. 126 об.

следил за журналистскими опусами Петунникова, с радостью замечая, что с каждым разом его перо становится все более бойким и живым. Ему понравились статьи Петунникова о Политехнической выставке и о диссертации Г.Е. Струве. “Русская летопись” просуществовала недолго, за скромный некролог А.И. Герцена в 1870 г. ее издатель М.П. Щепкин лишился профессорской кафедры в Петровской земледельческой и лесной академии, а газета закрылась. Недолгим был век научно-популярного журнала “Природа” (1873–1877), в котором сотрудничал Петунников.

В 1873 г. Петунников устроился на службу в московскую городскую администрацию, с 1875 по 1888 г. он выбирался в члены Московской управы. Круг его обязанностей был очень разнообразным: он руководил насаждением бульваров, мощением и асфальтированием улиц, устройством водоснабжения и канализации, строительством складов и проч. Вырубов радовался за друга, что он наконец-то получил широкое поле деятельности, где могут развернуться его способности “дело делать”. Да, и “белокаменная” приобрела в его лице честного, способного и добросовестного человека. Объем служебных обязанностей был велик, приходилось разрабатывать проекты, составлять сметы, писать отчеты, заботиться о практической стороне дела. По свидетельству окружающих, Петунникову иногда приходилось вставать в 3 часа утра, чтобы управиться с делами. Вырубов не раз упрекал друга за излишнюю добросовестность, утешая “надеждой на благодарность будущих поколений москвичей”, для которых он расчищал “непролазную грязь”¹⁷⁴. “Что за беда, что там сидят какие-то консерваторы. Они теперь восседают везде в России”, – подбадривал он Петунникова, когда его проекты встречали сопротивление членов управы¹⁷⁵. Вырубов находил, что выборная работа в любом случае дает больше свободы, чем деятельность в рамках официальной бюрократической структуры. Для лучшего устройства городских дел Петунников изучал опыт западноевропейских стран и с этой целью не раз выезжал за границу, он бывал, как уже неоднократно отмечалось, и у Вырубова в Париже. Пользуясь широкими знакомствами в парижской администрации, Вырубов посылал другу специальную литературу: законодательные акты, министерские отчеты, финансовые сметы, связанные с благоустройством французской столицы. В адрес Петунникова приходили из Парижа образцы асфальта, партии кирпичей и проч.¹⁷⁶

---

¹⁷⁴ Там же. Д. 10. № 98. Л. 222.

¹⁷⁵ Там же. Карт. 2. Д. 29. № 178. Л. 376.

¹⁷⁶ Там же. Карт. 1. Д. 12. № 111. Л. 245.

Борьба с рутинными порядками в “Водопроводной комиссии” закончилась тем, что Петунников вышел из ее состава. Почти одновременно в 1899 г. потерпел банкротство издательский дом А.И. и Н.И. Мамонтовых. Перечень печатной продукции мамонтовского предприятия разнообразен, в частности там специализировались на издании отечественных и переводных естественнонаучных сочинений и учебников¹⁷⁷. Петунников сотрудничал с Мамонтовым с конца 60-х годов – подбирал наиболее интересные для перевода западноевропейские книги по математике, физике, химии, биологии, минералогии, писал предисловия, делал переводы. Вырубов помогал ему в поисках, пользуясь при случае советами французских специалистов, высылал нужные книги.

Петунников на какое-то время остался без работы. Вырубов “поставил на ноги” своих друзей в Петербурге и Москве – лицейского знакомого Н.А. Ольхина, Е.В. де Роберти и В.Ф. Лугинина. Осенью 1900 г. Вырубов с облегчением встретил известие о возвращении Петунникова к “городской деятельности”, не сомневаясь, что городу будет польза от “честного и компетентного” человека¹⁷⁸ и надеясь, что приобретенная в городских делах “опытность” позволит выкроить досуги для занятий ботаникой.

Вырубов с сочувствием отнесся к намерению Петунникова баллотироваться в городскую думу, он полагал, что влияние политических интересов на деятельность городского управления неизбежно, поскольку “надо же прежде всего устроить прочный фундамент общих учреждений, а на нем уже укладывать специальные городские или иные интересы”¹⁷⁹. В 1911 г. отметили 50-летие трудовой деятельности Петунникова, он освободился от муниципальной работы, получил заслуженную пенсию. Годом позже Вырубов и Петунников отмечали 50-летие своей дружбы. В “апофеозе” трудовой деятельности Петунникова Вырубов находил подтверждение верности избранного пути: “За это время, – писал он, – изменилась карта Запада и Востока, образовались новые государства, прогремело несколько революций, а мы с тобой все те же, идем или ползем по тому же раз намеченному пути”¹⁸⁰. Ему казалось, что прямая жизнь “полезнее всяких интриг”. Перу Петунникова принадлежит целый ряд отчетов, записок, популярных брошюр и заметок о благоустройстве Москвы, транспорте, в том числе и монография об улицах столицы.

---

¹⁷⁷ Книжный магазин Николая Ивановича Мамонтова. Каталог книгам (1873–1875). М., 1875.

¹⁷⁸ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 35. № 441. Л. 942 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 44. № 590. Л. 1256.

¹⁸⁰ Там же. Д. 42. № 644. Л. 1362.

При таком разнообразии занятий и постоянных поисках заработка Петунников никогда не бросал ботанических исследований, совершая во время своих поездок по России и странам Западной Европы “ботанические крючки”, иногда используя для этого летние каникулы. Объектом специального исследования стала для него флора Подмосковья, в этом он следовал по стопам своего учителя Н.Н. Кауфмана. В 1890 г. Петунников выпустил фундаментальное “Руководство по определению культурных и дикорастущих растений Московской губернии”¹⁸¹, предназначенное для всех любителей ботаники. Итогом его более чем тридцатилетних исследований стал капитальный труд “Критический обзор московской флоры” (СПб., 1896–1901. Т. 1–3). Эта книга была также напечатана частями в “Ботанических записках” за 1896, 1900–1901 гг. “Критический обзор” содержал исторический очерк московской флоры и, по мнению специалистов, отличался “глубоким знанием предмета, огромной эрудицией, силой убеждения”¹⁸².

Петунников трепетно относился к памяти своего учителя профессора ботаники Московского университета Н.Н. Кауфмана, посвятив ему магистерскую диссертацию. После смерти Кауфмана он издал небольшое “Воспоминание” о нем. Петунников отметил у своего учителя интерес к общим проблемам биологии, привитый К.Ф. Рулье, и его вклад в популяризацию естествознания в России, “популяризацию в ее настоящем значении, не требующую ни громкой рекламы, ни огромных средств для своего успеха”¹⁸³. В апреле 1871 г. на заседании МОИП Петунников выступил с инициативой издать курс морфологии и вступительную часть систематики растений, читанные Кауфманом в Московском университете. “Этот курс замечателен совершенно новым воззрением на морфологию и самой системой изложения вполне достоин того, чтобы он не умер вместе с живым словом Н.Н. Кауфмана”¹⁸⁴. Членов МОИП не пришлось уговаривать, решение об издании курса лекций московского ботаника было принято, но по каким-то причинам не осуществилось. В 1889 г. Петунников участвовал в переиздании книги Кауфмана “Московская флора”.

Алексей Николаевич был активным членом Московского общества испытателей природы. В 60–70-е годы он опубликовал много статей в “Бюллетене” Общества, в 1869–1870 гг. был его

¹⁸¹ *Петунников А.Н.* Иллюстрированное руководство к определению растений дикорастущих и разводимых в пределах Московской губернии. М., 1890.

¹⁸² *Липшиц С.Ю.* Указ. соч. С. 8.

¹⁸³ *Петунников А.Н.* Воспоминания о Николае Николаевиче Кауфмане. М., 1871. С. 5.

¹⁸⁴ Арх. МОИП. 1871. № 456. Л. 9–10.

библиотекарем, общество оказало помощь в проведении ряда его флористических работ. В 1908 г. в связи с 50-тилетием научной работы Петунников стал его почетным членом. Петунников был также членом Французского ботанического общества и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, не раз выступал на съездах русских естествоиспытателей.

В интеллектуальную жизнь Москвы Петунников вошел и как руководитель неформального кружка “флористов-любителей”, участники его занимались изучением флоры средней полосы России, преимущественно Московской области. Учениками Петунникова стали Д.П. Сырейщиков, А.А. Хорошков, П.В. Сюзев. Особенно много сотрудничал Петунников с Сырейщиковым, который продолжил его дело. Сырейщикову было суждено завершить работу многих московских флористов, начатую еще Н.Н. Кауфманом.

Петунников известен и московским библиофилам. В октябре 1889 г. он выступил одним из учредителей “Московского библиографического кружка”, поставившего целью составить каталог всех книг, вышедших в России с 1708 г., с момента появления первого издания, отпечатанного гражданским шрифтом¹⁸⁵.

Научной работе Петунникова, особенно в молодые годы Вырубов помогал приобретением у лучших мастеров Парижа современных научных инструментов, при этом учитывались пожелания Петунникова и его предложения по усовершенствованию тех или иных приборов. Вырубов отправлял в Москву научные книги, материалы для гербариев. Позднее он выступил критиком ботанических сочинений друга. Извиняясь за свою “ботаническую некомпетентность”, Вырубов высказывался об общей постановке вопросов, о расположении материала. В 1896 г. он приветствовал выход “Московской флоры” Петунникова с “весьма изрядными” рисунками его сына, Григория Петунникова. Петунников подарил умирающему Вырубому брошюру об улицах Москвы. Вырубов успел поблагодарить друга. Последняя их встреча произошла в Париже осенью 1907 г.

Остановимся несколько подробнее на взаимоотношениях Вырубова с другими русскими учеными, которые сыграли заметную роль в его жизни. В Париже жизнь близко свела Вырубова с Лугининым Владимиром Федоровичем. Лугинин не был эмигрантом, но из-за подозрительности русской полиции подолгу жил в Париже. Вырубова и Лугинина сближало помещичье прошлое, увлечение верховой ездой и фехтованием, интерес к химии, воспоминания о стране, “где цитроны не растут”. При этом их харак-

---

¹⁸⁵ *Заболотских Б.В.* Российские просветители. М., 1994.

теры были совершенно разные. Вырубова несколько раздражал мягкий, уступчивый, переменчивый характер Лугинина, его привязанность к “гнилой Москве” и к преподавательской работе, нерешительность, мешавшая повернуть судьбу в сторону эмиграции, его бесконечные метания между Москвой, Парижем и Швейцарией, его жизнь “международного вагабонда, неумеющего несмотря на огромные средства нигде укрепить путным образом свою палатку”¹⁸⁶. Все это создавало впечатление о Лугинине, как о человеке слабом, подверженном посторонним влияниям, находящемся под каблуком у своих “шельмоватых” французских родственников.

Впрочем, во время своего кочевания между Москвой и Парижем Лугинин служил Вырубову для передачи друзьям и родственникам в Россию некоторых изданий, писем, рукописей, корректур, ценных бумаг. Лугинин был безотказен в исполнении вырубовских “комиссий”, будь то покупка лошади кабардинской породы или пересылка “коместиблей” – всяческой вкусной деревенской снеди. Вырубов не раз гостил в швейцарском имении Лугинина Бэ, где встречал цвет французских химиков во главе с их старейшиной М. Бертло. Особенно памятной для Вырубова была их конная прогулка через Симплон на итальянские озера летом 1886 г. “В сущности, это слабый, бесхарактерный, но добрый и услужливый человек”, – писал он¹⁸⁷.

Оба очень отличались в подходе к научным исследованиям. Вырубов всегда различал “идейную” и “цифирную” науку. Лугинина он относил к последней. “Разве можно назвать наукой, – вопрошал он Петунникова, – бесконечное прибавление цифр к правой стороне дроби, отсчитывание тысячных долей градуса термометра?”. Такое занятие, по понятию Вырубова, более подходит “лабораторному мальчику”, а не серьезному ученому. Вообще, тема термохимических исследований казалась ему мало перспективной – колоссальное число голых фактов, на которые потрачены огромные деньги¹⁸⁸. Независимому Вырубову было совершенно непонятно “умственное иждивенчество” Лугинина, его совместные работы с А. Вюрцем, М. Бертло и другими французскими химиками, обладателями менее “звонких имен.” Все эти суждения Вырубова достаточно спорны, но он сумел уловить наиболее сильную сторону творческой натуры Лугинина. “Ему бы быть в Москве настоящим профессором химии, и профессором он был бы прекрасным, дело знающим и хорошо излагаю-

---

¹⁸⁶ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 41. № 534. Л. 1142.

¹⁸⁷ Там же. 12. Д. 35. № 426. Л. 913.

¹⁸⁸ Там же. Карт. 2. Д. 27. № 297. Л. 647.

щим”¹⁸⁹. Эта характеристика вполне подтвердилась преподавательской карьерой Лугинина в Московском университете. Вырубова восхищала работоспособность 70-летнего Лугинина, его готовность к ежедневным поездкам в лабораторию Сорбонны с окраины Парижа. “Что значит сила привычки и хорошая школа!”, – восклицал он¹⁹⁰.

Лугинин ценил в Вырубове практический склад ума, его способность трезво оценить ситуацию. Он держал Вырубова в курсе своих научных и семейных дел, посвящал его в творческие планы. В ноябре 1898 г. Лугинин обсуждал с Вырубовым в Париже план отъезда за границу. По совету Вырубова он был готов подарить Московскому университету дорогостоящее оборудование своей термохимической лаборатории¹⁹¹ лишь при условии, что она получит бюджетное финансирование, и возглавит ее кто-нибудь из молодых. В случае отрицательного ответа Лугинин собирался увезти свою аппаратуру за границу¹⁹². Выдвинутые условия были приняты, и уникальная лаборатория стала собственностью Московского университета¹⁹³. Вырубов был в числе тех, кто торопил Лугинина с отъездом, к этому побуждало ухудшившееся здоровье. Но Лугинин медлил. Его молодые ученики, москвичи Плотников и Цингер, которых Вырубов встречал в Париже, еще раз подтвердили мнение о Лугинине, как о блестящем педагоге.

События 1905 г., “все эти революции” и “конституции”, по наблюдению Вырубова, изменили Лугинина, “ как-то сдвинули с его обычной буржуазно-либеральной колеи”. Лугинин в 1907 г. ушел с профессорской должности из Московского университета¹⁹⁴. В по-

¹⁸⁹ Там же. Д. 28. № 318. Л. 688 об.

¹⁹⁰ Там же. Карт. 3. Д. 39. № 506. Л. 1084.

¹⁹¹ С 1889 по 1906 г. вся научно-педагогическая деятельность Лугинина была связана с Московским университетом. С разрешения министра народного просвещения за свои научные труды в 1890 г. он был утвержден в степени доктора химии без испытания на степень магистра и без предоставления диссертации. В 1891 г. принят в число приват-доцентов университета. С 1899 г. являлся сверхштатным экстраординарным профессором по кафедре химии. В 1892 г. им была создана при Московском университете первая в России термохимическая лаборатория, ныне носящая его имя. В 1897 г. он передал в дар Московскому университету богатейшую библиотеку по естествознанию и общественным наукам, а в 1903 – и все оборудование для термической лаборатории.

¹⁹² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 33. № 404. Л. 857 об.

¹⁹³ Подробнее см.: *Соловьев Ю.И., Старосельский П.И.* Владимир Федорович Лугинин. М., 1963; *Guillaume Ch. Ed.* Wladimir Feodorovitch Louguinine. P., 1912.

¹⁹⁴ Согласно прошению Лугинин был уволен с профессорской должности, но в том же году принят в число приват-доцентов. Лабораторию возглавил его коллега – профессор Н.А. Умов.

следние годы жизни Лугинин пользовался бывшей лабораторией М. Бергло в Коллеж де Франс и собственной лабораторией в Монтре в Швейцарии, которую оборудовал в 1906 г.¹⁹⁵ Упадок физических сил обоих друзей происходил так быстро, что в последние годы они почти не встречались. В 1911 г. Вырубов, сам уже стоявший на пороге вечности, как бы не заметил ухода из жизни своего давнишнего приятеля.

Максим Максимович Ковалевский появился в жизни Вырубова в 1872 г. В 1872–1873 гг. он проходил научную подготовку в учебных заведениях Германии и Франции. Вырубов снабдил его рекомендательным письмом к своему хорошему знакомому английскому позитивисту Г. Льюису. В 1873 г. Ковалевский бывал в доме Вырубова и в редакции “Позитивной философии”. Встреча с Вырубовым произвела на молодого Ковалевского неизгладимое впечатление. Спустя 40 лет, он уже ученый с мировым именем, отзывался о Вырубове только в превосходной степени: “С ним исчез один из талантливейших и образованнейших людей в мире... один из умнейших и благороднейших людей, каких мне пришлось встретить. Как жаль, что его деятельность прошла не в России!”¹⁹⁶.

По возрасту Ковалевский принадлежал к новой формации молодых исследователей, по подходу к научному творчеству отвечал вырубовскому требованию “всезнания”, его представлению о том, что ученый не должен быть “одноглазым специалистом”. Ковалевский, блестящий эрудит во многих областях науки, отмечал обширные познания Вырубова, его разностороннюю начитанность. Но более всего поражал Ковалевского острый, критический ум старшего друга, его блестящее умение вести научную полемику, пробивая брешь в давно принятых представлениях. Ковалевский считал весьма благотворным для формирования молодого исследователя присутствие критического начала, воплотившегося для него в вырубовском “уме – бритве”. Начинаящего юриста очаровывала речь Вырубова, его способность в течении долгого времени удерживать внимание собеседника. Ковалевский с первого же появления стал своим человеком в кругу близких Вырубову людей.

Максим Максимович воистину был “гражданином мира”, кипучая натура увлекала его в разные концы света, его ум черпал из разных источников культуры. В 70-е–80-е годов. Вырубов издалека следил за передвижениями Ковалевского по странам

---

¹⁹⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 42. № 578. Л. 1231

¹⁹⁶ *Ковалевский М.М.* Памяти Г.Н. Вырубова // Русские ведомости. 1913. 1 дек., № 227.

Европы, изредка обмениваясь с ним письмами. Когда эти странствия приводили Ковалевского в Париж, они непременно встречались.

По письмам друзей Вырубов следил за профессорской карьерой Ковалевского. Для него не было сюрпризом отлучение Ковалевского в 1886 г. от преподавания в Московском университете, настолько этот человек казался ему чуждым рутинному духу университета, хотя по европейским меркам история с Ковалевским показалась Вырубову “невероятной”. Напомним, что университетское начальство нашло в лекциях московского профессора по международному праву нелестные для России сравнения. Вырубов находил даже полезным последовавшее за этим перемещение Ковалевского на Запад, именно там, думал он, тот сможет спокойно работать над “полезными книгами”¹⁹⁷.

В 1887 г. Ковалевский поселился во Франции и оставался там до 1905 г. Зиму он проводил на своей вилле в Болье, лето – в Париже. После смерти И.С. Тургенева Ковалевский взял на себя роль устроителя дружеских обедов русских интеллектуалов в Париже. Вырубов бывал на этих встречах, как мы уже отмечали, он дорожил возможностью общаться с соотечественниками.

В 1901–1905 гг. в Париже действовала Русская высшая школа общественных наук, созданная в основном для российской студенческой молодежи М.М. Ковалевским и Е.В. де Роберти. Школа была задумана, как противовес официальному преподаванию, ее основными принципами стала свобода выбора предметов преподавания и профессоров. Учебный процесс почти целиком обеспечивался русскими преподавателями, многие из которых попали в опалу на Родине в результате студенческих волнений 1901 г. Несмотря на явно гуманитарный уклон, в Школе читали лекции некоторые представители отечественного естествознания разных поколений: биологи И.И. Мечников, Н.К. Кольцов; технолог и экономист Н. Каблуков.

Вырубов не соблазнился такой возможностью, более того, он не принял саму идею “свободного русского университета.” Его смущал принцип образования, близкий “общедоступному”, неопределенность его конечных целей, пассивность и несамостоятельность слушателей, выражающаяся в своего рода всеядности, когда по сути дела безразлично, чему учиться – социологии или истории, искусства, антропологии или истории восточных цивилизаций¹⁹⁸.

По возвращении Ковалевского в Россию после революции 1905 г. дружеская переписка возобновилась, хотя и велась не

¹⁹⁷ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 22. № 218. Л. 445.

¹⁹⁸ Там же. Карт. 3. Д. 36. № 460. Л. 984 об.

очень активно. Причину этого Вырубов видел в кипучей общественной и политической деятельности Ковалевского, заставившей его “размениваться на мелкие деньги”, а это, как казалось Вырубову, “ни к чему путному не приведет”¹⁹⁹. Вырубов был по-прежнему убежден, что Ковалевский мог принести гораздо больше пользы собственно научными трудами, занимаясь архивными редкостями или этнологическими изысканиями на Кавказе, согласно со своим истинным призванием²⁰⁰. Расхождения в оценке общественной деятельности несколько не повлияли на отношения Вырубова и Ковалевского, когда Ковалевский бывал в Париже, он всегда заходил к Вырубову, в 1909–1913 гг. их связывало общее дело издания вырубовских “Воспоминаний”.

Москва навсегда осталась для Вырубова “вертепом чиновничества”, однако это она подарила знакомства с русскими учеными, тогда как в Петербурге жили подлинные чиновники, его лицейские товарищи. Он обращался к помощи влиятельных знакомых, когда нужно было прояснить непонятную ситуацию, ускорить или продвинуть решение того или иного дела, обсудить вопросы, касающиеся будущего Лицея. Вырубов признавался Петунникову, что многие его лицейские товарищи, согласно определению М.Е. Салтыкова-Щедрина, стали не только “так называемыми людьми”, но и “особами.” К таким людям относился известный своими связями в кругах высшей петербургской бюрократии честный, доброжелательный, услужливый Николай Алексеевич Ольхин, до седых волос оставшийся идеалистом “самых фантастических размеров”. Были среди этих “особ”, добившихся высших постов и почестей, люди государственного масштаба, не просто царедворцы и чиновники, а просвещенные деятели эпохи, претворившие в жизнь лицейский девиз служения общественной пользе с помощью просвещения и на ниве просвещения.

Таким “далеко из общего ряда чиновников выходящим” считал Вырубов своего старшего товарища по Лицею Дмитрия Фомича Кобеко, которого не раз принимал в Париже²⁰¹. Кобеко был одним из самых старых и влиятельных членов Лицейского совета. С 1902 по 1918 г. он был директором Императорской публичной библиотеки в Петербурге, а до того в 80-е – 90-е гг. председательствовал в ряде комиссий, в частности, в Особом совещании по составлению проекта нового устава для печати. В 1901 г. он продолжил эту работу уже как член Комиссии по выработке законопроекта о печати в составе Государственного совета.

---

¹⁹⁹ Там же. Д. 48. № 651. Л. 1379.

²⁰⁰ Там же. Д. 41. № 529. Л. 1132.

²⁰¹ Там же. Д. 44. № 593. Л. 1262.

Кобеко высказался за полную свободу слова, за упразднение всех цензурных ограничений, что стоило ему исключения из списка членов Совета²⁰². Он был известен как плодовитый сочинитель, оставивший много статей по литературоведению, русской истории, генеалогии, археологии, исторической географии, всего около полутора сотен названий, как автор монографии о цесаревиче Павле, удостоенной Уваровской премии Академии наук, он был так же историографом Царскосельского лицея. Одним из любимых его сюжетов было французское влияние на русскую культуру XVIII в.²⁰³

Кобеко был членом Академии наук и многих научных обществ, в том числе: Русского исторического общества, Императорского общества любителей древностей, Московского археологического общества, где выступал с докладами, занимался редактированием трудов и проч. В 1865 г. он был избран членом Русского географического общества в Петербурге²⁰⁴.

Членами этого общества были лицейские однокашники Вырубова А.Г. Небольсин и Н.А. Тройницкий. Оба происходили из семей просвещенных чиновников высокого ранга.

Александр Григорьевич Небольсин закончил свою жизнь действительным тайным советником и сенатором. В 60-е и до середины 70-х годов он представлял Россию в ее сношениях с внешним миром: устраивал русские отделы всемирных выставок в Париже (1867), в Вене (1873), участвовал в международных комиссиях и конференциях по пересмотру европейского таможенного законодательства, по промышленному образованию, часто выезжал за границу для изучения зарубежного опыта технического образования, организации промышленности, торговли и проч.²⁰⁵

С середины 70-х годов его поездки ограничились в основном территорией России. Истинным призванием стала организация среднетехнического образования в России. В 1875 г. он был избран президентом Постоянной комиссии по техническому образованию при Императорском русском техническом обществе и членом Особого отдельного ученого комитета МНП по техническому и профессиональному образованию.

---

²⁰² Лаппо-Данилевский А.С. Дмитрий Фомич Кобеко: Некролог. Пг., 1918. С. 527.

²⁰³ *Игнатъев Н.Д.* Библиографический список трудов Д.Ф. Кобеко, 1858–1912. Б.м., 19–; *Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1882; 2-е изд., 1883; 3-е изд., 1893; *Он же.* Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911.

²⁰⁴ *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Ч. 1.

²⁰⁵ РГИА. Ф. 1001 (А.Г. Небольсина). Оп. 1. № 134. Л. 1–2.

В 1912 г. пришло время подводить итоги, праздновался тройной юбилей Александра Григорьевича: его 25-тилетие на посту главы Комитета по техническому образованию, 40-летие членства РТО и 50-тилетие трудовой деятельности. Среди десятков адресов и поздравлений наряду с посланиями самых именитых государственных деятелей, таких как С.Ю. Витте, министр просвещения Л.А. Кассо, министр финансов В.Н. Коковцов, член Государственного совета С.И. Тимашев, академик И.И. Янчжун и других, было много телеграмм от региональных отделений РТО, от скромных ремесленных школ, женских училищ, благотворительных обществ. Отмечались неутомимые и разнообразные труды Небольсина для создания среднетехнического образования в стране, включая самые отдаленные регионы России. Итоги были впечатляющими: за время президентства Небольсина число технических школ в России возросло в 4 раза, большая группа рабочих получила систематическое техническое образование, были подготовлены технические кадры для многих регионов России, и это давало большие козыри отечественной промышленности в борьбе с засильем иностранных специалистов, заводчиков и товаров.

Характерно, и в этом мы узнаем истинного лицеиста, что масса технических и профессиональных знаний преподносилась слушателям на неперменной основе общего образования. И еще одна заповедь лицейского подхода к культурным задачам была свойственна деятельности Небольсина: не хождение в народ, а его просвещение. “Вы не пошли в народ, как некоторые шестидесятники, но Вы призвали его законным образом к себе и дали ему то, что дороже всего, начала знания”, – писала друг дома, начальница Мариинского института в 90-е годов Мария Сергеевна Ольхина²⁰⁶. Лучшим подарком юбиляру была изрядная сумма денег, собранная для учреждения стипендии им. А.Г. Небольсина. Небольсин был автором книг по экономике и финансам России, его монографический труд касался торговых знаков в России и за границей²⁰⁷, дополнение к нему вышло в 1893 г.

Другой приятель Вырубова по Александровскому лицее, действительный статский советник и сенатор Николай Александрович Тройницкий оставил след в культурной жизни Ярославля и Вятки, где в 70-е–80-е годы занимал посты вице-губернатора и губернатора. Он поддержал создание фонда им. Е.И. Якушкина в Ярославле для поощрения изучения права, обычаев и быта

---

²⁰⁶ Там же. № 503. Л. 5 об.

²⁰⁷ *Небольсин А.Г. Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границей.* СПб., 1886.

крестьян России, свое губернаторство в Вятке ознаменовал устройством концертного зала и городского театра²⁰⁸.

По возвращении в Петербург в 90-е годы XIX в. Тройницкий возглавил Центральный статистический комитет. Вырубов отмечал, что с тех пор, как Тройницкий возглавил Комитет, тома изданий стали выходить аккуратнее, таблицы составляться лучше и даже появились научные пояснения к ним, да и сами таблицы «не хуже тех, которые встречаются в “мемуарах” богдановского Общества любителей естественного незнания» (ОЛЕАЭ. – *Авт.*). Вырубов не удержался, чтобы не провести параллель между профессиональными чиновниками и чиновниками от науки, к которым он причислял Богданова²⁰⁹.

Заслугой Комитета и его руководителя Тройницкого стало научное обобщение всеобщей переписи населения, проведенной в 1897 г. Это была первая перепись после Петра I, до этого довольствовались ревизскими отчетами. Как всегда, не хватило денег для задуманного объема работ, и все же членам Комиссии удалось составить 12 таблиц, содержащих основные сведения о демографическом составе всей Российской империи в целом, а не ее отдельных губерний, как первоначально предполагалось. Работы Статистического комитета, которые он редактировал, Тройницкий передал в библиотеку статистики и обществоведения Александровского лицея²¹⁰.

В последней трети XIX в. Париж трижды становился местом проведения всемирных выставок: в 1878, 1889, 1900 гг. Всякий раз эти события вызывали большой поток посетителей из России. Вырубов не имел пристрастия к этим демонстрациям “всякого рода ненужностей”, но охотно принимал у себя друзей-россиян. В августе 1889 г. в Париж приехали чуть ли не все лицейские товарищи Вырубова, превратив его квартиру в настоящую гостиницу. Кроме того, понаехало много “разных больших и малых, известных и неизвестных профессоров и ученых”. Пришлось отложить научные занятия в сторону²¹¹. Для Вырубова это была последняя общая встреча с лицеистами. Во время всемирной выставки 1900 г. в Париже был устроен “лицейский обед”. На нем Вырубов рассказал о старых традициях Лицея, которые он успел

²⁰⁸ РГИА. Ф. 1065 (Тройницкого Н.А.). Оп. 1. № 4, 5. Л. 2–3 об.

²⁰⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 28. № 325. Л. 702.

²¹⁰ *Тройницкий Н.А.* (ред.). Россия. Центральный статистический комитет. Общий свод по Империи результатов разработки первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. Т. 1–2. СПб., 1905; *Тройницкий Н.А.* (ред.). Россия. Центральный статистический комитет. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. СПб., 1899–1905.

²¹¹ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 24. № 249. Л. 550 об.

застать и которые позднее были утрачены²¹². Прощальным приветом Вырубова лицейским друзьям были “Школьные воспоминания”, в 1910 г. он послал отписки своей статьи Небольсину, Тройницкому и Ольхину.

Общение Вырубова с русскими учеными в 80-е–90-е годы не было столь частым, как в предшествующие десятилетия, но и не ограничивалось единичными встречами. Вырубов обращался к А.Г. Столетову через посредников для уточнения физических терминов при переводе “Минералогии” Лаппарана и лично, когда неожиданно с двухлетним опозданием получил диплом о своем избрании членом Санкт-Петербургского минералогического общества. Неоднократно посещал ученого приват-доцент Московского университета, химик И.А. Каблуков (1889, 1895)²¹³. В лаборатории Вырубова ему удалось также и поработать. Вырубов дал рекомендации молодому ученому к западным коллегам, а сам воспользовался его помощью при пересылке рукописи Лаппарана в Москву. В 1899 г. в частной лаборатории Вырубова проводил работы по кристаллографии А.А. Байков²¹⁴.

Продолжалось знакомство с Тимирязевым. Весной 1895 г. после его визита Вырубов утвердился в своих симпатиях к московскому профессору, “весьма европейскому, образованному и дельному человеку”²¹⁵. Тимирязев не забывал приглашать его на съезды русских естествоиспытателей. Вырубов следил за его научной карьерой, хотя удивился празднованию его юбилея в 1898 г., полагая, что таких ученых, как Тимирязев, найдется не одна дюжина. В отрыве от русской действительности Вырубов превратно толковал некоторые явления внутренней жизни российских ученых. Манию юбилеев в России “при всяком удобном и неудобном случае” он приписывал попытке хотя бы отчасти разогнать “всеобщую скуку”²¹⁶. Без всякого энтузиазма отнесся Вырубов к празднованию юбилея В.В. Марковникова в 1901 г., не сомневаясь, что “трескотня” по поводу юбилеев “не только бесполезна, но и несколько смешна”²¹⁷. По просьбе В.Ф. Лугинина Парижское химическое общество послало приветствие юбиляру, редактировал его Вырубов.

Более всего интересовало Вырубова молодое поколение русских минералогов, он немало встречал их в Париже и с огорчени-

²¹² Там же. Карт. 3. Д. 44. № 598. Л. 1272.

²¹³ Соловьев Ю.И., Каблукова М.И., Колесников Е.В. Иван Алексеевич Каблуков. М., 1957. С. 43–47.

²¹⁴ Байков А.А. Собр. тр. М.; Л., 1952. Т. 1. С. 233.

²¹⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 31. № 364. Л. 779.

²¹⁶ Там же. Л. 833.

²¹⁷ Там же. Д. 33. № 392. Л. 955.

ем замечал, что многие из них как-то быстро выдыхаются, их силы выматывает недостаточное базовое образование и “здешняя для русской природы слишком быстрая жизнь”.

Этими довольно редкими встречами и перепиской ограничивалось общение Вырубова с родиной. Он много раз собирался в Россию, но по разным причинам поездки откладывались. В 1884 г. в связи с разделом имущества Вырубов намеревался посетить одно из семейных имений и заглянуть в Москву. Но путешествию помешало обстоятельство “самого ехидного свойства”. В посольстве его предупредили, что вместе со всяким “подозрительным лицом” он попал в “черную книгу”. Петербургские друзья подтвердили, что на границе его могут ожидать всякие неприятности. Даже ходатайство русского консула в Париже А.Н. Карцова, ручавшегося за его благонадежность, не помогло, ему отказали в визе²¹⁸. Вырубову не улыбалось путешествовать по России в сопровождении жандармов, он отказался от своего намерения, а в письмах к Петунникову негодовал: “Да брат, вот как минералог и философ попадает в категорию безжалостных нигилистов. *O tempora, o mores!*”²¹⁹.

Вырубов ошибался, когда думал, что ему, как французскому гражданину, не будут чинить препятствий для въезда в Россию. В 1891 г. на Пасху он собирался в Москву, чтобы отвезти серьезно больную мать к парижским “знаменитостям”. Он не получил визы от Министерства внутренних дел России, как лицо, подпадающее под действие закона об “общественной безопасности”²²⁰. Причина отказа оказалась вздорной – посещение новогоднего бала русских студентов 1 января 1891 г. с участием нескольких французских социалистов. Потребовалось вмешательство влиятельных друзей в Петербурге, чтобы получить разрешение на въезд. Тогда же Вырубов встретился в Петербурге с министром внутренних дел И.Н. Дурново, товарищем министра В.К. Плеве, побывал у шефа жандармерии Н.И. Шебеко, чтобы раз и навсегда прояснить дела. “Я по темпераменту и по принципу терпеть не могу двусмысленных положений” – пояснил он свой шаг Петунникову²²¹.

В архиве МВД сохранилась объяснительная записка Вырубова. В ней он подтвердил, что “никогда, ни в какой период моей жизни я не занимался ни прямо, ни косвенно русскими политическими делами”. Вырубов отверг свою принадлежность к миру

---

²¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 568. Л. 2.

²¹⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 36. № 447. Л. 309–309 об.

²²⁰ Там же. Карт. 1. Д. 19. № 143. Л. 603.

²²¹ Там же. Карт. 2. Д. 26. № 278. Л. 608.

подпольной политики, так как всю жизнь питал отвращение к конспирации²²². После визита к должностным лицам он с изумлением узнал, что полицейский сыск не имеет никакого отношения к его злоключениям, что он стал жертвой доноса кого-то из его русского окружения в Париже. Из этой истории он вынес грустное впечатление о неэффективности действия государственной машины, особенно изумила позиция московского губернатора, он разрешил Вырубову бессрочное пребывание в России. “Стоило ли после этого хлопотать о визе?”, – недоумевал ученый²²³.

Эта поездка оставила у Вырубова самые теплые воспоминания. Он недолго задержался в Петербурге, посетил министра, навестил лицейских друзей. Затем состоялась встреча “под сенью кремлевских стен”. Вырубов остановился в доме Петунникова и прожил в нем почти месяц. В пасхальную ночь друзья бродили по праздничной Москве, заглядывали в церкви, любовались бенгальскими огнями. Вырубов познакомился со всеми детьми Петунникова и писал позднее, что у него нет никого ближе в России, чем это “доброе и милое” семейство. “Славные, дорогие воспоминания, которые во мне свежи живут”, – вспоминал он год спустя²²⁴.

Никто не думал тогда, что это была последняя поездка Вырубова в Россию. В 1895 г. из-за болезни он не смог приехать в Москву на похороны матери. Несмотря на частые разногласия Г.Н. был сильно к ней привязан. После ее разорения, он позаботился, чтобы она не знала нужды. Он не жалел денег на ее лечение, оплачивал консультации врачей, операцию, комфортабельный переезд в Москву, для чего просил Петунникова нанять удобную для ее больной ноги повозку. Его огорчала неприкаянность матери, ее “вагабондство”, бесконечные переезды с одного места на другое. К горечи потери прибавилось грустное чувство, что он не смог проститься с матерью, в последний раз поцеловать ее и сказать ей, “какое... сохранил ей чувство благодарности, несмотря ни на какие случайные и несчастные обстоятельства”²²⁵.

В 1899 г. Вырубова ждала еще одна потеря, умерла младшая сестра Мария. Вырубов испытывал к сестре покровительственное чувство, он немало постарался, чтобы при разделе имущества ее интересы не пострадали. Мария была склонна к легочным заболеваниям, у нее довольно рано обнаружился туберкулез, она

²²² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 568. Л. 22–23.

²²³ *Петунников А.Н.* Из моих воспоминаний о Г.Н. Вырубове // Русские ведомости. 1913. 4 дек. № 279. С. 2–3.

²²⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 27. № 298. Л. 648 об.

²²⁵ Там же. Д. 30. № 345. Л. 740.

полжизни провела за границей, там и умерла в “венцианских своих”. Смерть сестры, еще сравнительно молодой женщины, “крепко стукнула” в сердце Вырубова. “Сестра, искренняя привязанность, сошла в могилу, целый кусок сердца отпал, целый рой воспоминаний далекого прошлого канул в вечность”, – жаловался он Петунникову. И вместе с тем он признавал, что ее жизнь проходила в пустом пространстве, без цели, без пользы для себя и других, “она жила воображением, а не чувствами и упрекнуть ее за это нельзя, но жалеть и глубоко жалеть надо”²²⁶.

Еще много лет после защиты Вырубов сохранял статус свободного исследователя, ему никак не удавалось получить вожделенную кафедру минералогии в Сорбонне или в Коллеж де Франс – то не было вакансий, то мешали слишком сильные конкуренты.

В ноябре 1893 г. перед ним открылись двери Сорбонны – ему предложили прочитать курс лекций по молекулярной физике. Этого предмета не было в университетской программе, тогда как сам вопрос, по признанию Вырубова, уже имел солидную историю. Он засел за книги, в короткий срок нужно было переварить огромный материал. Вырубов предвидел возможность публикаций, так как эта область, по его наблюдениям, находилась в полном запустении и накопила много интересного. На первую лекцию пришла “вся физико-химическая знать”, в основном преподаватели высших учебных заведений. Лектор заострил внимание слушателей на современной тенденции строить химические теории с помощью физических законов

Подготовка к лекциям заняла у Вырубова много времени, ему пришлось перечитать массу литературы, он признавался Петунникову, что без абсолютной необходимости никогда бы этого не сделал. Но он не досадовал, потому что эта работа вполне совпадала с его научными планами. Его давно преследовал замысел оригинальной книги по молекулярной физике, для ее написания нужно было вникнуть в историю вопроса, о которой у Вырубова было лишь смутное представление. Кроме того, обязывала аудитория, “весьма немногочисленная, но избранная”. Из книг Вырубов почерпнул много интересного, у него сложилось впечатление, что при известном запасе терпения книга может получиться сама собой, останется только ее отредактировать. Он думал, что подобная книга сыграет существенную роль в развитии физико-химических наук, которые переживают, по его представлению, смутные времена, “когда после отчаянно-го позитивизма впали мы в не менее отчаянную метафизику”.

---

²²⁶ Там же. Карт. 3. Д. 34. № 416. Л. 881.

Вырубов полагал, что ионная теория – вершина экспериментального знания, по мнению многих, – не более чем иллюзия. Этот тезис он предполагал развить в будущей книге. Намереваясь писать книгу, Вырубов не стал публиковать лекции. После его смерти вдова сообщила Петунникову, что в бумагах покойного обнаружилась рукопись курса физики с предисловием, всего 140 страниц. Вырубов не включил ее в список работ в заметке о своей научной деятельности.

Одно событие конца XIX в. вновь подтвердило бойцовские качества Вырубова. В 1894–1899 гг. судьба невинно осужденного в государственной измене офицера генерального штаба капитана А. Дрейфуса разделила французское общество на два враждебных лагеря. Многих людей вырубовского поколения испугал накал националистических страстей в “деле Дрейфуса”, ведь осужденный был евреем. В поисках стабильности и согласия многие готовы были уступить требованиям клерикалов и реваншистов, которые под вывеской истинных патриотов выступали за укрепление религиозных и военно-патриотических устоев общества. Им противостояли те, кого возмутило несправедливое решение суда, в нем увидели надругательство над гуманистическими принципами демократического общества. Гневным обвинением прозвучало открытое письмо Э. Золя “Я осуждаю”, опубликованное в одной из популярных французских газет. К общему негодованию присоединились “русские голоса” Л.Н. Толстого, обер-прокурора сената И.П. Закревского и Г.Н. Вырубова. Вырубова интересовала не политическая или социальная, а прежде всего этическая сторона дела. Через своих влиятельных друзей и особенно военного министра генерала Л. Андре он добивался подачи петиций в парламент с требованием пересмотра дела. Кампания увенчалась успехом²²⁷. В конечном счете Дрейфус был оправдан и в 1906 г. реабилитирован²²⁸.

---

²²⁷ *Вырубов Н.В.* Должностное преступление: К 100-летию “Дела Дрейфуса” // Русская мысль. 1994. № 4047. С. 17.

²²⁸ Эти события прочно сохранились в исторической памяти французской республики. 100 лет спустя в Париже в военном музее Приюта инвалидов состоялась специальная выставка. “Делу Дрейфуса” посвящаются книги и в наши дни, см.: *Ory P., Sirinelli J.-F.* Les Intellectuels en France, de l’Affaire Dreyfus à nos jours. P.: Colin, 1986. 263 p.

Последнее десятилетие жизни – первое десятилетие XX в.

Работа в лаборатории Сорбонны. Взгляд на проблемы образования. Записки о реформе Лицея и университета в России. Кафедра общей истории науки в Коллеж де Франс. Лекции по истории науки в Коллеж де Франс. Научное наставничество. Русское окружение. Болезнь, смерть.

Вырубов называл себя человеком XIX столетия. Он им остался до конца своих дней: умер накануне первой мировой войны, которая стала действительным водоразделом между двумя эпохами. Вместе с другими учениками О. Конта он постарался завершить работу, начатую французской революцией XXIII в. Он сохранил социальный оптимизм и веру в безграничные возможности науки, свойственную раннему позитивизму.

XX в. прошел для Вырубова под знаком нового для него преподавательского амплуа. В 1901 г. он получил разрешение работать в химической лаборатории Сорбонны. Обстановка лаборатории показалась ему “роскошной”, впервые в жизни у него был помощник, который беспрекословно выполнял все его распоряжения. “Как-то особенно бодрствую и усиленно работаю”, – писал он Петунникову в январе 1902 г.²²⁹ Даже частые приступы астмы не могли удержать Вырубова от ежедневных походов в лабораторию. Преподавание в Коллеж де Франс, к которому он приступил с начала 1904 г., не вытеснило целиком исследований, но они стали менее интенсивными, а после 1907 г., когда здоровье окончательно расстроилось, Вырубов вынужден был оставить лабораторию и ограничить себя кабинетной работой. В 1909–1913 гг. к писанию научных статей и книги добавилось сочинение мемуаров.

Этот период жизни небогат событиями. По его собственному признанию, Вырубов сделался отчаянным домоседом, покидая Париж в редких случаях ради участия в научных конгрессах или для лечения. Летние месяцы после окончания лекций в Коллеж де Франс он проводил на даче в окрестностях Парижа, сначала в Гарше, затем в Орсе. Сначала эти многомесячные отлучки из Парижа, отрыв от привычных условий работы его тяготили, потом он приспособился, захватывая с собой почти готовые статьи для редактирования и окончательной отделки. Как только рядом с жилищем Вырубова появлялся хотя бы маленький клочек земли, будь то дворик парижского дома или дачный участок, в Москву к Петунникову шли просьбы о присылке семян отечественных

²²⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 37. № 461. Л. 98 об.

сортов огурцов, белой репы, черной редьки. Вырубов считал, что “муромские” или “неженские” сорта огурцов не в пример лучше французских, особенно для засолки, к соленым огурцам он был особенно неравнодушен.

С родиной Вырубова связывало многое, в том числе, мысли о ее будущем. Случилось так, что незадолго до вступления в профессорскую должность он подытожил свои раздумья об устройстве высшей школы применительно к нуждам России.

Проблемы воспитания и образования – это альфа и омега социальной программы позитивистов. Они считали, что первопричиной разгрома Франции во франко-прусской войне было пренебрежение со стороны власти нуждами науки и образования²³⁰. Промышленное общество, ради которого они старались, в числе прочих ценностей предполагает поощрение частной инициативы и предприимчивости, разделение труда между его членами. Позитивисты рассматривали образование как инвестиции в будущее, способные обеспечить постоянное и устойчивое продвижение общества по пути прогресса. Они приписывали образовательной системе серьезные общественные функции: адаптацию к ужесточающимся условиям “борьбы за жизнь”, утверждение социальной справедливости с помощью всеобщего и обязательного обучения, преодоление идейного разброда и напряженности, воспитание в человеке таких гражданских добродетелей, как терпимость, оптимизм, честность, добросовестность, бережливость – всех качеств, характеризующих представителей среднего класса. Согласно их понятиям, образование преследует цель рационального воспитания личности, всестороннего развития ума в наименьший период времени и с наименьшими издержками²³¹. Воспитательный идеал позитивистов – гармоническое развитие личности, ее интеллектуальных, моральных и физических качеств.

В начале XX в. Вырубов много размышлял о судьбе высшей школы в России. Он замечал признаки ее кризиса, а наблюдения за большими группами русской студенческой молодежи в Париже его не утешали. В монархической России, антиподе “промышленного общества”, стремление к высшим завоеваниям западной цивилизации представлялось Вырубову утопичным, поэтому его внимание наряду с общими вопросами привлекли такие собственно русские проблемы, как снижение административного гнета на высшую школу, повышение всех уровней образования, снижение дестабилизирующего влияния студенческих волнений на русское общество.

---

²³⁰ Ph. pos. 1872. Т. 8, N 1. P. 160.

²³¹ Ibid. 1874. Т. 12, N 6. P. 417.

Вырубов высказал мысль, что всякому специальному должно предшествовать общее образование, закладывающее фундамент научных знаний. При хорошем базовом образовании молодой человек не потратит драгоценные годы в бесцельных метаниях от одного учебного заведения к другому. Хорошее усвоение “начал” науки обеспечивает успех самообразования – единственного, по сути дела, источника знания. В любой специальности, будь то морской офицер или горный инженер, необходимо отделаться от узкого, чисто прагматического подхода, нельзя ограничиться “абсолютно необходимыми знаниями” и свести свое ремесло к решению исключительно эмпирических задач. Инженер, полагал Вырубов, не может грамотно вести разработки без глубокого знания математики, физики, механики и других теоретических дисциплин. Цель образования, по Вырубову, – подготовка людей, способных использовать ресурсы научного знания для решения крайне сложных задач. Оно должно развивать умение наблюдать, сравнивать, судить, размышлять в самых неожиданных ситуациях²³². Позитивисты приписывали энциклопедическому знанию роль связующего звена в разнообразии умственных течений, ассоциирующую функцию, которая раньше принадлежала теологии, и считали его залогом успешного применения достижений науки в жизни. Вырубов полагал, что общее образование должно быть доступно для большей части людей. В случае необходимости, оно может служить базой для дальнейшей специализации.

Поводом для обнародования размышлений о высшей школе в России послужило празднование 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина. Вырубову, как старому лицеисту, предложили поучаствовать в этом торжестве. Принципиальный противник всяких официальных церемоний, он решил, что лучшей данью памяти Пушкина будет записка о реформе Лицея, искаженного, как ему казалось, поздними переделками. Суть вопроса, по Вырубову, состояла “в том образовательном влиянии, которое прежде было, и которого теперь нет”. Идея была поддержана лицейскими друзьями, они считали, что административная независимость и “некоторая научная известность” автора могли бы способствовать пользе дела. Вырубов предназначал свою записку властям предрержащим, не рассчитывая на то, что общественное мнение, столь слабое в России, сможет повлиять на решение вопроса, но петербургские друзья поспешили с ее публикацией²³³.

---

²³² Ibid. 1884. Т. 12, N 6. P. 431; 1873. Т. 10, N 4. P. 124.

²³³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 24. № 409. Л. 866; *Вырубов Г.Н.* Записка об устройстве Императорского Александровского лицея и программа преподавания в нем. СПб., 1898.

Задуманное им дело со временем приобрело характер обычной бюрократической волокиты. Но начало обнадеживало. Была составлена комиссия для обсуждения записки. Предполагалось, что автор будет участвовать в этой процедуре, ему зададут несколько вопросов, попросят необходимые разъяснения. С этой целью Вырубов намеревался посетить Петербург весной 1901 г. Вновь назначенный директор, бывший лицеист А.П. Саломон, готов был принять некоторые рекомендации Вырубова. Все это внушало оптимизм. “Я от души буду рад, если помогу возвращению Лицея к форме высшей школы общего образования”, – писал Григорий Николаевич в ноябре 1900 г.²³⁴ Следующий шаг в преобразовании Лицея – создание совета из бывших выпускников, соответствовал замыслу Вырубова. Многие члены совета одобрили его предложения²³⁵. Далее “лицейское дело” пошло как бы само собой. Вырубову даже показалось, что его приезд был бы нежелателен, что его репутация вольнодумца могла бы повредить пользе дела в среде “благонамеренных и аккуратных”. Вырубов надеялся, что проект в общих чертах пройдет, подробности его мало интересовали²³⁶. Преобразование Лицея закончилось административной реформой. История не дала времени, чтобы вернуть Лицею былую славу кузницы видных деятелей культуры и государства. События 1905 г. похоронили план реформирования этого элитарного учебного заведения.

Состояние российских университетов на рубеже XIX–XX вв. вызывало у Вырубова недоумение и тревогу. “Прискорбное безлюдие”, отсутствие государственных деятелей, соответствующих требованиям эпохи, при наличии огромной армии чиновников, отмечал не только Вырубов, об этом писали И.И. Мечников, Д.И. Менделеев и другие ученые. Вырубов связывал это явление с низким уровнем образования в средней и высшей школе, с подменой знания “претензией на оное”. Отсутствие у значительной части студентов серьезного интереса к учебе создавало, по его мнению, вакуум, который заполнялся критикой всех и вся, формируя значительный слой недовольных, составляющий отрицательную величину.

Российские университеты превратились, по его наблюдениям, в источник нескончаемой смуты и дестабилизации общества²³⁷. Вырубова поражала тупость государственной власти, способной реагировать на малейшие, даже достаточно безобидные

---

²³⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 35. № 44. Л. 943.

²³⁵ Там же. Д. 36. № 452. Л. 967.

²³⁶ Там же. № 455. Л. 978.

²³⁷ Там же. № 448. Л. 961.

проявления общественного недовольства только запретами и нагайками. Но его также крайне изумляли способы протеста российских интеллигентов, которые особенно широко распространились после революции 1905 г. Как западный человек, он привык к тому, что протест имеет форму энергичного действия и уж никак не вяжется с “*dolce far niente*” (сладостным ничегонеделанием. – *Авт.*). «Забастовки адвокатов, медиков, студентов не суть ли они атавистическое воспоминание о восточном “кейфе” несмотря на западный лоск?», – недоумевал он²³⁸. Вырубов предполагал, что пассивный протест едва ли приведет к положительным результатам: «Легко воображаю себе сугубое распушение и без того уже довольно-таки распушенных русских нравов после “освободительного движения”. Лень, которая так глубоко въелась в русскую натуру, приняла теперь какой-то политический оттенок, какой-то социалистический колорит»²³⁹. Последствия этой разрушительной работы он находил в падении научного и образовательного потенциала русского общества. В студенческом движении Вырубова огорчали бессмысленная трата времени, безвозвратно потерянного для приобретения научного багажа, и множество невинных жертв полицейских расправ²⁴⁰. Как западный человек, редко бывавший в России, он не понимал специфику общественного движения в условиях Российской империи.

В 1901 г. Вырубов составил записку о реформе русских университетов и предложил ее вниманию властей. Он указал способы, как сделать университеты в соответствии с их социальной функцией центрами подготовки необходимого числа специалистов высокого уровня для науки и экономики, превратить их из очага постоянных волнений в оплот общественного спокойствия. Для этого он считал необходимым предоставить им финансовую и административную независимость, а их выпускникам – широкие возможности использовать свои профессиональные знания. Тщательная селекция при приеме, требование от поступающих глубоких базовых знаний, высокий общеобразовательный уровень подготовки, возможность приобрести практические навыки в медицине, горном деле, естественных и инженерных науках и прочих уже после окончания университета в специальных учебных заведениях, отказ от узкой специализации в выборе тем диссертаций – таковы предложения Вырубова. Он считал необходимым повысить уровень преподавания математики, физики и есте-

---

²³⁸ Там же. Д. 40. № 515. Л. 1098.

²³⁹ Там же. Д. 43. № 586. Л. 1246.

²⁴⁰ Там же. Д. 24. № 410. Л. 871 об.

ственных наук в средней школе, в чем, по его наблюдениям, Россия далеко отстала от стран Западной Европы²⁴¹. В отличие от записки о Лицее, этот проект не подвергся обсуждению, хотя и был опубликован.

Позитивистам принадлежит немалая заслуга в создании первой во Франции и во всем мире кафедры всеобщей истории науки. На страницах “Позитивной философии” они подняли вопрос о важности преподавания истории вообще и особенно истории науки. Они ценили историю, как инструмент познания настоящего и предсказания будущего, и видели ее актуальность в том, что она внушает любовь к настоящему, оберегает от ненависти к нему, учит терпимости²⁴². В программу обучения в средней школе позитивисты включили изучение истории отдельных научных дисциплин и курс истории великих открытий.

В университетской программе преподавания истории, составленной Э. Литтре в 1874 г., проводилась идея сближения исторической эволюции с эволюцией органического мира, при этом закон эволюции должен был стать компасом при изучении истории. Позитивисты полагали, что научный метод изучения истории развенчивает славу разрушителей общественного порядка (в их, позитивистов, представлении только необходимый баланс между порядком и прогрессом обеспечивает поступательное развитие общества) и возвеличивает “людей мысли и мудрецов, филантропов и изобретателей, скромных благодетелей человечества”²⁴³. Основным принципом позитивистского преподавания было требование показать ученикам смысл вещей, а не их детали. В курсе лекций по общей истории в Политехнической школе (Ecole polytechnique) в 1870 г. Литтре большое место отвел науке, промышленным искусствам, прогрессу положительного знания в новое время²⁴⁴.

Попытки создать кафедру истории науки восходят к 1832 г., когда О. Конт обратился с подобным предложением к тогдашнему министру просвещения известному историку Ф. Гизо. В докладной записке он изложил концепцию преподавания истории науки. Наиболее подходящим местом для такой кафедры Конт считал Коллеж де Франс – самое новаторское научное учреждение Франции, где находили прибежище все нетрадиционные направления человеческой мысли. Коллеж де Франс был особенно симпатичен Конту тем, что благодаря исключительной отзывчивости на все новое он в течение 300 лет оставался символом эволю-

---

²⁴¹ Там же. Д. 36. № 450. Л. 963 об.

²⁴² Ph. pos. 1878. Т. 20, N 4. P. 9.

²⁴³ Ibid.

²⁴⁴ Ibid. 1874. Т. 12, N 2. P. 163–165.

ционного развития и благополучно пережил революционные ломки, связанные с падением монархического режима. Конт находил, что уровень развития современной науки с точки зрения организации, содержания, классификации, координации отдельных дисциплин позволяет взглянуть на нее как на нечто единое. К такому же видению единства, думал он, тяготеет и ее история. История науки, по Конту, позволяет постичь законы ее развития, уловить последовательность в цепочке открытий и оказать тем самым определенную услугу современному поступательному движению. Он утверждал, что все сколько-нибудь важные размышления относительно философии науки, ее метода, духа, гармоничного развития связаны с ее историей, которая позволяет исключить из рассмотрения все смутные и случайные моменты. Конт также считал, что курс истории науки должен включать всю сумму дисциплин неорганической и органической природы, поскольку все они взаимосвязаны, и нельзя проследить преемственность научного прогресса в его какой-то отдельной части. В противном случае, предостерегал философ, история науки рискует вырождаться в простую библиографию.

Позитивисты выработали определенные стандарты преподавания этой дисциплины: требование не только глубокого знания всех наук в контовской классификации, но и умение видеть их в контексте социальной истории, внося в изучение последней научный подход, чуждый поверхностному наблюдателю²⁴⁵.

Последующие демарши Конта и позднее Литтре в пользу создания кафедры в эпоху второй империи не имели успеха. Даже Гизо находил аморально ложным “математический материализм” учения Конта.

Потребовалось довольно много времени, чтобы мысль об изучении истории знания как единого комплекса наук проникла в сознание научного сообщества. Первоначально процесс пошел по линии изучения истории отдельных научных дисциплин. В 1872 г. в Коллеж де Франс Ш. Дарамбер читал курс лекций по истории медицины, П. Левассер – по истории политэкономии²⁴⁶. В 1884 г. на медицинском факультете Парижского университета открылся курс по истории медицины²⁴⁷. Такие курсы в последней трети XIX в. имели и некоторые провинциальные университеты. Тогда же появились монографии по истории науки, принадлежащие перу Ш. Дарамбера, М. Бертло, П. Таннери, П. Дюгема и др. В них сохранялся либо дисциплинарный принцип исследования,

---

²⁴⁵ *Littré É. Comte Auguste et la philosophie positive*. P., 1864. P. 204–206, 223.

²⁴⁶ ЖМНП. 1874. Ч. 171, № 2. С. 133.

²⁴⁷ *Rev. sci.* 1884. Vol. 34, N 22. P. 681–686.

или же рассматривались разные науки в пределах определенной исторической эпохи или географического региона.

Наконец, в 1892 г. список разнообразных исторических кафедр Коллеж де Франс, включая историю религии, права, искусства и прочего, пополнился кафедрой общей истории науки. Она была создана по инициативе И. Стюпюи и стараниями депутата национального собрания, позитивиста А. Дюбо при поддержке председателя кабинета министров Ж. Ферри для любимого ученика Конта П. Лаффита²⁴⁸. Эта идея встретила понимание у министра просвещения Л. Буржуа и его преемника на этом посту с 1892 г. Ш. Дюпюи, со стороны ученых была поддержана М. Бертло²⁴⁹. Кандидатура Лаффита, которого можно было смело назвать философом истории, поскольку ему принадлежало авторство историко-философских сочинений о типах человеческой цивилизации и ее эволюции, вызвала широкую полемику в прессе²⁵⁰. Никого не смутило то обстоятельство, что у известного пропагандиста творчества О. Конта не было специальных работ по истории науки. Кафедра создавалась как неперсональная, преподавание истории науки носило в Коллеж де Франс факультативный характер.

В 1903 г. после смерти П. Лаффита открылась вакансия на его место. Администрация Коллежа получила заявки от 6 претендентов, в том числе от признанного историка науки Поля Таннери²⁵¹. Он имел собственный взгляд на преподавание истории науки и составил программу построения курса. У него за плечами был опыт 26-летних исследований по истории науки, он был автором нескольких книг, произведших, по оценке специалистов, революцию в методе изучения естественной истории благодаря широкому обращению к первоисточникам и их тщательному

---

²⁴⁸ *Monod G.* La chaire d'histoire au Collège de France. P., 1905. P. 38; Rev. synthèse. 1982. Vol. 103, N. 106/108. P. 38; *Simon W.M.* European positivism in the nineteenth century: An essay in intellectual history. N.Y., London, 1963. P. 473; *Pelletan E.* La nomination de M. Pierre Laffitte à la chaire d'histoire générale des sciences et la presse // Rev. occidentale. N.S. 1892. T. 5. P. 365; ACF C-XII P. Laffitte 12D.

²⁴⁹ "Создание этого курса обязано двойной инициативе депутата г-на Антонена Дюбо и министра народного просвещения г-на Леона Буржуа и было благосклонно встречено республиканцами Законодательного собрания и Сената, вотировавшего необходимые ассигнования" (Circulaire 45 (1893), p. 3 (Archives Positivistes, Maison Auguste Comte)). Цит. по кн.: *Plé B.* Die "Welt" aus den Wissenschaften. Klett – Cotta, 1996. S. 365. (Circulaires adressées à chaque coopérateur du libre Subside institué par Auguste Comte pour le sacerdoce de l'Humanité).

²⁵⁰ *Robinet J.* La philosophie positive: Auguste Comte et M. Pierre Laffitte. P., 1881.

²⁵¹ *Paul H.W.* Scholarship and ideology: The chair of the general history of science at the Collège de France, 1892–1913 // *Isis.* 1976. Vol. 67, N 238. P. 393–396.

критическому анализу²⁵². Именно так представил Таннери ученому собранию Коллеж де Франс его поручитель, весьма авторитетный французский химик М. Бертло²⁵³. Уже одна эта поддержка обеспечивала победу на выборах. Лидерство Таннери казалось неоспоримым, что и подтвердило голосование – 36 голосов против 14 в первом туре, 21 против 15 – во втором, вторым шел Вырубов²⁵⁴. Академики большинством голосов (40 против 5) поддержали выбор ученого совета Коллеж де Франс. Но решением министра просвещения Ж. Шомье на кафедру был назначен Вырубов²⁵⁵.

Перед историей науки заслуги Вырубова были довольно скромными – несколько статей в издаваемом им журнале. В естествознании диапазон его интересов был достаточно широк: минералогия, кристаллография, физическая химия, медицина в приложении к практической гигиене. В программном письме в администрацию Коллеж де Франс (см.: Приложение 2. № 6) Вырубов умолчал о позитивистских заслугах, но подчеркнул разносторонность своих исследовательских интересов и достаточный опыт в естественных дисциплинах, качество, как ему казалось, способное обеспечить достойное руководство кафедрой²⁵⁶. Шансов у Вырубова было меньше, чем у других соискателей, некоторые из них имели неоспоримые преимущества – монографии по исследовательскому методу и классификации наук, опыт преподавания истории науки в университетах.

Назначение Вырубова стало для всех полной неожиданностью, хотя подобные прецеденты, когда побеждал не самый достойный претендент, в истории Коллеж де Франс бывали. Мотивировка отвода кандидатуры П. Таннери, данная министром просвещения, – опасение, что под его началом кафедра истории науки превратится в кафедру эрудиции, никого не убедила. Ближе к истине была оценка администрации Коллежа. От ее имени Пьер Левассер заявил: “Коллеж с удовлетворением приветствует свободного мыслителя, который представляет научный метод, широко практикуемый в настоящее время и принятый в социальных науках, а также доктрину, успешно прилагаемую к процессу эволюции”²⁵⁷. Современные историки науки сходятся в том, что в

---

²⁵² Черняк В.С. Поль Таннери // ВИЕТ. 1987. № 2. С. 127–135; Nicolet C. L'idée républicaine en France: Essais d'histoire critique. P., 1982. P. 296.

²⁵³ Paul Harry W. Op. cit. P. 390.

²⁵⁴ ACF. G-IV-g. 13 Gg (Procès-verbal de l'Assemblée tenue par M.M. les professeurs du Collège de France, Nov., 1903).

²⁵⁵ ACF. C-XII. Wyrouboff. 3A (утвержден 27 декабря 1903 г.).

²⁵⁶ Эти же качества были подчеркнуты в представлении Вырубова, сделанном профессором Коллеж де Франс Фукэ (см.: Приложение 2, № 9).

²⁵⁷ Simon W.M. Op. cit. P. 86.

борьбе профессионального историка науки и воинствующего позитивиста победу одержал последний, поскольку отражал официальную идеологию третьей республики²⁵⁸.

Уверения Вырубова в письмах Петунникову о полной непричастности к разыгравшейся вокруг него интриге вызывают сомнения. Можно поверить, зная об исключительной щепетильности в житейских и научных делах, в искренность слов Вырубова, когда он пишет, что не предпринимал никаких шагов, чтобы продвинуть свое назначение. Но достаточно было однажды уступить настояниям влиятельных друзей сенатора А. Дюбо и военного министра Л. Андре, в прошлом сотрудников “Позитивной философии”, чтобы дело начало двигаться без непосредственного вмешательства претендента.

Решение занять профессорскую кафедру вызревало у Вырубова достаточно долго. Однако искушение испробовать себя в качестве преподавателя возникало у него лишь в тех случаях, когда профессорская кафедра сулила ему исследовательскую лабораторию. В 1903 г., выставляя свою кандидатуру на конкурс, он сомневался, – смущали собственный возраст и крайне разношерстная публика в Коллеж де Франс²⁵⁹. Моральных колебаний не было. Последовательный позитивист, он считал себя достойным занять кафедру, созданную стараниями его единомышленников. Вырубов довольно индифферентно ждал выборов и даже обрадовался поражению. “Мне еще столько осталось сделать из начатого и незаконченного, а годы проходят и здоровье все хуже и хуже”, – утешал он себя. И все же в том же году он попал на кафедру минералогии в Коллеж де Франс. Его близкий приятель А. Ле Шателье предложил ему место помощника. Вырубов выбрал для чтения лекций хорошо ему известную тему редкоземельных элементов и попытался преподнести избранной группе вузовских профессоров теорию химических функций, “о которых в минеральной химии до сих пор нет помину и без которых дальше идти нельзя”²⁶⁰.

К новому 1904 г. Вырубов получил неожиданный подарок – назначение на кафедру общей истории науки в Коллеж де Франс. Занять кафедру в Коллеж де Франс, старейшем научном учреждении Франции, было почетно. По этому случаю в доме В.Ф. Лугинина был устроен “большой патриотический обед” с участием

---

²⁵⁸ Этому феномену посвящены, в частности, работы, см.: *Favre P.* (Naissance de la science politique en France (1870–1914). P., 1989; *Nicolet Cl.* L'idée républicaine en France: Essai d'histoire critique. P., 1982. P. 296.

²⁵⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 38. № 478. Л. 1023.

²⁶⁰ Там же. № 498. Л. 1050, 1052.

представителей русской научной диаспоры в Париже. Для Вырубова его назначение оказалось пирровой победой, оно не принесло желанной лаборатории. У него была тайная надежда уступить свое место Таннери, а самому с помощью его друзей получить какую-нибудь кафедру с лабораторией и штатным помощником. Но замысел рухнул, друзья Таннери оказались не столько его друзьями, сколько недругами Вырубова, да и сам Таннери вскоре умер.

Лекции в Коллеж де Франс стали для Вырубова тягостной повинностью. Он не терпел любительства в науке, а лекции были общедоступными, состав аудитории непостоянный и случайный. Их посещали, по его признанию, “засыпающие старики и невзрачные нигилистки, взъерошенные студенты из славянских стран” не столько ради интереса, сколько “ради теплой залы”. Ему надлежало развлекать публику “всяческими занятостями”, но “толочь воду в ступе” перед дилетантами было досадно, лекции вызывали ощущение “ненужности”, “бесполезности”, “беспутного пустодеяния”. При этом они требовали от Вырубова серьезной подготовки, кропотливого изучения литературы и источников – все это составляло 5–6-месячную “профессорскую барщину”, отвлекая от “путной работы” – лабораторных опытов и писания научных мемуаров. Вырубов был готов распротиться с “этим допотопным Институтом” (Коллеж де Франс. – *Авт.*), куда мне не следовало соваться²⁶¹, но теплилась надежда поменять кафедру. В 1907 г. он мечтал занять кафедру минеральной химии, которая освободилась после перехода А.Ле Шателье в Сорбонну на место умершего А. Муассана, помешала серьезная конкуренция²⁶².

С годами справлять “профессорскую барщину” становилось все тяжелее, но, следуя своему жизненному правилу – “взялся за дело, нечего жаловаться” Вырубов продолжал регулярное чтение лекций, с нетерпением ожидая конца курса, когда можно было приняться за более интересную работу. Также с явным облегчением встретил он в 1909 г. проект нового регламента устава Коллеж де Франс, согласно которому число лекций сокращалось вдвое, с 40 до 20 часов.

Американский историк науки Дж. Сартон ошибался, когда писал, что не осталось воспоминаний о лекциях Вырубова. Свидетельства сохранились, они принадлежат генералу Э. Журди и русским ученым М.М. Ковалевскому и К.А. Тимирязеву. Их высказывания касаются в основном общего впечатления от их со-

²⁶¹ Там же. Д. 40. № 517. Л. 1106.

²⁶² Там же. Д. 42. № 560. Л. 1194–1194 об.

держания и Вырубовской манеры чтения лекций. Она вполне соответствовала классическим канонам французского лекторского мастерства: речь его была ясной, точной, элегантною, он поражал слушателей неожиданными аргументами, обширною эрудицией. Он хорошо знал работы английских, шведских, русских, немецких, итальянских ученых. Его особенно привлекали классические труды Ньютона, Берцелиуса, Торичелли, Либиха, Лапласа, С. Карно, Френеля, Ламарка. Журди находил в лекциях Вырубова отражение контовского понимания философии науки в том виде, как его сформулировал позднее известный физикохимик из Лейпцига В. Оствальд, отрицавший описательный характер истории науки²⁶³. Тимирязев сомневался, мог ли Вырубов представить очерк современного состояния науки, как это сделали в свое время Г.Л.Ф. Гельмгольц или Л. Больцман, но был уверен, что Вырубов, как никто другой, был способен “изобразить мировую повесть победы науки над предшествующей теологией и метафизикой”²⁶⁴.

Все эти свидетельства подтверждают приверженность Вырубова к позитивистскому взгляду на историю науки: представление о ней как единой дисциплине, весьма актуальной и принадлежащей социальной истории человечества. Очищенная от теологии и метафизики современная наука, по понятиям позитивистов, началась не ранее XVII в., именно этот трехсотлетний отрезок развития имел, с их точки зрения, общее значение и заслуживал внимания историков науки. В своем письме администратору Коллеж де Франс Вырубов определил понимание задач кафедры общей истории науки. Он намеревался показать, “как научная работа прошлого связана с настоящим и как настоящее подготавливает будущее”²⁶⁵. Будучи истинным позитивистом, Вырубов видел в предмете “история науки” не историю отдельной дисциплины, а совокупность истории естествознания в целом. Он находил ее предназначение в теоретическом осмыслении естествознания, в обнаружении принципиальной связи между законами высшего и низшего порядка. При таком подходе существенным представлялось не доскональное знание фактов, а владение знанием законов, ими управляющими²⁶⁶. Не отрицая значения эрудиции, качества совершенно необходимого для историка, он рассматривал историю сквозь призму философского размышления. Поэтому его интере-

²⁶³ Jourdy E. Wyrouboff: Sa vie, son oeuvre // *Revue scientifique*. 1914. N 1. P. 14.

²⁶⁴ Тимирязев К.А. Григорий Николаевич Вырубов: Обрывки личных воспоминаний // Сочинения. М., 1939. Т. 9. С. 96.

²⁶⁵ Paul H.W. Op. cit. P. 387.

²⁶⁶ Ph. pos.1879.T. 23. N 2. P. 183.

совала не столько история науки как таковая в хронологической последовательности событий, сколько ее философское осмысление, история ключевых идей, теорий, понятий.

Вырубов, безусловно, учитывал эти принципы в преподавании всеобщей истории науки, тем более что курс его лекций имел не узкоспециальную, а общеобразовательную направленность. Можно предположить, что лектор не пошел на поводу у неподготовленной аудитории, как это нередко случалось в общедоступных лекциях и о чем свидетельствовали русские стажеры за границей XIX в. Поскольку Вырубов не терпел любительства и дилетантизма в науке, можно допустить, что его лекции отличались высоким профессионализмом. Это подтверждают впечатления слушателей. Лекции были рассчитаны на людей, интересующихся естествознанием и в нем осведомленных. М.М. Ковалевский вспоминал, что за ними можно было следить, лишь хорошо зная физику и химию. Полностью лекции не были записаны. Можно дать лишь весьма схематичную их реконструкцию на основании перечня лекций по истории науки, прочитанных Вырубовым в Коллеж де Франс с 1904 по 1912 г. (в первом семестре 1909–1910 г. и в 1913 г. его замещал Л. Мануврие, хотя формально Вырубов оставался руководителем кафедры). Краткое содержание их представлено в “Ежегодниках Коллеж де Франс” (Annuaire du Collège de France) с 1904 по 1914 г.:

Год	Название курса	Фонды ACF, С-XII и соответствующие номера Annuaire du Collège de France
1904	Современная история физико-химических наук в период до XVIII в.	IV, 1904, p. 56
1904–1905	История физико-химических наук в XIX в. (1-й семестр) История теорий о структуре материи	V, 1905, p. 70
1905–1906	История геологии и минералогии	VI, 1906, p. 67–68
1906–1907	История химии	VII, 1907, p. 59
1907–1908	История физики	VIII, 1908, p. 71
1908–1909	Общий обзор развития позитивных знаний о природе	IX, 1909, p. 55
1909–1910	1-й семестр: Общий обзор развития позитивных знаний о природе* 2-й семестр: История химии, начиная с Лавуазье	X, 1910, p. 38–39

Год	Название курса	Фонды АСФ, С-ХІІ и соответствующие номера Annuaire du Collège de France
1910–1911	История химии, начиная с Лавуазье	XI, 1911, p. 91–92
1911–1912	Критический обзор общих теорий физики, начиная с первых обобщений Галилея до концепций современной физики, столько же изобретательных сколько и гипотетичных	XII, 1912, p. 23
1912–1913	История космогонических теорий История антропологии и ее связи с медициной*	XIII, 1913, p. 20–21
1913–1914	История космогонических и геологических теорий**	XV, 1914–1915, p. 59–21
* Лекции читал Мануврие. ** После смерти Вырубова 30 ноября 1913 г. курс далее не читался.		

Из списка явствует, что Вырубов руководствовался заявленной им на выборах программой, его курсы представляли историю отдельных дисциплин и научных идей за отрезок времени, соответствовавший новой и новейшей истории. Но Вырубов расположил последовательность лекций безотносительно к контовской иерархии научных дисциплин. Согласно своему увлечению физико-химическими исследованиями, ведущему направлению тогдашней науки, Вырубов посвятил этому предмету особенно много времени если рассматривать содержательную сторону этих курсов (лекции 1904, 1905, 1906, 1907, 1909, 1910, 1911, 1912 гг.) Присутствовал в его лекциях курс развития позитивных знаний о природе (1908–1909). Основной своей специальностью, геологии и минералогии, он уделил сравнительно мало времени (1905, 1906 гг.).

Наиболее разработанной областью истории науки в вырубовские времена была история математики, в его курсе она занимала достаточно скромное место. К математике у него было особое отношение. Он считал ее так же, как и физику, непременным инструментом научного исследования. При этом он предостерегал естествоиспытателей от чрезмерного увлечения математикой, так как она может далеко увести от конкретного содержания изучаемой дисциплины. Можно предположить, что если бы преподавание Вырубова было более длительным, оно коснулось бы не столько истории математики, сколько физико-математических методов современных исследований. По-видимому, Вырубо-

ва более всего привлекала картина эволюции научных теорий и идей. В декабре 1911 г. он подготовил курс лекций “Об истории развития физических теорий”. Об этом же свидетельствует план его предсмертных лекций об истории космогонических гипотез и геологических теорий (1912–1913 гг.).

Вырубов пытался показать слушателям, как возникали в науке определенные понятия, законы, теории, гипотезы, символы. В курсе по истории химии после Лавуазье он предполагал посвятить 2–3 занятия выяснению таких понятий, как “валентность”, “атомность”, “нотация”. При необходимости он делал экскурсы в сравнительно давнюю историю предмета. Излагая историю химии до Лавуазье, он дал очерк по истории алхимии, для чего изучил первоисточники и литературу²⁶⁷.

Чтение лекций продолжалось до весеннего семестра 1913 г., до тех пор, пока болезнь сделала мучительным любое умственное и физическое усилие. Парадокс ситуации состоял в том, что к этому времени Вырубов обрел некоторый смысл своей профессорской карьеры. Во-первых, он наработал значительный материал, и подготовка к лекциям уже не требовала былых усилий. Во-вторых, в числе его слушателей появилась группа “юнцов”, действительно заинтересованных в том, чтобы чему-то научиться. Ради них Вырубов дополнял и переделывал свои лекции. Но времени, чтобы подготовить достойную смену, уже не хватало.

Почему Вырубов не издал лекций по истории науки? Этот вопрос остается чисто риторическим. Если посмотреть библиографию вырубовских научных публикаций, можно заметить, что после 1908–1909 гг. они почти прекратились. Причиной тому тяжелая болезнь. Возможно, в этом факте и содержится некоторое объяснение? Может быть, прав Дж. Сартон, предполагая, что он ими не дорожил. Во всяком случае, в числе жизненных приоритетов Вырубова история науки не занимала первого места. Это подтверждает его готовность поменять кафедру, лишь бы ей сопутствовала научная лаборатория. По иронии судьбы в ноябре 1911 г. освободилась кафедра минералогии в Коллеж де Франс, предмет многолетних вожделений Вырубова. Из письма Петунникову мы узнаем, что из-за отсутствия претендентов ее “единогласно преподносят” Вырубову. Но из-за нездоровья он вынужден был отказаться: “Зачем же я займу место, которое другой может занять с пользой”, – писал он другу²⁶⁸.

Несмотря на незавершенность многих научных замыслов Вырубов не испытывал разочарования в своей научной карьере.

²⁶⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт 3. Д. 41. № 546. Л. 1173 об.

²⁶⁸ Там же. Д. 630. Л. 1334 об.

В 1912 г. в связи с 50-тилетием его с Петунниковым дружбы он задумался об их “жизненном поприще” и пришел к выводу, что на жизнь им жаловаться не приходится. Петунников – уважаемый в городской управе человек, а перед Вырубовым открылись двери “знаменитого Коллеж де Франс, в которые столь многие толкаются и через которые столь немногие проходят”²⁶⁹. Вырубов считал для себя честью преподавание в Коллеж де Франс и не чуждался интересов кафедры.

Но если лично для себя Вырубов не дорожил кафедрой общей истории науки, то он хорошо понимал ее общенаучную ценность. Покушения на кафедру делались еще при его жизни, и угроза исходила от сотрудников Коллежа.

В конце 1910 г. Коллеж де Франс жил ожиданием нового устава. Специальная комиссия составила его проект, в нем не нашлось места для преподавания истории науки и ущемлялись интересы представителей естественных наук. Вырубов встал во главе оппозиции и составил свой проект регламента, оба они обсуждались общим собранием профессоров Коллежа в течение 12 дней. Защищая свой проект, Вырубов в полной мере проявил свойственные ему бойцовские качества. Несмотря на численное меньшинство его сторонников, их проект прошел почти целиком, доказав, что “логика научная неизмеримо выше логики литературной”²⁷⁰. В результате этих баталий Вырубов дошел до полного изнеможения. Он отстоял любимое детище позитивистов, которое представил как одно из самых драгоценных достояний Коллеж де Франс за все триста лет его существования. Основным аргументом в пользу необходимости преподавания истории науки было то, что она воспитывает у слушателей общее представление о науке, не дает замкнуться в рамках узкой специальности, противостоит тенденции к чрезмерной дифференциации знания. Последствия узкой специализации, по Вырубову, разрушительны. Она ведет к анархии, когда “каждый думает только о себе и презирает соседа”²⁷¹. Если эта тенденция продолжится, полагал он, науке не избежать банкротства, которое предрекает ей философия.

Заступничество Вырубова и его друзей лишь ненадолго продлило существование кафедры. Американского историка науки Г. Паула заинтересовали обстоятельства закрытия кафедры в 1914 г.²⁷² Оказывается, еще при жизни Вырубова в сентябре 1913 г. был принят декрет об упразднении произвольно трех пер-

---

²⁶⁴ Там же. Д. 47. № 644. Л. 1362 об.

²⁷⁰ Там же. Д. 44. № 604. Л. 1283.

²⁷¹ Ph. pos. 1879. Т. 33. Р. 182.

²⁷² Paul H.W. Op. cit. P. 397.

вых кафедр Коллеж де Франс, потерявших своих заведующих по тем или иным причинам. Декрет был принят во исполнение более раннего постановления о повышении жалования профессоров Коллеж де Франс. Поскольку денег на это повышение казна не отпустила, пришлось пожертвовать тремя кафедрами. Кафедра Вырубова освободилась первой, и она же первая была упразднена приказом министра просвещения в начале 1914 г., не помогло даже заступничество влиятельного друга Вырубова, главы Сената А. Дюбо. Кафедра истории науки П. Бутру (1920–1922 гг.)²⁷³ не стала преемницей кафедры Вырубова и была преобразована после смерти ее руководителя в кафедру египтологии²⁷⁴. После смерти Вырубова в администрацию Коллеж де Франс не поступило никаких протестов от сотрудников против упразднения кафедры. Даже известный антрополог и социолог Л. Мануврие, претендовавший на кафедру с 1903 г. и помогавший Вырубову в чтении лекций в 1910, 1913 гг., не выступил в ее защиту, настолько дело казалось безнадежным.

Многолетние, начиная с 1832 г. усилия позитивистов по созданию кафедры общей истории науки не были закреплены. Кафедра продержалась два десятилетия благодаря авторитету крупных представителей позитивизма П. Лаффита (1892–1903) и Г.Н. Вырубова (1904–1913). Дж. Сартон и Г. Паул совершенно справедливо заметили, что в ту пору еще отсутствовали организационные предпосылки институализации истории науки. Внешние условия для самоопределения еще не созрели, довольно слабым был интерес к этой дисциплине со стороны профессиональных историков, не произошло еще серьезных подвижек в широком общественном мнении в пользу этой науки и ее преподавания. Были и другие причины. Кафедра вошла в состав Коллеж де Франс под сильным политическим нажимом, она была специально создана для ученика Конта П. Лаффита. Позитивисты могли бы подтвердить правомерность ее существования, создав адекватные труды по истории науки, этого не случилось, и это не поддержало авторитет новой дисциплины. Роковым обстоятельством для кафедры стало то, что оба ее заведующие пришли к руководству далеко не в лучшие свои годы: творческие способнос-

---

²⁷³ Le Collège de France (1530–1930): Livre jubilaire. P.: Les presses Univ. de France, 1932. P. 17 etc.

²⁷⁴ Несомненно, на эти решения повлияла традиция Коллеж де Франс, новые кафедры создавались в нем под исследования определенных ученых и после их отставки или смерти трансформировались в соответствии с интересами нового патрона, работы которого представлялись наиболее перспективными с точки зрения современных направлений науки.

ти П. Лаффита к 1892 г. заметно ослабели, а Вырубова с 1907 г. мучила жестокая болезнь.

Но главная причина состояла, пожалуй, даже не в этом. Сциентистская концепция позитивизма, его вера в безграничные возможности научного прогресса и его благотворное влияние на судьбы человечества оказалась близкой многим естествоиспытателям и одновременно историкам науки, ее влияние испытали М. Бергло и П. Таннери. Но сама жесткая и догматичная схема иерархии наук и ограничение истории науки рамками нового времени, откровенно атеистический дух контовской доктрины в истолковании школы литтреистов не встретили понимания у ряда ученых, тем более что в конце XIX – начале XX в. увлечение классическим, так называемым первым позитивизмом уже отошло в прошлое.

Остается только гадать, как сложилась бы судьба кафедры, если бы вместо Вырубова пришел кто-либо другой из заявленных кандидатов, тем более что наиболее достойный претендент П. Таннери умер спустя год после описанных событий. Сартон писал, что Вырубов имел все данные, чтобы стать историком науки: блестящее философское и естественно-научное образование, всестороннюю эрудицию. Благодаря этим качествам он сумел удержать незаконно узурпированную кафедру, но историком науки не стал и не оставил после себя учеников. И все же не покидает мысль, что при более подготовленной аудитории и если бы судьба отпустила Вырубову более долгий срок жизни, кафедра общей истории науки не осталась бы без учеников.

По натуре Вырубов не был преподавателем-практиком. Его больше интересовали теоретические проблемы подготовки подрастающего поколения на всех ступенях образования. Для него, особенно в зрелые годы, характерен скорее вкус к научному наставничеству, он был готов помочь советом и делом молодым людям, определяющимся в науке. Вырубов признавался Петунникову, что научная молодежь его сильно интересует, в ней он видел будущее науки. Слепое преклонение перед авторитетами, стесняющее самостоятельность молодого исследователя, Вырубов не признавал, но он приветствовал преимущество научного знания. Он был чрезвычайно чувствителен к вниманию представителей молодого поколения химиков и кристаллографов к своим работам, в этом он видел подтверждение их актуальности, определенное свидетельство сопричастности современной научной мысли.

Расположением Вырубова пользовались “трудолюбивые юнцы”. Наблюдение за ними привело его к выводу, что “все те, которые усердно работают, не унывая, выдвигаются вперед, даже

при отсутствии таланта”²⁷⁵. Ну а талантливую и работящую молодежь он отличал особо. В 1895 г. он опекал “юного Мамонтова”, сына московского издателя Н.И. Мамонтова, у которого печатался перевод “Минералогии” А. Лаппарана, пытаясь наставить его на “истинно минералогический путь”. К работе по изданию книги Лаппарана, помимо Мамонтова, он привлек бывшего московского студента Семенова и дочь Петунникова Машу.

С приходом в Коллеж де Франс число окружающей Вырубова научной молодежи увеличилось. Он писал, что его тормозят ученики-диссертанты. Темы диссертаций выбирал сам Вырубов, да еще такие, что приходилось защищать подопечных от противников вторжения в науку “неклассических идей”²⁷⁶. Весной наступало горячее время “печения диссертаций более или менее бесталанными юнцами”. Вырубов помогал молодежи “своею опытностью”: читал диссертации, проверял экспериментальные работы, исправлял экспериментальные или логические промахи²⁷⁷. До последних дней он не пренебрегал “обязанностями старика, руководящего молодыми химиками и кристаллографами”²⁷⁸. А.Ле Шателье называл французских химиков, прошедших первую научную подготовку у Вырубова: А. Копо, Николардо, Дюбризе, Ж. Урбена²⁷⁹. А. Копо сетовал, что у Вырубова не было необходимых средств, чтобы создать научную школу. “Однако не было недостатка в молодых людях, которые пользовались его советами, его критикой и примером его горячей преданности науке. Я – из их числа”, – писал он²⁸⁰.

В свое последнее десятилетие Вырубов страдал от недостатка общения с соотечественниками. Чаще всего он встречался с В.Ф. Лугининым и И.А. Каблуковым. Изредка его посещали лицейские друзья, последним побывал в Париже в 1906 и 1908 гг. проездом на воды Н.А. Ольхин, хлопотавший о продаже вырубовского имения. Трижды, в 1903, 1904 и 1907 гг. останавливался у него А.Н. Петунников. Он выезжал за границу по делам службы и чтобы навестить своих старших детей. Гриша Петуннитков

²⁷⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 44. № 590. Л. 1256.

²⁷⁶ Там же. Д. 40. № 519. Л. 1107.

²⁷⁷ Там же. Д. 43. № 579. Л. 1232.

²⁷⁸ Там же. Д. 44. № 592. Л. 1259.

²⁷⁹ Жорж Урбен – известный французский химик, специализировался в области химии редкоземельных элементов; академик Парижской АН (1921), много раз был номинирован на Нобелевскую премию. За научные заслуги награжден медалью Бергло (1905), премией Николая Леблана (1906), Ла Каза (1912) и др. (см.: *Charle Ch., Telkes E. Les professeurs de la Faculté des sciences de Paris // Dict. Biogr., 1901–1939. P.: Inst. Nat. De Rech. Pédagog. Ed. CNRS, 1988. P. 25–257*).

²⁸⁰ Bull. Soc. Franç. minéral. 1913. T. 37, N 1. P. 3.

в 1902–1906 гг. был студентом Горной школы в Аахене, тогда же, в 1901–1907 гг. училась на медицинском факультете университета в Лозанне Маша Петунникова. Вырубов принимал близко к сердцу дела молодых Петунниковых, огорчался отсутствием “научной оседлости” у Гриши, помогал “медицинским мытарствам” Маши. Он вел постоянную переписку с обоими, добывал необходимую информацию, давал советы и рекомендации. Особенно его заботила судьба “светского крестника” Гриши. Он оберегал молодого человека от верхоглядства, разбрасывания и распыления сил, советовал ему серьезно изучать теоретические дисциплины. Вырубов дал Грише много ценных практических советов, когда после предварительной подготовки на кафедре кристаллографии Московского университета молодой человек остановился, в конечном счете, на карьере горного инженера.

Письмо Вырубова открыло для Маши двери дома семьи А.А. Герцена в Лозанне. Вырубов звал Машу в Париж, полагая, что лучшего места для изучения медицины не отыскать во всей Европе, помешало только то, что в Сорбонне не зачитывались годы обучения в Лозанне. Молодые люди не раз гостили у Вырубова, и после окончания учебы он со вниманием следил, как дети Петунникова “вдевают ногу в стремя жизненной карьеры”²⁸¹. Много помогал в обучении молодых Петунниковых В.Ф. Лугинин, в частности платил стипендию Грише.

К этому же времени подросли и бывали у Вырубова племянники, дети младшего брата Василия Николаевича: военный моряк, а затем ковенский чиновник Александр Вырубов, женатый первым браком на печально известной Анне Вырубовой (Танеевой), фрейлине последней императрицы Александры Федоровны. Обязанный своим появлением придворной интриге, этот союз скоро распался. Новая женитьба оказалась более удачной. В 1911 г. Александр порадовал дядю тем, что выбрал его “почетным крестным” своей новорожденной дочери. Посетила Вырубова одна из племянниц – “рослая и приятная девица”. Старший племянник “Вася-земец”, несмотря на неоднократные приглашения, до Парижа так и не добрался.

Вырубов вел переписку с племянниками, издаലെка и с грустью следил за угасанием брата (ск. в 1905 г.) и его жены (ск. в 1904 г.), за упадком их хозяйства. Во всем он винил жену брата Евдокию Александровну (Додо), урожденную княжну Львову, женщину, как ему казалось, довольно бездушную и бестактную, но с большими великосветскими претензиями. Переписка между ней и Вырубовым начиналась несколько раз, но всякий раз глохла из-за

---

²⁸¹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 44. № 590. Л. 1256.

отсутствия искреннего доброго чувства со стороны обоих. Г.Н. не мог простить брату, что, став невольной причиной разорения матери, он не обременял себя заботами о ее неприкаянной старости.

Почти постоянным членом семьи в последнее десятилетие стал муж покойной сестры “генерал Вейссенгоф”. Этот “блуждающий генерал”, “болезненный непоседа” проводил время в бесконечных странствиях по Европе и Ближнему Востоку. Париж, где он снял квартиру рядом с Вырубовыми, стал его вторым домом после Тифлиса. Вырубова несколько раздражал этот, по его мнению, “патологический лентяй”, но он не вносил большого разлада в его обычный “домострой”. Почти все время генерал проводил в обществе Софьи Вырубовой, они вместе ездили на воды, занимались живописью, совершали прогулки. Не без удовольствия Вырубов отправлял их на дачу, а сам несколько недель задерживался в Париже, чтобы закончить работу.

В последние годы жизни здоровье Вырубова постоянно и стремительно ухудшалось. Сказалась нагрузка 90-х годов, когда он 10 лет работал без отдыха, почти не покидая Парижа. После 1907 г. Вырубов наблюдал и писал об этом Петунникову, как кривая его здоровья неумолимо падает вниз, всякий раз он с невероятным трудом “выныривал” после очередной атаки болезни. Он считал, что от старости нет лекарства, стоически переносил страдания и пользовался малейшей передышкой, чтобы продолжать работу. Издалека казалось, что подобно античному мудрецу, он кончает свой век безмятежно, и только близкие знали, с каким трудом ему давался этот стоицизм, когда удушье временами лишало его возможности двигаться и даже говорить. Осень 1913 г. порадовала Вырубова необыкновенным “благоприятствованием воздуха”, погода выдалась теплой и сухой. 30 ноября (13 декабря) Вырубов скончался на руках у жены в своей квартире на rue Lacépède²⁸². Она, единственная, провожала его на кладбище в Пасси²⁸³. “Ни цветов, ни венков, ни провожатых”, – такова была воля покойного²⁸⁴.

Скорбным молчанием почтили память Вырубова, бывшего своего вице-президента, его коллеги по Французскому химическому обществу на заседании бюро в начале января 1914 г.²⁸⁵ В 1914 г. в память о нем его друзьями и учениками в Bulletin de la Société Chimique de France и Bulletin de la Société Française de

---

²⁸² ACF. C-XII. Wyrouboff. 11A.

²⁸³ Это кладбище находится в районе Трокадеро недалеко от центра Парижа.

²⁸⁴ РГАЛИ Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 14–14 об.

²⁸⁵ Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1914. T. 15. P. 106–107.

Minéralogie, а также других изданиях были опубликованы некрологи²⁸⁶. Софья Вырубова свято выполнила все распоряжения мужа: через М.М. Ковалевского передала часть его русского архива на родину, подарила парижскому Минералогическому обществу его научную библиотеку. Она переписывалась с Петунниковым до 1916 г. Близкие друзья не надолго пережили Вырубова. В 1915 г. при попытке ограбления был убит в своем имении “Валентиновка” Е.В. де Роберти, в 1916 г. скончался М.М. Ковалевский, 20 декабря 1919 г. ушел из жизни А.Н. Петунников. Их смерть, а главное грянувшая вскоре Первая мировая война помешали осуществлению первоначального замысла – издать часть “парижского архива” Вырубова, включающую переписку с западноевропейскими корреспондентами.

Уже после смерти Григория Николаевича тема “Вырубовы в Париже” получила неожиданное продолжение. После событий октября 1917 г. поселился в Париже его племянник Василий Васильевич Вырубов.

Под влиянием своего дяди кн. Г.Е. Львова, руководителя российского земства, он увлекся общественной деятельностью. Во Временном правительстве занимал пост товарища министра внутренних дел и ушел в отставку вместе с кн. Львовым. Во время Первой мировой войны как представитель земских организаций на западном фронте В.В. Вырубов много сделал для спасения и обеспечения жизни солдат и населения, пострадавшего от военных действий, занимался организацией доставки продовольствия и вооружения, рытья окопов для армии, проявляя, по свидетельству очевидцев, чудеса самоотверженности и инициативы. После войны он отдавал много сил обустройству жизни русских беженцев, стал заметной фигурой эмиграции первой волны, входя в состав общеэмигрантских организаций, занимая видные посты в русских масонских ложах. В отличие от многих россиян в эмиграции, замкнувшихся в своем прошлом, В.В. Вырубов проявлял живой интерес к советской России и, не принимая новый строй, искал возможности для диалога с соотечественниками. Он был одним из инициаторов издания “Золотой книги” русского зарубежья. Его сын Николай Васильевич продолжает вырубовский род в Париже. Совсем недавно парижские масоны почтили память Г.Н. Вырубова, создав ложу его имени, в нее вступают преимущественно выходцы из России.

---

²⁸⁶ *Copaux H.* Notice sur la vie et les travaux de Grégoire Wyrouboff. // Bull. Soc. Chim. Sér 4. 1914. Т. 15, N 1; *Wallerant F.G.* Wyrouboff (1843–1913) // Bull. Soc. Franç. minéral. 1914. Т. 37, N 1. P. 44–58; *Le Chatelier H.* // Rev. gén. sci. pures et appl. 1914. N 1.

На смерть Вырубова отозвались не только коллеги-естествоиспытатели, но и друзья-позитивисты, политики. Появились некрологи за подписью М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти, П.Д. Боборыкина, А.Н. Петунникова, Л. Стрекалова, генерала Э. Журди. Не сговариваясь, все авторы сошлись на том, что вместе с Вырубовым ушел из жизни чистый и благородный человек, исключительно одаренный и серьезный исследователь.

В короткой заметке-некрологе о Вырубове неизвестный автор писал: “Личность выдающаяся, необыкновенная, но, к сожалению, мало знакомая, недостаточно выясненная современному русскому обществу”²⁸⁷. Надеемся, что хотя бы частично познакомили читателя с нашим замечательным соотечественником, которого на его второй родине считают французским философом и ученым русского происхождения²⁸⁸.

Близость к русским источникам помогла наиболее подробно приоткрыть “русскую составляющую” жизненного пути Вырубова. Не исключено, что французского исследователя его творчества могут ожидать счастливые находки, поскольку судьба “парижского архива” Вырубова до сих пор еще неизвестна.

---

²⁸⁷ Некролог Г.Н. Вырубова // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1914. Т. 16, вып. 1. С. 35.

²⁸⁸ *Auguste Comte. Qui êtes-vous?* Lyon, 1988. P. 344.

Разные лики “русского парижанина”

Философ-позитивист

Первые шаги молодого позитивиста: знакомство с философией О. Конта и А. Шопенгауэра. Оценка возможностей пропаганды контизма в России. Скептическое отношение к частичному переводу “Курса положительной философии”. Провал планов издания сочинений Конта в России. Окольные пути распространения философии позитивизма. Перевод брошюры Э. Литтре. Контизм во Франции. Первое знакомство с французскими позитивистами.

Вырубов переселился на родину позитивизма с намерением заняться там пропагандой и разработкой идей этого учения.

Об истории своего знакомства с контовской философией он рассказал в “Школьных воспоминаниях”¹. В 1860 г. историю французской литературы в Лицее стал читать Э. Помье – ученик О. Конта и сотрудник Э. Литтре. Он блестяще представил литературу века Просвещения, довел изложение до 30-х годов XIX столетия и плавно перешел от утопий Сен-Симона к философии его ученика Конта.

Вырубов “с великим восхищением” прочел “Введение в совокупность идей позитивизма” Конта. Философия Конта произвела на него сильное впечатление, она давала возможность привести в систему уже полученные знания. Но существовала альтернатива – знаменитая школа немецких философов. Ее представил лицеистам “симпатичный философ старого покроя”, преподаватель немецкой литературы Р.И. Минцлов, лично знавший А. Шопенгауэра. Он ловко провел слушателей по дебрям “отчаянной метафизики”, преодолев вместе с ними “диалектические тонкости” немецкой философии. Вырубов пробовал самостоятельно изучать немецких авторов. По собственному его признанию, он не без отвращения прочел Канта, с “неподдельным ужасом” позна-

---

¹ Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. СПб., 1910.

комился с сочинениями Гегеля и Шеллинга, настолько ему показалась чуждой их фразеология. В своих поисках он натолкнулся на двухтомное сочинение Шопенгауэра “Мир как воля и представление”. Книга эта увлекла его чрезвычайно. Он проводил бессонные ночи в попытках “слить позитивизм с всемогуществом воли”. Ему казалось странным, как два философа при общих посылках приходили к полярно противоположным выводам – Конт к оптимистической вере в будущее человечества, Шопенгауэр к утешению в отдаленном прошлом. В надежде разрешить сомнения Вырубов в 1860 г. отправился с визитом к “франкфуртскому отшельнику”. Встреча с Шопенгауэром убедила его в том, что его кумир был не философом, а мыслителем, “заблудившимся в нашем веке”².

Семнадцатилетний Вырубов сделал выбор в пользу философии Конта. Он попытался проникнуть в лабораторию мысли “отца позитивизма” и обнаружил, что запас его естественнонаучных знаний слишком скуден. Тогда пришло решение серьезно заняться естественными науками. Этот первоначально побочный интерес скоро превратился в самостоятельное увлечение естествознанием. А.Н. Петунников свидетельствовал, что в университетские годы его товарищ до тонкостей разбирался в контовской философии и в порыве вдохновения знакомил его, единственного слушателя, со стройной системой, “в основу которой были положены ни абсолюты, ни антитезы, ни гипотезы, а положительные научные данные, опирающиеся на законы явлений”³.

Идеи позитивизма начали проникать в Россию еще в 30-е годы XIX в. вместе с социальными утопиями Сен-Симона. Семена позитивизма долго прозябали в русской почве. В 30–40-х годы в России царило увлечение философией Гегеля. Лишь в предреформенные и особенно в пореформенные годы на волне характерного для того времени интереса к естественным наукам отечественные естествоиспытатели обратились к позитивизму⁴.

Русская публицистика и критика середины 60-х годов нашла в этом течении философии ответы на актуальные для своей страны вопросы. Причем оказалась наиболее востребованной та часть позитивной философии, которая способствовала выработке на базе естественнонаучного знания, критики теологии и спиритуализма реалистического философского мировоззрения. В начале 60-х годов в изложении публицистов революционно-

---

² Wyrouboff G. Les modernes théories du néant: Schopenhauer, Leopardi, Hartmann // Ph. pos. 1881. T. 26, N 5. P. 168.

³ РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. Л. 20 об.

⁴ Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX в. М., 1980. С. 48–83; Шахматов Б.М. Огюст Конт в России: Материалы к библиографии, 1845–1917 // Огюст Конт. Взгляд из России. М., 2000. С. 311–342.

демократического и народнического толка позитивизм рассматривался как продолжение лозунгов французской буржуазной революции, как символ борьбы с церковностью и старым порядком, его пропагандировали М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Н.В. Шелгунов, Д.И. Писарев, В.А. Зайцев, П.Н. Ткачев⁵.

Демократам был близок социальный идеал позитивизма – созидание разумного общества на базе прогресса естественных наук. Позитивизм равным образом устраивал и деятелей либерального толка. К.Д. Кавелин, позднее В.О. Ключевский, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий и другие восприняли в позитивизме идею эволюционного развития общества и цивилизующего влияния науки на его прогресс, оценили методологический плюрализм, опору на большой эмпирический материал. Но подобное восприятие идей Конта пришло позже. В 60-е годы возможности пропаганды позитивизма в России не могли удовлетворить Вырубова, далеко продвинувшегося в изучении этой философии. Позитивизм был ему интересен более всего как научная философия, как система, способная интерпретировать и суммировать различные факты естественнонаучного знания. Путь пропаганды контизма в России, растолковывание его азов, казался ему верным, но не соответствовал его намерениям.

На предложение Петунникова перевести на русский язык 6-ти томную работу О. Конта частично, хотя бы математический ее отдел, менее всего задевающий клерикалов, Вырубов ответил в 1864 г. категорическим отказом. Он полагал, что значение философии Конта состоит именно в ее всеобщности и выпячивание математики, которая к тому же потеряла в XIX в. свое первостепенное значение, нарушит общую стройность теории⁶. Вырубов с восторгом принял сообщения друга о небольшом кружке позитивистов в Москве, но считал, что для широкой пропаганды позитивизма в России почва еще не подготовлена. Он думал, что распространение его идей должно происходить исключительно приватным путем, что “публичная проповедь еще немыслима, она слишком опасна для проповедника и слишком бесплодна для массы”⁷. По приезду в Москву летом 1865 г. он намеревался провести беседу о позитивизме с 3–5-ю посвященными и находил, что и это уже неплохо.

---

⁵ Зонов В.Т. Историко-социальные концепции позитивизма и русская демократическая мысль 40-60-х годов XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1973. С. 4.

⁶ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 3. Л. 10 об.

⁷ Там же. № 10. Л. 41 об.

Воспользовавшись интересом к позитивизму, почитатели Конта в России попытались в 1865 г. издать его сочинения. Пока Вырубов готовил в Париже магистерскую диссертацию, группа его знакомых в Петербурге, лицейские приятели и однокашники: Евгений де Роберти, Михаил Веселкин, Александр Небольсин, Николай Свиньин, Аркадий Лонгинов и еще один-два человека создали в 1865 г. ассоциацию для издания сочинений Конта. Для успеха предприятия не хватало каких-нибудь 150 руб.; де Роберти пригласил Вырубова поучаствовать в издании, пользуясь хотя бы материальной готовностью “этих вообще довольно холодных друзей позитивизма и общих интересов”⁸.

Из более поздних писем де Роберти явствует, что члены ассоциации не собирались издавать сочинения самого Конта, для начала они предполагали публикацию популярной книги об “отце позитивной философии”, содержащую изложение основ его учения. Выбор колебался между работами английской пропагандистки позитивизма Г. Мартино и ее соотечественника Г. Льюиса. Де Роберти выбрал последнего, поскольку его имя вместе с именами Д.С. Милля, Г. Бокля и Г. Спенсера было на слуху у русской публики, тогда как Мартино, весьма известную у себя на родине писательницу, в России никто не знал. Де Роберти договорился о печатании двух выпусков книги в типографии “Морского сборника”, прощупал почву в отношении цензуры, но его энергия разбивалась о “славянскую лень” других участников проекта. “Архилентяи” Веселкин и Небольсин с головой погрузились в рутину государственной службы. Тем временем инициативу перехватил известный пропагандист творчества английских позитивистов, переводчик и редактор трудов Г. Спенсера и Д. Льюиса издатель Н.Л. Тиблен. Вместе со своим компаньоном по издательским делам и единомышленником и почитателем контовского таланта Н.А. Неклюдовым он издал в 1867 г. книгу Д. Льюиса и Д.С. Милля о Конте⁹.

Имя Н.А. Неклюдова, автора философских и политэкономических этюдов, хорошо известного де Роберти, опять мелькнуло в его письме в начале 1866 г. в связи с анонсом издания нового перевода Конта. Действительно, Тиблен включил в издательский план печатание “Курса позитивной философии”. В этом же письме сообщалось о проекте издания в Москве еще одного перевода Конта на деньги кн. Лобанова-Ростовского и под редакцией кн. Вяземского. Инициалов носителей этих громких фамилий

⁸ ИРЛ. № 2193 (Г.Н. Вырубова). VIM5Ф. Л. 38 об.

⁹ Льюис Д.Г., Милль Д.С. Огюст Конт и положительная философия / Под ред. Н. Неклюдова и Н. Тиблена. СПб., 1867.

де Роберти не назвал, полагая, что сказанное и без того понятно Вырубову. По этому поводу де Роберти и ликовал и недоумевал одновременно: “Нигде в Европе Конт не переведен, а только популяризован в более или менее удачных извлечениях, а в нашем благословенном отечестве разом выходят два перевода его. Это кажется уж слишком глупо”¹⁰. Но этой “глупости” не суждено было осуществиться, каракозовский выстрел в апреле 1866 г. положил конец всем смелым начинаниям.

Для России Вырубов приветствовал окольные пути пропаганды. Он положительно отнесся к инициативе Петунникова перевести на русский язык книгу по микроскопическим исследованиям французского последователя Конта Ш.Робена, требовавшую, как ему казалось, значительного сокращения из-за устарелости части материала. Основное значение в этом издании он придавал предисловию, где бы излагалось философское значение позитивизма¹¹.

Вскоре Вырубов сам предпринял похожую попытку. В 1865 г. он издал русский перевод книги Э.Литтре о позитивизме¹². В переводе участвовал де Роберти, Вырубов написал предисловие. Современный историк Б.М. Шахматов, поставил под сомнение предположение С. Лицинер¹³, что русский перевод книги Литтре, получивший название “Очерк положительной философии” и вышедший уже в 1863 г. в Гейдельберге, является предварительной версией издания 1865 г.¹⁴ Гипотеза Шахматова не находит подтверждения в архивных документах. В декабре 1864 г. Вырубов писал Петунникову из Парижа, что наконец-то повидался с “товарищем”, встречи с которым уже давно искал. Этот молодой человек перевел книжку Литтре, у него на руках остались 500 нераспроданных экземпляров, он предоставил их в полное распоряжение Вырубова, чтобы тот написал “выразительное” предисловие к этой брошюре¹⁵. Этот эпизод детально совпадает с тем, что изложено в письмах де Роберти 1864 г. к Вырубову, на которые и ссылается С. Лицинер. Окончательную ясность в этот вопрос вносят воспоминания А.Н. Петунникова. Он писал, что осень

---

¹⁰ ИРЛ. № 2193. VIM5Фа. Л. 41 об.

¹¹ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 3. Л. 10 об.

¹² *Литтре Э.* Несколько слов по поводу позитивной философии / Пер. Г.Н. Вырубова и Е.В. де Роберти; С предисл. переводчика: Позитивизм в России. Берлин, 1865.

¹³ *Лицинер С.* Герцен и Добролюбов в оценке молодого современника // Вопр. лит. 1972. № 10.

¹⁴ *Шахматов Б.М.* Стартовый манифест российского позитивизма // Огюст Конт. Взгляд из России. С. 276.

¹⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1. № 10. Л. 42.

1865 г. Вырубов проводил в Париже в обществе своего брата, Петунникова и П.Д. Боборыкина, оттуда их прогнала начавшаяся эпидемия холеры. Друзья перебрались в Женеву и там, в ноябре 1865 г. состоялось знакомство Вырубова с Герценом. Вырубов преподнес Герцену экземпляр перевода книги Литтре, впервые опубликованной в Гейдельберге в 1863 г.¹⁶ Стало быть, права С. Лицинер, оба издания – это перевод одной и той же книжки Литтре, только берлинская версия имеет в отличие от гейдельбергской предисловие, написанное Вырубовым.

Именно это предисловие о задачах позитивизма в России, отражавшее, несомненно, точку зрения переводчиков, особенно интересно. Б.М. Шахматов рассматривает предисловие Вырубова как “стартовый манифест российского позитивизма”. Думается, что подобное определение несколько преувеличено, поскольку вал оригинальных и переводных сочинений о позитивизме, наводнивших с середины 60-х годов XIX в. русскую печать, о чем свидетельствует составленная Шахматовым библиография¹⁷, появился независимо от перевода Вырубова, по времени они почти совпали, разница несколько месяцев здесь не существенна. Для людей, подобных П.Л. Лаврову или Н.Л. Тиблену, к этому времени уже знакомых с философией позитивизма в основном по английским источникам, книжка Литтре не была откровением. Просто пришло время подобных публикаций, потребность в философской рефлексии по поводу науки уже созрела, а цензура сделала послабления в отношении некоторых из них.

По наблюдениям Б.М. Шахматова, позитивизм в России превратился в часть общественного движения. Вырубовский контизм, взлелеянный на чужбине, не слился с “третьим потоком в истории позитивизма, встречным из России”. Неким упреком в адрес Вырубова и де Роберти звучит вывод Шахматова о том, что друзья не посодествовали формированию центра позитивистской мысли на родине¹⁸. Но если обратиться к “Предисловию”, адресованному небольшому кружку избранных, Вырубов на это и не претендовал, его задачи были совсем другие – просветительские.

Для автора “Предисловие” явилось, действительно, стартовым выступлением, первым опытом приложения философии позитивизма к реальной ситуации. Он спроецировал исторические взгляды Конта на российскую действительность, задачи позитивистов по отношению к России выглядят у Вырубова еще весьма умозрительными.

---

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 36 об.

¹⁷ Шахматов Б.М. Материалы к библиографии... С. 311–342.

¹⁸ Там же. С. 276.

Вырубов позаботился о том, чтобы дать русскому читателю понятие о единственно научной, основанной на знании социальных законов и потому единственно истинной философии, какой ему представлялся позитивизм. Этому учению, как ему казалось, удалось поставить историю на научную почву и слить воедино прошлое, настоящее и будущее человечества, а тем самым “оправдать прошедшее, оправдать настоящее и предсказать будущее”¹⁹. Он подчеркнул свою приверженность социальным корням и тенденциям позитивизма, который, по его убеждению, дал социализму “научную санкцию”.

Автор не находил положение современной ему России безнадежным. Ее настоящее сравнимо с прошлым западных народов, и поэтому нет поводов для уныния, и “для нас темная ночь заменится отрадным утром”, достаточно только воспользоваться поучительным опытом уже продвинувшихся в своем развитии стран. Слово “нас” в данном случае означает не автора, а Россию, и поэтому прогноз проецируется на неопределенное, скорее отдаленное будущее.

Реалии русской жизни воплотились для Вырубова в символах освободительного движения. Он продемонстрировал свои горячие симпатии к деятельности мыслящего поколения россиян, особенно Герцена и Добролюбова. Он считал их борцами за права личности, за принципы социальной справедливости, за свободу мысли в России, безоговорочно соглашаясь с “отрицательным” направлением их пропаганды. Необходимость “отрицательного” (разрушительного) фазиса развития для России он считал “последствием теологического прошлого и твердой подготовкой, естественным переходом к социальному будущему”²⁰. Юношеский радикализм Вырубова требовал не улучшения, а полного разрушения “обветшалого здания нашего политического устройства”. При этом молодой позитивист исключил себя из числа борцов с прошлым. Разрушение – это удел “революционных деятелей”, а его задача мыслителя-позитивиста, как он считал, созидательная, она состоит в том, чтобы сформулировать идею, “за которую жертвуешь своим покоем и часто своею жизнью”²¹.

Смысл этой идеи, по Вырубову, заключается в просветительстве, в пропаганде любви ко всему положительному, в продвижении в сознание масс представления о том, что наука есть двигатель политического, нравственного и социального прогресса.

---

¹⁹ Литтре Э. Указ соч. С. XVI–XVIII.

²⁰ Там же. С. XIII.

²¹ Там же. С. XVIII.

са и только по ее непреложным законам, а не согласно промыслу противоестественных сил, развивается общество. “Научные познания, – утверждал Вырубов, – суть самые могучие орудия отрицания, против них нет никакой защиты, надо, следовательно, стараться дать их всякому в руки”. Тогда от прежней цивилизации не останется и следа, “заря иного мира будет освещать наше отечество”²².

Главную политическую задачу он видел в том, чтобы преобразовать систему обучения. Идеал Вырубова, едва ли осуществимый по его собственному признанию, в ближайшее время, – это широкая, общеобразовательная подготовка, доступная многим и приложимая к самым разнообразным жизненным поприщам, поскольку ученые составляют лишь малую часть активного населения страны. На фоне общественного подъема и оптимистических ожиданий русской интеллигенции, связанных с реформами начала 60-х годов, вырубовский скептицизм по отношению к отечественной науке, которую “наши педагоги” пытаются поставить наряду с наукой Запада, и его сомнения в успехе “их педагогических претензий” выглядят весьма странными. Умозрительность его представлений о задачах пропаганды позитивизма в России, свидетельствует о том, что он предполагал ее отдаленные последствия для своей родины, и это не имело ничего общего с практикой революционной борьбы, от которой он всегда держался в стороне. Для него политическая задача позитивизма формулировалась как постепенная пропаганда передовых идей среди мыслящей части общества, революционная агитация никогда не входила в его планы. В сущности, не было заметной эволюции взглядов, как это кажется С. Лицинер, у Вырубова – автора предисловия и Вырубова – консерватора и догматика, каким он выказал себя в общении с А.И. Герценом в 1865–1869 гг.²³

Совсем иначе представлялся Вырубову путь распространения позитивизма во Франции. Позитивизм не был еще официально признанной доктриной и тогда не находил места в вузовском преподавании. По свидетельству Боборыкина, в конце 60-х годов XIX в. во французских университетах и не пахло позитивизмом. Учение Конта возбуждало негодование и ярость многих клерикалов и идеалистов. Ожесточенную борьбу вызвала публикация в 1864 г. книги Э. Литтре о О. Конте. Тогда серьезно опасались

²² Подобные мысли примерно в то же время высказывал де Роберти в письме к Вырубову: “Вся наша история есть ничто иное, как хронически переходная эпоха. Пора вылечиться от этой болезни. Слава богу, врач на лицо, и средства его несомненны: я говорю о науке и, что то же, о позитивизме” (ИРЛ. 2193. ВИМ5Фд. Л. 215 об.).

²³ Лицинер С. Указ соч. С. 252.

за карьеру Литтре и Ш. Робена. Еще не изгладили из памяти случаи, когда Э. Ренан лишился профессорской кафедры за книгу “Жизнь Иисуса”. Вырубов вынужден был признать, что и во Франции “свободная мысль” подвергается преследованиям, но здесь не было запрета на пропаганду новейших философских идей. Париж – культурный центр Западной Европы и родина позитивизма – давал Вырубову возможность легальной и общеевропейской трибуны для пропаганды этого учения. Во второй половине 60-х годов в Париже начал складываться кружок единомышленников-позитивистов.

После смерти Конта образовалось два течения его последователей: религиозно-мистическое представляли П. Лаффит, Ж.-Ф. Робине, Р. Конгрив – они принимали на веру тезис учителя о позитивной политике и религии; философскую сторону его учения развивали Э. Литтре, Ш. Робен, Лебле, де Бризьер, отказавшиеся от религиозных откровений Конта и принявшие на вооружение его объективный метод. В этой группе заметное место занимала “мадам Конт”, так называли литтреисты бывшую жену Конта Каролину Массен, с которой он был в разводе с 1841 г. Вырубов появился у Литтре в 1864 г. с рекомендательным письмом от Э. Помье и с просьбой познакомить его с мадам Конт. Она была неоспоримым авторитетом для этой группы контистов, так как отстаивала чистоту философской доктрины против более поздних наслоений позитивной политики и религии.

Мадам Конт, она же “вдова Конт”, занялась пропагандой наследия философа. Ей принадлежала инициатива четырех изданий “Курса положительной философии”, она вдохновила Литтре на сочинение книги о Конте, настояла на его полемике об учении Конта с Д.С. Миллем. Вырубов вызвался финансировать второе издание “Курса положительной философии”. Вдова предпочла книготорговца Бальера. К этому времени возникла идея создать печатный орган позитивистов. Мадам Конт хотела бы видеть редактором журнала Э. Литтре, но тот отказывался взять на себя ответственность за издание, ссылаясь на занятость. Выход был найден – молодого русского философа выбрали в соредакторы Литтре,годились и его финансовые возможности – журнал издавался на его средства²⁴. Почти ежедневные беседы Вырубова с Литтре и Робеном касались разнообразных вопросов современной науки и политики. В новейших научных открытиях они искали подтверждение или опровержение контовской системы, обсуждали проблемы создания будущего печатного органа позитивистов. Незаурядная энергия Вырубова выдвинула его в лиде-

---

²⁴ Ph. pos. 1877. T. 18. N 5. P. 294.

ры кружка позитивистов. Сама “мадам Конт” возлагала на него надежды “философской пропаганды” идей мужа, подарив ему памятные вещи покойного: его чернильницу, перо, последние автографы. Вырубов принял радушный прием французских позитивистов как аванс на будущее, который он даже не надеялся оправдать. “Это комплимент, который, вероятно, не осуществится никогда на деле, в таких размерах, по крайней мере, как думают наши здешние единомышленники”, – писал он Петунникову²⁵.

Журнал “Позитивная философия”: Программа и принципы издания. А.И. Герцен и “вырубовка”. Вырубов – редактор и издатель. Сотрудники журнала. Кружок позитивистов. Э. Литтре. Тематика “Позитивной философии”. “Социологическое общество” (1872). Вырубов – автор. Итоги работы.

В ту пору, когда Вырубов приступил к пропаганде идей позитивизма, у него уже не было слепого преклонения перед авторитетом Конта. Он достаточно ясно понимал, что контовское учение в некоторых конкретных разделах устарело, наука за последнее время ушла далеко вперед, был уверен, что уже есть основания, чтобы отнестись к его наследию критически. “Время пришло уже взглянуть на предмет самостоятельно и перестать клясться словами учителя. Труды Литтре и других более мелких деятелей, между которыми я рекламирую для себя местечко, уяснили многое, оставшееся необъясненным, и позволяют поставить все здание на новое основание. Надо, чтобы положительная философия вышла наконец из пределов школы и стала говорить доступным для публики языком”, – так определил он задачи последователей французского философа²⁶.

Перед Вырубовым и его друзьями стояла задача перевести на общедоступный язык тяжеловесные труды учителя, сделать его идеи доступными широкому кругу читателей. Более всего для этих целей подходило издание специального журнала. В полемике с Петунниковым и в критической оценке ряда отечественных изданий Вырубов четко сформулировал свой взгляд на цели журналистики. В новом журнале он поставил задачу донести до читателя заветный принцип позитивизма: “В наше время одна наука должна управлять обществом, одно верование может существовать, это верование в непреложность научных выводов”²⁷. Жур-

²⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1, № 4. Л. 15 об.

²⁶ Там же. Д. 5, № 46. Л. 118.

²⁷ Там же. № 37. Л. 100.

нал “Позитивная философия”, по замыслу Вырубова, должен быть обращен к современному читателю, иначе не стоило бы огород городить, а для такого читателя конкретные вопросы гораздо более доходчивы и легче проясняют философские теории, чем абстрактные рассуждения.

Вырубов рассматривал издание журнала как “общественное дело”, рассчитанное на массового потребителя. Адресность любого издания, полагал он, – принципиальный вопрос. Для нескольких десятков человек не стоит издавать журнал, он не окупит себя и лопнет уже через несколько месяцев, для избранных можно писать книги, прибегая к сугубо научному и специальному языку. Массовость, общедоступность издания, по Вырубову, предполагает особый язык. Вырубов писал, что ему надоело “как горькая редька” пережевывание общих мест и абстрактных вопросов. Он считал, что следует увлечь читателя разработкой более специальных конкретных проблем и выработать для этого новую форму, писать иначе, чем это делалось раньше, “не этим бессвязным, беспутным языком, который часто непонятен и нам, посвященным во все тайны контовской кабаллистики”²⁸.

Рождению журнала предшествовала попытка Вырубова заручиться поддержкой А.И. Герцена. Александр Иванович уклонился от предложения Вырубова принять участие в новом издании, но сочувственно отнесся к программе журнала, переданной Вырубовым в середине мая 1867 г. и напечатанной в “Колоколе” 17 июля 1867 г. с пожеланием успеха “превосходному предприятию”²⁹. “С искренним желанием успеха прочел вашу программу. Во имя науки, освобожденной не только от религии, но и от метафизики, можно идти на проповедь”, – писал он Вырубову, предваряя публикацию программы³⁰.

Издатели журнала предполагали развить основные идеи учения Конта, приложив их к современному, более совершенному уровню развития в “науках, искусствах, словесности и гражданственности”, основывая обновление общества “исключительно на действительном знании законов мира, человека и истории”, отбросив толкования, принятые теологией и метафизикой³¹.

В одном из писем в мае 1867 г. Герцен предложил проект совместного с группой флорентийских ученых издания специального научно-философского журнала позитивистского толка. Издателем и редактором предполагался “дельный, умный и обра-

---

²⁸ Там же. № 40. Л. 106 об.

²⁹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 19. С. 268.

³⁰ Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания // Вест. Европы. 1913. № 2. С. 82.

³¹ Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 19. С. 268.

зованный” ученый, французский историк Г. Моно, участниками сын Герцена, физиолог А.А. Герцен, его патрон М. Шифф, Шпер, Я. Молешотт, доктор Э. Левье. А.И. Герцен и Н.П. Огарев готовы были помочь статьями. Герцен предложил издавать журнал в Женеве в типографии Л. Чернецкого, печатавшего издания русской политической эмиграции. Он обещал Вырубову: “Я бы вам привел всю эту молодежь”, имея в виду и флорентийскую группу³². Из переписки А.И. Герцена с родственниками и друзьями явствует, что идея “позитивно-физикального журнала” увлекла его настолько, что он готов был первое время сотрудничать в нем безвозмездно. Если бы Моно удалось добыть средства для журнала, то А.И. предполагал передать под его начало редактирование французского варианта “Колокола”³³.

Для переговоров с Вырубовым флорентийцы отрядили польского эмигранта Баумриттера. Предложение застало Вырубова, когда уже ожидался выход в свет первого номера “Позитивной философии”. В ответном письме А.И. Герцену он выказал готовность объединить усилия, чтобы “не делать друг другу конкуренции”, но категорически отказался печатать журнал в Женеве, так как это, несомненно, помешало бы его своевременному выходу (даже печатание “Позитивной философии” в Версале представляло в этом смысле неудобство из-за необходимости пересылки материалов). При этом Вырубов высказал пожелание поскорее познакомиться с первым номером флорентийского журнала³⁴. Осторожного Вырубова, видимо, смутило отсутствие четкой программы у флорентийцев и неопределенность его собственного участия в предполагаемом проекте. Объединения журналов не произошло, впрочем, объединять было нечего, флорентийское издание не состоялось. “Сплоховал” Моно, он не смог уговорить своего отца дать необходимые средства.

Герцен следил за первыми номерами “вырубовки”, так он окрестил в письмах к друзьям “Позитивную философию”, и постоянно просил Вырубова высылать ему свежие номера его журнала. В письме к Н.П. Огареву Герцен нашел довольно пошлой попытку “Вырубова-беллетриста” сравнить Лондон и Париж (разумеется, сравнение было не в пользу английской столицы). Самому Вырубову он попенял на “манеру ученического неистовства” некоторых авторов его журнала по отношению к творцу позитивизма и на их попытки подражать “тяжеловесному, утомитель-

---

³² Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания. С. 84.

³³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 29, кн. 1. С. 129.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2197 (заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарева). Оп. 1. № 219. Л. 1.

но – длинно – парантезо – доктринерскому слогу учителя”³⁵, но вынужден был признать, что тиражи “Позитивной философии” растут и она расходуется бойко.

Вырубов горячо взялся за дело. Он гнал от себя мысли об отдаленном будущем, ему не хотелось думать, что придется когда-нибудь скитаться “по разным углам Европы” в поисках работы и пропитания. “Дело есть, и нечего терять время”, – решил он³⁶. Первый номер журнала появился 1 июля 1867 г.³⁷ Он выходил один раз в два месяца, три номера составляли том, всего появилось на свет 31 том. Единственный раз издание прервалось во время франко-прусской войны и Парижской коммуны, с сентября 1870 г. по сентябрь 1871 г. Журнал был компактным (10–11 печ. листов) и дешевым (20 фр. за годовую подписку). Экземпляры “Позитивной философии” продавались в университетских городах Франции, в Эльзасе и в европейских столицах: в Брюсселе, Лондоне, Мадриде, Риме.

Соредактор Вырубова по журналу, в ту пору уже маститый Литтре, был в основном занят составлением своего знаменитого “Лексикона”. Он дал журналу имя, писал для него статьи и заметки. Основная тяжесть работы по его изданию пала на Вырубова, он редактировал журнал, поддерживал связи с авторами и типографией, читал множество рукописных текстов, правил корректуру. Типография журнала находилась в Версале, поначалу Вырубову приходилось бывать там каждый день, позднее, когда дело налажилось, 2 раза в неделю.

Вырубов-редактор был строг даже по отношению к своим друзьям. Он бежал “как от чумы” от “темных” статей Ш. Робена. Из-за “тяжеловесности” не попала на страницы “Позитивной философии” статья А.Н. Петунникова. Да и к себе он не был особенно снисходителен, некоторые свои первые статьи он уподоблял “тяжелому блюду”, настолько они казались ему “непонятными, темными, скучными”.

Издателей окрылил успех первых номеров журнала. На него, Вырубов признавал это, они и не рассчитывали. Итоги первого года дали обнадеживающие результаты: увеличилось число подписчиков, в том числе зарубежных (со “всех концов света”), журнал хорошо раскупался, расширился круг сотрудников.

Работа над журналом принесла Вырубову чувство удовлетворения, он радовался, что “в здании новой философии” есть и его камень. “Невелик и неважен этот камень, более чем кто-либо я

³⁵ Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания. С. 94.

³⁶ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 4, № 33. Л. 93.

³⁷ La philosophie positive. Revue dirigée par É. Littré et Wyrouboff (1867–1883).

это чувствую, но не все могут дарить тяжелым, многогранным металлом. Быть может время и труд, усидчивый, терпеливый труд даст мне более сил, с моей стороны, по крайней мере, будет приложено старание”, – обещал он Петунникову³⁸.

Издательская работа потребовала от Вырубова большой самоотверженности. С тех пор как он “запрягся в фургон журнала”, его время уплотнилось до чрезвычайности, отпуск ограничился двумя-тремя неделями и пределами легко достигаемых местностей, куда бы он ни поехал, всюду его преследовали письма, корректуры, статьи, работа без отдыха и срока. Ему приходилось общаться с большим числом людей, принимать у себя, отдавать визиты. С годами участие Литтре в журнале уменьшилось из-за болезней, из-за всегдашней занятости. “Позитивная философия” всецело оказалась на попечении Вырубова, из Парижа в Москву шли сообщения, что он буквально “завален работой” по журналу³⁹. Вырубов не сетовал, но слегка досадовал, что “журналистская барщина” почти не оставляет досугов для лабораторной работы.

Для своего времени “Позитивная философия” была новаторским, оригинальным изданием. Необычным был состав авторов: из маститых в нем сотрудничали только двое – Э. Литтре и медик Ш. Робен. Зато в согласии с контовским постулатом, что историю творят отнюдь не кабинетные ученые, Вырубов привлек к работе людей, имевших вкус к активной общественной деятельности – представителей буржуазно-демократических партий, впоследствии видных политиков и администраторов. Таковы участники социалистической партии химик А. Наке и переводчик Лукреция А. Лефевр, автор статей по естественной истории, позднее генерал Э. Журди, будущие сенаторы А. Дюбо и Ж. Ферри, банкир-философ Коррье, будущий военный министр Л. Андре, секретарем редакции был Ж. Кобе, ставший впоследствии главой муниципальной полиции Парижа.

Вокруг журнала сложился кружок единомышленников. В первые годы в квартире Вырубова происходили их еженедельные встречи. Эти собрания были неформальными, не было и следа какой-либо организации. Публика была пестрой: сотрудники журнала, приезжие русские магистранты и журналисты, французские исследователи-естественники. Частым гостем на этих “четвергах” был Литтре. В конце 1869 г. он иногда спорил с А.И. Герценом по вопросам позитивной философии, в полемику часто вступал хозяин дома, споры были жаркие, но беззлобные.

³⁸ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 4, № 36. Л. 99.

³⁹ Там же. Д. 16. № 127. Л. 273 об.

Республиканские пристрастия многих участников этих сборищ вызвали подозрение бонапартистской полиции. Накануне франко-прусской войны 1870 г. Вырубову приходилось много хлопотать, выручая попавших ее в руки друзей.

В этом кружке единомышленников Эмиль Литтре был наиболее значительной фигурой. Как и многие позитивисты, он сочетал обширные познания в области естественных и гуманитарных наук, являя собой тип ученого-эрудита. Он имел медицинскую подготовку, и эта естественнонаучная закваска обнаружилась во всех его трудах. Литтре заявил о себе как о блестящем историке науки переводами и комментированием сочинений Гиппократ и Плиния Старшего, авторством в 30-ти томном медицинском словаре, оригинальными работами по истории естествознания. “Медик – это его истинное научное предназначение”, – писал о Литтре в начале 60-х годов известный критик Ш.-О. Сент-Бев, имея в виду призвание и метод работы⁴⁰. Оценка Сент-Бева оказалась справедливой лишь отчасти. В истории культуры Литтре памятен скорее как талантливый пропагандист философии позитивизма и как создатель толкового словаря французского языка, до сих пор не утратившего своей ценности.

Литтре – автор целого ряда работ по истории французской филологии, включая старофранцузский язык, и по сравнительному языкознанию. В изучение филологии он внес строго рациональный метод, имел четкий план и программу работы над “Лексиконом” (1863–1873), выработал методiku подбора примеров из старофранцузской и современной литературы. В итоге получился не столько этимологический, сколько исторический труд. Работа над словарем, к которой Литтре приступил уже в преклонном возрасте, потребовала жесточайшей самодисциплины и самоотверженности, на сон оставалось не более 5 часов в сутки. Наградой была “грандиозная стройность и красота целого”⁴¹.

Литтре был непосредственным учеником Конта, с 40-х годов и по 1851 г. он распространял идеи учителя в журнале “National”. В 1851 г. Литтре порвал с Контом из-за расхождений в отношении к реальной политике и религии, но пропаганду его учения не оставил, написал несколько книг по философии позитивизма. В полемике с “истинными друзьями”: Д.С. Миллем, Г. Спенсером, М. Бергло, Э. Ренаном и противниками, а иногда даже и с самим Контом, он отстаивал “чистоту”, как он ее понимал, позитивистской доктрины. Литтре настойчиво пропагандировал контизм, прилагал его метод к новым областям исследований, рас-

---

⁴⁰ *Saint-Beuve C.-A. Notice sur M. Littré: Sa vie et ses travaux. P., 1863. P. 52.*

⁴¹ *Капо Э. Литтре и позитивизм. М., 1884. С. 16.*

пространил знание об учении за пределы узкой группы почитателей⁴². Как замечает один из авторов сборника о О.Контэ, после Литтре “можно было называться позитивистом, не читая Конта”⁴³. Много сил отдал Литтре, чтобы довести до сознания властей предрержащих идею о необходимости преподавания позитивной философии и истории науки.

Литтре был первым, с кем познакомился Вырубов в Париже. Внешне они были очень разными: медлительный, несловоохотливый, похожий на деревенского учителя Литтре и подвижный, красноречивый и блестящий Вырубов⁴⁴. Несмотря на разницу лет и научную известность Литтре отношения между ними складывались на равных. Обоих отличала бескорыстная любовь к науке, незаурядная энергия и огромная работоспособность. Их сблизило трепетное и вместе с тем критическое отношение к контовскому наследию, желание обновить его и сделать достоянием широкой публики. Вырубов даже считал, что заслуги Литтре в пропаганде идей Конта превосходят его подвиг создания словаря – “этого нетленного монумента, воздвигнутого в честь французского языка”⁴⁵.

Кроме того, они сходились в общественных идеалах, оба придерживались эволюционной теории развития общества, хотя и признавали правомерность революции при определенных условиях. Литтре привел к этому выводу личный опыт сражений на баррикадах революции 1830 г. И Литтре, и Вырубов были приверженцами республиканской формы правления для Франции. Отношения между ними всегда оставались дружескими и равными. Со свойственной ему привычкой опекать слабых Вырубов организовал выезд семьи Литтре из осажденного Парижа во время франко-прусской войны 1870 г. и постоянно заботился о своем больном друге. Лишь однажды недолгая размолвка омрачила их дружбу. После падения Парижской коммуны Литтре оправдал кровавый террор версальского правительства, Вырубов его осудил. Их помирила “вдова О. Конта”, и сотрудничество продолжалось.

Многообразие и глубина познаний делали Литтре специалистом в самых различных областях знания от истории французского языка и литературы до биологии, физиологии, медицины. Эту универсальность таланта он в полной мере проявил на страницах

---

⁴² *Charleton D.G.* Positivist thought in France during the Second empire (1852–1870). Oxford, 1959. P. 54.

⁴³ Auguste Comte. *Qui êtes vous?* P. 151.

⁴⁴ *Боборыкин П.Д.* Воспоминания. За полвека. М., 1965. С. 425.

⁴⁵ *Banquet offert à M. Littré // Ph. pos.* 1873. Т. 10, N 5. P. 306.

“Позитивной философии” – много писал по вопросам текущей политики, образования, медицины, физиологии и психологии, по проблемам естественных наук и истории медицины. Авторитет Литтре, члена Французской академии после 1871 г. и пожизненного сенатора после 1875 г., привлекал к журналу читателей. Вырубов особенно ценил критический дар Литтре, его отзывы на работы по медицинской тематике, хотя и признавал, что он совершенно не создан для жанра литературного фельетона.

Пестрота авторского коллектива журнала отвечала широте его тематики. Следуя за учителем, позитивисты ставили во главу угла проблему образования молодого поколения. Это направление пользовалось приоритетным вниманием у редакторов журнала, рассматривались все уровни и все виды профессиональной подготовки, включая специальную (например военную). Значительное внимание уделялось естественнонаучным сюжетам, печатались этюды по истории науки. Следом за статьей И. Стюпой о забытом математике XVIII в. Софи Жермен была объявлена подписка на сооружение памятного надгробия на ее могиле. В журнале были представлены все течения современной философской мысли Западной Европы и ее история, широко освещались проблемы социологии, политологии, гражданской истории, искусствоведения и литературной критики. Существовал отдел поэзии, путешествий и библиографии. Присутствовала в нем и “русская струя” – собственные статьи Вырубова о современной России, печатались рецензии на работы о ней западных и русских авторов, публиковались статьи и критические заметки П.Д. Боборыкина, Е.В. де Роберти, М.М. Ковалевского. Многие из сотрудников вырубовского журнала оставили свой след в политике, в научном и литературном творчестве. В “Позитивной философии” увидели свет критические заметки Вырубова о книгах авторов журнала А. Наке, Э. Журди, Ф. Рибо, Б. Перетца, А. де Фонпертуи, несколько книг по политологии оставил после себя А. Дюбо. Читателей привлекала подача материала (даже давние события рассматривались сквозь призму современности) и злободневность многих статей по внешней и внутренней политике, экономике, методам практического хозяйствования, по социальной политике. Созвучной многим читателям оказалась теория социального прогресса, построенного на научных началах. Журнал много способствовал становлению и утверждению идеи республиканского правления во Франции.

Из позитивистского кружка в январе 1872 г. выросло “Социологическое общество”. Литтре стал его президентом, Вырубов и Робен – вице-президентами. Они могли претендовать на этот статус благодаря широкой эрудиции в области общественных наук,

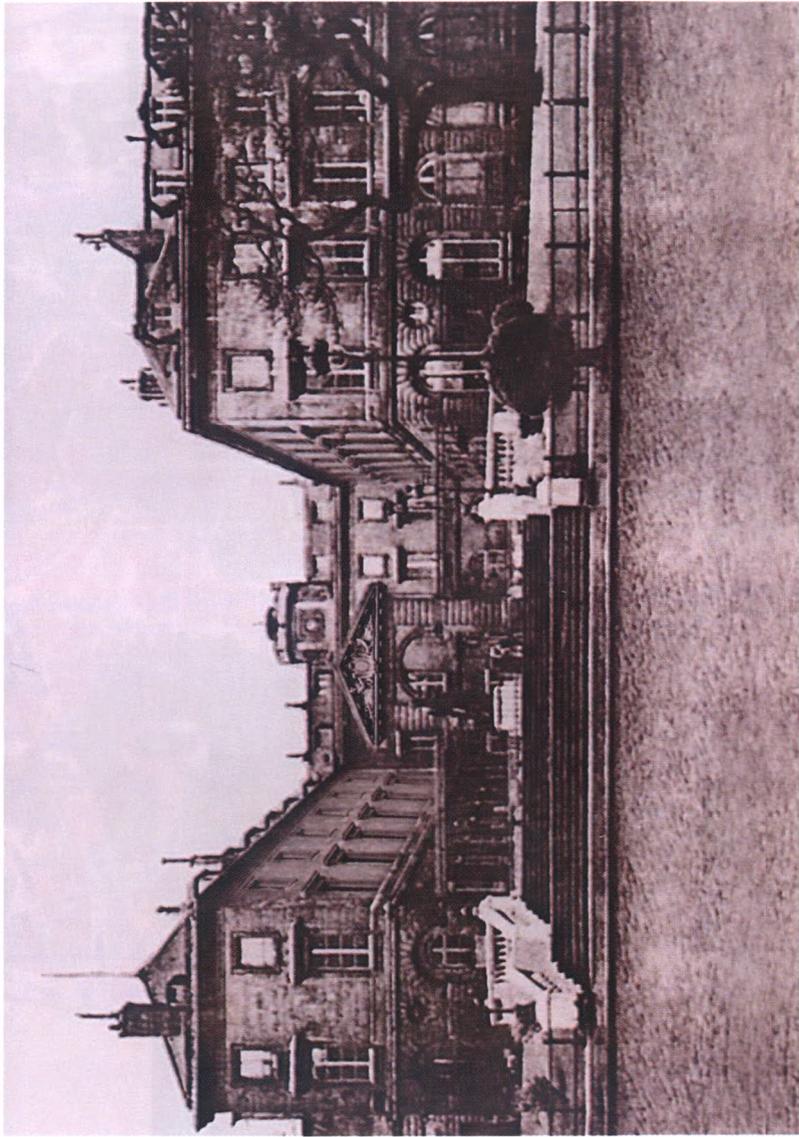
**Вырубов на конной прогулке 1886 г.
(НБ МГУ ОР)**

Софья Вырубова
(вторая жена
Г.Н. Вырубова). На обороте
фотографии надпись
по-французски: Тетушка
Софья Вырубова,
урожденная Рише.
(Из собрания
Н.В. Вырубова)

**Г.Н. Вырубов – кавалер
русского и французского
орденов (Из собрания
Н.В. Вырубова)**

Коллеж де Франс

(3) Rue de Lille, 9
Декабрь 1875 – март 1879

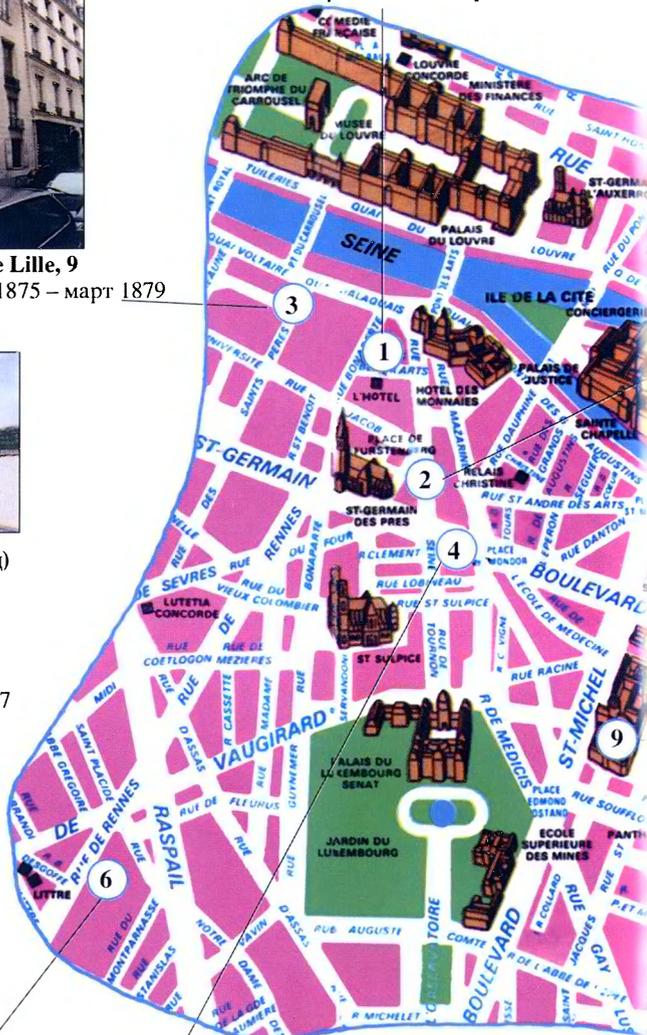
(11) Кладбище Пасси (вход)

(5) Rue Molitor (Auteuil), 18
Декабрь 1884 – ноябрь 1887

(6) Rue de Renne, 141
Ноябрь 1887 – июнь 1896

(1) Rue des beaux arts, 5
Ноябрь 1866 – ноябрь 1871

(4) B-rd de St.-Germain, 127
Март 1879 – декабрь 1884

(2) Rue de Seine, 76
Ноябрь 1871 – декабрь 1875

(8) Collège de France

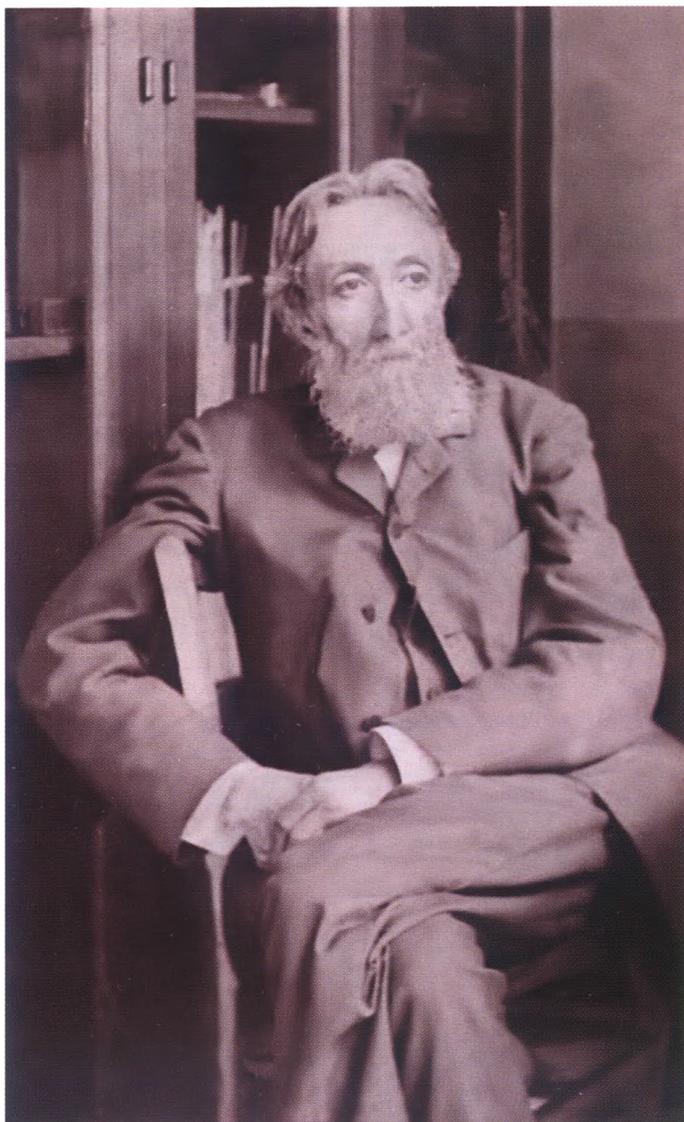
(9) La Sarbonne

(10) Muséum
d'Histore Naturelle
(здесь располагалась
лаборатория
О. Вернейля)

(7) Rue Lacépède, 20
Июнь 1896 – ноябрь 1913

Г.Н. Вырубов в Париже
(места проживания, работы, погребения)

**Г.Н. Вырубов, одна из последних фотографий, 1912–1913 гг.
(Из собрания Н.В. Вырубова)**

Моида Г.Н. Вурбуова в Пасси

**Бюст Г.Н. Вырубова, хранящийся в музее “Царкосельский лицей”
(Из собрания Н.В. Вырубова)**

единственным профессионалом был статистик и демограф Л. Бертильон. В состав членов-учредителей вошли впоследствии известные политические деятели Л. Андре, А. Дюбо, Э. Журди. Иностранцами членами-корреспондентами были избраны Д.С. Милль и Е.В. де Роберти.

Общество выработало устав, определив своей целью научную разработку социальных и политических проблем на базе изучения объективных естественных законов. Оно было создано, когда еще не был четко сформулирован предмет новой науки. Его члены потратили много усилий для определения основных понятий социологии и выработки ее научного языка. На учредительном собрании Вырубов выступил с докладом “О классификации социологии”. Из-за незрелости самой дисциплины Общество скоро угасло. Но его опыт оказался небесполезным для созданных позднее в Париже Социологического общества и Школы высших социальных наук (Soc. de Sociologie de Paris, Ec. des hautes études sociales); Института социологии и Сольвеевского института (Institut de sociologie, Institut de Solvay) в Бельгии⁴⁶.

В общей сложности Вырубов напечатал в своем журнале около 150 статей и критических заметок. По авторской плодовитости он сравним разве что с Литтре, так же как его старший коллега, он писал о многом: о внутренней и внешней текущей политике, о вопросах образования, о социологии. Основным его коньком была философия, он следил за всеми течениями современной ему философской мысли и постоянно печатал критические очерки о работах философов Англии, Германии, Италии, России. Стиль его статей был рассчитан на широкую публику, он писал далеко не примитивно, но доступно, избегая специальных терминов, длиннот и утомительных подробностей. Возможно, это обстоятельство послужило для американского историка науки Д. Сартона поводом для того, чтобы назвать вырубовские опусы журналистской “болтовней”. Он упрекнул их автора в том, что многие его статьи не развивали оригинальные идеи, а были посвящены критическому разбору работ современных ему философов и естествоиспытателей⁴⁷. Но, во-первых, не следует забывать о популярном характере журнала. Во-вторых, действительно, 70 из 150 публикаций представляют 2-х–3-х страничные отклики на новинки книжного рынка, зато другие – это достаточно аргументированные и развернутые суждения Вырубова о современных проблемах философии, естествознания и социальной

---

⁴⁶ П. М-въ. Социологи-позитивисты // Знание. 1872. Т. 7; Société de sociologie // Ph. pos. 1872. Т. 8, N 5; 1881. Т. 26, N 1. P. 56.

⁴⁷ Sarton G. Paul, Jules and Marie Tannery... P. 39.

жизни. Критические статьи чаще всего служили Вырубову способом выражения собственных взглядов на обсуждаемый предмет и становились поводом для научной полемики, в них он затрагивал дискуссионные проблемы своего времени – гипотезу эфира, правомерность существования идей атомизма, проблемы магнетизма, электричества и пр. По подсчетам Петунникова, вырубовские публикации в “Позитивной философии”, если иметь в виду только крупные статьи, составили примерно 74 печатных листа⁴⁸.

Лучшим способом выявления научной истины Вырубов считал дискуссию, лучшими помощниками в пропаганде идей позитивизма не слепых почитателей, а умных критиков и умелых защитников. Он признавал плодотворность дискуссии, когда спорящие оттапливались от близких философских посылок. “Своими” он считал английских позитивистов Д.С. Милля и Д.Г. Льюиса, с которыми нередко полемизировал. Руководствуясь этим правилом, он не вступал в спор с откровенными противниками позитивизма: материалистами, неокантианцами, монистами, хотя и писал о них, считая необходимым знать все направления современной философской мысли.

Более жесткой была позиция по отношению к работам последователей Конта, которые выходили за рамки литтреистского толкования. Они игнорировались настолько, что “затверженный мотив “позитивная философия” стал синонимом “литтреистской философии”⁴⁹. В рамках избранного направления редакторам свойственно достаточно свободное и критическое отношение к постулатам классического позитивизма. Авторы журнала приложили контовский метод к разработке многих проблем и отраслей знаний, едва затронутых Контом, они считали свою философию важным социальным инструментом, направляющим человеческий ум в сторону земных вещей, к индивидуальной и социальной жизни.

Многие статьи вырубовского журнала были посвящены приложению позитивного метода к изучению наук о человеке: к психологии, этике, социологии и к конкретной социальной практике. Авторы журнала попробовали применить контовский метод к сравнительно молодым областям научного знания: к этнологии и антропологии, использовали его в интерпретации новых проблем естествознания. Вырубов–редактор публиковал на страницах “Позитивной философии” статьи, выходящие за рамки пред-

---

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 61.

⁴⁹ *Commet Ern. La philosophie positive d'Émile Littré // Rev. synthèse. 1982. Vol. 103, N 106/108. P. 179.*

ставлений “первого позитивизма”, читателям были благожелательно представлены многие непозитивистские и даже антипозитивистские сочинения. Издатели не преследовали цели сведения счетов с идейными противниками, они ставили скорее воспитательные задачи, желая привлечь на свою сторону значительную часть образованной публики, и старались даже в полемических статьях сохранять объективистски спокойный тон. Охватить все журналистское наследие Вырубова не представляется возможным, нас будут интересовать, главным образом, те статьи, в которых он определил свое отношение к философии позитивизма.

В 60–70-е годы XIX в. Вырубов и его современники наблюдали столь тесное сближение философии и естествознания, что “одна становится синтезом другой”⁵⁰. В этом симбиозе Вырубов отдавал пальму первенства естествознанию, признавая за ним критерий истины. Позитивное знание, по Вырубову, обладает всеми специальными методами, необходимыми для его постижения и определяет границы, за которыми недопустимо сомнение. По его убеждению, позитивное знание всегда предпочтительнее формальной логики. “Чем замечателен XVIII век?”, – вопрошал он и отвечал: “исчислением бесконечно малых величин и законом тяготения. Лавуазье, Лаплас, Монж и Биша заставили забыть Канта”⁵¹.

Вырубов чрезвычайно ревниво относился к попыткам крупных естествоиспытателей, будь то А. Ампер в прошлом или его современники Т. Гексли, Ж. Агассис, Л. Пастер и другие, выстраивать самостоятельные философские системы. “Свободные хозяева мысли” каждый в своей области, они оказывались беспомощными из-за незнания простейших азов философии⁵². Это неведение, полагал Вырубов, приводит их к ложным выводам относительно философии позитивизма. Как известно, некоторые, например Гексли и Пастер, утверждали, что эта философская система им, представителям экспериментальной науки, ничего не дала.

Незадолго до закрытия журнала в 1883 г. Вырубов составил своеобразное руководство для естествоиспытателей, если бы им пришла в голову фантазия пофилософствовать на общие темы. Он не устал повторять, что философия, как всякая другая наука, имеет свой четко очерченный предмет, свой метод и доктрины, добытые с его помощью. Философский метод, по Вырубову,

---

⁵⁰ *Wyrouboff G. Le certain et le probable: L'absolu et le relatif // Ph. pos. 1867. T. 1, N 2. P. 168.*

⁵¹ *L'opinion de M. Huxley sur la philosophie positive // Ibid. 1869. T. 5, N 2. P. 388.*

⁵² *Ibid. P. 307.*

объективен, он представляет собой сумму логических построений, составляющих продукт развития совокупной мысли, аккумулярованной в течение веков. Всякая философская система, согласно его мнению, – это координация исследовательских методов и достоверных истин. Вырубов дал определение философии как “гомогенной концепции мира”, как разновидности общей науки, охватывающей одновременно все науки. Философское обобщение, утверждал он, – это обобщение высшего порядка. Оно резюмирует и систематизирует не общие факты, а наиболее абстрактные результаты специальных знаний. Далее Вырубов наставлял начинающих философов в том, что исследовательский метод может быть каким угодно, но необходимо, чтобы он был точным и оставался одним и тем же во всех частях построения общей концепции, так как единство метода составляет базу философии. “Не объекты исследований определяют различные направления философской мысли, они идентичны для всех. Их различает и делает иногда непримиримыми соперниками сама манера исследований”, – убеждал он⁵³.

Третьим неизменным условием философствования Вырубов считал знание философии прошлого, в противном случае возникает риск открытия уже известного. Пренебрежение этими правилами, предостерегал он, стоило некоторым натуралистам многих лет сизифова труда, итогом чего стало создание “абсолютной пустоты”, “интеллектуального небытия”⁵⁴.

Вырубов не раз присягал на верность теории Конта, но относился к ней отнюдь не догматически. “Все, что в труде Конта существует вне непосредственного влияния действительности, остается бесспорным и может быть повторено без всякого исправления”, – писал он в 1879 г.⁵⁵ Он считал, что в самой системе нечего менять, стоит только приложить ее постулаты к частным фактам и углубить борозду, проведенную в науках самых высших – в психологии и социологии⁵⁶.

Неточность выводов Конта относительно теории вероятностей, статистики, психологии, астрофизики, его заблуждение по поводу дуализма в химии и прочее. Вырубов объяснял состоянием науки первой трети XIX в. Равным образом он считал устаревшими некоторые разделы его книги, например оригинальный очерк аналитической геометрии⁵⁷.

---

⁵³ *Wyrouboff G.* Ce qu' il faut pour philosopher? // Ph. pos. 1883. Т. 31, N 5. P. 23.

⁵⁴ *Ibid.* P. 23–25.

⁵⁵ *Wyrouboff G.* De l' esprit métaphysique en chimie // *Ibid.* 1879. Т. 23, N 2. P. 198.

⁵⁶ *Wyrouboff G.* L'opinion... P. 394.

⁵⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 1, № 3. Л. 10 об.

Во всех этих случаях Вырубов видел ошибки ученого-специалиста, но не философа. “Он иногда ошибался как химик, как физик или социолог, это несколько не относится ни к методу мышления, ни к иерархии классификации наук, ни к разграничению конкретного и абстрактного”, иначе говоря, к тому, что составляет “позитивную философию”. Ошибки в деталях, по Вырубову, показывают только, что “отправная точка позволяла, несмотря на недостаточность, охватить весь мир и все знания, которые им управляют”⁵⁸.

Основной заслугой Конта Вырубов считал то, что он дал классификацию наук, определил их общие и частные методы, обозначил границы компетенции каждой из них, показал, что позитивный метод в равной мере приложим к природным и социальным явлениям, и это позволило объективно и беспристрастно судить об истории человеческой мысли⁵⁹.

По отношению к философии Конта Вырубов занял позицию, недопустимую с точки зрения его правоверных учеников. Уже в 1863 г. он обратился к Каролине Массен, вдове Конта, с предложением осуществить новое издание “Курса положительной философии”, существенно сжатое по сравнению с оригиналом, но с комментариями, резюмирующими специальные работы, появившиеся недавно. Он полагал, что такое издание облегчит усвоение философской доктрины Конта широким кругом читателей. Он встретил решительный отпор со стороны г-жи Конт, подкрепленный авторитетом Литтре. Только в 1881 г., сломив сопротивление исполнителей завещания Конта, Вырубову удалось силами анонимного автора под псевдонимом Жюль Риг выпустить в свет адаптированное двухтомное сочинение “Курса позитивной философии”⁶⁰.

Вырубов занимался не столько разработкой собственно философии позитивизма, сколько более или менее удачным приложением ее метода и положений к различным проблемам естествознания и социальной жизни. Поэтому и создается впечатление, что Литтре, автор нескольких специальных книг о философии Огюста Конта, более критически относился к его философскому наследию. Впрочем, П.С. Шкуринов, автор подобной точки зрения, сам же признает преимущественное влияние Вырубова на представителей точных наук⁶¹. Вырубов относил себя ко второму

⁵⁸ *Wyrouboff G.* La minéralogie: Sa caractéristique, sa place dans la classification des sciences // Ph. pos. 1876. Т. 16, N 5. P. 285.

⁵⁹ *Wyrouboff G.* L'opinion... P. 310.

⁶⁰ La philosophie positive par A. Comte: 2 vol. / Resumé par J. Rig. P., 1881; W.G. La philosophie positive par A. Comte. Resumé par J. Rig // Ph. pos. 1881. Т. 27, N 2.

⁶¹ Шкуринов П.С. Указ. соч. С. 122, 192.

поколению учеников Конта. Он считал себя ответственным за пропаганду идей позитивизма в том виде, в каком они предстали 30 лет спустя после их появления. В философских статьях Вырубова нет полного изложения теории Конта, в них трактуются в зависимости от авторских задач ее отдельные фундаментальные принципы: определение предмета и метода позитивной философии, обоснование ее научности, принципы классификации исследовательских дисциплин, отношение к научной гипотезе.

Адепты позитивной философии рассматривали ее как венец умственного развития человечества, ее появление связывали с “капитальным фактом человеческой мысли”, с действием контовского “закона трех состояний” – прохождение ее через фазы сверхъестественной (теология), произвольной (метафизика) и реальной, научной (позитивизм) интерпретаций. Вырубов не отступил от представлений учителя. Он признавал общий характер “закона трех состояний” по отношению к эволюции знания, и относил его в этом случае к компетенции философии, поскольку закон касается всех видов знания. По отношению к последней фазе развития человеческой мысли закон, думал Вырубов, приобретает частный характер и принадлежит исключительно одной науке – социологии⁶². При этом он был вынужден констатировать, что и здесь этот закон далеко не универсален, не приложим, например, ни к одной из религий Дальнего Востока⁶³. Еще дальше в критике “закона трех состояний” на страницах “Позитивной философии” пошел де Роберти. Он считал, что с помощью этого закона невозможно определить ни предмет, ни место новой науки, какой была в последней трети XIX в. социология⁶⁴.

Позитивная философия, по определению Вырубова, ничем не отличается от философии вообще. Это – разновидность интерпретации мира, наука, классифицирующая и координирующая результаты частных наук, представляющая их общую картину. В этом, подчеркивал Вырубов, позитивизм не отличается от других философских школ. Он находил разницу лишь в методе интерпретации. Метод позитивистов базируется на методе точных наук. “Философия, чтобы быть экспериментальной, должна быть научной, она основывается не на концепциях смутной интуиции и постериорного метода, но на методах точных наук”, – декла-

---

⁶² *Wyrouboff G. La philosophie matérialiste et la philosophie positive // Ph. pos. 1879. T. 22, N 4. P. 34.*

⁶³ *Wyrouboff G. Les civilisation de l' Extrême Orient sont-elles soumises à la loi de trois états? // Ibid. 1873. T. 11, N 1. P. 35.*

⁶⁴ *Wyrouboff G. La sociologie et sa méthode. La sociologie. Essai de philosophie scientifique par E. De Roberty // Ibid. 1881. T. 26, N 4. P. 20.*

рировал Вырубов⁶⁵. И в этом, полагал он, несомненное преимущество позитивизма перед другими философскими школами, так как он имеет дело только с тем знанием, которое облечено в форму абстрактных законов и является наиболее совершенным выражением очевидного⁶⁶.

В статье “Очевидное и вероятное” Вырубов с помощью цепочки логических умозаключений подвел читателя к основному тезису позитивизма – к представлению об истинности знания, полученного с помощью наблюдения и опытных приемов, выработанных специальными науками, и закрепленного в форме закона. Только закон, по его мнению, отменяет все случайное в явлениях, дает возможность проверки, становится инструментом для предсказания будущего. Объективен не только субъект познания – человек, одно из разнообразных проявлений материи. Объективен сам метод познания, который таит в себе некоторую опасность субъективной интерпретации, ибо он позаимствован в усовершенствованном виде у естествознания⁶⁷. Объективный характер научного знания и его методов, по Вырубому, спасает позитивную философию от субъективности, а все ошибки и заблуждения коренятся в узости мышления или недостаточной компетенции самих ученых. Наука, как совокупность законов, думал он, непогрешима. Вырубов искренне верил, что позитивизм дает в руки исследователя верное орудие, помогающее добиться объективной истины, что эта философская система – единственное научное мировоззрение, так как она принимает форму отвлеченного закона, что делает ее восприимчивой к любому новому завоеванию человеческого ума.

Вырубов провел резкое разграничение между позитивной философией и иными “ненаучными”, в его понимании, способами истолкования мира. В его представлении философия разделяется на два различных класса: одна, метафизика, интерпретирует то, что неизвестно, другая, позитивная философия, синтезирует тем или иным способом то, что известно. Основной пафос его обличений относился к “метафизике”. Он оценивал ее, как субъективный, сверхъестественный и произвольный способ объяснения природы, с помощью которого человек ставится над вселенной, истолковывает ее в согласии с законами своего интеллекта и считает истинным все, что кажется ему правдоподобным⁶⁸. Метафи-

⁶⁵ *Wyrouboff G.* La philosophie matérialiste... P. 28.

⁶⁶ *Wyrouboff G.* Remarques sur la philosophie critique en Allemagne // Ph. pos.1879. T. 22. P. 394.

⁶⁷ *Wyrouboff G.* Le certain et le probable. L' absolu et le relatif // Ibid. 1867. T. 1, N 2. P. 382, 390.

⁶⁸ *Wyrouboff G.* La philosophie matérialiste... P. 34.

зика, согласно Вырубову, особенно дискредитирует себя, когда пытается иметь дело с реальной действительностью, она создает ложное представление о материи, смешивает научные методы, пренебрегает границами, которые так жестко разделяют различные области знания. Метафизики сводят к абсолютному единству различные феномены, уподобляя человеческий организм действию машины или химической лаборатории и находя сходство в процессах поляризации многогранника и оплодотворения живого организма. Подобное смешение, по его мнению, приводит к разрушению естественной классификации наук, оставляя лишь незначительное число теорем и аксиом, в которое трудно вместить бесконечное разнообразие проявлений природы. Наивысшее выражение немецкой метафизики Вырубов находил в философии Канта с ее стремлением к абсолюту и априорному методу. Ее эпигонами считал распространившееся в 70-е годы XIX в. в Германии неокантианство и модный в начале 80-х годов того же века монизм⁶⁹.

К разряду “метафизических” направлений мысли Вырубов относил также материализм. Он считал это течение философии ненаучным и решительно возражал, когда пытались сблизить его с позитивизмом. Единственное сходство между ними по его мнению, состояло, в признании объективно существующего мира, во всем остальном – в доктрине, методе, целях философствования он настаивал на их различии. “Метафизики” и материалисты, отмечал Вырубов, в отличие от позитивистов, не чуждаются рассмотрения конечных причин бытия, впадая при этом в субъективизм. Материалисты грешат широкими обобщениями. Они пренебрегают теми барьерами, которые возводит сама наука и которые жестко отделяют ее области одну от другой. Они скользят по поверхности явлений, от одного упрощения к другому, и приходят к интерпретации жизни с помощью математических формул⁷⁰.

Предметом особой гордости позитивистов была контовская система классификации наук, с помощью которой, по их представлению, можно упорядочить и систематизировать научное знание, свести его многообразие к сравнительно ограниченному числу законов. Естественно, что эта тема была в центре вырубовских размышлений.

Он рассматривал классификацию наук как важный методологический инструмент исследования и утверждал, что с ее помо-

---

⁶⁹ Wyrouboff G. La conception métaphysique d' une vie universelle // Ph. pos. 1882. Т. 28, N 6. P. 419–420.

⁷⁰ Wyrouboff G. La philosophie matérialiste... P. 29.

щью можно понять смысл каждой отдельной науки и осуществить их общий синтез. Согласно этой схеме классификация обеспечивает последовательность и преемственность в процессе познания природы, ибо каждая предшествующая наука служит основанием последующей.

Вырубов был сторонником жесткого разграничения отдельных отраслей знания, ибо каждая из них отражает одно из неизменных свойств материи, имеет свои законы и свои исследовательские методы. Нельзя объяснить с помощью законов механики химические реакции, биологические процессы – химическими законами, законы физики – математическими уравнениями⁷¹. Классификация наук, по Вырубову, особенно важна для выбора метода исследования. В социологии, например, приняты методы прямого или опосредованного наблюдения и экспериментирования, методы сравнения. Минералогия имеет свои технически довольно сложные приемы исследования и проч.⁷², нельзя использовать один и тот же метод для изучения закона тяготения и объяснения таинства Святой Троицы⁷³. Смещение методов Вырубов считал равнозначным отрицанию науки⁷⁴.

Вырубов признавал, что всякая классификация всегда искусственна, она существует в головах людей, а не в природе, особенно тогда, когда связана не с реальными фактами, а с абстрактными построениями разума. Классификация хороша лишь тогда, когда отражает уровень знания, существующий в момент ее появления, и плоха, когда пытается с точностью воспроизвести то, что существует в природе⁷⁵.

При всей ее искусственности, думал он, классификация необходима, так как ее отсутствие порождает анархию в умах, приводит к дроблению научной дисциплины на мелкие, независящие друг от друга области, ведет к чрезмерной специализации. Такую картину Вырубов отмечал в геологии, в молодой науке антропологии, даже в минералогии, по его наблюдениям, “царит произвол, который не имеет ничего общего с духом научного исследования, каждый защищает свою маленькую систему, каждый противопоставляет ее другим”⁷⁶. “Философский дух”, как казалось Вырубову, был присущ в высшей степени работам классиков химической науки Лавуазье, Гей-Люссака, Фуркруа, Берцелиуса.

---

⁷¹ *Wyrouboff G.* La conéption métaphysique... P. 419.

⁷² *Wyrouboff G.* La sociologie... P. 6.

⁷³ *Wyrouboff G.* Ce qu' il faut... P. 11.

⁷⁴ *Wyrouboff G.* La concéption... P. 385.

⁷⁵ *Wyrouboff G.* De l'espèce et de la classification en zoologie par L. Agassiz // Ph. pos. 1870. T. 5, N 1. P. 125.

⁷⁶ *Wyrouboff G.* La minéralogie... P. 208.

У них Вырубов находил четкую дефиницию предмета, метода, целей каждой области исследования, чего он не встречал у современных ему химиков-органиков. Вырубов считал, что контовская классификация наук помогает прояснить эти вопросы.

Одна из излюбленных тем вырубовских размышлений – связь между абстрактными и конкретными науками. Абстрактные науки отражают связи, возникающие в процессе проявления шести неизменных свойств материи, и представляют философскую, общую базу своего предмета. Абстрактным наукам соответствуют конкретные науки, которые детально изучают феномены каждой из них. Согласно Вырубову, эти области исследования не противоречат друг другу, поскольку имеют дело с объективным миром, это два различных способа исследовать и постигать один и тот же объект, в первом случае изучается общий характер неизменных свойств, во втором – их разнообразное проявление. Геология, например, связана с абстрактной астрономией и должна рассматриваться как конкретная астрономия, зоология или ботаника как конкретная биология и проч.

Вырубов указывал, что исследовательский метод, применяемый в абстрактных и конкретных науках, абсолютно одинаков, различны категории наблюдаемых феноменов. Экспериментальная биология приводилась как пример абстрактной науки, так как изучает жизненные свойства всех существ, в противоположность ей конкретные зоология и ботаника изучают свойства каждого отдельного объекта⁷⁷. Более того, внутри каждой науки Вырубов различал ее конкретное и абстрактное начало. Конкретная астрономия изучает объемы, скорости, температуры, физические свойства небесных тел, движущихся в беспредельном пространстве. Абстрактной астрономии соответствует теория тяготения, одинаково объясняющая все явления⁷⁸.

Для позитивистов представлялось принципиально важным соблюдать последовательность в изучении наук. Абстрактные науки предшествуют конкретным: химия идет прежде, чем научная минералогия, биология предшествует научной зоологии и др. Конкретные науки более объемны, разнообразны, подробны, имеют более многочисленные объекты исследования, чем общие науки, поскольку в них идет речь о более сложных качествах материи. Они отличаются большей точностью и конкретностью деталей⁷⁹.

---

⁷⁷ *W.G. A propos d' antropologie. Réponse à M. Dally // Ph. pos. 1880. T. 25, N 2. P. 258.*

⁷⁸ *Wyrouboff G. Qu'est-ce que la géologie // Ibid. 1867. T.1, N 1. P. 31.*

⁷⁹ *Wyrouboff G. La minéralogie... P. 203.*

Вырубов подчеркивал, что при становлении новой научной дисциплины важно не пренебрегать ни одной из этих составляющих, как это случилось, например, с социологией. Он заметил, что становлению социологии как науки препятствовало слишком догматичное отнесение ее правомерными позитивистами к ряду абстрактных наук. Вырубов упрекал социологов в том, что они игнорировали преобладание конкретного знания в этой дисциплине и тот факт, что она еще находится в стадии аналитического описания⁸⁰. Отсутствие единой классификации, разрозненность, несогласованность отдельных работ Вырубов считал причиной, затрудняющей институализацию конкретных дисциплин.

Классификация, по Вырубому, предполагает полное описание, рассмотрение всей совокупности исследуемых объектов, она не пренебрегает никакими деталями, никакими субстанциями, никакими проявлениями, даже самими редкими. Этот труд посилен только для специалиста, любителям в этом деле нет места⁸¹. Отсутствие специальных дескриптивных методов и сложных практических навыков у химиков, аналогичных тем, которыми владеют минералоги, и нерасположение последних к изучению веществ, полученных лабораторным путем, тормозит, по мнению Вырубова, развитие конкретной химии, зависимой от абстрактной химии. В конечном счете, страдают такие отрасли, как минералогия, которая сужает круг исследуемых веществ, и неорганическая химия, которая, по его наблюдениям, становится неперспективной, теряет исследователей.

Вырубов предполагал, что со временем должна появиться специальная наука, занимающаяся описанием химических комбинаций, независимо от того являются ли они природными или представляют собой творение рук человеческих. Он обнаруживал эту тенденцию у современных химиков. Всякая новая ветвь науки, думал Вырубов, плодотворна и полезна при условии, что она заполняет лакуну в рациональной системе классификации наших знаний. Отсутствие конкретной химии, как самостоятельной области исследования, создает серьезную лакуну в иерархической системе наук. Возникновение новой научной дисциплины Вырубов связывал с существованием общей доктрины и считал его зависимым от предшествующего развития науки⁸².

Таким образом, согласно Вырубому, сложились уже зрелые дисциплины. Он указывал на это, приводя в качестве примера

---

⁸⁰ *Wyrouboff G. La sociologie...* P. 29.

⁸¹ *Wyrouboff G. La minéralogie...* P. 214.

⁸² *Wyrouboff G. L' influence métaphysique en biologie. L' antropologie. Ce qu' elle est? Ce qu' elle doit être? // Ph. pos. 1880. T. 24, N 6. P. 345.*

геологию в одной из своих ранних статей⁸³. Пользуясь контовской классификацией “абстрактных наук”, он попробовал использовать ее для распределения конкретных дисциплин, соотнести их с абстрактными науками и определить место в общей иерархии. Он расположил в иерархической последовательности многочисленные науки, изучающие земной шар (так он определил предмет геологии): физическая география в составе абстрактной физики, геогнозия (изучение минеральных пород) как отдел абстрактной химии и палеонтология – одна из областей абстрактной биологии. Нарушение этой последовательности в изучении геологии приводит, подчеркивал он, к преувеличенному развитию отдельных ее разделов, как это случилось, например, с определенным перекосом в сторону изучения палеонтологии. Это, по мнению Вырубова, мало что дало для общего прогресса всей геологической науки. Впрочем, он сам не избежал подобной ошибки, отнеся геологию к конкретной астрономии, необоснованно преувеличив значение одной из ее составляющих.

Пример недостаточности необходимых признаков Вырубов видел в случае современной ему антропологии. В настоящем своем состоянии, заявил Вырубов, антропология не может войти в иерархическую систему наук, принятую позитивистами, так как ни одна из абстрактных наук – ни биология, ни социология, не может взять ее под свое крыло. Вырубов отказал антропологии в звании научной дисциплины только потому, что не смог подобрать для нее ни одной абстрактной науки. “Это – груда разрозненных наблюдений, она не имеет собственных методов исследований”, – таков был его суровый приговор⁸⁴. Причина, как он думал, заключалась в незрелости самой науки, в ее эклектичности, в размытости поля исследования, в претензиях на изучение не только физической, но и общественной природы человека. При ограничении ее рамками физической природы человека, по его мнению, можно было бы рассматривать антропологию как область описательной биологии, в этом случае она заняла бы место между изучением млекопитающих и историей⁸⁵.

Стоит ли удивляться, что подобные рекомендации вызвали возражение антропологов. Один из них, француз Э. Далли, даже обвинил Вырубова в “московском мистицизме” и озлобленности. Дискуссия продолжилась на страницах “Позитивной философии”. Каждый спорящий остался при своей точке зрения. Далли солидаризовался с определением антропологии, данным Брока –

---

⁸³ *Wyrouboff G. Qu'est-ce que la géologie...* P. 31–51.

⁸⁴ *Wyrouboff G. L'influence métaphysique...* P. 354.

⁸⁵ *Ibid.* P. 360.

как суммы наук, изучающих человека. Но самое главное, и в этом отразилась общая точка зрения представителей естественных наук: “Что за дело до философской последовательности при наличии огромной массы материалов, собранных под ее (антропологии. – *Авт.*) знаменами!”⁸⁶.

Признавая классификацию наук краеугольным камнем контовской философии, Вырубов относился к ней критически. Он находил рамки такой системы довольно условными, так как систематизация предполагает определенную зрелость отдельной отрасли знания, что на самом деле бывает далеко не всегда. Он не считал предосудительным выходить за пределы существующей классификации в процессе нащупывания предметного поля новой научной дисциплины, каковой является, например, социология. Любая приуроченная к такому “переходному” состоянию классификация будет временной и недостаточной. Как исторические примеры переходной классификации он приводил системы Турнефора и Линнея.

Самым болезненным для позитивистов был вопрос о научной гипотезе. Пренебрежительное отношение к гипотезе, ее противопоставление опытному знанию стало своего рода знаменем воинствующего позитивизма. Оно проистекало из претензии позитивистов на обладание единственно научным методом познания, к нему они относили эмпирические экспериментальные приемы. Вырубов неоднократно высказывался по этому поводу на страницах своего журнала. Гипотеза, по его понятиям, уже тем ущербна, что пытается объяснить суть явлений, их первопричины, а это приводит к тому, что на пути приближения к цели исследователь впитывает массу недостоверных “метафизических” доктрин⁸⁷. Гипотеза, по признанию Вырубова, иногда даже необходимая, в арсенале исследовательских средств позитивистов занимает второстепенное место, так как по отношению к истине она приближительна⁸⁸.

Вырубов был готов понять привлекательность гипотезы как инструмента, удовлетворяющего потребности разума в познании, но признавал ее научную ценность с большими оговорками. На этом основании в статье о геологии он отверг значимость гипотез о происхождении земли (геогению) и соглашался включить их в состав геологии только в том случае, если они согласуются с общими представлениями о геологии, как о конкретной астрономии⁸⁹.

---

⁸⁶ Programme d'un cours d'ethnologie par E. Dally // Ph. pos. 1881. T. 27, N 3. P. 319.

⁸⁷ Wyrouboff G. De l'esprit métaphysique... P. 186.

⁸⁸ Wyrouboff G. La philosophie matérialiste... P. 44.

⁸⁹ Wyrouboff G. Qu'est-ce que... P. 35.

Вырубов объяснял страсть к гипотезам у некоторых исследователей желанием выйти за рамки познаваемого. Его удивляло странное соединение у некоторых естествоиспытателей-современников панического страха перед обобщениями и философствованием с удивительной податливостью к всякого рода сомнительным умозрениям, демонстрирующим априорный метод. Все эти “изобретательные теории” создаются, чтобы заполнить пробел в знаниях, утверждал он⁹⁰.

В статье о гипотезах Вырубов все же был вынужден признать неоспоримый факт их существования. Исторический опыт показывает, и Вырубов с этим согласился, что гипотезы существовали всегда, что они не являются болезненным извращением ума, а всегда тесным образом были связаны с развитием науки, и никакая философия не может изменить характер этих связей. Он отказался от своего прежнего заблуждения, что гипотеза – это спутница незрелой науки и что зрелая наука не ищет интерпретации вне себя самой. Действительность опровергла это убеждение. Вырубов вынужден был признать, что гипотеза соседствует с действительно позитивным знанием, и нет никакой нужды исключать ее из структуры науки⁹¹.

Вместе с тем он высказал опасение, что гипотеза таит в себе соблазн подмены точных фактов произвольным умствованием. Чтобы преодолеть это видимое противоречие, Вырубов предложил двойное отношение к гипотезе. С одной стороны, следует различать в гипотезе ту часть, которая содержит предположение. Она помогает связать исследуемые факты, представляет собою попытку сконструировать, хотя искусственный, но удобный метод, чтобы не заблудиться в их лабиринте. К гипотезе также прибегают тогда, когда прямое наблюдение и экспериментирование не позволяют точно интерпретировать происходящие явления. Гипотеза – предположение, по мнению Вырубова, не мешает ученому, так как в этом случае ясен ее относительный характер⁹². Вырубов принял, например, “изобретательную теорию” Дарвина довольно скептически, но находил ее “неоспоримое достоинство” в том, что она уточняет идею видов.

С другой стороны, гипотеза становится опасной тогда, когда приобретает характер слепой веры, когда ее принимают за неоспоримую истину. Для ее подтверждения (или опровержения) производят массу непродуктивной работы, легко соблазняясь поверхностными доказательствами и отказываясь от более объ-

---

⁹⁰ *Wyrouboff G. L'hypothèse de l'éther en optique // Ph. pos. 1868. T. 2, N 5. P. 246–248.*

⁹¹ *Wyrouboff G. Les hypothèses scientifiques // Ibid. 1880. T. 25, N 2. P. 169–184.*

⁹² *Ibid. P. 180.*

емных и точных исследований. При попытке приложить гипотезу к областям, для которых она не предназначена, предостерегал он, пренебрегают непреодолимыми барьерами, разделяющими неизменные свойства материи, и приходят, в конечном счете, к метафизике⁹³.

Для ученого, подчеркивал Вырубов, важно не допустить веры в непреложную истинность гипотезы, ибо со временем наука похоронит ее, как и многие другие измышления прошлого. На примере современной ему науки Вырубов отмечал, что по мере соприкосновения с фактами гипотеза теряет характер абсолютной доктрины и превращается в то, чем она и должна быть – в одну из форм исследовательского метода⁹⁴. Но она не обладает универсальностью научного метода. Апостериорный (научный) метод ведет от известного к неизвестному, а в случае гипотезы ход мысли обратный – от недоказуемой сущности к реальному феномену. Гипотезы, по мнению Вырубова, должны рассматриваться как временное средство, уступающее успехам положительного знания. В свое время теория эфира как некоей невидимой и невесомой сущности объясняла некоторые явления физики, теперь время ее прошло, и она должна уступить место более рациональному объяснению явлений физики. Приобретением науки, по Вырубову, становятся лишь гипотезы, узаконенные опытом, их позитивная философия размещает в обширном хранилище человеческих знаний⁹⁵.

Весьма сомнительными казались Вырубову гипотезы, наводившие химию после 40-х годов XIX в. Химия за это время прошла сложный путь от достаточно произвольной теории строения вещества Ж. Берцелиуса к “более общей, но более смутной” унитарной теории О. Лорана и Ш. Жерара, закончив “сложным романом атомизма”. На этом высоком уровне произвольности, как казалось Вырубову, атомизм разрушил себя, закончив тем, что пытался доказать вначале. “Такова участь всех гипотез, – заключал он, – которые не довольствуются скромной ролью подсобных и временных, а претендуют на амбициозную роль обобщений в науке”. Вырубов приписывал атомизму единственную заслугу – подобно философии Канта, он явился высшей точкой “потрясающей демонстрации того, что необходимо покинуть путь гипотез”. Более того, Вырубов предсказывал скорый крах атомной теории в химии. “Через несколько лет, события развиваются быстро в наше время, атомная теория, уже значительно по-

⁹³ Ibid. P. 181.

⁹⁴ Ibid. P. 182.

⁹⁵ *Wyrouboff G. La concéption métaphysique... P. 394.*

колебленная, закончит свое существование. Тогда займутся исследованиями, долгое время находившимися в забвении, минеральная химия и химическая философия, как ее понимал г. Конт, получают исключительно позитивное основание”, – пророчествовал он⁹⁶. Что касается теории атомарности, современный историк науки Ж. Жак считает, что поставленные Вырубовым проблемы не были такими уж простыми или пустыми: “Для того, чтобы на них ответить, надо было знать о структуре атома, ставшего реальностью, больше, чем было известно в его время”⁹⁷.

В итоге Вырубов пришел к выводу, что при умелом обращении в рамках известных ограничений гипотеза может быть вполне полезной и законной. Ее использование требует определенной сдержанности и осторожности: “логическое построение никогда не должно переходить в метафизическую концепцию”⁹⁸. Вырубов заявлял, что позитивизм – это единственная философия, которая может дать возможность правильного использования гипотезы, так как она противостоит индивидуальной попытке преувеличить роль субъективного момента в противовес объективному. В подтверждение своей мысли Вырубов привел высказывание Конта: “Гипотезы бывают наиболее плодотворны там, где ученые наименее метафизичны”⁹⁹. Для вырубовских статей, принадлежащих жанру, который он сам окрестил как “философия науки”, характерен исторический подход, попытка проследить на протяжении XIX в. эволюцию научных идей в геологии, химии, биологии. Можно признать справедливость критики современников в адрес Вырубова, обвинения его в догматизме, в преувеличении роли классификации и формальных дефиниций в науке, в схоластичности некоторых построений, в шаткости философских оснований. Все эти замечания можно было бы адресовать самой позитивной философии. Что касается Вырубова, то именно так он понимал свое отношение к контовскому наследию – расширение насколько возможно сферы его приложения, без разрушения основополагающих доктрин и без преобразования гносеологической базы.

В 1881 г. умер Э. Литтре, еще два года Вырубов издавал журнал совместно с Ш. Робеном. В сентябре 1884 г. он сообщил Петунникову, как о совершенно обыденном событии, что журнал закончил свое существование: сократилось число подписчиков,

---

⁹⁶ *Wyrouboff G. A propos d'une nouvelle métaphysique // Ph. pos. 1870. T. 6, N 5. P. 190–199.*

⁹⁷ *Jacques J. Grégoire Wyrouboff (1843–1913) et la chimie positive. (Рукопись). P. 9.*

⁹⁸ *Wyrouboff G. L'hypothèse... P. 183.*

⁹⁹ *Ibid. P. 184.*

да и число авторов и редакторов тоже. “Ясно, что она (позитивная философия. – *Авт.*) уже не соответствует состоянию умов, бросившихся в политику и разные выгодные специальности. Работать бесцельно, в пустом пространстве, по-моему, бессмысленно”, – пояснил он причину своего поступка, показавшегося неожиданным многим русским поклонникам журнала¹⁰⁰.

Декларация Ш. Робена и Вырубова в последнем номере “Позитивной философии” вернула читателя ко времени основания журнала. Тогда идеи Конта не были известны широкой публике, сотрудники журнала занялись их пропагандой, усовершенствованием, приложениям к конкретным ситуациям¹⁰¹. Этим они предрешили участь своего детища, поставили предел его существованию. Как только задачи пропаганды в их литтреистском (“диссидентском” – по терминологии ортодоксальных контистов) понимании были исчерпаны, издание журнала потеряло свой смысл. Именно этим, а не конкуренцией журнала П. Лаффита “Западная философия” (*Philosophie occidentale*), основанного много позднее в 1878 г. и вполне сопоставимого, по мнению американского автора В. Симона, с “Позитивной философией” по содержанию, размаху и стилю, объясняется прекращение вырубовского издания¹⁰². Журнал Лаффита (1878–1914) оказался более долговечным, но менее блестящим, чем издание Литтре и Вырубова¹⁰³.

Интересна реакция русской интеллигентной публики на новость о закрытии журнала. А. Веселовский, занимавшийся публикацией “истинно научной книги” запрещенного в России П.Л. Лаврова, сообщал: “Вы сами наложили на себя молчание, закрыв свой прекрасный журнал. Вчера прочел я об этом, сообщил [М.] Ковалевскому. В тот же день мы были в весьма многолюдном обществе, – и везде, у всех, с кем мы ни говорили, эта весть вызвала истинное сожаление. От нашей публики мы привыкли всего ждать, теперь и французский читатель как будто не хочет отстать от нас в равнодушии и косности”¹⁰⁴.

Вырубов чутко уловил изменение отношения к позитивизму. Многие декларации его последователей уже к началу 80-х годов казались их современникам несостоятельными. Автор книги о Литтре Э. Каро полагал, что наиболее очевидным следствием деятельности учеников Конта оказалось возвращение к идее отри-

¹⁰⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт 1. Д. 18. № 3. Л. 286.

¹⁰¹ Ph. pos. 1883. Т. 31, N 3. P. 321.

¹⁰² *Simon W.M.* Op. cit. P. 22.

¹⁰³ *Nicolet C.* Littré et la République // *Rev. synthèse.* 1981. Vol. 103.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 1762 (П.Л. Лаврова). Оп. 4. Д. 576. Л. 1 об.

цания, “отрицания теологии и метафизики – это единственный догмат, непоколебимо устоявший к концу долгой, полувековой разработки”¹⁰⁵. Это обеспечило популярность позитивистской школе и определило живучесть тенденции, которая в условиях светского государства превратила позитивизм в официальную идеологию, при этом сама философская система в ее контовской форме уже утратила свою актуальность.

Стараниями учеников Конта позитивная философия вошла в область общественной жизни, в круг идей, распространенных повсюду. Учение в целом и его отдельные моменты стали притягательными для многих французских ученых, особенно для медиков и выпускников Политехнической школы, для философов, историков, социологов, таких как Э. Ренан, И. Тэн, Ж. Мишле, Э. Кине, А. Фулье, Ж.-М. Гюйо, Г. Тард, Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль и др. Среди естествоиспытателей особо сильное его воздействие испытали Ш. Робен, Ж.-Ф. Робине, М. Бергло, Л. Манувриэ, не избежал влияния позитивизма и ранний К. Бернар, сделавшийся позднее антипозитивистом.

“Позитивная философия” стала значительным явлением в культурной жизни Западной Европы второй половины XIX в. Журнал получил почетный диплом на Международной выставке в Вене в 1873 г. Вырубов воспринял эту награду как очередную победу позитивизма. Международное жюри, чуждое позитивистской доктрине, признало успешной попытку ее непосредственного приложения в специальных науках¹⁰⁶. Д.С. Милль оценил “Позитивную философию” как выдающееся явление в истории человеческой мысли. Помимо привлекательности идей позитивизма популярность журналу Вырубова принесло то, что это был новый тип издания, потеснивший традиционные литературные альманахи, это был прообраз современных научно-популярных, философских, социологических, политологических журналов. Так характеризовал его Д. Сартон¹⁰⁷. Роль Вырубова в издании журнала оценили современники. П.Л. Лавров, скептически настроенный по отношению к методам пропаганды позитивизма, писал, что без Вырубова во Франции не было бы ни позитивистского центра, ни позитивного журнала, ни Социологического общества позитивистского толка. Вырубов намеренно отступил в тень крупных французских ученых Э. Литтре и Ш. Робена. Но они были сугубо кабинетными людьми и не смогли бы ос-

---

¹⁰⁵ Капо Э. Указ. соч. С. 37.

¹⁰⁶ La philosophie positive à l'exposition de Vienne // Ph. pos. 1874. Т. 12, N. 4. P. 159.

¹⁰⁷ Sarton G. Op. cit. P. 39.

лить тяжесть организационной работы¹⁰⁸. Это сделал Вырубов, посвятив журналу “молодые силы и далеко необыкновенные способности”¹⁰⁹. Этот вклад Вырубова в пропаганду позитивизма обеспечил ему после смерти Э. Литтре почетное место среди французских позитивистов.

Распространение позитивной философии в России: Пропаганда позитивизма в 60-е – 70-е годы: Д.И. Писарев, Э.К. Ватсон, В.В. Лесевич. Реакция на журнал Вырубова. Попытки пропагандировать “Позитивную философию”. Журналы нового типа: “Современное обозрение”, “Знание”, “Природа”. Неопозитивизм. Вырубов и Е.В. де Роберти. В.В. Лесевич и критика “литтреистов”. Реплика де Роберти.

На фоне растущей популярности в России во второй половине 60-х – в 70-е годы идей позитивизма скептическая оценка Вырубовым возможности их пропаганды на родине кажется несколько неожиданной. Но следует иметь в виду особенности распространения контизма в России. Он доходил до русского читателя в основном в истолковании его последователей. Издавались работы Д.С. Милля, Г. Спенсера, Ж.-Б. Робине, И. Тэна, Д.В. Дрепера, тогда как сочинения самого творца позитивной философии а также его ученика и пропагандиста Э. Литтре, мало известные на Западе, в России были запрещены. “Дело Конта продвигается вперед с изумительной медленностью”, – замечал в середине 60-х годов Д.И. Писарев¹¹⁰. Он видел причину трудности восприятия труда Конта для массового читателя в громоздкости самого сочинения, в сложности естественнонаучного содержания, в тяжеловесности и сухости языка, в абстрактных понятиях исторической части. Ошибкой Милля и Литтре, популяризаторов учения Конта, Писарев считал то, что вместо того, чтобы донести до читателя содержание работ философа, они отправляли его к первоисточнику. Первую попытку представить русской публике историческую часть многомого труда Конта предпринял Писарев.

Писарева привлекал пафос контовского замысла: постижение социальных законов через философское осмысление общих

¹⁰⁸ П. М-въ. Социологи-позитивисты... С. 133.

¹⁰⁹ Тимирязев К.А. Григорий Николаевич Вырубов: Обрывки личных воспоминаний. М., 1939. Т. 9.

¹¹⁰ Писарев Д.Н. Исторические идеи Огюста Конта // Русское слово. 1865. Т. 7, № 9. С. 50.

закономерностей природы и далее – выработка разумных принципов организации общества и создание системы общественного образования, основанного на синтезе естественнонаучного знания. Но критик не нашел соответствия между плодотворным замыслом “титанической мысли” Конта и его воплощением. Следствием усилий последнего периода творчества философа, когда он отошел от строго научного метода и пустился в пустые умозрения, стало изобретение положительной политики, религии и морали, и это превратило его, по мнению Писарева, в первосвященника религиозной секты.

Одновременно появилась статья петербургского журналиста Э.К. Ватсона, посвященная О. Конту¹¹¹. Автор представил русскому читателю биографию философа и основные принципы позитивизма, привел картину его распространения в странах Запада, его приложения к политэкономии (Д.С. Милль), истории (Д. Дрепер) и лингвистике (Э. Литтре). Его оценка второго периода творчества Конта полностью совпала с точкой зрения Писарева. На этом этапе освоения учения Конта критику русских последователей вызвала лишь эта “метафизическая” сторона наследия французского ученого. Позднее именно в ней В.В. Лесевич и В.С. Соловьев нашли возможности дальнейшего развития контизма, расширения его философской базы.

С большим энтузиазмом встретили появление “Позитивной философии” русские последователи позитивизма, особенно Е.В. де Роберти, постоянный читатель и автор журнала. Не без некоторой зависти он писал об условиях успеха – денежных средствах, свободе слова, читателях всей Европы, содействовавших “жизненности и даже блеску” вырубовского начинания¹¹².

Издание Вырубова не без труда доходило до русского читателя, цензура чинила всяческие препятствия. Посланные в адрес официальных организаций номера “Позитивной философии” часто застревали в “цензурном ящике”, получила отказ просьба В.Ф. Корша иметь хотя бы один экземпляр журнала для редакции “Санкт-Петербургских ведомостей”¹¹³. Тогда шли в ход обычные уловки: читателями и подписчиками журнала срочно становились “безобидные” с точки зрения полиции родственники и друзья, знакомые генералы и консулы зарубежных государств, для пересылки прибегали к услугам путешествующих соотечест-

¹¹¹ Ватсон Э.К. Огюст Конт и позитивная философия // Современник. 1865. № 7–8; № 11–12. О ней де Роберти писал, что она представляет русское переложение публикации в немецком журнале “Deutsche Jahrbücher für Pol. und Lit”. (1864. Dec.).

¹¹² ИРЛ. У15МФ6. Л.66 об., 82.

¹¹³ Там же. 2199.У11М5. Л. 1.

венников. Подобным образом Вырубов переправлял в Россию отгиски своих статей, которые друзья раздавали сочувствующим. Посредниками при передаче журнала становились лицейские товарищи: де Е.В. де Роберти, М. Веселкин, А. Небольсин, В. Персиани, петербургские и московские журналисты, знакомые ученые, родственники и друзья семей Вырубовых и де Роберти. Сам де Роберти после многократных отказов получил, наконец, разрешение на подписку, убедив цензуру, что для него, как для автора, журнал совершенно безвреден. Лишь в 1881 г. был снят запрет на ввоз журнала в Россию¹¹⁴. В феврале 1869 г. де Роберти писал Вырубову о широком интересе к изданию журнала в России.

Многие столичные профессора, редакторы толстых журналов, журналисты встречались с Вырубовым во время своих зарубежных поездок. Вырубов был лично знаком с сотрудниками “С.-Петербургских ведомостей” В.Ф. Коршем, А.С. Сувориным, Э.К. Ватсоном, с пропагандистом контовских идей в России В.В. Лесевичем, в конце 60-х годов по рекомендации Герцена познакомился с сотрудником “Отечественных записок” А.П. Пятковским, равнодушным ко “всему положительному”. Еще раньше благодаря Вырубову приобщился к философии позитивизма его приятель писатель П.Д. Боборыкин. Было время, когда в конце 60-х годов философией позитивизма заинтересовался И.С. Тургенев. Вместе с музыкальным критиком Луи Виардо он посетил “папашу Литтре” и одним из первых подписался на журнал Вырубова. Позднее довольно часто общались с Вырубовым в Париже П.Л. Лавров, М.М. Ковалевский, К.А. Тимирязев, И.В. Лучицкий мировоззрение которых подверглось заметному влиянию идей позитивизма.

В 1869 г. вышла статья В.В. Лесевича, в ту пору правоверного последователя Конта, подводившая итоги распространению позитивизма в течение 60-х годов. Именно к этому времени позитивизм, по оценке Лесевича, превратился в науку, “владычествующую над умами”¹¹⁵. Автор подчеркнул заслугу позитивной философии в формировании “научного мирозерцания”, заменившего преждее недостоверное знание, его роль в систематизации и обобщении результатов естественных наук. Как о многозначительном факте второй половины 60-х годов Лесевич сообщил об издании журнала “Позитивная философия” в Париже, с появлением которого философия позитивизма вышла из состояния неизвестности. Лесевич представил читателю философские статьи Вырубова в номерах журнала за 1867–1868 гг. Де Ро-

¹¹⁴ Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX в. М., 1993. С. 10.

¹¹⁵ Лесевич В.В. Позитивизм после Конта // Отеч. записки. 1869. № 4. С. 398.

берти счел его представление несколько робким, но его порадовал сам этот факт “как знамение времени, как хороший симптом”¹¹⁶.

Попытка самого де Роберти опубликовать в русских журналах статью о Вырубове-позитивисте не имела успеха. Редактор “Отечественных записок” Н.А. Некрасов сначала благосклонно принял автора, но затем отказал, в “Современном обозрении” в отсутствие его редактора Н.Л. Тиблена статью потеряли, несколько приглаженный вариант был принят редактором “Дела” Г.Е. Благовосветловым, но и здесь печатание застряло на уровне корректуры¹¹⁷. Редакторы, видимо, боялись поставить под удар свои издания, реакцию цензуры нетрудно было угадать – репутация Вырубова в глазах российских стражей порядка была уже достаточно сомнительной, а автор статьи о нем давно находился в поле зрения полиции.

Русские почитатели Конта не оставляли мысли о переводе его основного труда на русский язык. В 1869 г. московский знакомый Вырубова, адвокат кн. А.И. Урусов сообщил ему о таком намерении. Вырубов решительно воспротивился этой затее. Он считал, что едва ли проблемы интегрального исчисления или законов А. Лавуазье заинтересуют даже продвинутые российские умы, занятые “социалистическими измышлениями” П. Прудона или Л. Блана, а что касается последних трех томов труда Конта, которые имеют значение для подобного читателя, то их не пропустит цензура. По его глубокому убеждению, книга Конта имеет цену лишь как целостное сочинение, любое изъятие лишит издание всякого смысла, и, стало быть, ее частичный перевод – “предприятие несвоевременное и положительно вредное для доктрины”. Когда издатель Н.П. Поляков предложил Вырубову написать предисловие к уже готовому переводу Конта, он согласился при условии, что будут изданы все 6 томов, в противном случае он отказывался “содействовать искажению книг Конта”¹¹⁸.

Вырубов наметил другой путь пропаганды позитивизма – зондирование мнения “мыслящей” части публики. В связи с этим он и предложил свой план кампании. Вырубов согласился написать предисловие к одному из готовящихся в Петербурге переводов статей Милля и на ней проверить реакцию читателя. Он считал также, что ни одна из появившихся в русской периодике статей о Конте не отражает всей совокупности его идей. Сле-

---

¹¹⁶ ИРЛ. У1М5Фв. Л. 121.

¹¹⁷ Там же. Л. 123.

¹¹⁸ РГБ ОР. Ф. 311 (А.И. Урусова). П. 15. № 31. Л. 3.

довало бы, размышлял он, опубликовать большую статью о Конте. Если все это будет хорошо принято, взяться за перевод, но не самого “Курса”, а другой книги творца позитивизма, его “Введения в совокупность идей позитивизма” (*Discours préliminaires aux l'ensemble de positivisme*). Вырубов готов был даже “расшевелить” Литтре для написания предисловия к этому переводу¹¹⁹.

Потребовалось 25 лет, чтобы вырубовский проект осуществился. В 1894 г. вступительная лекция Конта к “Курсу положительной философии” была напечатана в книге Э. Риголажа о контовской социологии¹²⁰. Перевод “Курса” был осуществлен лишь в 1899 г., да и то в усеченном виде, – как и предполагал Вырубов, тома по социологии не были опубликованы. Вырубова едва ли порадовал такой итог тридцатилетней пропаганды контизма. Некоторым утешением служило лишь то, что полного перевода Конта на английский и немецкий языки также не было, и до сих пор еще нет, если верить Б.М. Шахматову.

В конце 60-х годов де Роберти вынашивал мысль об издании “Русского сборника” со статьями по позитивизму, он намеревался включить в него переводы некоторых статей из “Позитивной философии”. Таким способом де Роберти намеревался познакомить публику с “прекрасными произведениями” Вырубова. Предполагалось, что Вырубов сам будет переводить свои статьи; для других – по рекомендации Вырубова нашли переводчика, “перл переводчиков”, как иронизировал де Роберти. К делу привлекли состоятельного предпринимателя и журналиста Е.И. Рагозина, его внезапный отъезд в Польшу в 1868 г. расстроил предприятие, как всегда не хватило денег¹²¹. Де Роберти еще несколько раз возвращался к этой затее, но нужда в таком издании вскоре отпала.

В 1868 г. в Петербурге под редакцией Н.Л. Тиблена начал выходить новый ежемесячный журнал “Современное обозрение”. О его содержании говорит подзаголовок “журнал литературный, научный и политический”. Издание Тиблена было отступлением от традиционного литературно-политического альманаха, хотя беллетристика и освещение внутривнутриполитических событий занимали добрую половину журнального текста. Это была неизбежная дань традиции и устоявшемуся вкусу, но главным посылом издателей было “распространение серьезных, положительных знаний и самовоспитание человека, как индивидуальное, так и общественное”. Эта задача совпадала с социальной программой позитивизма. Основатели “Обозрения” надеялись, что оно послу-

¹¹⁹ Там же. Л. 1–4.

¹²⁰ Социология Конта в изложении Риголажа. СПб., 1894.

¹²¹ ИРЛ. У1М5фа. Л. 95.

жит делу объединения представителей разных слоев российского общества, до сих пор весьма разобщенных и порою враждебных из-за отсутствия общей идеи. Позитивистский настрой издателей выдавало намерение информировать читателей о достижениях европейской научной мысли как в ее теоретическом воплощении, так и в практическом приложении. Особое внимание предполагалось уделить проблемам изучения природы, истории общества, культуры, естественных наук. Отсутствие предварительной цензуры обязывало к осторожности, издатели заявили о своем намерении руководствоваться соображениями общественного спокойствия и задачами, связанными с накоплением новых богатств, а не с перераспределением старых.

Тиблен, широко известный в литературных и научных кругах, заручился согласием на сотрудничество в журнале двух десятков петербургских профессоров, не отказали в своем участии: академик Ф.В. Овсянников, профессора А.А. Потехин, А.Н. Пыпин, П.А. Ровинский. Статьи журнала предполагали достаточно высокий уровень образования у читателя, но не были рассчитаны на узких специалистов. Естественнонаучная тематика, будь то статьи отечественных или зарубежных авторов, научная хроника, рецензии или библиографии, занимали в журнале достойное место. Тон статей, в частности это относится к подробному освещению событий первого всероссийского съезда естествоиспытателей, был скорее критическим, чем комплиментарным.

Во время пребывания за границей де Роберти познакомился с компаньоном Тиблена по издательским делам Н. Неклюдовым и сотрудником его журнала Н.И. Бакстом. Возможно, он был знаком и с Тибленом, во всяком случае, сразу же обратил внимание на его журнал. В марте 1868 г. он отправил в него статью Вырубова о материализме, отвергнутую “Всемирным трудом”, и рекомендовал другу новое издание как отличающееся “особенной любовью к серьезным, научным статьям”¹²². В последующих номерах журнала соотношение между литературно-политической и естественнонаучной тематикой изменялось в пользу последней. Характерно участие в нем П.Л. Лаврова, печатавшегося под псевдонимом П.Л. Еще до вологодской ссылки (формальным поводом для ареста в 1866 г. было “дело Каракозова”) он был заметной фигурой в литературном салоне Тиблена. Вместе с ним Лавров подготовил издание “Классификации наук” Г. Спенсера. Тиблен был переводчиком, Лавров – редактором книги¹²³. В журна-

---

¹²² ИРЛ. У1М5Фв. Л. 100 об.

¹²³ Спенсер Г. Классификация наук. О причинах разногласия с Контом. СПб., 1866.

ле Тиблена Лавров опубликовал статью “Задачи позитивизма и их решение” в связи с выходом в свет русского перевода книги Г. Льюиса и Д.С. Милля о Конте. В ней он впервые предположил возможность трансформации позитивизма в философскую систему, похоже, совершенно новую, поскольку изначально он не имел такого статуса¹²⁴.

Журнал Тиблена просуществовал недолго. Близость редактора к демократическим кругам, печатание “подрывных” сочинений Г. Спенсера, А. Карреля и других вызывали неоднократные замечания цензуры. С 1862 г. Тиблен находился под негласным надзором полиции. Неоднократные аресты и штрафы на книжную продукцию издательства окончательно расстроили денежные дела. Тиблен запутался в долгах. После выхода в свет шестого номера журнала он уехал за границу¹²⁵. Журнал “Современное обозрение” стал подготовительным этапом к созданию популярного научно-философского журнала нового типа.

Следующим шагом в этом направлении стал журнал позитивистского толка “Знание” в Петербурге (1870–1877). Его издавали кандидат права Санкт-Петербургского университета И.А. Гольдсмит и писатель-географ Д.А. Коропчевский. Журнал не был простым аналогом парижского издания. Это был широко распространенный в России тип толстого журнала, но в отличие от уже существовавших литературно-политических изданий его содержание было проникнуто духом научного подхода, беллетристика была изъята с его страниц. Так же, как и их французские коллеги, русские издатели видели свою задачу в приложении идей позитивизма к социологии и естественным наукам. Близки были методологические цели – уточнить и определить основные понятия науки, связать воедино существующие научные представления, привести их в соответствие с уже имеющимися законами¹²⁶. “Знание” было близко к “Позитивной философии” и по структуре. В журнале печатались статьи по различным отраслям естествознания и обществоведения, поднимались вопросы, пересекавшиеся с практической стороной жизни (приложение математического анализа к некоторым общественным явлениям, о принципах рационального питания и проч.)

Исключительно научное направление журнала было в значительной мере вынужденным. Главное управление по делам печат-

---

¹²⁴ Современное обозрение. 1868. № 5. С. 121.

¹²⁵ Баренбаум И.Е. Издательская деятельность Н.И. Тиблена // Книга и графика. М., 1972. С. 183.

¹²⁶ Знание: Ежемесячный научный и критико-библиографический журнал. 1870. N. 1. С. 2.

ти, подвергшее предварительной оценке программу нового издания, исключило из нее все, что могло бы дать повод для размышлений над социально-экономическими проблемами, даже антропология в ее широком понимании, как комплекс наук о человеке, была сведена к просто антропологии, т.е. антропологии сугубо физической¹²⁷. В соответствии с цензурными условиями “Знание” оставляло в стороне острые проблемы внутренней жизни, хотя в отношении событий внешнего мира и особенно науки таких ограничений не делалось. В первом же номере журнала появилась весьма актуальная статья о русском естествознании, о его организационных задачах, исследовательских и преподавательских программах.

Редакторы выступили в защиту французских химиков в ответ на “нелепые” нападки известных немецких профессоров Я. Фольгарда и А. Кольбе, которые поставили под сомнение достижения французских ученых и даже оспаривали выдающиеся заслуги А. Лавуазье в развитии современной химии. Это происходило в ту пору, когда Франция остро переживала национальное унижение после поражения во франко-прусской войне.

В журнале “Знание” часто перепечатывались статьи зарубежных авторов, естествоиспытателей и обществоведов, приводилась библиография и критика новых книг, появившихся на Западе, хроника западноевропейской научной жизни. Редакторы не скрывали, что образцом для их издания послужили европейские научно-популярные журналы¹²⁸.

В 1872 г. в поисках новых авторов для журнала редактор-издатель И.А. Гольдсмит побывал за границей. В Цюрихе он встретился с П.Л. Лавровым и просил его наладить контакты с западными и русскими позитивистами, проживающими за границей. Лавров горячо взялся за дело. В 1873–1876 гг. он напечатал в “Знании” серию своих работ по истории мысли. В 1873 г. с его подачи появились публикации ряда французских ученых К.Ройе (доисторическая археология), Э. Журди (геология и минералогия), Ж. Сури (история Древнего Востока), А. Сикара (отношение зоологии к медицине) и статьи Э. Мюнца об искусстве Возрождения. Двое из них, Ройе и Журди, сотрудничали в “Позитивной философии”. Письма Вырубова 1873 г. к Лаврову содержат упоминание о готовности Журди написать статьи для журнала Гольдсмита¹²⁹. Вырубов

¹²⁷ Ханукаева И.В. П.Л. Лавров и журнал “Знание” (1870–1877) в свете ленинской оценки народничества // В.И. Ленин и проблемы изучения книжного дела в России второй половины XIX и начала XX в. Сб. научных трудов. Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрин. Л., 1979. С. 110–111.

¹²⁸ Знание.1877. № 4. С. 1.

¹²⁹ ГАРФ. Ф. 1762. Оп. 4. Д. 96. Л. 33 об.

лично знал Гольдсмита, ему часто приходилось напоминать редакторам о задержанных гонорарах, об этом его просил Лавров и его французские друзья. Быстро завязавшееся сотрудничество с французскими учеными столь же быстро иссякло из-за неаккуратности редакции в выплате гонораров.

Печатался ли в журнале Вырубов? Обзор русских работ по геологии за 1870–1871 гг. за подписью Г.В. вначале внушает такую надежду, ведь это вырубовская тематика. Но другие заметки того же автора не подтверждают это предположение. Похоже, что для Вырубова не нашлось места в самом позитивистском из всех русских журналов. Вырубов был известен в России как последовательный пропагандист контизма. Последний же, за которым стояли социальные утопии Сен-Симона и его родина, вольнодумная и вечно мятущаяся Франция, не внушал доверия политическим консерваторам и охранителям полицейского государства. Один из редакторов журнала Гольдсмит писал, что “Знание” пыталось популяризировать философию позитивизма, даже не упоминая имя Конта. В то же время, и это, по-видимому, была основная причина, Вырубов всегда считал, что наука не должна служить ареной для борьбы партийных интересов. Возможно, ему претило, что редакторы сотрудничают с представителями революционного крыла русского освободительного движения. По оценке И.В. Ханукаевой, “Знание” был журналом народнического толка и по программе, преследовавшей цели просветительства широких слоев населения, и по составу авторов, оба редактора были близки к народническим кружкам. В нем печатали свои статьи видные представители народнического и анархистского движения: П.Л. Лавров, Д.А. Клеменц, Н.И. Кулябко-Корецкий, П.А. и А.А. Кропоткины, В.Н. Фигнер, Г.А. Лопатин и др. Зато де Роберти это обстоятельство не смущало. Он охотно сотрудничал с журналом. Одним из обвинений полиции в его адрес было знакомство с редактором, литератором Д.А. Коропчевским, распространявшим революционные издания¹³⁰.

Тематика журнала недолго ограничивалась объявленными первоначально естественнонаучными сюжетами. Публикации Лаврова открыли дорогу новому направлению – с 1873 г. стали появляться статьи на философские, политические, экономические, юридические, литературные темы. Статьи Н.И. Зибера познакомили читателей с экономической теорией К. Маркса. Проблемы исторического прогресса стали темой многих публикаций Н.И. Кареева. Авторы-обществоведы использовали в своих изысканиях методы естественных наук.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. 102 (ДП. 3-е делопроизводство). Оп. 1 (1885). Д. 854. Ч. 11. Л. 4.

Пропаганда естественнонаучной и обществоведческой литературы была посвящена книгоиздательская деятельность “Знания”. В издательстве вышли сочинения видных зарубежных авторов: Ч. Дарвина, Э. Тейлора, Д. Льюиса, Г. Спенсера, Д. Дрепера и др. Русскую науку представлял П.Л. Лавров. Издательство включилось в осуществление международного проекта “Международная научная библиотека”, выходявшем параллельно на английском, французском и немецком языках. В этой серии вышло 12 книг известных западноевропейских ученых. Русскому отделу серии не повезло – из множества заявленных работ удалось напечатать только книгу Е.В. де Роберти “Социология”¹³¹.

Сомнительные, с точки зрения полиции, знакомства Гольдсмита в России и за границей, материалистическое направление журнала, “вредная тенденциозность” – пропаганда на его страницах эволюционного учения и публикация статей “заблуждающихся” иностранных авторов – все это вызвало неудовольствие цензуры. Журналу делались неоднократные предупреждения. Редакторы попытались сохранить свое детище, придав ему по преимуществу литературно-публицистический характер. В апреле 1877 г. вышел последний номер “Знания”, предполагалось, что он найдет свое обновленное продолжение в ежемесячном журнале “Слово”, для чего в этом же году была приобретена газета “Молва”. Первый номер “Слова” вышел в 1878 г., но никакой преемственности со “Знанием” в нем не было, это был совершенно новый по направлению журнал. В декабре 1878 г., предвидя возможное преследование, Гольдсмит срочно ликвидировал свои имущественные дела в Петербурге и переехал в Москву. Там он был арестован и по обвинению в противоправительственном заговоре вместе с семьей отправлен в ссылку на Север. Выйдя на поселение в Каменец-Подольском, он бежал в 1883 г. за границу.

Судьба московского научно-популярного журнала “Природа” (1873–1877) в некотором роде знаменательна. Редакторов, профессоров зоологии С.А. Усова и Л.П. Сабанеева, никак нельзя заподозрить в симпатиях к позитивизму. Они были далеки от использования приемов этой философии в своих исследованиях и не делали заявлений о приложении ее метода в издательской программе, более того, один из редакторов С.А. Усов выступил в 1870 г. против докторской диссертации Г. Струве, содержавшей элементы позитивизма. Любопытно то, что по свидетельству его ученика М. Мензбира, в своем научном творчестве Усов избегал узкоспециальных статей и предпочитал переводить их сюжеты

---

¹³¹ Книга в России, 1861–1881. М., 1990. Т. 2. С. 128–132.

на общедоступный язык в популярных изданиях. Биолог-эволюционист, он слыл блестящим популяризатором естественнонаучных знаний, много занимался переводами западноевропейских авторов на русский язык. Усов оставался реалистом во взглядах на природу и интересовался общими вопросами биологии. В такой позиции просматривается определенное “сродство душ” с позитивистами. Идею пропаганды естественнонаучного знания “Природа” позаимствовала у своего предшественника “Вестника естественных наук Московского общества испытателей природы”, издававшегося и редактировавшегося К.Ф. Рулье (1854–1860). Усов, ученик Рулье, довольно долго его редактировал. Журнал Рулье изначально печатался на русском языке, тогда как собственно научные периодические издания Общества издавались на иностранных языках. Это делало его доступным для широкого круга читателей, хотя он отнюдь не был научно-популярным изданием.

Таким изданием стала “Природа”. Это был “толстый” журнал, изящно изданный и богато иллюстрированный. Высокий уровень издания обеспечивал состав авторов, в нем печатались крупные отечественные и зарубежные естествоиспытатели: И.И. Мечников, Ф.А. Бредихин, Г.А. Траутшольд, Т. Гексли, Ж. Прествиш. Не исключено, что журнал испытал некоторое, хотя и косвенное воздействие идей позитивизма. Н.В. Успенская, занимавшаяся его историей, обнаружила, что существенное влияние на редакторскую политику “Природы” оказывал друг Вырубова А.Н. Петунников¹³². Усова и Петунникова могли сближать общие взгляды на задачи популярной журналистики и сходство нравственных принципов. Оба отличались искренностью, прямоотой, самостоятельностью, что часто вредило их служебной карьере¹³³. Петунников печатал в “Природе” серию статей по ботанике.

Вырубов был посвящен в издательские планы Петунникова. В апреле 1873 г., получив первый номер “Природы”, он восхитился роскошью и изяществом “полезного во многих смыслах” издания, но усомнился в верности выбранной формы – средней между журналом и книгой. Ему казалось, что объем должен зависеть от того, кому адресовано издание. Для массового читателя подойдет формат журнала и умеренная цена, для избранного – книга, а “популярных книг теперь издается и переводится видимо-невидимо”, – предостерегал он Петунникова. Вырубов не обещал другу постоянного сотрудничества, но обязался присылать статьи. Весной 1873 г. он принялся за сочинение статьи об индивиду-

¹³² Успенская Н.В. “Природа” до “Природы”. // Природа. 1981. № 11.

¹³³ Мензбир М. Усов Сергей Алексеевич. М., 1887. С. 12.

альности в царстве неорганической природы. Он предполагал сопоставить ее со своей работой о кристаллических рядах, чтобы сделать “что-нибудь порядочное”¹³⁴. На исходе 1875 г. Вырубов “строчил” для “Природы” статью о малоизвестном, как ему казалось, вопросе, о неделимости в неорганической природе. В январе 1876 г. он отправил ее в Москву, приложив к тексту несколько “крайне незатейливых” рисунков¹³⁵. “Неуклюжая и тяжело-весная”, статья вызвала у него чувство досады. Он просил Петунникова “бросить в печь”, если она ему не понравится¹³⁶. Это была единственная вырубовская статья, напечатанная в “Природе”, она вышла в 1876 г.¹³⁷ Вместо благодарности за публикацию Вырубов попенял другу за массу непростительных ошибок. В 1877 г. Вырубов просил Петунникова прислать ему все недостающие номера “Природы”.

Уже в 1877 г. “Природа” закрылась по причине внешне, по крайней мере, схожей с той, по какой закончило свое существование “Знание” – ни редакторы, ни авторы “Природы” не захотели остаться в стороне от животрепещущих вопросов современного естествознания. С приложением теории Дарвина к частным вопросам естествознания на его страницах выступили зоологи Н.А. Северцов и Н.П. Вагнер, ботаник А.Н. Бекетов. Впрочем, издатели журнала не были первыми в увлечении идеей эволюционизма. Обсуждение эволюционной теории в ее дарвиновском или собственном оригинальном толковании, с упоминанием или умолчанием имени творца “Происхождения видов” уже с конца 50-х годов широко развернулось в российской периодике, включая не только научные, но и общественно-политические и популярные журналы¹³⁸. Причина недолгой жизни журнала, скорее всего, более прозаическая. Прогноз Вырубова оправдался – дорогостоящее издание не смогло окупить себя.

Материалистическое понимание мира и культ “положительного” знания стали знаменем борьбы за свободную мысль в России. Настроение представителей отечественной науки 60–70-х годов XIX в. было созвучно позитивистскому сциентизму – безграничной вере в поступательное развитие науки, в ее благотворное влияние на судьбы людей. В России на некоторые положения

---

¹³⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карг. 1. Д. 10. № 93. Л. 212–212 об.

¹³⁵ Там же. Д. 11. № 106. Л. 236.

¹³⁶ Там же. Д. 12. № 109. Л. 241.

¹³⁷ *Вырубов Г.Н.* О неделимости в неорганической природе // *Природа*. 1876. Кн. 2.

¹³⁸ *Чайковский Ю.В.* Первые шаги дарвинизма в России // *Историко-биол. исслед.* М., 1989. № 10. С. 121–141.

позитивизма в борьбе с мистикой и идеализмом в науке опирались К.А. Тимирязев, И.М. Сеченов, Н.А. Умов, А.Г. Столетов, И.И. Мечников, Д.И. Менделеев. При этом они не принимали это учение полностью и не считали себя позитивистами, предпочитая называться реалистами в истолковании природы¹³⁹.

Известное влияние идей позитивизма на мировоззрение русских естествоиспытателей XIX в. было связано с авторитетом крупных западноевропейских ученых, симпатизировавших позитивизму: Ч. Дарвина, Ю. Либиха, К. Фогта, Е. Дюринга, У. Томсона, Т. Гексли, Э. Геккеля. Популяризации идей позитивизма среди естествоиспытателей способствовал франкоязычный журнал “Космос”¹⁴⁰. На этом фоне трудно проследить непосредственное воздействие Вырубовского издания на умы русских ученых-естественников. Гораздо яснее обнаруживается связь между “Позитивной философией” и развитием “неопозитивизма” и социологии в России. Значительный вклад в дальнейшую разработку позитивизма внес “неизменный друг” Вырубова Евгений Валентинович де Роберти.

Среди своих многочисленных знакомых Вырубов особенно отличал де Роберти. Сходство их умственных интересов было почти полным. Они с лицейской скамьи увлеклись идеями позитивизма, оба отдали немало сил их пропаганде и оказались причастными к научному становлению социологии. Воспитанники дворянской усадьбы, они разделяли любовь к псовой охоте и верховой езде, ценили творческие возможности сельского уединения. С юных лет оба приобщились к культурным ценностям Западной Европы и использовали их для подготовки к самостоятельному творчеству. Были похожими способы, с помощью которых молодые люди приобретали “научный багаж”.

В 1861 г. де Роберти закончил Александровский лицей, был зачислен на службу в Центральный статистический комитет и отправился в Гейдельберг. В ту пору в этом немецком университетском городке оказались многие студенты закрытого на время Петербургского университета. Наиболее активная часть молодежи образовала “гейдельбергскую читальню” для изучения запрещенной литературы и передачи на родину герценовского “Колокола”. Рядом и одновременно с Евгением де Роберти в Гейдельберге действовали его старший брат, отставной поручик артиллерии Сергей, и однофамилец – будущий экономист и литератор Леонид Федорович де Роберти.

При расколе мнений русской политической эмиграции по от-

---

¹³⁹ Шкуринов П.С. Указ. соч. С. 240–242.

¹⁴⁰ Кукушкина Е.И. Указ. соч. С. 37.

ношению к польскому восстанию 1863 г. в Гейдельберге возникло две партии: петербургская “герценистов”, поддерживавшая поляков, и противная ей московская “катковистов”. Целям осмеяния “катковистов” служил сатирический листок на французском языке, издававшийся Е.В. де Роберти и его друзьями А.О. Преженцовым и Я.В. Сабуровым. Конфликт приобрел такие скандальные формы, что послужил поводом для годичного исключения де Роберти и Преженцова из университета¹⁴¹. Некоторую сумятицу в понимание этой истории внесло сомнение публикаторов неизданных писем, адресованных редактору “Современника” Н.А. Некрасову, а не был ли инициатором гейдельбергского журнала Л.Ф. де Роберти?¹⁴² Рассказ С. Сватикова о “гейдельбергской читальне”, основанный на воспоминаниях Е.В. де Роберти, его опровергает¹⁴³.

О том, что это был именно Евгений де Роберти, свидетельствуют также его знакомство с членами “гейдельбергской читальни” А.Ф. Стуартом, Н.И. Бакстом и особенно с Преженцовым, которого он позднее пытался привлечь к одному из своих литературных начинаний. О них де Роберти писал Вырубову в 1864–1865 гг. Да и сама развязка происшествия – инспирированная де Роберти дуэль, и не на эспадронах, как это водилось в Гейдельбергском университете, а на пистолетах, – все это было в духе де Роберти. Подобной экстравагантной выходкой он привлек к себе внимание петербургской полиции в 1866 г.¹⁴⁴

До 1863 г. приятель Вырубова успел побывать в Лондоне, где познакомился с А.И. Герценом. Английская столица привлекала его и тем, что там проживали крупные философы-позитивисты.

В 1864–1865 гг. де Роберти “убивал время в однообразных занятиях” в Италии, Англии, Германии. Он поехал за границу,

---

¹⁴¹ Козьмин Б. Герцен, Огарев и “молодая эмиграция”. Русская гейдельбергская колония. 1861–1863 // Лит. наследство. М., 1941. Т. 41/42. С. 4–14; Муранов А.Б. Гейдельбергские арабески // Там же. М., 1967. Т. 76. С. 71–105.

¹⁴² Лит. наследство. М., 1949. Т. 51/52, ч. 2: Н.А. Некрасов. С. 478–479.

¹⁴³ Сватиков С. Из воспоминаний о Е.В. де Роберти // День. 1915. № 119. С. 3.

¹⁴⁴ Он стал зачинщиком ссоры в одном из петербургских ресторанов, едва не закончившейся дуэлью. Уже тогда он получил характеристику “молодого человека со способностями, но самых крайних политических убеждений”. Вызывал подозрения брат Евгения Валентиновича Сергей, корреспондент Герцена, имевший тесные контакты с политэмигрантами. С 1 октября 1879 г. по обвинению в политической неблагонадежности за Е.В. де Роберти был учрежден негласный надзор полиции, который был снят лишь в ноябре 1890 г. после ухода с государственной службы, но и позднее слежка не прекращалась (ГАРФ. Ф. 109 (111-е отд. Собственной Его Императорского величества канцелярии. Секретный архив). Оп. 1. № 159. Л. 1–38).

чтобы познакомиться с западноевропейской научной средой, изучить литературу по современному праву и его истории, посмотреть новые сочинения позитивистских авторов. Среди них он нашел “жемчужину первой величины” – книгу Д. Дрепера “История интеллектуального развития Европы” – “шаг в конто-боклевском направлении, то, что Г. Бокль успел начать и показать для истории одной отдельной европейской страны, Дрепер попытался сделать для всей европейской цивилизации”¹⁴⁵. Уже тогда де Роберти познакомился с К. Фогтом, Л. Бюхнером, встречался с правоведами П.Ф. Самариним, Б.Н. Чичериним, с “лейкартским сотрудником” И.И. Мечниковым.

Друзья – Вырубов и де Роберти – как бы соревновались в подготовке магистерских диссертаций. Осенью 1865 г. в деревне де Роберти упорно трудился над диссертацией по политэкономии, пытаясь отыскать “экономический фон социальных законов и вырваться из душных туманов метафизики на твердую почву вольного воздуха положительной науки”. Среди старых и новых “великих пигмеев” экономической науки он нашел особенно привлекательной для себя работу Т. Мальтуса о народонаселении. Де Роберти казалось, что выбор теории Мальтуса в качестве темы диссертации будет для него безопасен, поскольку ее автора считали в России консерватором, а сам закон был “расславлен наиподлейшей выдумкой экономистов”. Он решил завершить свою диссертацию “Закон Мальтуса (Экономические исследования позитивиста)” главой “Мальтузианские законы в истории населения России”¹⁴⁶. Весной 1866 г. молодой человек защитил в Иене диссертацию на степень доктора права, представив в качестве диссертации краткий очерк истории права. Диплом доктора Иенского университета давал право на преподавание в высшей школе. Де Роберти не оставил, однако, работы над диссертацией. В январе 1867 г. она была передана на рассмотрение юридического факультета Петербургского университета¹⁴⁷. О дальнейшей ее судьбе до сих пор ничего не известно.

Де Роберти видел в занятиях наукой “высший интерес”, способный очеловечить после “машинно-бессмысленной административной службы”, и отводил на них не менее четырех часов в день. Остальное время было занято разнообразной практической деятельностью. Де Роберти признавался другу, что полутора тысяч ежегодного дохода при дороговизне “всероссийской жизни”

---

¹⁴⁵ ИРЛ. У1М5Ф. Л. 12.

¹⁴⁶ Там же. Л. 30–32.

¹⁴⁷ Там же. У1М5Фа. Л. 58–60.

и при определенной привычке к комфорту (такой привычкой стали, например, частые поездки за границу) для него мало. Молодой де Роберти отверг для себя поприще преподавателя и профессию литератора, поскольку за такой труд “надобно приплачивать, по крайней мере, с моими слабыми способностями” и искал для себя другие возможности приличного заработка. Он испробовал должность помощника присяжного поверенного, вел в суде уголовные и гражданские дела, выставлял свою кандидатуру в петербургские мировые судьи, рассматривая эти занятия как путь к карьере процветающего адвоката. Ему было 24 года, когда его избрали представителем земства Старицкого уезда Тверской губернии. Позднее он делал доклады в собрании сельских хозяев, публиковал статьи в “Санкт-Петербургских ведомостях”, “Северном вестнике”, “Отечественных записках”, “Вестнике Европы” и других либеральных журналах.

Де Роберти задумал издавать газету-обозрение по вопросам политэкономии и финансов. Он намеревался взять в помощники А.О. Преженцова и брата Сергея. У молодых людей не было денег, чтобы откупиться от цензуры. Поэтому зависимой от цензуры газете предполагалось придать “умеренное и строго научное направление”. Этому “литературному начинанию” помешало отсутствие денег. Думается, что в случае успеха, русский читатель получил бы вполне позитивистское издание. Кипучая деятельность де Роберти была способом самоутверждения, возможностью поднять свой престиж в глазах тех, кто считал его неудачником, вырваться из болота “пошлой среды”¹⁴⁸.

Предприимчивость, незаурядная энергия, огромная работоспособность, определенный практицизм, напористость и удачливость в делах были сродни Вырубову. Тот и сам был человеком подобного склада. Он был снисходителен к человеческим слабостям де Роберти, вызывавшим раздражение у многих современников, к его эксцентричности, склонности к “жуирной жизни” и сомнительным знакомствам, к “эпилептической нервозности”, которую друг вносил даже в самые обыденные дела. Вырубов сразу же оценил оригинальность ума де Роберти, рекомендуя в 1869 г. Петунникову его книгу “Политэкономические этюды” как “совершенно замечательную, содержащую много и много новых вещей”¹⁴⁹. Присутствие “научного элемента”, умение пролить свет философской мысли на рассмотрение специальных вопросов делало весьма желательным, по мнению Вырубова, участие де Роберти в журналистской и учебной работе. “Таких

¹⁴⁸ Там же. У1М5Фд. Л. 147.

¹⁴⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 61. Л. 148.

людей, как де Роберти, немного, не говоря уже о России, но и вообще в старом и новом свете”, – представлял Вырубов де Роберти для задуманного Петунниковым журнала¹⁵⁰.

Высокая оценка способностей де Роберти побуждала Вырубова всемерно поддерживать его научное творчество. Целеустремленность Вырубова, способность определить линию жизни и неукоснительно ей следовать были хорошим примером для беспокойной природы де Роберти, побуждали признать его первенство. И не без иронии называя двадцатитрехлетнего Вырубова “дорогим метром”, он мечтал пожить года два в Москве (Это было еще до отъезда Вырубова в Париж.) в тесном общении с другом¹⁵¹.

Так получилось, что де Роберти представлял дело Вырубова в России, а Вырубов всячески способствовал продвижению его таланта во Франции. Результатом политэкономических штудий де Роберти, начатых еще за границей, стала серия статей. В них автор взглянул на явления экономической жизни глазами социолога. Одну из них “Социальные науки и политическая экономия” де Роберти послал Вырубову в сентябре 1867 г. с просьбой перевести на французский язык и при этом не очень церемониться¹⁵². Как и Вырубов, он придавал большое значение форме излагаемого и считал себя довольно слабым по этой части, признавая за другом несомненный литературный талант. Вырубов выполнил это пожелание, статья была опубликована в “Позитивной философии” в 1869 г. (Т. 5. № 2, 3).

Позднее де Роберти издал свои статьи в виде книги “Политэкономические этюды” (СПб., 1869), в судьбе которой Вырубов принял деятельное участие. По просьбе автора он написал к ней сжатое предисловие и опубликовал рецензию в “Санкт-Петербургских ведомостях” (1869. N139)¹⁵³. Вырубов признал эту, далеко небезупречную на его взгляд, книгу “важным приобретением экономической литературы” и поставил ее в один ряд “с лучшими трудами” в этой области. Некоторая эскизность изложения и несогласованность его отдельных частей не мешали, по мнению Вырубова, высоко оценить сочинение де Роберти, поскольку все эти недостатки искупались обилием свежих, оригинальных мыслей. Вырубов указал возможности улучшения книги и приветствовал ее перевод в преобразованном виде на один из европейских языков, чему сам он уже отчасти посодействовал. Тогда же он поспешил познакомить А.И. Герцена с книгой

---

¹⁵⁰ Там же. № 73. Л. 173.

¹⁵¹ ИРЛ. У1М5Фа. Л. 25.

¹⁵² Там же. У1М5Фб. Л. 74.

¹⁵³ Там же. У1М5Фв. Л. 119–119 об.

де Роберти, но тот нашел ее “скучной” и написанной “по контовским трафаретам”, а рецензию Вырубова назвал “квинт-эссенцией умника-резонера, либерально-консервативного”¹⁵⁴. Это – одно из первых определений того направления русской либеральной мысли, которое более явно обнаружило себя в последней трети XIX в.

Проекты перевода “Курса позитивной философии” Конта на русский язык не раз обсуждались в письмах приятелей. В 1867 г. де Роберти готов был согласиться на предложение, переданное через издателя и книготорговца А.А. Черкесова, и заняться переводом исключительно для того, “чтобы связать свое имя с таким предприятием”. Плата в 500 р. казалась ему явно недостаточной за такой труд¹⁵⁵. В августе 1869 г. он писал Вырубову, что буквальный перевод “Курса позитивной философии” вряд ли привлечет внимание публики. Издание контовской социологии, по его мнению, должно предполагать сокращение оригинала, чтобы выявить в нем самое существенное, доступное его изложение и критику в “тех немногих пунктах, в которых нельзя теперь не расходиться с Контом”¹⁵⁶. Остановились на проекте ознакомления русского читателя с тремя томами контовской “Социологии”. Де Роберти готов был взять на себя этот труд при условии, что это не будет буквальным переводом, а “осмысленным извлечением” в популярном, достаточно сжатом изложении и дешевом издании, и что будет сохранен оригинальный, принятый Контом, порядок повествования. При этом он оставлял за собою право сопроводить текст “самой свободной критикой”, какая только возможна. Он предлагал Вырубову подобным же образом препарировать для русского читателя первые четыре тома контовского “Курса позитивной философии”¹⁵⁷. Этот замысел, как и многие другие начинания де Роберти, не осуществился, но его автор сделал нечто большее – он стал одним из основателей научной социологии.

Де Роберти остался верен принципам классического позитивизма, но считал его форму непригодной для интерпретации ряда наук, переживавших в пору Конта стадию первоначального накопления материала. К ним он относил социологию и историю философии. Де Роберти потратил много сил для выяснения предмета, метода и места этих наук в контовской иерархии. Впервые он

---

¹⁵⁴ Герцен А.И. – Огареву Н.П. // Лит. наследство. М., 1958. Т. 64. С. 737–738.

¹⁵⁵ ИРЛ. У1М5Фб. Л. 86.

¹⁵⁶ Там же У1М5Фв. Л. 129.

¹⁵⁷ Там же. Л. 133, 134 об., 137.

изложил свою систему философских взглядов, которые получили название неопозитивизма, в журнале “Знание”¹⁵⁸. Де Роберти был мастером абстрактных философских построений и не подкреплял свои выкладки эмпирическими данными. Его ученик П. Сорокин свидетельствовал, что более поздние работы Э. Дюркгема, Л. Леви-Брюля, С. Бугле подтвердили тезисы де Роберти большим количеством строго проверенного эмпирического материала¹⁵⁹.

Попытки истолкования философских проблем естествознания с позиций позитивизма встречали жесткий отпор со стороны русской цензуры из-за общего отрицательного отношения к этой антирелигиозной доктрине. За статью де Роберти “Наука и метафизика” журнал “Знание” получил в 1875 г. предупреждение, а сама статья, по признанию автора, была наполовину сокращена. По настоянию К.П. Победоносцева была изъята из обращения книга де Роберти “Прошлое и настоящее философии” (М., 1886. Т. I–II.)¹⁶⁰. По остроумному замечанию М.М. Ковалевского, русская цензура направила творчество де Роберти во французское русло. Двадцать томов его социологических и философских сочинений вышли на французском языке, и в этом, по крайней мере на первых порах, во многом помог Вырубов.

В 1876–1878 гг. на страницах “Позитивной философии” появились “Социологические заметки” де Роберти¹⁶¹. В этих статьях он дал первоначальный набросок своего понимания социологии, ее места в ряду других отраслей знания. Он отнес появление социологии к зрелой “позитивной” стадии развития науки, исключая тезисы о провиденциализме и гармоничных целях истории и всякое другое объяснение, противоречащее явлениям, наблюдаемым в действительности.

Затем вышла в свет “Социология” де Роберти. Это – одна из немногих его книг, написанная по-русски и переведенная позднее на французский и английский языки.¹⁶² В рецензии на книгу в “Позитивной философии” Вырубов приветствовал новатор-

---

¹⁵⁸ *Де Роберти Е.В.* Наука и метафизика: Опыт постановки некоторых вопросов в области философии // Знание. 1875. № 5.

¹⁵⁹ ГАРФ. Ф. 602 (П.А. Сорокина). Оп. 1. № 13. Л. 1.

¹⁶⁰ По отзыву К.П. Победоносцева, книга де Роберти “проникнута самым разрушительным направлением по отношению к религии, церкви и государству”. С этого времени сочинения де Роберти стали подвергаться самой тщательной цензуре (см.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и переводные издания. М., 1981. Ч. 1: Книги: А–М).

¹⁶¹ *De Roberty E.* Notes sociologique // Ph. pos. 1876. Т. 7, N 1, 2, 3; 1877. Т. 19. N 6; 1878. Т. 20, N 1,2.

¹⁶² *Де Роберти Е.В.* Социология. СПб., 1880.

скую попытку де Роберти сформулировать предмет и метод социологии. До него эта дисциплина в течение двух десятилетий не могла обрести себя как наука и существовала как “предварительный набросок”. Вырубов видел заслугу де Роберти в том, что он не пренебрег подобно своим предшественникам большим эмпирическим материалом, накопленным предыдущим развитием социологии, а попробовал систематизировать его, отступив от контовской классификации. Основное достижение де Роберти Вырубов находил в том, что тот привлек внимание к предмету и методу социологии, акцентировал его на фундаментальных проблемах философии науки, суть которых сводится к различению конкретных и абстрактных наук и определению научного метода их исследования¹⁶³. С переходом на французский вариант творчества участвовали поездки де Роберти в Париж. В 80 – 90-е годы Вырубов встречал его там каждые два – три месяца, иногда де Роберти задерживался на целую зиму. Вырубов очень радовался такому повороту событий. “Я его очень ценю, люблю и уважаю”, – сообщал он Петунникову в 1886 г.¹⁶⁴ Отношения между ними были чисто приятельские, де Роберти останавливался у Вырубова в Париже, Вырубов был желанным гостем в петербургском доме де Роберти, оба регулярно обменивались письмами. Де Роберти выполнял многие поручения Вырубова: пересылал книги и ноты, перевозил через границу письма, рукописи, книги, хлопотал по имущественным делам своего друга, помогал А.Н. Петунникову в коридорах столичной бюрократии.

Вырубов участвовал в создании французского варианта первых двух книг де Роберти. Первый раз это случилось в 1886 г. Вырубов занимался редактированием французского перевода его книги “Старая и новая философия”, которая вышла в Париже в 1887 г. Вторично в 1888 г. на него “навалили” книгу де Роберти “Непознаваемое: Его метафизика и психология”. В письме к Петунникову Вырубов признавался, что, как и предыдущую, ее “пришлось переделать с начала до конца”¹⁶⁵. Поиски приличного издателя для книг де Роберти закончились выбором издательства Alcan. В нем де Роберти публиковал впоследствии все свои монографии.

В начале 80-х годов на страницах вырубовской “Позитивной философии” де Роберти развивал свои идеи об истории филосо-

---

¹⁶³ *Wyrouboff G. La sociologie et sa méthode // Ph. pos. 1881. Т. 26, N 4. P. 19–21.*

¹⁶⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 21. № 198. Л. 409.

¹⁶⁵ Там же. Карт. 2. Д. 23. № 252. Л. 513.

фии в статьях “Прошлое философии”¹⁶⁶. Он определил предмет этой области исследований как науки, занимающейся классификацией философских доктрин и изучением их связей с законами природы и общества. Де Роберти обозначил задачи истории философии и полагал, что для выявления общих и постоянных связей из массы условий умственной работы, допустимо использовать научную гипотезу, так как конкретный и специальный характер исследований позволяет ее проверить. Он отвел социологии исключительное место в становлении истории философии, поскольку она завершает цикл позитивных знаний и позволяет установить связь между существующей философской экспликацией и фактами, действовавшими в прошлом, вскрывает причинность по отношению к старым типам философской мысли и указывает условия, необходимые для появления нового типа.

В свое время М.М. Ковалевский сетовал, что де Роберти более известен на Западе, чем в России. Он писал, что творчество де Роберти открывает новые пути для тех исследователей, кто не привык доверять априорным истинам, он предсказывал, что его новаторскими идеями будет пользоваться не одно поколение ученых¹⁶⁷. Пророчество Ковалевского сбылось. Спустя почти сто лет ему вторит современный историк русской социологии Е.И. Кукушкина: “Глобальный охват социальных явлений, их гуманистический настрой, огромная эрудиция, оптимизм в оценке возможностей науки сделали его учение открытым для будущих исследователей и послужили основой для многих провидческих взглядов”, при этом она отмечает, что творчество де Роберти не вполне еще оценено на родине¹⁶⁸. В самом деле, соотечественники оказались неблагодарными к памяти человека, стоявшего у истоков научной социологии, способствовавшего ее институализации, имевшего много последователей на Западе и учеников в России, в их числе А.С. Звонницкую, П.А. Сорокина, К.М. Тахтарева.

Де Роберти внес сильную струю критики при трансформации классического позитивизма в неопозитивизм. Он критиковал представителей “первого позитивизма” за абсолютизацию эмпирического опыта, отрицательное отношение к гипотезе и к широким теоретическим обобщениям, за преувеличение значения закона “трех фазисов развития”, дуализм в понимании духа и материи и др. Де Роберти, однако, не ставил под сомнение возможности развития позитивизма в ключе, принятом школой Литтре.

¹⁶⁶ *De Robrety E. Le passé de la philosophie // Ph. pos. 1880. Т. 25, N 3; 1881. Т. 26, 27; 1882. Т. 28, N 4, 5, 6; Т. 29, N 3; 1883. Т. 30, N 4, 5; Т. 31, N 2.*

¹⁶⁷ *Ковалевский М. Е. Де Роберти: Некролог // Вестник Европы. 1915. № 5. С. 428.*

¹⁶⁸ *Кукушкина Е.И. Указ. соч. С. 144.*

К концу 60-х годов русские знатоки и почитатели учения Конта выступили с серьезной критикой его философских основ и неудовлетворительности его пропаганды школой Литтре. Одними из первых критическое отношение к позитивизму высказали находившийся под сильным влиянием его доктрин П.Л. Лавров и друг В.В. Лесевича Н.К. Михайловский. Лавров отказывал позитивизму в звании цельной философии из-за отсутствия общей теории, хотя считал несомненной заслугой Конта блестящую разработку теории исследовательского метода. Особенно раздражал Лаврова догматизм слепых адептов учения, превративших его в “своего рода заморыш, судьба которого способна возбудить у небезучастного зрителя искреннее сожаление”¹⁶⁹. Еще более резко в адрес французских приверженцев Конта, которых он окрестил “литтреистами”, высказался В.В. Лесевич. Он обвинил школу Литтре в том, что она придала контовскому позитивизму попятное движение, привела его в “тощее и изнурительное состояние”¹⁷⁰. Довольно схематичные и догматичные попытки ее представителей истолковать некоторые положения учителя не помогли им перейти к общим понятиям. Это, по мысли Лесевича, сделали приверженцы молодой немецкой школы неокантианцев. Они восприняли критические начала позитивизма, перестроили его в систему “критического реализма” и, подведя под него кантовскую теорию познания, придали ему отвлеченный характер и превратили в истинную научную философию¹⁷¹.

Лесевич бросил серьезный и обоснованный, как представляется, упрек в адрес французских позитивистов, обвинив их в научном автаркизме, в культивировании позиции философской самодостаточности, в игнорировании трудов зарейнских соседей, которые они априори привыкли считать “метафизическими”. Крах “литтреевского” или “вырубовского” позитивизма, заключал Лесевич, вовсе не означал гибели позитивизма Конта, “гениальной попытки обосновать единство философии и науки”, истинное развитие его “основоначал” он видел в трудах молодых немецких мыслителей¹⁷².

Де Роберти не оставил без внимания критику Лесевича. Он похвалил автора за весьма удачное переложение пяти наиболее важных из 60-ти лекций “Курса положительной философии”

---

¹⁶⁹ Стоик П. Единственный русский социолог // Лавров П.Л. Сборник статей из разных журналов, собранный П. Витязевым. Б.м., Б/г. Т. 4. С. 245–250.

¹⁷⁰ Лесевич В.В. Опыт критического исследования основоначал позитивной философии. СПб., 1877. С. 109.

¹⁷¹ Там же. С. 195.

¹⁷² Там же. С. 244.

и предложил издать его отдельной брошюрой, чем Лесевич принес бы большую пользу делу, “которому он горячо предан”. Вместе с тем де Роберти высказал недоумение по поводу неумеренных восторгов в адрес безвестных немецких кантианцев. Он определил свое, да и Вырубова, отношение к новому направлению в разработке позитивизма. Дело вовсе не в том, утверждал он, что “литтреисты” не знают трудов немецких философов, многочисленные статьи о различных течениях современной немецкой философии на страницах “Позитивной философии” опровергают это мнение. Просто они пренебрегают этим направлением “неокритицизма”, ибо считают его несущественным для судеб позитивизма¹⁷³.

В этой оценке обнаружилась принципиальная разница представителей этих двух направлений русского позитивизма в отношении к контовскому наследию. С тех пор пути русских контистов разошлись. Закончилась эпоха “первого позитивизма”. Де Роберти возглавил близкое романоязычным народам Западной Европы течение “неопозитивизма”, которое особое внимание уделило разработке проблем социологии. В.В. Лесевич, Н.К. Михайловский и их друзья примкнули к движению неокантианства, переродившемуся затем в печально известный по книге В.И. Ленина “эмпириокритицизм”.

В укоренении идей позитивизма в мировой умственной культуре, в их вхождении в обиход русского образованного общества, настолько прочном и органичном, что порою терялся их первоисточник, де Роберти видел успехи пропаганды позитивизма в 60–70-е годы даже в тех случаях, когда научные результаты этих попыток оказывались незначительными. С этих позиций он оценил книги П.Л. Лаврова и А. Стронина по социологии, признавая их “симптоматичными”¹⁷⁴.

Мы коснулись лишь тех событий, которые оказались наиболее близко связанными с периодом вырубовской пропаганды позитивизма в журнале “Позитивная философия”.

Контизм чутко уловил запросы буржуазного общества в пору его становления в первые десятилетия после французской революции XVIII в., он сформулировал его идеологию. Очевидно его влияние и на развитие западноевропейской философской мысли, недаром известный французский социолог Л. Леви-Брюль назвал его в начале XX в. философией, репрезентативной для всего

---

¹⁷³ Де ла Серда (де Роберти). Е. Опыт критического исследования основ начал позитивной философии В. Лесевича (СПб., 1877) // Знание. 1877. № 4. С. 115.

¹⁷⁴ Де Роберти Е.В. Наши социологи // СПб. ведомости. 1873. № 3, 4, 19, 33, 58.

ХІХ столетія¹⁷⁵. Позитивизм пережил своего творца и свое время, его идеи с годами переплавились в разнообразные течения современной философии, начиная от бергсонизма и кончая структурализмом¹⁷⁶. Празднование в 1998 г. 200-летия со дня рождения О. Конта показало, что некоторые идеи его учения все еще сохраняют свою злободневность.

В начале прошлого века Н.И. Кареев отмечал, что идеи позитивизма оживили русскую умственную жизнь в эпоху либеральных чаяний и надежд русской интеллигенции 60–70-х годов ХІХ столетія¹⁷⁷. М.М. Ковалевский называл Г.И. Вырубова и Е.В. де Роберти проводниками позитивизма в России, хотя признавал, что в романоязычных странах их влияние было сильнее, чем на родине¹⁷⁸. В.С. Соловьев видел заслугу русских позитивистов Вырубова, де Роберти, Н.К. Михайловского и особенно В.В. Лесевича в том, что они очистили русское сознание от слепого, догматического почитания вульгарного материализма Л. Бюхнера, восстановили после увлечения материализмом и идеализмом “разумный скептицизм, которого общее правило в том состоит, чтобы ничего не предрешать и все исследовать”¹⁷⁹. Этим “освободительным принципом” они сняли препоны для будущего умственного развития русского общества.

В России сформировалось самостоятельное течение философской мысли, получившее название “русский позитивизм” и находившееся в прямой связи с западными прототипами этой философии. Своеобразие русского позитивизма состояло в том, что он никогда не был простой калькой французского или английского вариантов. Философская концепция позитивизма была целиком воспринята лишь немногими русскими последователями, такие его атрибуты, как чрезмерный объективизм, отделение исторического прогресса от личности его творцов, феноменализм, остались чуждыми мирозерцанию большинства русских интеллектуалов¹⁸⁰. В России идеи Конта были восприняты критически. Это видимо помешало русскому позитивизму превратиться в философскую догму, как это отчасти случилось на его родине во

¹⁷⁵ *Lévy-Bruhl L.* La philosophie d'Auguste Comte. P., 1900. P. 20.

¹⁷⁶ *Arnaud P.* Pour connaître la pensée de A. Comte. P., 1960. P. 296.

¹⁷⁷ *Кареев Н.И.* Огюст Конт как основатель социологии // Введение в изучение социальных наук. СПб., 1903. С. 15.

¹⁷⁸ *Ковалевский М.М.* Страница из истории нашего общения с западными философами // Вестн. Европы. 1915. № 6. С. 158.

¹⁷⁹ *Соловьев В.* О заслуге В. Лесевича для философского образования в России: (Письмо к редактору) // Вопр. философии и психологии. 1890. № 1, кн. 5. С. 121.

¹⁸⁰ *Уткина Н.Ф.* Позитивизм, антропологизм, материализм и наука в России (вторая половина ХІХ начало ХХ в.). М., 1975. С. 127.

Франции. Там всепроникающее влияние идей позитивизма долго сковывало творческую мысль многих естествоиспытателей последней трети XIX – начала XX в.¹⁸¹

Широкий успех идей позитивизма в России В.В. Лесевич объяснял своевременностью их появления, соответствием потребностям пореформенного общества. Де Роберти усматривал причины популярности также в удачном синтезе плодотворных идей века, в феномене “умственной демократии”, когда благодаря популяризаторскому таланту Конта и его учеников философия стала достоянием многих умов¹⁸².

И еще одну заслугу позитивизма отмечают русские авторы, его роль своеобразного посредника в сближении умственной культуры России и Запада. Наряду с другими течениями западно-европейской научной и философской мысли он способствовал усвоению русскими мыслителями и учеными понятий и языка мировой науки. В значительной мере благодаря работам российских авторов, прошедших крещение идеями французского и английского позитивизма, отечественное обществоведение (не только философия) стало достоянием мировой науки во франко – и англоязычных сочинениях Г.Н. Вырубова, Е.В. де Роберти, М.М. Ковалевского, Л.И. Мечникова, П.А. Кропоткина, П.А. Сорокина, И.В. Лучицкого. В этой череде имен Вырубов и де Роберти занимают не самое последнее место.

**Ученый – естествоиспытатель:
кристаллограф, минералог, химик**

Магистерская диссертация. Изучение вращательной способности кристаллических тел, растворов. Докторская диссертация. Исследования изоморфизма, полиморфизма. Редкоземельные элементы и их соединения. Изучение комплексных соединений. Некоторые теоретические воззрения Вырубова. Учебные пособия. Вырубов и научное сообщество, участие в научных обществах, конгрессах и съездах.

Перу Вырубова принадлежит более 150 научных публикаций в области естественных наук, среди которых имеется несколько

¹⁸¹ *Поннер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 60; *Simon W.M.* Op. cit. P. 25; *Premier centenaire de la morte d'Émile Littré // Rev. synthèse.* 1981. Vol. 106/108. P. 250, 251; *Jo Nye M.* Nonconformity and creativity. A study of Paul Sabatier chemical theory and the French scientific community // *Isis.* 1977. Vol. 68, N 243. P. 380–381.

¹⁸² *De Roberty E.* Auguste Comte et Herbert Spencer. P., 1894. P. 9, 10.

самостоятельных изданий¹⁸³, включая магистерскую и докторскую диссертации. Его научные работы касались сразу нескольких областей естествознания, получивших особое развитие в XIX в.: кристаллография и связанные с нею химические и физические проблемы; изучение оптических свойств веществ; редкоземельные элементы и их соединения; изучение комплексных соединений и др. В них собран не только огромный эмпирический материал по кристаллографическим константам, физическим и многим химическим свойствам самых разнообразных кристаллических веществ, но и высказаны интересные теоретические суждения общего плана.

Научные взгляды Вырубова часто не соответствовали общепринятым концепциям естествознания того времени, и он привык к острой борьбе на теоретическом фронте. Причиной тому, как уже указывалось, он считал метафизическое мышление ряда “собратьев” по научному сообществу. Диалектика новых опытных данных, логика развития науки XX столетия подтвердила дальновидность многих теоретических воззрений ученого.

При рассмотрении творческого пути Вырубова поражает необычайная планомерность его научной деятельности. Уже в молодые годы, проявляя непосредственный интерес к кристаллографическим исследованиям, ученый одним из первых попытался в своих работах по минералогии уйти от рутинного “описательного” подхода к изучению минеральных видов. В магистерской диссертации и последующих работах он показывает, что эту старую описательную науку необходимо переводить на новые рельсы углубленного научного объяснения, в котором точность наблюдений натуралиста соединяется с глубоким анализом физика и химика. Чрезвычайно интересны суждения Вырубова об изоморфизме и полиморфизме. Экспериментальные исследования в этой области, выполненные им, стали основой для разработки многих структурных аспектов полиморфизма. Им были дифференцированы кристаллы полисимметрической формы и полиморфные модификации: первые рассматривались лишь в качест-

---

¹⁸³ Например, “Recherches sur quelques oxalates” (Tours : Imprimerie Deslis Frères, 1900). В библиотеке Музея естественной истории (Museum d’Histoire Naturelle) в Париже можно ознакомиться сразу с рядом его изданий (монографий и брошюр), таких как: “Manuel pratique de cristallographie” (P.: Gauthier-Villars et fils, 1889); “Recherches sur les silicotungstates” (P.: Impr. Chaix, 1896); “Recherches sur la nature du phénomène de la polarisation rotatoire moléculaire” (P.: Gauthier-Villars, 1894); “Nouvelles recherches sur les silicotungstates” (P.: Gauthier-Villars, 1905); “Recherches sur la chimie des terres rares” (P.: Gauthier-Villars, 1906).

ве “кажущихся” однородных тел, вторые – как реально существующие различные модификации, отличающиеся разнообразными физическими характеристиками. С этой целью Вырубовым были исследованы самые разнообразные классы как органических, так и неорганических кристаллов, включая разнообразные щелочи, кислоты, соли, кристаллогидраты и двойные соединения и многие др.

Как ученый отмечает в своих мемуарах (см. приложение № 2)¹⁸⁴ “с первых шагов вся моя продолжительная научная карьера содействовала лишь развитию [...] важной и плодотворной идеи (изучению кристаллов как физических тел. – *авт.*). Выделить изучение кристаллов в специальную область, независимо от химических воззрений и связать их историю с общей теорией строения вещества такова была цель, которую я всегда преследовал [...] Вместо того, чтобы описывать тела, взятые случайно (на удачу), как прежде это и делалось, из числа тел, какие встречаются в природе или изготавливаются в лабораториях, я обращался к возможно длинным рядам веществ, представляющих внешнее сходство между собою, например, соли одной и той же кислоты или одного и того же основания. Такие приемы, несомненно, много более продолжительные и трудные, но зато более плодотворные, ибо дают возможность проследить шаг за шагом за развитием (*évolution*) кристаллизованного вещества. Таким образом я мог составить богатый архив, в котором были собраны все степени изоморфизма, всякого рода полиморфные преобразования, все разновидности ложной симметрии, все переходы от тел, обладающих способностью вращательной поляризации, до тел бездеятельных (*inactif*). Оставалось только распределить весь накопившийся материал и получить из него выводы [...]”. Необходимость приготовить и анализировать различные соединения, которые он изучал, неизбежно склонила ученого в область химии, как он писал далее “то ради усовершенствования аналитических приемов, то для объяснения реакций”. Именно отсюда берет начало химический цикл исследований ученого по изучению редкоземельных соединений.

При рассмотрении научного творчества Вырубова, следует принять во внимание, что практически все исследования он проводил в обустроенных им самим лабораториях, размещавшихся в снимаемых им квартирах. Первой лабораторией, на *rue des*

---

¹⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 5. (Вырубов Г.Н. Записка о своих научных трудах. Без даты. Автограф). “Записка” написана нетвердой рукой, с большим числом помарок и исправлений, обычно несвойственных Вырубову. Имеется французский вариант записки, переведенный женой Софьей Вырубовой.

beaux arts, 5, он обзавелся уже в ноябре–декабре 1866 г. Она была оборудована достаточно примитивно – отсутствие тяги не позволяло делать анализы многих органических веществ, но в ней были все необходимые инструменты для микроскопических исследований¹⁸⁵. Далее Вырубов пытался обустроить свои лаборатории так, чтобы в них можно было проводить наряду с кристаллографическими исследованиями и химические. В лучшие времена (в материальном плане), в конце 60-х годов, он даже мог позволить себе иметь частного лаборанта. Но уже в середине 90-х годов, из-за финансовых трудностей само существование лаборатории было достаточно проблематичным. Именно по этой причине в 1896 г. ему пришлось поменять свою квартиру на менее просторную на rue Lacépède, 20, где он провел последние годы жизни. В ней ему с трудом удалось найти место для крошечной лаборатории и для книг¹⁸⁶. На лабораторию он денег не жалел, она была снабжена всеми новинками современного комфорта: газом, электричеством, водопроводом, калориферным отоплением. По тем временам это было достаточно дорогим удовольствием.

Несмотря на семнадцатилетние заботы по изданию журнала “Позитивной философии”, вынужденные перерывы в работе в связи с частыми переездами и неизбежными хлопотами по обустройству новых помещений для экспериментальной работы¹⁸⁷ (Вырубов сменил в Париже 7 квартир; см. карту-схему “Вырубов в Париже”), сделать удалось ему немало.

Первые научные работы Вырубова были посвящены изучению цвета минералов, причине происхождения их природных окрасок¹⁸⁸. Именно этой теме он посвятил свою магистерскую диссертацию “О красящих веществах плавиков”, изданную в качестве монографии в 1866 г.¹⁸⁹

Последние исследования естествоиспытателей середины XIX в. показали, что оптическое явление полихроизма зависит от

¹⁸⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт 1. Д. 3, № 25. Л. 78.

¹⁸⁶ С каждым переездом его библиотека разрасталась, она насчитывала ко времени переселения в квартиру на rue Lacépède порядка 6 тыс. томов.

¹⁸⁷ Его, в частности, всегда заботила сохранность лабораторного оборудования.

¹⁸⁸ Следует заметить, что природа окраски многих минералов и до настоящего времени не установлена.

¹⁸⁹ *Вырубов Г.Н.* О красящих веществах плавиков. М.: Университетская типография (Катков и К°), 1866. Работа посвящена Ф. Пизани, который помогал юноше в его первых научных изысканиях не только советами, но и предложил ему свой новый прибор для проведения анализов с паяльной трубкой (описание и конструкция которого были впервые представлены в 1864 г. в “Annales des Mines”).

присутствия в кристаллах небольших количеств красящих веществ (хромофоров). Многие минералы имеют определенный цвет, по которому их можно безошибочно определить, так малахит выделяется интенсивным зеленым цветом, киноварь имеет красную окраску и т.п. Но встречаются и такие минералы, которые имеют разный цвет в одном и том же кристалле: один конец кристалла турмалина может быть окрашен в черный, другой – в зеленый цвет, а середина бесцветная или розовая. Таковы полихромные минералы. Это явление и решил исследовать молодой Вырубов.

Для исследования Вырубов выбрал плавиковые шпаты (флюорит – фтористый кальций) – минерал, имеющий самые разнообразные окраски – зеленую, синюю, фиолетовую и даже желтую. Во введении к диссертации он обосновывает выбор объекта исследования его доступностью: “Цирконы, содалиты, изумруды слишком необыденные вещи, чтобы можно было достать их сколько нужно в данную минуту. Поневоле пришлось ограничиться тем, что всегда находится под рукой, и сюда относится прежде всего плавиковый шпат с его бесчисленными яркими цветами”. Ранними работами предшественников было установлено, что многие плавиковые шпаты при нагревании обесцвечиваются. Именно это явление решил исследовать Вырубов с привлечением разнообразных методик анализа (химико-аналитических, микроскопических и проч.). Для этого им были взяты семь разновидностей плавиковых шпатов разных цветов из разных местностей. Нагревая их порошки до температуры плавления свинца, Вырубов пытался аналитическим путем сравнить химические составы изучаемых им образцов до нагревания и после нагревания. Он констатировал потерю в весе, которую связывал с изменением их цветности. Очевидно, по мнению автора, при данной температуре разрушалось красящее вещество. Вырубов установил, что “все плавиковые шпаты, нагретые до той температуры, при которой разрушается их красящее вещество, теряют всякие следы фосфоресценции”¹⁹⁰.

Вырубову так и не удалось однозначно решить поставленную задачу, но указанные наблюдения способствовали уточнению достаточно варьирующихся в определенном диапазоне химического состава и структурных формул минерала¹⁹¹. Им было показано, что окраска плавиковых шпатов обусловлена именно особенностями их химического состава, присутствием определенного элемента –

---

¹⁹⁰ Там же. С. 14.

¹⁹¹ При химическом анализе образцов в качестве неорганических составных частей были обнаружены Al_2O_3 , Fe_2O_3 , FeO и др. Установлены количественные вариации этих окислов в разных видах плавиковых шпатов.

носителя окраски. Микроскопические измерения позволили Вырубову сделать некоторые заключения о геогностических условиях образования исследованных минералов с точки зрения их генезиса (констатировал водное происхождение для большинства типов).

Диссертация была написана за достаточно короткий срок. Вырубов предельно деловито относился к написанию диссертации. Он считал, что она необходима ученому человеку, как чин бюрократу, что несколько месяцев “бесмысленно потраченного времени” впоследствии могут обернуться вполне реальными выгодами¹⁹².

Новый физико-химический подход (значительно опережающий свое время) к изучению объектов минералогии, продемонстрированный Вырубовым в этой работе, не смог получить в то время адекватной оценки у преподавателей Московского университета. Работа так и не была защищена как магистерская. Но она хорошо была принята другими членами научного сообщества: в 1866–1867 гг. по результатам исследований, представленных в диссертации, и на основе новых изысканий в этой области Вырубовым были опубликованы несколько соответствующих статей в журналах Французского химического общества и Бюллетене МОИПа¹⁹³.

В конце 70-х годов Вырубов приступил к исследованию оптических свойств веществ. В этих работах он успешно сочетает чисто кристаллографический подход к проблеме с физическим (как в теоретическом, так и в экспериментальном плане).

Как известно, в 1810 г. Э.Л. Малюс¹⁹⁴ открыл поляризацию света. Именно с этого времени стало возможным установление взаимосвязи между внешней формой кристаллов и их оптическими свойствами. В 1811 г. Д.Ф. Араго было установлено явление гиротропии¹⁹⁵ (в частности, вращение плоскости поляризации в

---

¹⁹² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 33. № 387. Л. 30 об.

¹⁹³ *Wyrouboff G.* Sur les substances colorantes des fluorines // Bull. Soc. Chim. 1866. Т. 5. Р. 334–347; *Idem.* Recherches microscopiques sur les substances colorantes des fluorines // Bull. Soc. Natur. Moscou. 1866. Т. 39, N 3. Р. 150–162; *Idem.* Nouvelles recherches microscopiques sur les substances colorantes des fluorines // Ibid. 1867. Т. 40, N 3. Р. 228–240.

¹⁹⁴ Ему же наука обязана открытием оптически двухосных кристаллов.

¹⁹⁵ Гиротропия оптическая (от греч. *gyro* – кружусь, вращаюсь, и *trono* – поворот, направление) – совокупность оптических свойств среды, имеющей по крайней мере одно направление, не эквивалентное обратному, связанных с проявлением эффектов пространственной дисперсии первого порядка. Важнейшими из них являются – эллиптическое двойное лучепреломление и эллиптический дихроизм (его частным случаем является вращение плоскости поляризации).

кристаллах кварца). Более подробно оптическую активность ряда веществ (сначала чистых жидкостей, затем растворов, твердых тел) далее исследовал Ж.Б. Био, установивший в 1815 г. закон¹⁹⁶, который носит его имя. В соответствии с ним оптически активные вещества, проявляющие естественную оптическую активность, разделяют на правовращающие и левовращающие вещества (в зависимости от направления поворота плоскости поляризации), что применимо, как оказалось, для достаточно широких интервалов длин волн излучения¹⁹⁷. В 20-е годы XIX в. О.Ж. Френелем была разработана известная феноменологическая (макроскопическая) теория оптической активности (теория эллипсоида)¹⁹⁸. Успехи в изучении естественной оптической активности кристаллов и одновременное усовершенствование экспериментальной базы кристаллооптики при использовании поляризационных приборов перевело проблему изучения оптической активности веществ в последующие десятилетия на более глубокий уровень – молекулярный.

Открытие Л. Пастером в 1848 г. оптических антиподов – веществ, неразличимых по своим физическим (и многим химическим) свойствам, кроме направления вращения плоскости поляризации, явилось первым шагом в этом направлении. Отталкиваясь от работ Э. Митчерлиха, Пастер разделяет оптически недеятельную виноградную кислоту на два кристаллических индивидуума с прямопротивоположной оптической деятельностью (их растворы вращали плоскость поляризованного луча в противоположных направлениях, притом на одинаковый угол). Оптическую активность выделенных правой и левой винных кислот Пастер объяснил дисимметрией их молекул. Разъяснение взаимных отношений виннокаменных кислот явилось важнейшим открытием середины XIX в.

---

¹⁹⁶ Этот закон описывает приближенно зависимость угла поворота плоскости поляризации линейно поляризованного света, проходящего через слой аморфного вещества с естественной оптической активностью от длины волны λ , $j = \alpha/\lambda^2$, т.е. вращательную дисперсию (где α – эмпирическая константа).

¹⁹⁷ За исключением случаев резонансного поглощения среды (эффект Коттона).

¹⁹⁸ Френель на языке волновых представлений дал полное описание явления поляризации. В работах о двойном лучепреломлении (1821–1822) он развил также теорию распространения света в одноосных и двухосных кристаллах. Для описания распространения света в кристаллах он ввел замечательное построение – эллипсоид упругости Френеля. В 1892 г. Л. Флетчер предложил для интерпретации оптических свойств кристаллов использовать вместо поверхности эллипсоида Френеля – поверхность оптической индикатрисы.

Именно от этих исследований Пастера отталкивался в своих работах по изучению оптической активности ряда веществ Вырубов¹⁹⁹.

В них рассматривались прежде всего условия выделения энантиоморфных форм (или оптических антиподов, по Вырубову и Пастеру). Основные три метода получения оптически деятельных соединений расщеплением рацематов были разработаны еще Пастером: медленная кристаллизация (например, кристаллизация насыщенного аммиаком раствора кислой натриевой соли виноградной кислоты), биохимический (основан на избирательной способности некоторых микроорганизмов ассимилировать один из оптических антиподов), взаимодействие кислот с вращательной способностью с оптически деятельными основаниями (например, разложение виноградной кислоты цинхоином). Вырубовым было показано, что образование энантиоморфных кристаллов облегчается введением “затравки” одного из них. Им были разработаны способы получения натриево-калиевой соли виноградной кислоты, ее солей с рубидием, цезием, таллием и проч. В ходе исследований отмечалось различное влияние температуры на вращательную способность веществ. Изучением оптической активности разнообразных тел ученый занимался более 20 лет.

Вопросу вращательной поляризации кристаллических тел и растворов Вырубов посвятил свою докторскую диссертацию.

Вырубов сел за написание докторской диссертации в начале 1884 г. Он спешил, его вдохновило известие о предполагаемой вакансии кафедры минералогии в Сорбонне и надежда занять ее. “Попробовать во всяком случае можно”, – подбадривал он себя. Вырубов подал на естественный факультет Парижского университета прошение о защите, шансы казались ему сомнительными, он признавался, что в Сорбонне у него много противников, тем более что был формальный повод для отказа – отсутствие магистерской диссертации.

¹⁹⁹ См.: *Wyrouboff G.* Sur les propriétés optiques des mélanges isomorphes // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1879. Т. 2. P. 91 etc.; *Idem.* Formes cristallines et propriétés optiques de quelques sels. (Tartrate de Li-Rb. Tartrate de Li-Tl. Tartrate neutre de rubidium. Tartrate neutre d’ammonium. Malate acide d’ammonium. Racémate de Li-K. Perchlorate de Li) // *Ibid.* 1883. Т. 6. P. 53 etc.; *Recherches cristallographiques sur quelques nouveaux tartrates (racémate acide d’ammonium, racémate acide d’tallium, racémate acide d’potassium, racémate acide de rubidium. Tartrate inactif acide d’tallium. Tartrate inactif acide de rubidium* // *Ibid.* 1884. Т. 6. P. 310 etc.; *Idem.* Observations relatives aux théories de M. Pasteur sur la dissymétrie moléculaire // *Bull. Soc. Chim.* 1884. Т. 41. P. 210–214; *Détermination des indices de réfraction du sel de Seignette ammoniacal* // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1884. Т. 7. P. 8 etc.; *Idem.* Sur les phénomènes optiques de l’hyposulfate de plomb // *Ibid.* 1884. Т. 7. P. 49–54; и др.

В июле этого же года он получил разрешение на защиту докторской диссертации. В письме к Петунникову Вырубов иронизировал по этому поводу: “это не то, что красная ленточка” (ордена Почетного легиона. – *Авт.*). Друзья и недруги в течении двух часов разбирали все качества претендента. Большинство оказалось на стороне Вырубова, его особенно порадовало, что в его защиту выступила молодежь, “разумея под молодежью все то, что не перевалило еще за полвека, т.е. все физико-химики, даже и старые”²⁰⁰. “С докторской диссертацией в кармане я легко получу себе приличное положение в случае нужды”, – вразумлял Вырубов своего друга. Такая нужда могла возникнуть в любую минуту из-за тяжелого финансового положения его семьи в России. Попутно Вырубов “высиживал” вторую, химическую диссертацию, которая обростала все новыми “побегами”²⁰¹. В январе 1886 г. все многочисленные формальности были преодолены, обе диссертации прошли предварительную апробацию. Одна из них называлась: “Исследование структуры кристаллизованных тел, обладающих вращательными свойствами”, другая – “Исследование состава и формы некоторых новых тартратов”²⁰².

Смерть последовательно двух деканов А. Мильн-Эдвардса и Ж.С. Жамена задержала защиту. Вырубов предполагал, что диспут будет жарким, так как его представления о поляризации противоречили принятым, кроме того, он отверг теорию Пастера о том, что два оптических антипода всегда имеют энантиоморфную форму. Основной оппонент Ш. Фридель объявил Вырубову, что будет возражать против этих положений. “Тем лучше, – согласился Вырубов, – этот вопрос надо наконец решить”²⁰³.

Одним из важных вопросов, который он рассматривал в диссертации, посвященной вращательной поляризации, было выяснение зависимости между оптическими свойствами тел и их кристаллической формой. В этой связи Вырубов выступил против одного из положений Пастера о том, что все оптически деятельные тела кристаллизуются из раствора в гемиздрических формах.

Важным постулатом Пастера было утверждение, что те соединения с асимметрическим углеродом, которые вырабатыва-

---

²⁰⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 149. Л. 321.

²⁰¹ Там же. Д. 20. № 171. Л. 363а; № 172. Л. 364.

²⁰² Тартраты – соли виннокаменной кислоты.

Wyrouboff G. 1re Thèse. Recherches sur la structure des corps cristallisés doués du pouvoir rotatoire (посвящение Маллару). 2e Thèse. Recherches sur la composition et la forme de quelques nouveaux tartrates (посвящение Фриделю). P.: Gauthier-Villars; Imprimeur-libraire, 1886.

²⁰³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 20. № 175. Л. 371.

ются животными или растительными организмами, все без исключения оптически деятельны, но вещества того же самого состава, с такими же химическими свойствами, приготовленные искусственно, синтетическим путем, не оказывают никакого действия на поляризованный луч. В очередной раз на страницах докторской диссертации Вырубов провозгласил свою антивиталистическую позицию в данном вопросе.

В работе ученый заявил о себе как о хорошем экспериментаторе. Им были установлены пределы существования в растворах рацемических модификаций²⁰⁴. Для многих рацемических тел удалось установить их так называемую температуру превращения (“точки перехода”). Например, из раствора аммонийно-натриевой соли виноградной кислоты оптические антиподы, как оказалось, выкристаллизовываются только ниже 28 °С, в то время как выше этой температуры – выпадает рацемат ($C_4H_4Na(NH_4)O_6 + 4H_2O$)²⁰⁵. Замечательно, что минуя эту температуру, твердая кристаллическая виноградная кислота переходит также и вне раствора в смесь винных кислот и наоборот. Для К-Na рацемата температура перехода составила 3 °С²⁰⁶.

Принимая во внимание растущее влияние стереохимических представлений в рассмотрении проблемы природы оптической активности тел²⁰⁷, Вырубов решил предложить другую теорию вращательной способности веществ. Он рассматривал вращательную способность тел как чисто физическое свойство в соответствии с моделью оптической активности кристаллов, предложенной Малларом²⁰⁸. Последний связывал вращательную поляризацию с другими оптическими явлениями давно уже известными, предположив, что кристаллы, отклоняющие плоскость поляризации, можно представить в виде правильного наслоения тройных или четверных стопок двухосных пластинок, чрезвычайно

---

²⁰⁴ Рацемат – совокупность равных количеств правовращающих и левовращающих оптических антиподов, являющаяся оптически недеятельной.

²⁰⁵ *Wyrouboff G.* Sur le racémate de soude et de potasse et les causes qui déterminent le dédoublement de certains racémates // *Bull. Soc. Chim. Sér. 2.* 1886, T. 45. P. 52 etc.

²⁰⁶ *Вальден П.И.* Очерк истории химии в России. Одесса: Mathesis, 1917. С. 534.

²⁰⁷ В 1874 г. Вант-Гофф и Ле-Бель одновременно и независимо предложили тетраэдрическую модель атома углерода. Согласно их теории “всякое углеродистое соединение, которое вызывает в растворе отклонение плоскости поляризации, обладает асимметрическим атомом углерода” (цит. по: *Быков Г.В.* История стереохимии органических соединений. М., 1966. С. 42).

²⁰⁸ П. Грот называет ее теорией оптических свойств кристаллических пакетов (см.: *Грот П.* Введение в химическую кристаллографию: Пер с нем. Одесса, 1911. С. 6).

тонких²⁰⁹. Эти кристаллические пластины образуют некий ансамбль (соединение), обладающий оптическими свойствами кварца. Как отмечает Петунников²¹⁰, “хотя в принципе вопрос можно было признать решенным, но для большей убедительности нужно было найти прямое доказательство, что кристалл, обладающий вращательной поляризацией, действительно был только наложением двухосных пластинок”. Исследование Вырубовым целого ряда самых разнообразных объектов подтвердили в основном гипотезу Маллара (все вещества с вращательной поляризацией оказались более или менее двухосными при известных условиях). В частности, заключения по морфологии сульфата стрихнина²¹¹, ряда производных фенола свидетельствовали в пользу данной модели.

Свои воззрения на оптические свойства кристаллов солей Вырубов перенес полностью на растворы, вращательную поляризацию которых еще Био обозначил термином “молекулярная”, указав тем самым на коренное различие между веществами оптически активными в кристаллизованном состоянии и аморфном²¹². Вырубов, однако, пытался установить механизм вращательной способности растворов опять исходя лишь из “физических” представлений. Окончательные взгляды его на этот предмет сформировались несколько позже (об этом см. далее).

Наконец, в конце февраля 1886 г. Вырубов сообщил Петунникову об успешной защите докторской диссертации. В обычной иронической манере он описал процедуру защиты: начали спокойно, с оглядкой на публику, “под конец воодушевились и сцепились серьезно.” Вырубов обнаружил у оппонентов “серь-

²⁰⁹ Сравните с опытами Е. Рейша, в которых ученый “накладывал друг на друга оптически двухосные пластинки слюды, оптические оси которых параллельны поверхности пластинок таким образом, что каждая последующая пластинка оказывалась повернутой относительно предыдущей вправо (или влево) на 120°. Пропустив через такую стопу пластинок плоскополяризованный свет, Рейш обнаружил, что пластинки поворачивают плоскость поляризации света вправо (или влево) как оптически активный кристалл.” (цит. по: Сонин А.С. Георгий Викторович Вульф. М.: Наука, 2001. С. 25–26).

²¹⁰ РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. Д. 10. Л. 129 об.

²¹¹ См. работу: *Wyrouboff G.* Sur les phénomènes optique du sulfate de strychnine // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1884. Т. 7. Р. 10–20.

²¹² Следует отметить, что когда Био обнаружил оптическую активность растворов, т.е. показал молекулярный аспект этого явления, то проблемы оптической активности кристаллов как-то неожиданно остались в стороне. Все исследователи затем, вслед за Пастером и его сторонниками, сосредоточили свое внимание на оптической активности молекул. Изучение оптической активности кристаллов осталось вне магистральных путей развития науки, в теории явления рассматривался лишь феноменологический аспект.

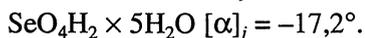
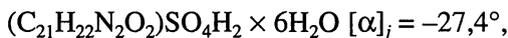
езное незнание предмета”. После того как диссертант “начал рубить с плеча”, не щадя ни Пастера, ни Митчерлиха, ни атомистическую теорию, “бедный Фридель начал огрызаться”. Вечером за дружеским обедом у Вырубова вся компания от души посмеялась над перипетиями “нашей баталии”. Вырубов послал один экземпляр диссертации в библиотеку Московского университета, другой – М.А. Толстопятову “на память о когда-то в Москве не защищенной магистерской диссертации”. Ему очень хотелось, чтобы научная общественность Москвы узнала о его защите, для иностранца, не имеющего французской степени лицензиата, случай исключительно редкий. К тому же диссертация единодушно была признана “блистательной”, один из оппонентов профессор П.-Ж. Отфей сказал: “Мы все должны следовать Вашему примеру и создавать такие работы”. Вырубов также надеялся, что де Роберти “тиснет об этом словечко” в русской прессе²¹³.

В 1892 г. Вырубов опубликовал отдельную работу “О вращательной способности растворов”²¹⁴, в которой он нашел возможным применить к объяснению этого явления в очередной раз модель оптической активности кристаллов Маллара. Причина поляризации в растворах, согласно Вырубову, состоит именно в кристаллической частице, сохраняющей неизменность в растворе. Вращательная способность зависит от симметрии по отношению к “кристаллической сетке”, и частица, которая находится в растворе, сохраняет эту симметрию. Указанные положения его теории были продемонстрированы с использованием результатов опытов по изучению оптической активности ряда соединений стрихнина (с серной и селеновой кислотой), их кристаллогидратов, а также цинхонина со спиртом. Суть рассуждений ученого состояла в следующем: “Как известно, величина вращения стрихнина $[\alpha]_j = -132^\circ$. В соединении с H_2SO_4 стрихнин дает меньшее вращение, именно $[\alpha]_j = -30,5^\circ$. Стереохимия, не предвидя подобного изменения во вращении, весьма хорошо его объясняет, представляя молекулу стрихнина составленную из атомов или групп атомов, которые известным образом расположены относительно некоторой плоскости симметрии. Молекула H_2SO_4 , располагаясь при соединении со стороны наиболее легкой, стремится установить равновесие и вместе с тем уменьшить оптическую деятельность. Исходя из такого объяснения, необходимо ожидать, что соединение стрихнина с селеновой ки-

²¹³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карг. 2. Д. 21. № 182. Л. 392–393 об.

²¹⁴ *Wyrouboff G. Sur le pouvoir rotatoire des solution // C. R. 1892. T. 115. P. 832–835.*

слотой будет вращать еще меньше. Вот числа для гидратов (полученные опытным путем – примеч. авторов):

Подобное же рассуждение применяется и к объяснению вращения цинхонина со спиртом²¹⁵.

Аналогичные воззрения Вырубов развивает и в мемуаре от 1894 г.²¹⁶, а также последующих работах²¹⁷, посвященных этому вопросу. Итоги их он резюмирует и в одном из своих последних обобщающих трудов: “Со времени классических работ Био название молекулярный дается удельному вращению растворенных тел, и в первом приближении этот термин кажется удачным. Поскольку кристалл разрушается под воздействием растворителя, его симметрия больше не действует, и только его последние элементы, рассеянные в жидкости во всех возможных ориентациях, принимают участие в явлении. До тех пор, пока мы воспринимаем данную концепцию в ее общем виде, не может быть выдвинуто никакого возражения, но трудности начинаются, когда мы хотим ее уточнить. О каких молекулах тут идет речь? В течение длительного времени об этом почти не беспокоились, удовлетворяясь измерением отклонения плоскости поляризации в растворенных телах, часто с весьма иллюзорной точностью, ибо эти тела в значительном числе случаев вступали в разнообразные сочетания с растворителем. Маллар, верный приверженец идей Бравэ, который допускал, что узлы его решетки были заняты химическими молекулами, искал объяснение в формировании правильного штабеля атомов в рамках этих молекул, сопоставимого со штабелем молекул в кристаллизованных телах [...]”²¹⁸.

²¹⁵ См. реферат работы: ЖРФХО. Часть физ. 1893. Т. 25. С. 33–34.

²¹⁶ *Wyrouboff G. Recherches sur la nature du phénomène de la polarisation rotatoire moléculaire // Ann. Chim. Phys. Sér. 7. 1894. Т. 1. P. 5–90.*

²¹⁷ *Wyrouboff G. Sur un nouveau corps doué du double pouvoir rotatoire (sulfate d'hydrocinchonine hydraté) // Bull. Soc. Franç. minéral. 1901. Т. 24. P. 76 etc.; Idem. Sur les propriétés optiques des sels doubles ammoniacaux des terres cérignes // Ibid. 1906. Т. 29. P. 324 etc.*

²¹⁸ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Professeur au Collège de France. P.: Imprimeries CERF, S.a. С. 37–41. (ACF. С–XII). Следует отметить, что хотя этот мемуар, выпущенный в виде отдельной брошюры, и не датирован, предположительно его издание можно отнести к 1910–1911 гг., поскольку в нем приведена библиография работ ученого по 1909 г., включительно.

Как констатирует Вырубов, удельное вращение является результатом двойного лучепреломления, что напрямую связано с симметрией. Но “химическая молекула, образованная в общем плане разнородными единицами, не может обладать элементами симметрии”²¹⁹. Однако “тождественность законов, управляющих удельным вращением кристаллов и удельным вращением растворенных тел показывает, что непосредственная причина явления одна и та же в обоих случаях. Для кристаллов эта причина лежит в особых свойствах кристаллических частиц, значит нужно, чтобы эти частицы сохранялись в растворе...”. И далее пишет Вырубов: “...Я показал, что раствор не обязательно является однородной средой, что он может содержать в себе одновременно частицы разных видов, несколько гидратов одного и того же соединения, или несколько форм полиморфного тела. Такое сосуществование разнородных частиц очень хорошо объясняет два весьма особенных свойства растворов – аномальные кривые растворимости и перенасыщение...”.

Таким образом, по Вырубову оптически деятельный раствор содержит не простые кристаллические частицы, а определенные конгломераты (скопления их), представляющие собой как бы “элементы кристалла”. В “этих скоплениях частиц, размещенных в жидкости во всех возможных положениях, те из них, ось симметрии которых параллельна поляризованному лучу, и дадут отклонения”²²⁰. Отсюда Вырубов делает заключение, что законы, управляющие вращательными способностями кристаллических тел и растворов, могут быть идентичными, и таким образом иметь одну и ту же природу. Однако, как показали его опыты, такие ситуации редки. Из 20 исследованных тел было найдено ученым лишь одно – тартрат рубидия, образующий безводные кристаллы. Его вращательная способность в растворах практически не менялась (менее одного градуса в диапазоне концентраций от 5 до 60%)²²¹.

Особое место в исследованиях Вырубова отводилось также изучению оптических свойств изоморфных тел, в том числе в различных средах.

К концу XIX в. стало окончательно ясно, что кристалл, а главное его форма и отношение его растворов к поляризован-

---

²¹⁹ Хотя следует заметить, что Вант-Гофф уже в 1870-е годы на примере соединений алленового типа показал *асимметричность строения их молекулы в целом*, а следовательно неизбежность получения левых и правых форм (даже при отсутствии асимметричного атома углерода).

²²⁰ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 10. Л. 131 об.

²²¹ См. сообщение о докладе Вырубова на заседании Французского физического общества от 4 мая 1894 г.: ЖРФХО. Часть физ. 1894. Т. 26, отд. II, вып. 6. С. 84–85.

ному лучу, являются важными моментами в суждении о внутреннем строении материи. Именно поэтому столько внимания в своих работах Вырубов уделял этой проблеме²²². Своими теоретическими воззрениями он внес существенный вклад в формирование представлений о кристаллической гиротропии, связанной лишь с рассмотрением “межмолекулярных взаимодействий” в кристаллах. Молекулярная составляющая (обусловленная дисимметричностью внутренней структуры молекулы) в рассмотрении причины оптической активности вещества им не включалась²²³, более того – оспаривалась, несмотря на активное развитие с 80-х годов учения о стереохимии²²⁴. Однако это неудивительно, если учесть, что теория Вант-Гоффа и Ле Беля достаточно долго воспринималась скептически многими авторитетнейшими учеными того времени. В то же время, согласно современным представлениям, оптическая активность вещества²²⁵ может определяться как оптической активностью составляющих его молекул (молекулярная оптическая активность), так и структурой самого вещества (структурная оптическая активность)²²⁶. Для многих же случаев иногда не удастся строго разграничить оба явления. В результате для понимания явления гиротропии, возникающей в кристалличе-

---

²²² Верное направление исследований Вырубова в эти годы подчеркивал в свое время И.А. Каблуков, неоднократно беседовавший с ним на разные научные темы. После очередной встречи с Вырубовым в Париже он записал в свою записную книжку: “Верно [...] то, что изучение оптических свойств (отношение к поляризации луча света) должно пролить много света на природу растворов” (Арх. РАН. Ф. 474. Оп. 1. № 2. Записная книжка 1895 г. – цит. по: Соловьев Ю.И., Каблукова М.И., Колесников Е.В. Иван Алексеевич Каблуков, М., 1957. С. 47).

²²³ В то же время, согласно современным представлениям, оптическая активность вещества может определяться как оптической активностью составляющих его молекул (молекулярная), так и структурой самого вещества (структурная). Молекулярная оптическая активность обнаруживается во всех агрегатных состояниях и растворах.

²²⁴ Как отмечал впоследствии Делепин (см.: *Delépine M. La théorie du carbone asymétrique* // Bull. Soc. Chim. Sér. 4. 1925. Т. 37. Р. 15–16), “Вырубов вообще часто нападал на наших химиков-органиков, не признавая наши формулы построения и право за нашими чисто химическими идеями вмешиваться в кристаллографию”.

²²⁵ Современные исследователи считают (см. *Кизель В.А., Бурков В.И. Гиротропия кристаллов*. М., 1980), что в терминологическом плане понятие “оптическая активность” уместнее применять лишь к микрообъектам – например, молекулам, а для вещества желательнее применять термин “гиротропия”.

²²⁶ Существует ряд веществ, в которых вращение плоскости поляризации обусловлено не процессами внутри молекул, но относительным расположением последних в элементарных ячейках кристаллов, поэтому в таких веществах вращательная дисперсия как и оптическая активность, наблюдается лишь в кристаллическом, но не в жидком или стеклообразном состоянии.

ском состоянии, необходим все же анализ механизмов молекулярной гиротропии, требующей в свою очередь некоторого понимания условий возникновения оптической активности свободных молекул в результате внутримолекулярных взаимодействий.

Во второй половине XIX в. явления изоморфизма и полиморфизма еще были мало изучены, в основном феноменологически. Причины тому сам Вырубов находил в том, что эти явления “принадлежат той отрасли знания, которая не получила еще официального места в классификации наук”²²⁷, а именно – молекулярной физике. Вырубов считал, что все концепции и гипотезы, выдвигаемые при изучении этих “физических феноменов” пока достаточно приблизительны и неясны. При его особом интересе к вопросам молекулярной физики, о чем упоминалось ранее, ученый не мог обойти вниманием и эту область исследований кристаллографии.

В 1788 г. М. Клапрот обнаружил, что минералы кальцит и арагонит имеют одинаковый состав CaCO_3 . Затем английский химик Г. Дэви показал, что алмаз и графит являются углеродом. Таким образом был открыт полиморфизм – способность кристаллических тел существовать в двух или нескольких формах с различной кристаллической структурой и свойствами при одном и том же химическом составе. Открытие полиморфизма, казалось бы, нанесло основательный удар по теории Гаюи (каждое кристаллическое вещество характеризуется своей, свойственной только ему, формой молекулы). Лишь позднее было осознано, что в тезис о постоянстве структуры данного вещества необходимо внести дополнение о сохранении этого постоянства при строго определенных физико-химических условиях (в частности, в строго определенных интервалах температуры и давления).

Э. Митчерлих, преемник Клапрота по кафедре Берлинского университета, уже после его смерти, обратился также к исследованию арагонита и кальцита, а заодно кристаллов фосфата и арсената калия (K_2PO_4 и K_2AsO_4). Исследуя внешнюю форму этих кристаллов, он в 1819–1822 гг. ввел два понятия – “изоморфизм” и “полиморфизм”.

Для первых двух кристаллов Митчерлих установил, что “причиной образования кристаллов другой системы являются изменившиеся условия кристаллизации”²²⁸. И подобные тела назвал

²²⁷ *Wyrouboff G.* Sur la nature des phénomènes de polymorphisme et d'isomorphisme // Conférences de chimie faites au laboratoire de M. Friedel, 1893–1894. P., 1896. P. 1.

²²⁸ Цит. по: *Леонидов Н.Б.* История развития концепции полиморфизма химических веществ (краткий очерк) // Рос. хим. журн., 1997. № 5. С. 10.

“диморфами”²²⁹. Много позднее были открыты примеры “триморфизма”, “тетраморфизма” и т.д., а впоследствии общее признание получил термин, предложенный Ж.Б. Дюма²³⁰, “полиморфизм” (“многоформие”)²³¹.

Наблюдая другую пару, Митчерлих убедился, что обе соли дают чрезвычайно схожие по внешнему виду призматические кристаллы. Такие физически близкие, но химически различные вещества, кристаллизующиеся в одних и тех же формах, были названы ученым *изоморфными*²³².

В своих работах по изоморфизму, прежде всего в известной монографии “Физическая химия кристаллов”, А. Арцруни особо выделяет работы Вырубова в этой области. Согласно его своеобразному рейтингу среди ведущих исследователей изоморфных смесей имя Вырубова входит в первую тройку (наравне с Малларом и Дюфе)²³³. На страницах этого труда подробно рассматриваются результаты ряда работ Вырубова, например по изучению ряда хроматов и сульфатов ($\text{Na}_2\text{CrO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$; $\text{NaNH}_4\text{CrO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$; $\text{NaNH}_4\text{SO}_4 \times 2\text{H}_2\text{O}$; $\text{Na}_2\text{CrO}_4 \times 4\text{H}_2\text{O}$; $\text{Na}_2\text{SO}_4 \times 10\text{H}_2\text{O}$ и др., стр. 270–271)²³⁴, соединений магния ($\text{MgSO}_4 \times 5\text{H}_2\text{O}$, $\text{MgCrO}_4 \times 5\text{H}_2\text{O}$, $\text{MgMoO}_4 \times 5\text{H}_2\text{O}$ и др.)²³⁵. Близость форм для этих кристаллов, при привлечении тщательно выверенных кристаллографических данных, особенно наглядно встает перед исследователями. Аналогичными закономерностями была отмечена и другая группа тел – квасцы. Вырубовым было изучены многие относящиеся к ним соединения, способные выкристаллизовываться вместе в одном однородном кристалле в переменных количествах. Место алюминия в обыкновенных квасцах могут занимать Cr, Co, Mn, Fe, Ga, Tl, In. Им также было показано, что трехвалентные ме-

²²⁹ Так как ученому были известны случаи лишь двух полиморфных разновидностей как для серы, так и для других веществ.

²³⁰ Леонидов Н.Б. Указ. соч. С. 10–21.

²³¹ Для обозначения разнообразия кристаллических форм простых тел Й.Я. Берцелиус ввел в 1841 г. термин “аллотропия”.

²³² Правда, по мнению И.И. Шафрановского, “название это (так же как и термин “изоморфизм”) не совсем удачно, так как сущность заключается здесь в различии (или сходстве) структур, а формы являются лишь производными последних” (*Шафрановский И.И. История кристаллографии, XIX в. Л., 1980. С. 75–76*).

²³³ *Arzruni A. Physikalische Chemie der Krystalle. Braunschweig: Friedrich Vieweg und Sohn, 1893. S. 172.*

²³⁴ См. также: *Wyruboff G. Sur les analogies cristallographiques des sulfates et chromates de soude // Bull. Soc. Franç. minéral. 1880. Т. 3. P. 75; Tétrachromate de potasse et d’ammoniaque // Bull. Soc. Chim. Sér. 2. 1881. Т. 35. P. 162 etc.*

²³⁵ См.: *Wyruboff G. Sur la forme cristalline de quelques sels, chromates et molybdates de magnésie // Bull. Soc. Franç. minéral. 1889. Т. 12. P. 60 etc.*

таллы редкоземельных элементов изоморфно замещают друг друга в исследованных гидратированных сульфатах²³⁶.

Изучение разных случаев изоморфизма привело ученых к заключению, что, очевидно, химические формулы изоморфных веществ должны отличаться лишь заменой одного сорта атомов другим (в отношении 1 : 1), часто близким, но иногда отличным по свойствам от исходного. Именно использование этого принципа позволило в то время успешно определять атомные веса многих элементов. Подобные работы можно встретить и у Вырубова (см. подробное часть настоящего параграфа, посвященную работам ученого в области редкоземельных элементов).

Чем глубже сходство элементов, тем шире условия и многочисленнее виды кристаллического вещества, где определенные два, три и более химических элемента проявляют изоморфизм. Требование родственности взаимозамещающихся элементов при изоморфизме первоначально понималось как чисто химическая близость. Первые наблюдавшиеся случаи действительно представляли большую аналогию в химическом составе. Но мало-помалу накапливались случаи, действительно показывающие, что представления об аналогии в составе должны быть расширены и изменены. Вскоре было показано, например, что натриевая селитра полностью изоморфна известковому шпату, хотя подобие в химическом составе здесь наблюдается уже меньшее, нежели между известковым шпатом и доломитом, магнезитом и т.п. Или, как в случае минералов анортита и альбита, которые в физическом отношении являлись настоящими изоморфами и в то же время имели химический состав значительно различающийся: у первого – $\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8$, второго – $\text{Na}_2\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{16}$.

Во второй половине XIX в. минералогами и кристаллографами, в том числе и Вырубовым, было показано, что тела могут давать близкие по форме кристаллы и выкристаллизовываться вместе в одном кристалле даже при большом различии химического состава. В конце века началось крушение прежних представлений об изоморфизме. Стало ясно, что способность давать изоморфные смеси и сходство кристаллической формы являются гораздо более сложной функцией химического состава, чем это предполагал Митчерлих. По этому поводу Вырубов писал, изучая кремневые соли вольфрамовой кислоты: “Если полуторный оксид висмута может быть заменен оксидами редких земель, а с другой стороны, редкие земли замещены моноксидами щелочноземельных металлов, то остается заклю-

²³⁶ *Wyrouboff G.* Sur quelques sels des terres rares // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1901. Т. 24. P. 105 etc.

чить, что закон изоморфизма должен быть сформулирован иначе”.

Вырубов считал, что изоморфизм следует рассматривать как физическое явление, связанное с геометрией пространственных решеток. Он неоднократно в своих работах повторяет, что на способность тел к кристаллизации влияет не химический состав, а кристаллическая решетка. “Закон Митчерлиха, – в соответствии с этим, – выходит из области химии, которая в нем вовсе и не нуждается, и возвращается в область молекулярной физики, где он может быть рационально интерпретирован, и должен быть сформулирован таким образом: всякий раз, когда решетки аналогичны, возможно смешивать в каких угодно пропорциях химические композиции тел, которым принадлежат эти решетки”²³⁷.

Постепенно по мере углубления в эти вопросы Вырубов пришел к выделению двух видов изоморфизма: истинного изоморфизма, который характеризуется тождественностью кристаллических решеток²³⁸, и псевдоизоморфизма, отличающегося тем, что решетки соответствующих веществ являются лишь приблизительно тождественными.

От исследований изоморфизма, Вырубов переходит к рассмотрению *полиморфизма*, в частности, *диморфизма*, а также полисимметрии и псевдосимметрии.

На протяжении XIX в., в особенности во второй его половине, было установлено множество полиморфных модификаций как для минералов, так и для искусственных соединений. Если в 1844 г. Делафосс знал лишь 15 примеров полиморфизма, то в 1848 г. Пастер упоминает уже 30, а к началу 1890-х годов были известны порядка трех или четырех сотен полиморфных тел²³⁹.

Явление полиморфизма включает в себе черты, сходные с химической изомерией, поэтому многие исследователи в то время его постоянно смешивали с изомерией, а иногда полимерией. Как пишет Леонидов, “хотя сам Митчерлих четко отделил диморфизм от изомерии, в силу господствующей в химии первой половины XIX в. структурной унитарной теории Ш. Жерара, было принято рассматривать аллотропию как вид изомерии. Так, М. Франкенгейм в работах 1830 и 1839 гг. описывал наблюдаемые изменения кристаллического состояния вещества в терминах постулированной им “физической изомерии”²⁴⁰. Так, если от-

²³⁷ Wyrouboff G. Nouvelle recherches sur les silicotungstages // Bull. Soc. Franç. minéral. 1905. Т. 28. Р. 229, 240.

²³⁸ Это верно, очевидно, для тех случаев, когда параметры решетки имеют близкие значения.

²³⁹ Вернадский В.И. О полиморфизме как общем свойстве материи. М., 1891. 18 с.

²⁴⁰ Леонидов Н.Б. Указ. соч. С. 11.

крыть известный учебник “Физической химии” Н.Н. Любавина (1876), то в нем раздел “Диморфизм” расположен как раз в главе под названием “Физическая изомерия”²⁴¹. В то же время, многие химики и кристаллографы²⁴² вплоть до середины 80-х годов отрицали даже сам факт существования такого явления.

Проблемами полиморфизма Вырубов начал заниматься с начала 80-х годов XIX в.²⁴³ Он четко разделяет в своих работах понятия полиморфизма и изомерии, полимерии. В одной из обобщающих работ²⁴⁴, посвященной специально проблеме полиморфизма и изоморфизма, ученый пишет: “Изменение конституции химической молекулы свойственно изомерии (которая, как утверждают некоторые. – *Авт.*) является таким образом синонимом полиморфизма, но то, что известно об этих синонимах, с очевидностью доказывает, что между ними нет ничего общего²⁴⁵. Первое – явление исключительно химического порядка, никогда не имеет физической обратимости [...] другое, всегда обратимое, исчезает вместе с кристаллической формой”.

В опровержение доводов ряда химиков о тождестве или хотя бы сходстве полиморфизма с полимерией Вырубов продемонстрировал на заседании Химического общества в 1893 г. следующий опыт. Он показал две пробирки, в которых сублимировал полиморфные модификации йодида ртути (красную и желтую). “Обе модификации, – как было отмечено в сообщении об этой демонстрации, – легко сублимируются без изменения состояния при их нагревании до температуры ниже их точки фазового превращения, равной примерно 130 °С при обычном давлении и при-

²⁴¹ См.: Любавин Н.Н. Физическая химия. СПб., 1876. Вып. 1. С. 127–130.

²⁴² Так, Э. Маллар, согласно В.И. Вернадскому (*Вернадский В.И.* О полиморфизме... М., 1891. С. 10), лишь к 1884 г. “признал его существование”. Причем, в значительной степени благодаря собственным исследованиям (совместно с Ле Шателье, 1883) йодида серебра, как оказалось, претерпевающего также полиморфные превращения.

²⁴³ Работы: *Wyrouboff G.* Quelques considérations sur l'isométrie et le polymorphisme // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1885. Т. 8. P. 398 etc.; *Idem.* Recherches sur le polymorphisme et la pseudosymétrie (bichromate de rubidium, bichromate de potassium; sulfate de sodium, sulfate de lithium) // *Ibid.* 1890. Т. 13. P. 277–319; *Idem.* Recherches sur le polymorphisme et la pseudo-symétrie. Suite de mémoire de 1890 // *Ibid.* 1891. Т. 14. P. 233 etc.; *Idem.* Nouvelles recherches sur le polymorphisme et la pseudosymétrie (sulfate d'éthylene diamine, sulfate séléniate et chromate de la forme $(\text{MO}^4)_2\text{K}^3\text{Na}$ // *Ibid.* 1906. Т. 29. P. 335 etc. и др. Примечание: здесь и неоднократно далее приводятся в оригинальном написании формулы (как например $(\text{MO}^4)_2\text{K}^3\text{Na}$) изученных ученым соединений.

²⁴⁴ *Wyrouboff G.* Sur la nature des phénomènes de polymorphisme et d'isomorphisme. *Op. cit.*

²⁴⁵ По этому поводу Леонидов имеет другую точку зрения: “Тенденция рассматривать полиморфизм как проявление своего рода молекулярной изомерии прослеживается в работах Г. Вырубова” (*Леонидов Н.Б.* Указ. соч. С. 14).

мерно 75 °С в вакууме, полученном при помощи ртутного насоса”. Различие их состояло в следующем. “Желтые кристаллы, – утверждает Вырубов, – являются относительно устойчивыми и могут сохраняться в пробирке в течение нескольких дней. Но они мгновенно превращаются в красную модификацию при соприкосновении с твердым телом”²⁴⁶.

Причиной тому является чисто механическое воздействие, заключил Вырубов, которое свидетельствует о “неустойчивом решетчатом равновесии”. По его мнению, это никоим образом не связано с возможностью протекания процесса полимеризации, на котором как причине полиморфного перехода, в частности, на том же заседании настаивал Ш. Фридель. Как было отмечено в сообщении, Вырубов, напротив, настаивал на том, что никоим образом нельзя “смешивать столь отчетливо разные явления, как полиморфизм и полимеризация, в единую группу”.

Целью большинства исследователей, занимавшихся проблемами полиморфизма в 60–70-е годы XIX в. неизменно было установление зависимости кристаллического строения вещества от его химической природы (работы Н.И. Кокшарова, Э.К.Т. Цинке и др.). Наиболее фундаментальные исследования конца XIX в. в этой области специалисты связывают также с именем О. Лемана, опубликовавшего в 1888 г. двухтомный труд “Молекулярная физика”. В нем был собран богатый материал об экспериментальных исследованиях полиморфных переходов и на основе различий в поведении отдельных модификаций при взаимном превращении кристаллических тел предложена их классификация на энантиотропные и монотропные. Леман, по утверждению С.С. Уразовского²⁴⁷, впервые попытался определить внутреннюю физическую природу самого явления, считая, что причиной полиморфных превращений служат различные виды ассоциации молекул, а также физические полимерия и метамерия²⁴⁸.

В своих работах по полиморфизму Вырубов также неоднократно обращается к вопросу о причине полиморфных превращений. Изучая механизм этих превращений, ученый приходит к выводу о существовании двух типов полиморфизма. Первый характеризуется тем, что кристалл переходит в другой кристалл без нарушения однородности и с сохранением граней внешней формы. По

²⁴⁶ Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1893. Т. 9. Р. 290–291.

²⁴⁷ Уразовский С.С. Молекулярный полиморфизм. Киев, 1956.

²⁴⁸ “В первое понятие он (Леман. – Авт.) вкладывал виды ассоциации, отличающиеся лишь числом сочетающихся молекул, вторым же понятием он выражает также различие в последовательности сочетания молекул”. Физической полимерией, по Леману, объясняется энантиотропный полиморфизм, а вторым понятием – монотропный (Там же. С. 60).

этому поводу Вырубов пишет²⁴⁹: “Кристалл внезапно преобразуется в другой кристалл или в большое количество других кристаллов, строго параллельных между собой с сохранением осей симметрии, у которых изменился только порядок. Например, бинарная ось становится трюичной, четверичной или шестеричной. Во всех веществах этой группы повышение температуры всегда влечет за собой самую симметричную форму. Сюда относятся сульфат и селениат калия, сульфат ангидрата лития, ангидрат сульфата лития-аммония, селениат стрихнина, борацит”.

Для второго типа полиморфных превращений не удастся наблюдать никакой зависимости между первичным кристаллом и кристаллом, который из него получается; видоизмененный кристалл утрачивает однородность (полное разрушение первоначальной кристаллической структуры); образуется (путем перекристаллизации) совершенно новая структура. “Преобразование происходит таким образом, – пишет он²⁵⁰, – что кристалл превращается в большое количество кристаллов, которые занимают по отношению к своим осям симметрии абсолютно произвольное положение. Преобразованный кристалл утратил свою однородность, поэтому он всегда будет более или менее мутным или даже совершенно непрозрачным при определенной толщине. Когда кристалл формы альфа, превратившийся в большое количество фрагментов формы бета, возвращается в связи с понижением температуры к своей первоначальной симметрии, он более не однороден и представляет собой скопление индивидуумов, принявших все возможные положения. Если, к примеру, мы будем нагревать пластинку серы правильной ромбической формы, то можно увидеть через поляризационный микроскоп, что она превратилась в бесконечное количество фрагментов моноклинной формы. При охлаждении пластинка возвращается к своей первоначальной симметрии, но возникшие новые индивидуумы больше не имеют никакого отношения к внешней оболочке. Следовательно, во второй группе нет речи о собственно *преобразовании*, речь идет о *замене*²⁵¹ одной кристаллической структуры на другую, не имеющей ни малейших отношений с внешней формой кристалла”.

Для обозначения этих двух видов полиморфных превращений Вырубов предложил термины – соответственно “прямой” и “непрямой” полиморфизм.

²⁴⁹ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Op. cit. P. 26. (ACF. C–XII).

²⁵⁰ Ibid. P. 27.

²⁵¹ Действительно, не во всех случаях удастся осуществить полиморфные превращения изменяя температуру, хотя не обязательно это связано с симметрией исходной и конечной модификации. Иначе говоря, подобной однозначной корреляции не существует.

Ш. Робен
(Иконотека МОИП)

О. Кунт

Э. Литтре
(Иконотека ИИЕиТ)

LA
PHILOSOPHIE POSITIVE

REVUE

DIRIGÉE PAR

É. LITTRÉ & G. WYROUBOFF

TOME XVI

JANVIER A JUIN 1876

HUITIÈME ANNÉE

PARIS

AU BUREAU DE LA PHILOSOPHIE POSITIVE

16, RUE DE SEINE.

Титульный лист журнала “Позитивная философия”

Табл. $\frac{111}{66}$

О КРАСЯЩИХЪ ВЕЩЕСТВАХЪ

ПЛАВИКОВЪ.

Г. Н. ВЪРУБОВА,

БЫВШАГО ВОСПИТАННИКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К^о),
на Страскоуъ вѣльбаръ.
1866.

Титульный лист магистерской диссертации Г.Н. Вырубова
“О красящих веществах плавиков”, 1866

80.

AE

H. F. u. f. 78^a

THÈSES

PRÉSENTÉES

A LA FACULTÉ DES SCIENCES DE PARIS

POUR OBTENIR

LE GRADE DE DOCTEUR ÈS SCIENCES PHYSIQUES,

PAR

M. G. WYROUBOFF.

- 1re THÈSE. — RECHERCHES SUR LA STRUCTURE DES CORPS CRISTALLISÉS
DOUÉS DU POUVOIR ROTATOIRE.
- 2e THÈSE. — RECHERCHES SUR LA COMPOSITION ET LA FORME DE QUEL-
QUES NOUVEAUX TARTRATÉS.

Soutenues le 17 avril 1886, devant la Commission d'Examen.

MM. FRIEDEL, *Président.*

LIPPMANN,
HAUTEFEUILLE, } *Examineurs.*

PARIS,

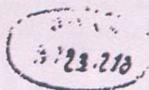
GAUTHIER-VILLARS; IMPRIMEUR-LIBRAIRE

DU BUREAU DES LONGITUDES, DE L'ÉCOLE POLYTECHNIQUE,

SUCCESSEUR DE MALLET-BACHELIER,

55, Quai des Grands-Augustins, 55.

1886

Титульный лист докторской диссертации Г.Н. Вырубова, 1886 г.

Вр. 845
4. J. h.)

5 III 18
80

87 MANUEL PRATIQUE

DE

CRISTALLOGRAPHIE

PAR

G. WYROUBOFF.

PARIS,

GAUTHIER-VILLARS ET FILS, IMPRIMEURS-LIBRAIRES
DU BUREAU DES LONGITUDES, DE L'ÉCOLE POLYTECHNIQUE,
Quai des Grands-Augustins, 55.

1889

(Tous droits réservés.)

709/24

Титульный лист учебника Г.Н. Вырубова "Manuel pratique de cristallographie" (Практическое руководство по кристаллографии), 1889 г.

МИНЕРАЛОГІЯ

ЛАППАРАНА

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Г. Н. ВЫРУБОВА.

СЪ 598 ПОЛТИНАЖАМИ ВЪ ТЕКСТЪ.

Дир. Реше...
Мамонтова - 1899.

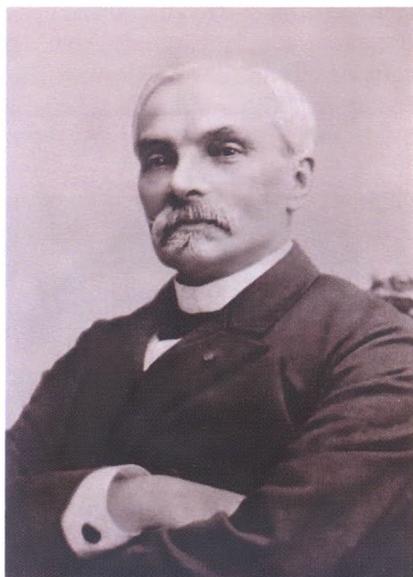

МОСКВА

Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова
Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

1899

Титульный лист перевода на русский язык учебника А. Лаппарана
“Минералогия” с предисловием Г.Н. Вырубова (1899)

**Маллар (Bull. Soc. Franç. Min., 1894,
t. 17, № 7, p. 238)**

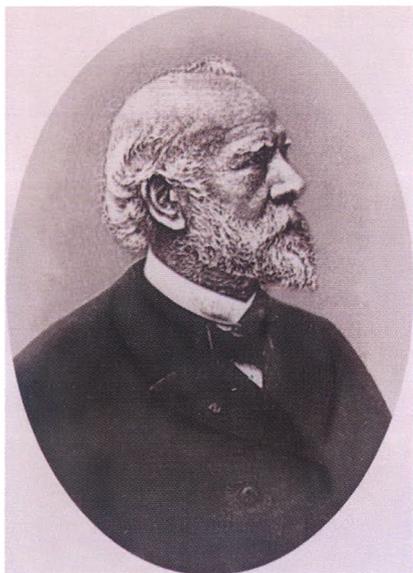
**Ф. Фукэ (Bull. Soc. Franç. Min.,
1905, t. 28, № 2)**

**А. Лаппаран (Bull. Soc. Franç. Min.,
1909, t. 32, № 2)**

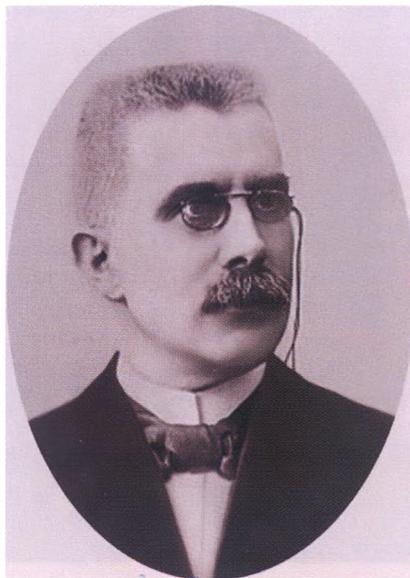
**П. Грот
(Иконотека ИИЕиТ)**

**Ш. Фридель (Bull. Soc. Franç. Min.,
1900, t. 23, 4-5))**

**О. Вернейль (Bull. Soc. Chim., sér. 4,
1913, t. 13, p. I)**

А. Ле Шателье

Пояснения мы можем найти в статье 1890 г.: “Разнообразные формы полиморфного вещества все относятся к категории симметричных тел. Значит, чтобы одна из этих форм могла перейти в другую, симметрия кристаллической решетки должна измениться одновременно с симметрией решетки частиц. Когда это двойное изменение может происходить при определенной температуре, кристалл превращается в другой кристалл, и получаем прямой полиморфизм. В противном случае, то есть, когда меняется только частица, форма разрушается по мере производства новой формы. Этот кристалл заменяется бесконечностью кристаллов, и тут мы имеем не прямой полиморфизм”²⁵².

Целая серия исследований Вырубова была посвящена *псевдосимметрии* кристаллов, а также *полисимметрии*. Кристаллическими структурами, которые могут быть представлены как усложнение некоторых более простых и симметричных, являются многие реальные кристаллы. Псевдосимметрию рассматривают как возможность выделить в кристаллической структуре отдельные подсистемы (цепи, слои, иногда кристалл как целое), приближительная симметрия которых выше истинной симметрии определяемой пространственной группой (или Федоровской группой, согласно современным воззрениям). По Вырубову псевдосимметрические тела различаются отсутствием равенства между симметрией кристаллической частицы и симметрией решетки. «При этом, чтобы образовалось кристаллическое вещество, необходимо, чтобы обе симметрии, как бы они не различались, были близки и чтобы форма частицы была “ограничена”»²⁵³.

Вырубов жестко разграничивал, как уже упоминалось, химическую изомерию и полиморфию. Он считал также, что полиморфию следует различать с полисимметрией, которая встречается в телах как раз с псевдосимметрической кристаллической формой, т.е. таких телах, кристаллическое строение которых приближается к более высокой по симметрии форме. К ним относятся ромбические, моноклинические или триклинические структуры, тело такой структуры обнаруживает как бы “псевдогексагональную” кристаллическую форму.

В работе 1901 г.²⁵⁴ он рассматривает несколько примеров полисимметрических тел (среди соединений $(C_2H_3O_2)_9(VO_2)_3NaM$, где $M = Cu, Mn, Ni, Cd, Mg$), в том числе уранилмагниевонатрие-

²⁵² Wyrouboff G. Recherches sur le polymorphisme et la pseudosymétrie // Bull. Soc. Franç. minéral. 1890. T. 13. P. 299–300.

²⁵³ Wallerant F. G. Wyrouboff (1843–1913) // Bull. Soc. Franç. minéral. 1914. T. 37. N 1. P. 53–54.

²⁵⁴ Wyrouboff G. Sur quelques acétates triples // Ibid., 1901. T. 24. P. 93 etc.; Ztschr. Kristallogr., Bd. 37. S. 192 etc.

вый ацетат $((C_2H_3O_2)_9(UO_2)_3NaMg \times 9H_2O)$, кристаллизующийся при 15° в простых моноклинических кристаллах, “которые величиной своих углов мало отличаются от таблицеобразной (вследствие развития базиса $\{111\}$ комбинации двух ромбоэдров $\{100\}$ и $\{111\}$ с гексагональной бипирамидой и призмой второго рода”²⁵⁵. Кристаллы эти, следовательно, псевдотригональны, делает вывод автор. При несколько более высокой температуре “в них образуются двойниковые секторы по псевдогексагональным призматическим поверхностям $\{110\}$ и $\{130\}$, с возрастанием температуры образующиеся двойники становятся все более и более тонкими, и затем внезапно основной пинакоид в параллельно поляризованном свете обнаруживает простое преломление, т.е. кристалл превратился в оптически одноосный тригональный”²⁵⁶. В то время эта работа Вырубова стала классической для объяснения понятия полисимметрии²⁵⁷.

В 90-е годы Вырубов, вернувшись к замыслу молодых лет, вплотную приступил к изучению свойств редкоземельных элементов: церия, тория, лантана, иттрия и их окисей. Впервые он отказался от своего излюбленного правила работать в одиночку, пояснив Петунникову, что его крошечная домашняя лаборатория не позволяет производить все необходимые опыты. Сотрудничество было установлено с известным химиком, автором метода искусственного получения корунда и рубина О. Вернейлем²⁵⁸. Опыты им проводились как в “собственной”, так и в “чужой” (при Ботаническом саде Музея естественной истории) лабораториях одновременно.

Отправной точкой этих исследований, согласно Вырубову, было желание разрешить специфический вопрос атомности церия²⁵⁹. “Этот металл, который рассматривался как двухатомный Берцелиусом, Мозандером, Бунзенем, Мариньяком, стал вдруг трехатомным, чтобы удовлетворить требованиям периодической таблицы г-на Менделеева”. “Кто же был прав – самые крупные авторитеты химии, – достаточно резко комментирует Вырубов, – или ученый, разумеется, преисполненный во-

---

²⁵⁵ Цит. по: Гром П. Введение в химическую кристаллографию. С. 6–7.

²⁵⁶ Там же. С. 6.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Вернейль Огюст – физик, защитил в 1886 г. докторскую диссертацию, работал в лаборатории Фреми, затем занялся промышленной химией.

²⁵⁹ История вопроса о местоположении церия и других редкоземельных элементов в таблице Менделеева, проблема определения их атомных весов подробно рассмотрена в работах Д.Н. Трифонова “Проблема редких земель” (М. 1962), “Редкоземельные элементы и их место в периодической системе” (М. 1966).

ображения, но не имеющий в своем активе никакого химического титула?”

“В первом приближении казалось, что этот вопрос не представляет никакой особой трудности; в самом деле, речь шла о подготовке и углубленном изучении по возможности самого большого количества соединений церия и их сопоставления с соединениями двух – и трехатомных металлов. Но тут вдруг возник предварительный вопрос, подлежавший прояснению прежде других, который чрезвычайно усложнил задачу. Шютценберже во Франции и Браунер в Германии заявили, что церий Берцелиуса не был простым телом и состоял из двух отдельных элементов с очень разным атомным весом. Для проверки этого мнения важно было заменить известные способы разделения²⁶⁰, которые, кстати, все были чрезвычайно приблизительными, на точные способы, основанные на точных реакциях. Это нас заставило приступить к более пристрастному изучению, чем раньше, химических свойств элементов, всегда сопровождающих церий, и наш первоначальный очень ограниченный план понемногу превратился в общее расследование по химии редких земель”²⁶¹.

Несомненно, эти работы были простимулированы также рядом практических возможностей использования редких земель. Как известно, в 1884 г. А. фон Вельсбах запатентовал применение редкоземельных элементов в газокалильном освещении. Сетки газокалильных колпачков пропитывались составом из раствора азотнокислых солей тория и церия с содержанием всего лишь 1% окиси церия. Такая смесь позволяла не только достичь высокой яркости свечения, но и увеличивала срок эксплуатации сеток. Именно в связи с этим в конце 80-х годов в Европе²⁶² возникла острая необходимость в разработке новых практических методов выделения и разделения тория и редкоземельных элементов.

Для Вырубова это была “каторожная жизнь”, лабораторная работа по 12 часов в сутки, “еда без аппетита и без сна”²⁶³. Одно-

---

²⁶⁰ К тому времени общепризнанными были методы фракционированного разложения нитратов и фракционированного осаждения двойных сульфатов редких земель. Эти методы были достаточно просты в выполнении, но весьма трудоемки, они требовали особой тщательности в проведении всех операций.

²⁶¹ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Op. cit. P. 33 (ACF C–XII).

²⁶² В России газовое производство в то время не получило широкого распространения, поэтому долгое время соли церия и тория находили ограниченный сбыт. Соответственно, и научные исследования в этом направлении велись не столь интенсивно.

²⁶³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Оп. 2. Д. 31. № 353. Л. 756.

ременно с большим удовольствием он взялся за исследование, представлявшее, как ему казалось, общий интерес для минеральной химии, за обозрение истории церия. Большой мемуар по поводу своих изысканий в этой области он представил в 1899 г. в “Анналах химии и физики”. В мае того же года им была прочитана лекция о редкоземельных металлах в Химическом обществе Парижа²⁶⁴.

В итоге кропотливых исследований ученым удалось найти способ количественного отделения редкоземельных металлов от других²⁶⁵, была открыта дорога к промышленному использованию тория. В основе предложенного метода лежала идея “конденсации гидроокисей” (или их полимеризации)²⁶⁶. Как писал Вырубов по этому поводу, “внимательное изучение конденсированных окисей и средств, обеспечивающих их разделение, позволило нам открыть класс очень своеобразных насыщенных кислородом соединений, которым мы дали наименование смешанных окисей”²⁶⁷. Уже в начале 90-х годов об этих исследованиях появились совместные статьи Вырубова и Вернейля в “Отчетах Парижской академии наук”, “Бюллетене парижского химического общества”, в “Анналах химии и физики”²⁶⁸.

В них были представлены также достаточно точные кристаллографические описания сульфатов церия ($\text{SO}_4\text{Ce}_3 \times 5\text{H}_2\text{O}$; $(\text{SO}_4\text{Ce})_3 \times 8\text{H}_2\text{O}$; $(\text{SO}_4\text{Ce})_3 \times 9\text{H}_2\text{O}$) и лантана ($(\text{C}_2\text{O}_4\text{La})_3 \times 11\text{H}_2\text{O}$), сульфата тория (SO_4Th , $\text{SO}_4\text{K}_2\text{H}_2\text{O}$) и проч.²⁶⁹

Исследования Вырубова и Вернейля имели далеко идущее значение для химии редкоземельных элементов. Они перенесли изучение редких земель на совершенно новую почву. “Реакции,

²⁶⁴ Там же. Д. 34. N 413. Л. 875.

²⁶⁵ Так, в работе Вырубова и Вернейля (см.: *Wyrouboff G., Verneuil A. Sur la séparation du thorium et des terres de la cérite* // C.R. 1898. T. 126. P. 340–343), учеными демонстрировался метод количественного определения и отделения окиси тория от цериевых земель заключающийся в следующем. При выпаривании досуха раствора азотнокислых солей редких земель, к ним прибавляют воды и перекиси водорода и смесь нагревают. Отфильтрованный и промытый осадок снова растворяют в воде, прибавляют NH_4J и соляную кислоту и осаждают затем аммиаком водную окись тория. Из первоначального фильтра определяют остальные элементы.

²⁶⁶ В результате были получены разнообразные сложные оксиды.

²⁶⁷ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Op. cit. P. 46 (ACF. C–XII).

²⁶⁸ *Wyrouboff G., Verneuil A. Sur la séparation du thorium et des terres de la cérite*. C. R. 1898, t. 126. P. 340 etc.; *Idem*. Sur la purification et le poids atomique du cérium // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1897. T. 17. P. 617 etc.; *Idem*. Sur l'extraction industrielle de la thorie // C.R., 1898. T. 127. P. 412–414; *Idem*. Sur les oxydes condensés des terres rares // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1899. T. 21. P. 118–143.

²⁶⁹ *Wyrouboff G. Sur la forme cristalline de quelques sels des terres rares* // Bull. Soc. Franç. minéral. 1901. T. 24. P. 105–116.

аналогичные тем, которые позволили нам разделить торий и церий, – как отмечает Вырубов, – как мы показали, должны были существовать и для других цериевых и ториевых земель”²⁷⁰. Заключительная статья, посвященная этой проблеме, была авторами опубликована в 1905 г.²⁷¹

Исследование по редким землям получило официальное признание – премию химического отделения Парижской академии наук 1901 г.²⁷² Промышленный метод отделения тория оказался чрезвычайно удобным и простым, быстрым и малозатратным в финансовом плане.

Ясность же в вопрос об определении места “редкоземельного континента” в периодической таблице, последовательности размещения элементов в ней была привнесена лишь благодаря открытиям в физике в первое двадцатилетие XX в. (работы Генри Мозли и Нильса Бора).

На протяжении всей жизни предметом особого научного интереса Вырубова было и изучение комплексных соединений, в том числе разнообразных гидратов и двойных соединений. Следует заметить, что с точки зрения химии, комплексы – очень важный класс веществ. Сегодня химия комплексных соединений уже давно вышла за рамки одного из разделов неорганической химии. Учение о комплексообразовании пронизывает всю неорганическую химию, являясь одним из ее структурных стержней. Именно поэтому столь значимы работы Вырубова того времени (особенно в плане накопления обширного экспериментального материала) для прогресса химии неорганических соединений в XX в.

Кристаллогидраты, являющиеся представителями обширного класса так называемых молекулярных соединений, куда, кроме них, могут быть отнесены разнообразные аммиакаты, алкоголяты, т.е. кристаллические соединения солей с водой, находящейся в них в твердом состоянии при тех температурах, при которых она обычно находится в жидком состоянии, изучались Вырубовым на протяжении 40 лет.

Первое десятилетие пребывания в Париже Вырубов посвятил изучению кристаллических форм железацианистых соединений, первые публикации о которых относятся к

---

²⁷⁰ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Op. cit. P. 34 (ACF. C–XII).

²⁷¹ Wyrouboff G., Veurneul A. Recherches sur la terres rares // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. 1905. T. 6. P. 441 etc.

²⁷² Un prix La Caze (Chimie) // C.R., 1901. T. 133, N 22. P. 1074–1077. Подробная выписка из решения комиссии о присуждении премии и о сути метода приведена в приложении № 2 (документ N 12).

1869–1879 гг.²⁷³ В этих работах им была предпринята попытка установить кристаллографическое сходство в ряду сложномолекулярных соединений типа “ Cy_6FeMN_3 ” (где Cy обозначает CN), как охарактеризовал их Вырубов. Помогали ему в исследованиях студенты-медики Сержан (Sergent) и Вильжан (Villejean). Первая серия работ была посвящена изучению растворимых соединений (в их числе – $\text{Cy}_6\text{FeSr}_4 \times 15\text{H}_2\text{O}$, $\text{Cy}_6\text{FeNa}_4 \times 12\text{H}_2\text{O}$, $\text{Cy}_6\text{FeLi}_4 \times 9\text{H}_2\text{O}$, $\text{Cy}_6\text{FeBa}_4 \times 6\text{H}_2\text{O}$ ” и др.). Группируя соли одного и того же основания с солями одной и той же кислоты “можно было заметить, что именно кислота придает общий тип кристаллической форме, основание же только видоизменяет его более или менее сильно”²⁷⁴. Исследованные соли Вырубов подразделил на 2 группы по количеству содержащейся в них кристаллизационной воды, так чтобы они соответствовали определенному кристаллографическому типу.

Последующие исследования охватили уже более широкий круг веществ, более сложных по структуре, как растворимых, так и нерастворимых (например $\text{Cfy}_3\text{Al}_4 \times 17\text{H}_2\text{O}$, $\text{Cfy}_3\text{Ag}_4 \times \text{H}_2\text{O}$, $\text{Cfy}_3\text{CeK} \times 4\text{H}_2\text{O}$, $\text{Cfy}_3\text{Ce}_4 \times 30\text{H}_2\text{O}$, где $\text{Cfy}_3 = \text{Cy}_6\text{Fe}$). Им были изучены также комплексные соединения ванадия, урана, вольфрама, титана, свинца, никеля, марганца, молибдена, кобальта и ряда редкоземельных элементов (в том числе Ce, La, Nd, Er, Dy и др.). В частности, Вырубовым было показано, что “фероцианюры”, как он пишет, лантана, церия, дидима, эрбия и итрия составлены одинаково. При рассмотрении “фероциановых солей железа” ($\text{Fe}(\text{NH}_4)_2\text{Cfy}$) он выделяет в их составе новый сложный радикал $\text{FeCfy}_2 = \text{Fe}_3\text{Cy}_{12}$, в значительной степени определяющий их структуру, который обычно, как показали эксперименты, соединяется с 6-ю или 8-ю паями водорода или одноатомного металла. Большинство веществ были получены ученым самостоятельно²⁷⁵, некоторые кристаллы были предоставлены ему коллегами.

Установленные Вырубовым закономерности между соотношением кристаллизационной воды и кристаллической формой изученных соединений позволили определенным образом их систематизировать. Ученым были получены некоторые частные

---

²⁷³ *Wyrouboff G. Recherches chimiques et cristallographiques sur les cyanoferrures. Premier mémoire // Ann. Chim. Phys. Sér. 4. 1869. T. 16. P. 280–308; Idem. Recherches chimiques et cristallographiques sur les cyanoferrures Deuxième mémoire // Ibid. 1870. T. 21. P. 271–291.*

²⁷⁴ Григорий Николаевич Вырубов: Воспоминания о почившем друге А.Н. Петунникова // РГАЛИ. Ф. 1036 (Г.Н. Вырубова). Оп. 1. № 10. Л. 119.

²⁷⁵ Ученым дается подробное описание методик приготовления всех солей, результаты количественных определений, подтверждающих состав каждой.

обобщения относительно общего вопроса о зависимости кристаллографической формы от химического состава при изучении того кристаллографического влияния, которое оказывает замена в определенных соединениях одних элементов другими. Исследования в этом направлении были завершены публикацией в 1876 г. большого обзора²⁷⁶, в котором обсуждался общий вопрос о зависимости кристаллической структуры тел от химического строения на конкретных примерах изученных соединений. Общий вывод, который делает Вырубов: количество кристаллизационной воды определяет кристаллический тип изученных соединений, т.е. присутствие и конкретное расположение некоторых граней. Сам Вырубов расценивал эту работу, как “самую полную [...] монографию двойных железацианистых соединений, хотя в ней еще оставалось много пробелов”²⁷⁷. Исследования кристаллогидратов стали отправной точкой для дальнейшего особого интереса ученого к проблеме изоморфизма.

После железацианистых соединений, химическое строение которых оказалось достаточно сложным, ученый обратился к изучению щелочных сульфатов и хроматов, как более простых соединений в химическом отношении²⁷⁸. В ходе исследований кристаллогидратов ряда солей хрома им были уточнены брутто-формулы многих из них. Согласно Вырубому, соли полуторной окиси хрома содержат конституционную воду, каковую теряют лишь при переходе в комплексные соединения; в полуторной окиси реагирует не один металл, но совокупность всех заключающихся в составе гидроксидов. На основании полученных данных им делается вывод, что формулы $\text{Cr}_2\text{Cl}_6 \times 12\text{H}_2\text{O}$ и $\text{Cr}_2\text{O}_3 \times \text{SO}_3 \times 16\text{H}_2\text{O}$, установленные ранее Розенгеймом (Rosenheim) и Рекура (Recoura) являются не отвечающими действительности. Им были предложены формулы нормальных солей хрома в виде $\text{Cr}_2(\text{OH})_6\text{HCl} \times 16\text{H}_2\text{O}$ или $\text{Cr}_2(\text{OH})_6 \times 3\text{H}_2\text{SO}_4 \times 10\text{H}_2\text{O}$ ²⁷⁹.

²⁷⁶ Wyrouboff G. Recherches sur les ferrocyanures. Troisième mémoire // Ann. Chim. Phys. Sér. 5. 1876. Т. 8. P. 444–486.

²⁷⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12, Карт. 1. Оп. 1. Д. 11. № 107. Л. 238.

²⁷⁸ См.: Wyrouboff G. Sur les analogies cristallographiques des sulfates et chromates de soude // Bull. Soc. Franç. mineral. 1880. Т. 3. P. 75 etc.; *Idem*. Sur les rapports géométriques qui existent entre plusieurs sulfates alcalins // Ibid. P. 198 etc. Вырубом было установлено, что все многочисленные соли щелочных сульфатов и хроматов, исследованных им, имели один и тот же геометрический тип, параметры которого характеризовались определенной закономерностью, несмотря на внешнее многообразие кристаллических форм.

²⁷⁹ Wyrouboff G. Recherches sur la constitution des composés de chrome. (I) // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1902. Т. 27. P. 666–679.

Затем последовали обширные исследования различных молибдатов, оксалатов²⁸⁰, вольфроматов и проч.

При изучении солей вида $(\text{MO}_4)_2\text{NP}$, $2\text{H}_2\text{O}$, $\text{M} = \text{S}, \text{Se}, \text{Cr}, \text{Mo}$; $\text{N} = \text{Mg}, \text{Zn}, \text{Fe}, \text{Cd}, \text{Mn}$; $\text{P} = \text{K}, (\text{NH}_4), \text{Rb}$, кристаллизующихся в триклинной системе, им был установлен ряд новых изоморфов. Вырубов пишет по этому поводу: “Среди десяти солей, почти всех новых, которые я смог изучить с достаточной точностью, шесть оказались настолько похожими друг на друга, насколько это максимально возможно. У них одинаковые грани, тождественные двойниковые кристаллы и очень малоотличаемые углы. Все они могут кристаллизоваться вместе в любых пропорциях. Друг от друга они отличаются только положением и размерами своего оптического эллипсоида, но известно, что предполагается, что оптический изоморфизм не зависит от изоморфизма геометрического. Следовательно, эти шесть солей отчетливо изоморфны и они являются таковыми в силу самого определения изоморфизма”²⁸¹.

Огромный экспериментальный материал, полученный на основе изучения разнообразных кристаллогидратов, в том числе хромовых солей, стимулировал критику Вырубовым плоскостной теории строения комплексных соединений шведского химика Бломстранда. Не преминул он отрицательно высказаться и по поводу теории А. Вернера, хотя по многим позициям их представления о пространственном строении комплексов совпадали.

Взгляды Вырубова на этот предмет были во многом сходны с представлениями Д.И. Менделеева “об остаточных сродствах атомов”, неоднократно высказывавшимся ученым в различных изданиях своего знаменитого учебника “Основы химии”²⁸². Как отмечается далее, Вырубов независимо от Менделеева, Вернера пытался также распространить свои представления о молекуляр-

---

²⁸⁰ По поводу двойных оксалатов щавелевой кислоты хрома он был вынужден признать, что полученных им данных было явно недостаточно, чтобы истолковать структуру этих солей, см.: *Wyrouboff G. Sur l'oxalate de chrome cristallisé // Bull. Soc. Franç. minéral. 1901. Т. 24. P. 86–92.*

²⁸¹ *Wyrouboff G. Recherches sur le polymorphisme et la pseudo-symétrie. Suite de mémoire de 1890 // Bull. Soc. Franç. minéral. 1891. Т. 14. P. 233–278; Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. P. 14. (ACF. C–XII).*

²⁸² “Те силы, которыми удерживается столь значительное число частиц аммиака при частице кобальтовых соединений, конечно, принадлежат уже к разряду тех малоисследованных еще остаточных средств, которые существуют даже в высших степенях соединения большинства элементов. Это те же самые силы, за счет которых образуются соединения с кристаллизационной водой, двойные соли” (*Менделеев Д.И. Основы химии. 5-е изд. Ч. 2. СПб., 1889. С. 701*).

ной валентности²⁸³ (или, как он ее называет, просто валентность, дифференцируя с атомарностью) на обе области химии – как органическую, так и неорганическую, но наиболее плодотворно применял ее при объяснении строения многочисленных неорганических комплексов, предложив ряд классификационных принципов для изученных им кристаллогидратов. Критический итог всех достижений в области минеральной химии и комплексных соединений представлен в статье под названием “О теории валентности и конституции солей”²⁸⁴.

Завершая обзор научной деятельности Вырубова нельзя не упомянуть о его взглядах на общие проблемы развития естествознания в XIX – начале XX века.

Прежде всего Вырубова, как философа-позитивиста, и затем уже естествоиспытателя, занимали общие проблемы взаимодействия наук, в частности, проблема *места кристаллографии в системе естествознания*. Ранее упоминались его суждения о необходимости отделения кристаллографии от минералогии. Но, очевидно, лучшей иллюстрацией к идейному наследию Вырубова в этой области может стать схема взаимодействия кристаллографии со смежными дисциплинами:

Подобная схема представлена в книге нашего современника И. Костова²⁸⁵. В то же время, как отмечает Костов²⁸⁶, “между кристаллографией, физикой и химией существует весьма близкая исторически сложившаяся связь, результатом которой явилось обособление (на современном этапе. – *Авт.*) уже в качестве самостоятельных наук кристаллохимии и кристаллофизики”.

²⁸³ В представлениях его современников использовались также термины – парциальная или вторичная (дополнительная) валентность, правда, значительно различающиеся по своей содержательной наполненности.

²⁸⁴ *Wyrouboff G.* Sur la théorie de la valence et la constitution des sels // *Ann. Chim. Phys.* Sér. 8. 1908. Т. 13. P. 523–561.

²⁸⁵ См.: *Костов В.И.* Кристаллография: Пер. с болг. М., 1965. Она адекватно отражает воззрения Вырубова, неоднократно высказывавшиеся им в своих трудах.

²⁸⁶ Там же. С. 22.

На этой схеме их можно было бы, очевидно, разместить по обе стороны от области “кристаллография”. По-прежнему кристаллография играет важную вспомогательную роль для основной геологической дисциплины – минералогии. А ее современный математический аппарат, основанный на дискретной геометрии, теории групп, тензорном исчислении и прочем, немислим без прогресса в этой области естествознания.

Большое внимание уделял Вырубов и разработке некоторых вопросов молекулярной физики, посвященных, прежде всего, изучению *физических свойств тел в зависимости от их строения*. В качестве основы концепции кристаллологического единства он рассматривал кристаллическую частицу²⁸⁷. В ней соединились все его наблюдения по изоморфизму, полиморфизму и псевдосимметрии. Изучая разнообразные неорганические соединения, в том числе комплексные, Вырубов уверенно стоял на тех же позициях, считая, что наименьшими частицами подавляющего большинства неорганических соединений являются не молекулы, а монокристаллы – своего рода ассоциаты того атомного ансамбля, который в классической химии обозначается брутто-формулой²⁸⁸.

Один из важных вопросов, которым Вырубов занимался в последние годы жизни, изучение исторического процесса *взаимодействия органической и неорганической химии* с целью выяснения предмета и методов исследования этих наук. В известной своей работе “О теории валентности и конституции солей” он указал на некоторые причины кризисного состояния современной неорганической химии и наметил важнейшие шаги выхода из него (своеобразный “программный манифест” научному сообществу).

---

²⁸⁷ Кристаллические частицы, по его представлениям, являя собой “истинную строительную единицу кристаллической среды. Состоящая из химических молекул совершенно идентичных между собой, она составляет совершенно однородное тело, которое в связи с этим может обладать свойствами симметрии. Частица – и это принципиально важное понятие, которое я выделяю особо, – необязательно связана с решеткой; она может существовать за ее пределами, в состоянии свободы, как это очень предметно демонстрируется существованием аморфных тел, жидких кристаллов и растворенных или расплавленных веществ, наделенных свойством удельного вращения. Когда кристалл расщепляется посредством растворения, плавления или испарения, когда его решетка разрушается, то что от него остается, это не химические молекулы, а частицы, которые сохраняют, по крайней мере, в значительной части, физические свойства кристаллизованного тела”. – Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Op. cit. P. 25. (ACF. C–XII).

²⁸⁸ Подобные, достаточно современные представления отражены в статье: Wyrouboff G. Théories modernes sur la structure des corps cristallisés // Rev. gén. sci. 1906.

В частности, он писал по этому поводу: “По мере того, как мы ближе изучаем минеральные вещества, мы все яснее замечаем, что в целом они бесконечно сложнее органических веществ. В итоге в этом нет ничего такого, что должно нас удивлять, поскольку каждое из многочисленных простых тел, которые мы знаем в настоящее время, привносит свою собственную химическую энергию, проявляющуюся сначала в определенной атомарности, в силу чего образуется атомарно насыщенная молекула, наделенная одной или несколькими тождественными или разными функциями. В силу своей особой валентности эта молекула может комбинироваться с другими молекулами вплоть до исчерпания всей своей химической энергии. А поскольку каждый атом может комбинироваться, за немногими исключениями, со всеми другими, и функции сложной молекулы необязательно тождественны функциям простой молекулы, легко можно понять, что количество и сложность возможных комбинаций безграничны.

До сих пор с этой точки зрения изучался только углерод и его непосредственные комбинации с небольшим числом всегда одних и тех же элементов, и, однако, в этом крайне ограниченном круге было найдено большое количество разнообразных функций, способных накладываться друг на друга и преобразовываться друг в друга, часто в силу самых слабых влияний; это заставляло считать, что тут мы имеем дело с особой химией. Когда мы будем исследовать, я не говорю все металлы и металлоиды, но только некоторые из них при помощи общих методов и идей, оказавшихся такими плодотворными в органической химии, то тогда с очень большой вероятностью мы обнаружим ряд новых функций и новых комбинаций этих функций, которые не встречаются в углеродных соединениях. Обе отрасли Науки, которые представляются нам сегодня такими принципиально разными, сольются в одну Науку, и разнообразные элементы больше не будут отличаться друг от друга, кроме как тем родом функций, которые они способны приобрести в своих комбинациях.

Органическую химию от химии минеральной в настоящее время отличает не предмет изучения, а способ изучения. В одной мы довольствуемся определением *состава* тел, в другой мы стремимся узнать их строение; одна осталась чисто эмпирической, без какой-либо направляющей идеи, без какой-либо теоретической концепции [...], другая уже давно вступила в научную фазу, где можно не только *познавать*, но также *предугадывать*”²⁸⁹.

---

²⁸⁹ Wyruboff G. Sur la théorie de la valance et la constitution des sels // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. 1908. T. 13. P. 556–559.

Как отмечает далее Вырубов, открытие изомеров, явившихся предметом изучения органической химии, с одной стороны, потребовало создания некоторых общих концепций, “позволяющих глубже постичь строение тел”, но с другой, – “изомерные тела, больше, чем все остальное, способствовали воздвижению разделительной стены между двумя отраслями химии. В настоящее время эта стена должна быть снесена: мы знаем – и в этом не приходится сомневаться, – что в минеральной химии существует значительное число соединений, обладающих одинаковым составом с различными строениями, и некоторые из них представляются более сложными, чем самые сложные органические изомеры [...]. К сожалению, минеральная химия не располагает в своем теоретическом арсенале никаким инструментом, который позволил бы ей сделать попытку истолкования этих изомерий. Из-за этого она вынуждена оставить их в стороне или же вводить ряд гипотез, тем менее допустимых, что у них нет никакой связи с упрощенческими концепциями, лежащими в ее основе”. Все эти концепции берутся из органической химии, где они общеупотребительны и приносят немалую практическую пользу. Но они недействительны в минеральной химии. Вырубов продолжает: “Из [...] трех терминов химического познания – *состав, строение, молекулярная структура* – минеральная химия до сих пор пользовалась первым; теперь необходимо, чтобы она решительно перешла ко второму, чтобы не остаться в состоянии грубого и непродуктивного эмпиризма. В этом заключается ее ближайшее будущее”.

На основе проведенных исследований Вырубовым были высказаны также интересные в теоретическом плане суждения *о растворах, валентности, в целом о теории атомности*. При всей прогрессивности многих его идей (о чем будет сказано ниже), сам он ко всем новым теориям относился достаточно критически. Так, он не признавал “теорию ионов” (электролитической диссоциации) и со значительной долей скепсиса писал о периодическом законе²⁹⁰.

Трудно представить себе овладение основами химических знаний в то время без использования такого фундаментального понятия химии, каким явилось понятие валентности. Как известно, понятие атомности или валентности элементов было устано-

---

²⁹⁰ В течение нескольких лет Вырубов, как отмечалось, проводил эксперименты с целью “развенчать” периодический закон Д.И. Менделеева, что стало причиной их личной неприязни. Впрочем, надо заметить, что в своем отношении к гениальному открытию Менделеева он не был одинок. Большинство французских химиков во главе с их старейшиной М. Бертло не приняли сразу это открытие.

влено впервые Э. Франкландом (1852)²⁹¹. Занимаясь исследованием некоторых органических соединений металлов цинка, сурьмы, мышьяка и других, он заметил, что отдельные атомы каждого из этих элементов обладают способностью соединяться с определенным числом атомов других элементов или их групп; эту способность элементов соединяться между собою при некотором определенном соотношении их атомов, Франкланд и назвал валентностью. В изучении этого вопроса химии значительно продвинулись вперед после того, как Купер и Кекуле применили взгляды Франкланда к области органических соединений, где учение о валентности нашло богатый материал для своего окончательного развития в цельную теорию строения химических соединений. Основываясь на том, что нет ни одного элемента, который бы не соединялся в числе нескольких атомов с одним атомом водорода, этот именно элемент был принят за единицу валентности. Вследствие этого под валентностью элемента стали понимать его способность соединяться с определенным числом атомов водорода или же замещать определенное число их.

В 1857 г. Ф.А. Кекуле пришел к заключению о том, что всем химическим элементам свойственна *постоянная* валентность²⁹², А.С. Купер, а вслед за ним Наке, А. Вюрц защищали представления о *переменной* валентности, так как подобные воззрения легче согласовывались с некоторыми представлениями о составе многих неорганических соединений. К ним присоединился в 1869 г. К.В. Бломstrand, также отстаивающий тезис о непостоянстве валентности. “Много споров, – писал он, – было вокруг вопроса, является ли способность к насыщению определенной и раз навсегда данной или же в зависимости от действующих при насыщении условий она изменчива и непостоянна [...] При беглом взгляде на состав химических соединений мы убеждаемся, что атомность только в исключительных случаях, прежде всего для кислорода, водорода, фтора неизменна”²⁹³. Бломstrand, в частности, отмечал, что для хлора максимальная валентность достигает семи, а для серы встречаются соединения, в которых их валентность равна шести. В то же время данные элементы образуют и

---

²⁹¹ Следует заметить, что относительно приоритета Франкланда в этом вопросе имеется несколько версий. См. подробнее: *Фаерштейн М.Г.* История учения о молекуле в химии. М., 1961; Развитие учения о валентности / Под ред. В.И. Кузнецова. М., 1977.

²⁹² Согласно Кекуле, “валентность – это фундаментальное свойство атома, свойство такое ж постоянное и неизменяемое как и сам атомный вес” (цит. по: Развитие учения о валентности. *Op. cit.* С. 82).

²⁹³ *Blomstrand C.W.* Die Chemie der Jetztzeit von Standpunkte der elektrochemischen Auffassung aus Berzelius Lehre entwickelt. Heidelberg, 1869. S. 102.

соединения с более низкой валентностью, которая может быть как четной, так и нечетной. “Переменная способность к насыщению – это основное свойство атома”²⁹⁴, – писал Бломстранд. Им была предложена и одна из первых теорий цепного (плоскостного) строения комплексных соединений (даны структурные формулы хлорамминных комплексов кобальта (III) и хрома (III))²⁹⁵.

В 1870-е годы появились также представления о существовании так называемой побочной валентности. Так, Менделеевым была высказана идея о возможности существования потенциальных валентностей атомов, проявляющихся при образовании таких соединений, как аммиакаты и двойные соли. Английский химик Пикеринг (1891) отмечал также, что силы остаточного сродства неизбежно участвуют в образовании таких сложных неорганических соединений, как двойные соли. Другими словами, в процессе эволюции представлений о валентности возник ряд логических противоречий, требовавших пересмотра самого понятия. Именно об этом пишет Вырубов в статье от 1879 г., вышедшей в журнале “Позитивная философия”²⁹⁶. Но в статье он пошел намного дальше показав кризис самой постановки проблемы. “Многочисленные примеры, – пишет он, – показывают, что одно и то же тело, в зависимости от комбинаций, в которые оно входит (образуя химические соединения. – *Авт.*) может иметь разную атомарность. [...] После солидных споров и дискуссий большинство атомистов в конечном итоге присоединились к теории Вюрца, отвергавшего абсолютную атомарность и допускавшего *относительную атомарность*, т.е. атомарность, проявляемую элементами в каждой из комбинаций, в которую они оказываются вовлеченными”.

Автор резюмирует: “Достигнув такой степени произвольности, атомизм саморазрушается”.

Такие взгляды им были развиты позднее в работах конца 1890 – начала 1900-х гг.²⁹⁷, в которых, в частности, он утвер-

²⁹⁴ Ibid. S. 185.

²⁹⁵ С таких же позиций Вюрц описывал двойные соли и кристаллогидраты, как обычные “атомные” соединения, что, как было доказано впоследствии, являлось ошибочным.

²⁹⁶ Wyruboff G. De l'esprit métaphysique en chemie // Ph. pos., 1879. T. 23, N 2. P. 177–199.

²⁹⁷ Wyruboff G. Recherches sur les silicotungates // Bull. Soc. Franç. minéral. 1896. T. 19. P. 219–354; *Idem*. Recherches sur les solutions // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1901. T. 25. P. 105–130; *Idem*. Remarques sur les colloïdes // *Idem*. P. 1016 etc.; *Idem*. Nouvelle recherches sur les silicotungates // Bull. Soc. Franç. minéral. 1905. T. 28. P. 204–242; *Idem*. Théories modernes sur la structure des corps cristallisés // Rev. gén. Sci. 1906; *Idem*. Sur la théorie de la valance et la constitution des sels // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. 1908. T. 13. P. 523–561.

ждает, что во всех теориях валентности кроется изначально одно несоответствие: всеми авторами по разному воспринимается критерий разграничения таких разных понятий, как химическая энергия, присущая атому, и его валентность; другими словами, сумма химических действий, подчиняющихся закону определенных кратных пропорций, которую может “проявить” атом, и число атомов определенного вида, которое он может непосредственно присоединить. Именно поэтому Вырубов различает собственно *атомную* валентность, которая присуща реагирующему атому, и *молекулярную* валентность²⁹⁸, проявляющуюся в остаточной энергии разных атомов, входящих в состав молекулы. Таким образом он разграничивает понятие атомности и валентности²⁹⁹.

Своеобразный “концентрат” воззрений ученого в этой области изложен им самим в письме Марселю Делепиню от 13 августа 1910 г.³⁰⁰

“Я очень сожалею, что пространный доклад, посвященный мною этим вопросам в Анналах химии и физики, не дошел до Вашего сведения. Посылаю его Вам одновременно с этой запиской. Вы там увидите, что мое собственное видение – впрочем, правильное или неправильное – полностью отличается от теорий Бломстранда, Йоргенсена, Вернера, которые все цепляются, кто лучше, кто хуже, за старые идеи, трактуя валентность с чисто количественной точки зрения. Я же рассматриваю ее с качественной точки зрения.

---

²⁹⁸ В частности, в “Notice sur les travaux de M. G. Wyruboff” (P. 52. (ACF. C–XII)) он приводит такой пример, достаточно наглядно демонстрирующий разграничение указанных понятий: “Из того, что атом А не может комбинироваться с n атомов или групп атомов В, не следует, что результирующая молекула АВ ^{n} будет химически инертной. Напротив, она обладает остаточной энергией всех атомов, из которых она состоит, и может в связи с этим комбинироваться с n' одинаковых или разных молекул, и таким образом можно получить $n > < n'$. Атом натрия сочетается только с атомом йода, откуда $n = 1$; но образованная таким образом молекула NaJ, вступая в контакт с водой, выделяет тепло и дает соль NaJ₂H₂O с $n' = 2$. Следовательно нужно отличать способность к атомному насыщению или атомность от способности к молекулярному насыщению или валентность”.

²⁹⁹ Исследованные им кремневольфрамовые соли ученый использовал в качестве “реактива валентности”. Изученный им ряд входящих в эти соли металлов Вырубов распределил по естественным группам и определил валентность их окислов. В результате были получены очень точные данные относительно валентности окислов, формулы которых были в то время оспариваемы (в частности, ряда церитовых элементов), см.: Wyruboff G. Recherches sur les silicotungates // Bull. Soc. Franç. minéral. 1896. Т. 19. P. 219–354; *Idem*. Nouvelles recherches sur les silicotungates. P.: Gauthier-Villars, 1905.

³⁰⁰ Это письмо было любезно предоставлено г-ном Жан Жаком одному из авторов книги.

Мои идеи относительно этого порядка химических концепций можно кратко выразить двумя предложениями:

1) Существуют два абсолютно отдельных вида способностей насыщения в комбинациях. Во-первых, комбинация элементов, которую я называю **атомарность**, например, $M(OH)$, $M(OH)_2$ и т.п. Во-вторых, комбинация молекулы, которую я называю **валентность** и которая может очень сильно отличаться от первой: $M(OH)_2$ может присоединить к себе $SO_2(OH)_2$, но также более или менее значительное количество молекул воды. Тогда молекула становится радикалом, обладающим всеми химическими энергиями, оставшимися в качестве остатка после насыщения атомарности.

2) Все сложные замаскированные соединения образуются путем удаления воды, из чего следует, что все безводные соединения являются сложными соединениями.

Эти два пункта, которые до сих пор только робко и туманно приоткрывались мне, на мой взгляд, являются принципиально важными”.

Как отмечают современные историки науки, сегодня понятие валентности переживает также не лучшие времена, “утратив прежний свой критерий, оно не приобрело ничего взамен. Чтобы [...] подойти к вопросу о судьбах этого понятия, очевидно надо прежде всего решить принципиальный вопрос о соотношении понятий валентности и химической связи”³⁰¹, на что и указывал Г.Н. Вырубов столетие назад.

Своеобразны были представления ученого о *растворах*. Этой теме им посвящено несколько специальных работ³⁰², из которых в конечном итоге выросла “общая картина”, наиболее подробно описанная в публикации последних лет жизни³⁰³.

Растворы, как известно, представляют собой гомогенные системы, состоящие из двух и более компонентов. Вырубовым рассматривался раствор как смесь нескольких тел в неопределенных пропорциях. “Растворение, – писал он в 1901 г., – это не просто неопределенное явление перемешивания, оно имеет точное физическое значение: распад на составные части (*désagrégation*) и выход на свободу молекул, составляющих твердые вещества”³⁰⁴. Но “расщепление твердого тела, кристаллизованного или нет, является и должно оставаться явлением исключительно физиче-

³⁰¹ Развитие учения о валентности. *Op. cit.* С. 20.

³⁰² *Wyrouboff G.* Sur l'état des corps en solution // *Bull. Soc. Chim.* 1891. Sér. 3. T. 5. P. 460–465; *Idem.* Recherches sur les solutions // *Ibid.* 1901. T. 25. P. 105–130.

³⁰³ Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. P. 40–41. (ACF. C-XII).

³⁰⁴ *Wyrouboff G.* Recherches sur les solutions // *Bull. Soc. Chim.* 1901. Sér. 3. T. 25. P. 106.

ского порядка, в котором действует сцепление и ориентация того, что я назвал кристаллической частицей, – поясняет он³⁰⁵, – на него нисколько не влияет состав химической молекулы, которая входит в образование этих частиц. Разве неизвестно, что кристалл не растворяется с одинаковой легкостью в своих разных направлениях, и обе формы диморфного тела имеют неодинаковую растворимость?”. Указанные физические частицы, составляющие структуру твердого тела, не могут быть приравнены к химическим молекулам. Он писал и ранее, что “они неизбежно должны быть более сложными соединениями, состоящими из ряда химических молекул. [...] Эти частицы наделены симметрией, потому что они состоят из схожих элементов, и они могут быть разных видов при одном и том же химическом составе, т.е. количество и расположение составляющих элементов может быть разным”³⁰⁶.

Им отмечалось также, что при растворении обычно наблюдаются тепловые эффекты. При разрушении кристаллической решетки “распад когезии (силы сцепления), действующей между молекулами по определенным направлениям, в кристаллах, или по всем направлениям, что характерно для веществ, не имеющих кристаллического строения, требует совершения более или менее значительной работы. Тогда такой раствор поглощает тепло”³⁰⁷. Если же при растворении наблюдается выделение тепла, то это говорит о том, что оно сопровождается какими-то вторичными явлениями, среди которых он отмечал возможность полиморфного изменения, образование продуктов взаимодействия растворенного вещества и растворителя, протекание каких-то других химических реакций³⁰⁸. Сравните с воззрениями Пикеринга³⁰⁹ относительно проявления остаточного сродства молекулы растворителя, симметрично группирующейся вокруг молекулы растворенного вещества в растворах.

Согласно воззрениям Вырубова, раствор не обязательно является однородной средой, “он может содержать в себе одновременно частицы разных видов, несколько гидратов одного и того же соединения или несколько форм полиморфного тела. Такое сосуществование разнородных частиц хорошо выражает два

³⁰⁵ Notic sur les travaux..., p. 40.

³⁰⁶ Wyruboff G. Recherches sur les solutions // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1901. Т. 25. Р. 109.

³⁰⁷ Ibid. Р. 106.

³⁰⁸ О чем свидетельствовали его опыты по изучению оптической активности растворов.

³⁰⁹ Пикеринг С. Теория остаточного химического сродства как объяснение физической природы растворов// ЖРФХО. 1892. Т. 24, (2). С. 118–122.

весьма особенных свойства растворов, аномальные кривые растворимости и перенасыщение, которые теория равновесий ни в коей мере не объясняет. Вырубов писал, что исследование множества самых разнообразных материалов “позволило мне сформулировать тот общий вывод, что только материалы, способные образовывать несколько комбинаций с растворителем или полиморфных, могут обладать уменьшающейся растворимостью при повышении температуры и давать перенасыщенные растворы”³¹⁰.

Предложенные Вырубовым различные способы приближенного описания многокомпонентных жидких систем послужили хорошей основой для развития дальнейших модельных представлений в области теории растворов.

Что касается отношения Вырубова к периодическому закону Д.И. Менделеева, то его критика сводилась прежде всего к тому, чтобы признать за классификацией Менделеева не “периодический закон”, поскольку, как он считал, очевидно, что закон не должен иметь исключений, а лишь “создание интересной и крайне изобретательной (оригинальной) таблицы сходств и различий простых тел – не более чем систематический каталог элементов с краткими объяснениями”. “Законы Природы – отмечал Вырубов, – не приемлют исключений; поэтому периодический закон должен рассматриваться в качестве закона установленного самой Природой и признаваться или отрицаться только полностью”³¹¹. Кроме того, его критика была направлена против: 1) порядка, в соответствии с которым рассматривается периодичность валентности³¹², 2) произвольности выбора значений атомных весов. Вырубов указывает на недостаточную обоснованность и отсутствие четких принципов при отборе различных оксидов, которые формирует элемент. Так, в промежутке от R_2O (для первой группы таблицы) до R_2O_7 (для седьмой группы), выбранный оксид может соответствовать низшей валентности элемента (например, берется BaO , а не BaO_2)³¹³, а иногда и высшей (Mn_2O_7 в ряду MnO Mn_2O_2 Mn_3O_4 MnO_2 MnO_3), он может быть самым стабильным

---

³¹⁰ Notice sur les travaux de M. G. Wyruboff. P. P. 41. (ACF. C-XII).

³¹¹ Цит. по: *Freund I.* The study of chemical composition: An account of x-method and historical development. N.Y.: Dower, 1968. P. 504.

³¹² Как известно, на основе положений, сформулированных Менделеевым в 1870–1880 гг., номер группы, к которой относился данный химический элемент в периодической системе, был равен численно валентности этого элемента в высшем его солеобразующем окисле (т.е. высшей его валентности).

³¹³ Оксид бария получается при окислении бария на воздухе. При нагревании BaO в среде кислорода (при температуре около 500 °C) образуется пероксид BaO_2 – компонент многих пиротехнических составов.

(BaO стабильнее BaO_2), а может быть и наименее стабильным (Cu_2O менее стабильный чем CuO)³¹⁴. Вырубов обвинял Менделеева также в том, что с целью поместить элемент в группу, к которой он принадлежит по своим свойствам, ученый не колеблясь, изменял по своему усмотрению его атомный вес, несмотря на экспериментальные свидетельства. В качестве примеров Вырубов приводил лантан, церий и дидим.

В указанной оценке Вырубовым периодического закона, как впрочем и других новаторских идей своего времени, прослеживается специфика исследовательского мышления ученого: наука движется от одного неизвестного факта к другому последовательно (“от неизвестного к известному”), используя на этом пути определенные экспериментальные доказательства, на базе которых затем формируется соответствующая теория. Очевидно, что путь от гипотезы к соответствующим доказательствам предполагает обратное движение мысли. По мнению Вырубова чисто умозрительные построения, не основанные на непосредственно зафиксированных фактах, не имеют право на существование.

Призыв к ориентации лишь на непосредственные факты, к строго научному их выявлению и обобщению обусловлен философским мировоззрением Вырубова. Приверженность позитивистским концепциям наложила заметный отпечаток на все научное творчество Вырубова. Выступая против умозрительной философии он искал в наблюдениях и многочисленных кропотливых опытах подтверждения общих закономерностей развития. При этом основные интеллектуальные установки ученого были жестко направлены на нахождение надежных критериев четкого упорядочения результатов исследований, что нашло свое выражение, как уже упоминалось, в формировании им своеобразной теории строения кристаллических тел, созданной на этой основе концепции растворения кристаллов и структуре растворов и др. Вместе с тем Вырубов, как и многие французские естествоиспытатели того времени, оказался заложником жестких ограничений позитивистской доктрины. Требование абсолютной достоверности и доказуемости новых теорий сделало его активным противником некоторых новаторских направлений современной ему на-

---

³¹⁴ В 1870-х годах были выявлены новые закономерности, связывающие изменения валентности элементов с их положением в периодической системе. Так постепенно стали складываться представления, что у элементов, относящихся к четным рядам и нечетным рядам, по разному соблюдается правило четности: в главных подгруппах элементы четных групп дают устойчивые соединения с четными валентностями, неустойчивые – с нечетными, а в нечетных группах наблюдается обратная картина.

учной мысли и, возможно, остановило его на пороге собственных, более значительных открытий³¹⁵.

Основные обвинения в адрес новых теорий (например ионной, периодичности свойств элементов и др.) состояли в том, что Вырубов не видел для них достаточных экспериментальных обоснований. Научные догадки, интуиция имели для него цену лишь тогда, когда были подтверждены неопровержимыми доказательствами³¹⁶. Именно на этой основе строились все его обобщающие труды. Так, приступая к исследованию “изоморфизма виннокаменнокислых кислот” в начале 80-х годов, он питал надежды “найти в явлениях изоморфизма новые кристаллографические законы”³¹⁷. А занявшись одновременно изучением явления вращательной поляризации намеревался дать “объяснение физической природы” такого явления, “не смущаясь бездной самых скучных и подчас самых сложных вычислений”³¹⁸. Этот список можно было бы продолжить. Подобный подход обнаруживается в изучении редкоземельных элементов, проблем молекулярной физики, практически во всех направлениях его исследований.

Вырубов никогда не считал эрудицию самоцелью, но полагал, что рождению ученого должна предшествовать хорошая научная школа, солидное базовое образование³¹⁹. Самообразование и научное наставничество он в связи с этим рассматривал как один из важных элементов научной подготовки. Вырубов сам прошел подобный путь, пополняя официальное обучение чтением книг и общением с интересующими его специалистами. Сущест-

---

³¹⁵ Так, как уже отмечалось, его представления о строении комплексных соединений по многим позициям были сходны с теорией Вернера и развивались в тех же направлениях.

³¹⁶ Как известно, позитивизм отвергал умозрительные спекуляции как средство развития знания. Опыт являлся единственной надежной базой любых знаний.

³¹⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 18. № 132. Л. 284 об.

³¹⁸ Там же. Карт. 2. Д. 20. № 158. Л. 339.

³¹⁹ Хотя, по мнению Вырубова, таких условий на тот момент в России не было. Отсюда берет начало низкая оценка им положения кристаллографии, в частности, и перспектив ее развития у себя на родине. Когда в России в 1894 г. обсуждался проект введения на факультетах естественных наук университетов курса кристаллографии, в Париже появился некий “делегат”, интересовавшийся взглядами Вырубова на сей счет. Вырубов высказался против такого шага, не видя кто бы мог преподавать эту науку у него на родине, поскольку по его мнению в России “нет ни одного кристаллографа” (см.: НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 29. № 330. Л. 712). Единственное исключение он делал для Е.С. Федорова, который вопреки неблагоприятным обстоятельствам вырос в большого ученого как талантливый самоучка. Так, в 1897 г. он писал Петунникову: “Он действительно очень талантливый человек и не зная предшествующих работ дошел сам, хотя несколько опытным и неуклюжим путем до современной теории симметрии” (Там же. Д. 32. № 381. Л. 815).

венным моментом диалога ученых разных поколений, по мнению ученого, было то, что молодой партнер выступал не пассивной стороной, не “подмастерьем”, а уже достаточно сведущим “мастером”. Роль наставника, по Вырубову, состояла в том, чтобы помочь начинающему исследователю приобрести “умственную оседлость”, ускорить выбор научного пути и передать навыки исследовательской работы. Важную роль при этом он отводил хорошим учебным пособиям.

Памятуя свое студенческое прошлое, когда ему пришлось много заниматься самообразованием, постигая основы кристаллографии по различным учебникам, приобретая к середине 80-х годов значительный опыт в измерении кристаллов и вычислении кристаллографических констант, Вырубов решил свои знания оформить в виде учебного руководства. Оно было издано им на французском языке под названием “Manuel pratique de cristallographie” (Практическое руководство по кристаллографии)³²⁰. Во введении к монографии Вырубов обосновывает достаточно прозаичную причину, побудившую его к ее написанию: необходимость составления “общих указаний по расчету кристаллов”. Упоминая прекрасные пособия, написанные рядом авторов по “вычислительной кристаллографии” (среди них – классическую монографию Купфера (1831)³²¹, а также более поздние книги Клейна и Гейнриха³²²), он отмечает, что основная масса изложенного в них материала касается все-таки рассмотрения геометрических свойств кристаллических многогранников, описания их разнообразных форм, законов симметрии, а конкретным примерам по расчету кристаллов в них отводятся лишь небольшие приложения в несколько страниц.

Безусловно, такой подход оправдан и крайне необходим для будущих специалистов – кристаллографов, но для тех, для кого кристаллография “является лишь средством определения и описания видов”, для тех “кто желает быстро и без особых трудностей научиться их определять”, нет необходимости глубоко погружаться в теоретические абстракции. Именно на таких читате-

---

³²⁰ *Wyrouboff G. Manuel pratique de cristallographie. P.: Gauthier-Villars, 1889.*

³²¹ *Kupfer A. Handbuch des rechnenden Krystallographie. 1831 (руководство по вычислительной кристаллографии). Как отмечает Вырубов, эта книга уже малодоступна обучающимся, т.к. она является библиографической редкостью. Хотя она на протяжении многих лет оставалась незаменимым пособием для кристаллографов-вычислителей. И все-таки в ней слишком много внимания уделяется описанию многогранников, охватывающих все разнообразие кристаллографических форм.*

³²² *Klein C. Einleitung in die Kristallberechnung. 1876; Heinrich F. Lehrbuch des Kristallberechnung. 1886.*

лей было рассчитано его пособие. В этой связи ученый до минимума сократил теоретическую часть своего труда и значительно расширил практическую, посвященную кристаллографическим расчетам. В его труде “можно найти многочисленные модели расчета, расположенные таким образом, чтобы можно было рассмотреть большинство возникающих случаев, располагая только такими математическими знаниями, как умение пользоваться таблицей логарифмов”. “Чисто практическая точка зрения, которой я руководствовался, не исключает теоретических соображений; поэтому я настаивал на всем, что имеет отношение к выбору координатных осей и первоначальной формы, к предельным и псевдосимметричным формам. Это как раз те вопросы, которые совершенно не заботили прежних кристаллографов, а в настоящее время играют значительную роль в науке. И в самом деле, кристаллы являются не абстрактными формами, способными располагаться в произвольном направлении, но конкретными реальностями, представляющими вещества, которые важно сопоставить между собой, принимая во внимание совокупность их физико-химических свойств”, – писал Вырубов³²³.

Книга представляла для своего времени исчерпывающее руководство по методике кристаллографической гониометрии. В ней подробно излагаются системы кристаллографических вычислений, приводятся сведения о различной символике обозначения кристаллических граней, способах их определения, практические указания о методах измерения углов и вычисления для кристаллов различных сингоний. Вырубов останавливается на вычислительных формулах для двойниковых кристаллов, на использовании оптических свойств для определения кристаллографических систем. Им детально объясняются способы графического изображения кристаллов. Материал отличается доступностью изложения, поскольку был рассчитан на “популяризацию кристаллографического расчета среди молодых химиков и молодых физиков”³²⁴. Учебник был популярен во Франции достаточно долгое время. Сам Вырубов в 1909 г. отмечал, что “пособие по сегодняшней день остается единственным во Франции, позволяющим человеку обладающему о кристаллах только данными, которые можно найти во всех работах по химии, и математическими знаниями в пределах экзамена на аттестат зрелости, научиться за короткое время точно определять внешне наиболее сложные кристаллические формы”³²⁵.

---

³²³ *Wyrouboff G. Manuel pratique de cristallographie. Op. cit. P. V–X.*

³²⁴ *Ibid. P. X.*

³²⁵ *Notice sur les travaux de M. G. Wyrouboff. Op. cit. (ACF. C-XII).*

Вырубова не раз посещали мысли обобщить свои исследования и теоретические воззрения в ряде монографий, например, как уже упоминалось, по молекулярной физике. А впоследствии им была задумана книга о строении вещества (1901 г.). Однако лекторские обязанности в Коллеж де Франс (чтение истории науки) вынудили его отложить этот замысел. Наброски своих первых размышлений на эту тему ему удалось опубликовать в 1906 г.³²⁶ Далее последовал значительный перерыв в этой работе. И вернулся он к сочинению³²⁷ лишь в 1911 г., уже смертельно больной³²⁸. В результате намеченная монография так и не была закончена.

Как ранее отмечалось, большое внимание Вырубов уделял в своей творческой деятельности размышлениям о судьбах образования в России. Хорошее базовое образование позволяет, думал он, более уверенно выбирать профессиональный путь, что служит залогом самостоятельности и открывает путь к самообразованию, поскольку в представлении Вырубова, единственный источник знания – собственный труд в избранной области. Несомненной помехой получению хорошего научного образования в России Вырубов считал отсутствие современных учебников, особенно переводов на русский язык сочинений известных западноевропейских ученых, и справочной литературы. По его мнению, в России необходимо широко пропагандировать достижения западноевропейской естественнонаучной мысли. По просьбе Петунникова, во время работы последнего в издательстве Н.И. Мамонтова в 70–90-е годы, он выступил своеобразным экспертом по западноевропейской учебной литературе для высшей школы в области минералогии, по различным разделам математики, по

³²⁶ Wyruboff G. Les théories modernes sur la structure des milieux cristallisés // Rev. gén. sci. pures et appl. 1906. 30 déc.

³²⁷ О концепции книги и представлениях Вырубова о структуре материи можно также узнать из публикации Журди (см.: Jourdy E. Wyruboff: Sa vie, son oeuvre // Rev. sci. 1914. N 1. P. 14–19) Он пишет, что основную теорию Вырубова о структуре материи “можно резюмировать в двух предложениях: 1) Материя дискретна; она состоит из различных физических частиц, входящих в состав химических молекул, их элементарного материала. 2) На нее постоянно воздействуют две силы – притяжение (когезия) и ориентирование. Когда проявляется одно только притяжение, тело пребывает в аморфном состоянии; ориентирование происходит совершенно свободно в случае жидких кристаллов; одновременное действие этих двух сил выражается в существовании твердых кристаллов...”.

³²⁸ Пользуясь летними каникулами 1911–1912 гг., он продвинул работу настолько, что появилась надежда “по крайней мере для первой приблизительной попытки” решения проблемы. (НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 47. № 639. Л. 1346). Но новые приступы недомогания заставили его отступить от намеченной цели.

физике, оптике, механике. Там, где не хватало собственных знаний, Вырубов обращался за консультациями к своим французским коллегам. Для перевода на русский язык он рекомендовал, в частности, сочинения по минералогии Деклуазо, Брука, Миллера, по физике – Жамена, по механике – Маскара. Так, по поводу последнего, члена Парижской академии наук, Вырубов писал, что как ученый он “неудовлетворителен”, но “как вульгаризатор, он далеко не без таланта”, поскольку изложение его ясно, хотя и “элементарно”³²⁹.

По мнению Вырубова, ясность, доходчивость и краткость изложения – обязательные атрибуты хорошо написанных учебных пособий.

Именно по этой причине он особенно рекомендовал Петунникову издать курс минералогии известного французского геолога и минералога Лаппарана (его 2-е издание). Даже первое издание данного курса (1884 г.) “оказалось настолько продвинутым”, писал Вырубов, по сравнению со многими предыдущими работами такого плана, что желая отблагодарить автора, члены Французского минералогического общества сразу же избрали Лаппарана “в 1885 г. его президентом следом за его основателями Деклуазо, Малларом, Фриделем, Фукэ”³³⁰. После нескольких лет волнений с предстоящим изданием³³¹, наконец-то, в 1897 г. перевод был готов. Вырубов настолько высоко ценил данный труд, что согласился написать для русскоязычного издания предисловие. В нем он в частности, писал: “Учебник этот, ныне разошедшийся вторым изданием, излагает действительно чрезвычайно ясно, довольно полно и вообще изящно те теории, которые за последние 20 лет совершенно изменили строй прежней, классиче-

---

³²⁹ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 26. № 288. Л. 627.

³³⁰ A. de Lapparent //Bull. Soc. Franç. minéral. 1908. Т. 32, N 2. P. 38–41.

³³¹ Эпопея с изданием этой книги длилась многие годы (с 1890 по 1899 г.). После многочисленных переговоров, в 1896 г., Вырубов получил ее перевод, который признал совершенно негодным (“Жалко было бы изгадить очень хорошую книгу”, – писал он Петунникову, см.: НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 31. № 366. Л. 782 об.) И тогда он предложил своего кандидата в переводчики – бывшего студента Московского университета Семенова, изгнанного из alma mater за участие в студенческой сходке, как характеризовал его Вырубов, “славного, дельного и даровитого малого”, находящегося в тот момент в чрезвычайно затруднительном материальном положении (Там же. Д. 32. № 371. Л. 793). Кандидатура издательством была одобрена. Одновременно Вырубов позаботился о приличном гонораре для молодого человека, а также попросил Петунникова и на будущее прибегать к услугам Семенова при необходимости перевода книг по физическим и математическим наукам. “Парень во всех отношениях – и в умственном, и в нравственном, – достоин поощрения, уговаривал он Петунникова (Там же. Л. 793).

ской минералогии [...] Как отличный геолог и хороший математик он (Лаппаран. – *Авт.*) придал учению о кристаллах чисто геометрическое основание и сохранил геологический характер в описании минералов. Эту особенность учебник его отличается от всех существующих. Общая часть является в нем не как подспорье для практики распознавания минералов, а как особая отрасль знания, имеющая свои определенные законы, сгруппированные вокруг понятия о симметрии однородных тел. В первый раз мы видим элементарный учебник, связывающий в одно гармоническое целое форму, строение и свойства кристаллов. [...] Все свойства кристаллов истекают прямо из законов симметрии, которые, в свою очередь, прямо следуют из основного понятия об однородности кристаллизованного вещества”³³².

Суждение Вырубова о том, что теория симметрии для современного кристаллографа и минералога является не просто методикой исследования вещества, но методом мышления о минеральном мире, удивляет своей пронизательностью. Вообще, следует отметить, что предисловие, написанное к книге Лаппарана, стало для Вырубова не формальностью³³³, а размышлением над современным ему состоянием знания в области минералогии и кристаллографии. Ученый неоднократно подчеркивал, что современная минералогия перестала наконец-то быть описательной наукой. С одной стороны, минералогия слилась с химией и ее изучение попало в руки химиков, с другой – то, что относится к исследованию связи геометрических и физических свойств кристаллов с их строением, уже является прерогативой физической науки. В том переходном состоянии, которое в то время переживала наука, минералогия, как пишет Вырубов, “распалась на несколько частей, которые вошли в область математики, физики, химии”, и какая-то часть осталась собственно минералагам. Таким образом, само развитие науки требует отделения минералогии от кристаллографии. Вырубов так описывает свое видение

---

³³² *Лаппаран А.О.* Минералогия / С предисловием Г. Вырубова. М.: Книжный магазин Н.И. Мамонтова, 1899. С. V–X.

³³³ Ученый не ограничился лишь составлением предисловия, а тщательно выверил весь перевод, к тому же осуществил определенную редакцию оригинального текста (Лаппаран дал ему полномочия на это), добавляя в него некоторые пояснения, а порой и кое-что убирая. Он вычитал всю корректуру. Достаточно объемистая рукопись неоднократно путешествовала из Парижа в Москву и обратно. Вырубов опасался, что она застрянет где-нибудь в “цензурном ящике” и доверил ее “пересылку” испытанным друзьям Е.В. де Роберти и В.Ф. Лугинину. При той гигантской работе, которую он проделал для выхода в свет русского издания этого сочинения, сам Вырубов отказался назваться редактором перевода, ограничившись лишь предисловием к книге.

будущего этих двух наук: “Одна часть теперешней минералогии, часть чисто описательная, возвратится к своему прежнему положению и присоединится к геологии [...]. Другая часть, заключающая в себе все то, что относится к форме, строению и свойствам кристаллизованного вещества, составит особый отдел физики [...]. Для этих двух частей нужны совсем различные ученые, различные и по научной подготовке, и по приемам мышления”³³⁴. Дальнейшее развитие науки полностью подтвердило и это предвидение Вырубова.

Учебник Лаппарана имел во Франции в то время большой успех, по нему читался основной курс минералогии в Сорбонне. Самые сложные вопросы в этом труде излагались просто и изящно, а “демонстрации”, как писал Вырубов, “были настолько простыми и элегантными, что всеобщее внимание было приковано именно к нему”³³⁵. Знакомство с подобным учебником, по мнению Вырубова, было просто необходимо и для русской учащейся молодежи, для тех, кто собирался специализироваться в минералогии и кристаллографии.

Жизнь Вырубова, естествоиспытателя, складывалась не только из лабораторных занятий, кабинетной работы, связанной с обобщением полученных результатов, но и, как уже неоднократно отмечалось, из различных форм общения с коллегами в научных обществах, на национальных и международных съездах и конгрессах, в редакциях журналов, в неформальной обстановке.

Он органично и быстро вошел в научную среду Парижа. Уже в 1864 г. Вырубов вместе с французскими геологами отправился в Марсель для участия в научном конгрессе. С 1868 г.³³⁶ Вырубов стал полноправным членом химического, а затем минералогического (1878) и геологического обществ Парижа. Он часто выступал на их заседаниях, докладывал о результатах своих исследований, высказывал критические замечания о работах своих коллег, участвовал в диспутах³³⁷.

Выступления Вырубова на заседаниях Химического общества, проходивших в *Hôtel de la Société de l'encouragement des sciences* (rue de Rennes, 44), часто сопровождались бурной полемикой, он не боялся опровергать общепринятые мнения, его тезисы вызывали возражение и у “старых тузов” и у “молодых химиков”. Проницательной критики Вырубова побаивались, но часто нахо-

---

³³⁴ Лаппаран А.О. Минералогия. С. VII.

³³⁵ A. de Lapparent // Bull. Soc. Franç. minéral. 1905. Т. 32, N 2. P. 38–41.

³³⁶ См.: Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1893. Т. 9. P. 3–5.

³³⁷ С 1881 г. его статьи появлялись практически ежегодно в изданиях Химического общества.

дили ее справедливой и в любом случае полезной. Всем запомнилась трехчасовая “дуэль” Вырубова с Пастером на заседании Химического общества в январе 1884 г., спор шел о теории паратартригов³³⁸. В мае 1899 г. Вырубов прочел в Химическом обществе лекцию о химии редких металлов, обобщив результаты почти пятилетней работы и сопроводив выступление демонстрацией опытов³³⁹.

21 марта 1878 г. по инициативе А. Деклуазо было основано Французское минералогическое общество. Как отмечал Вырубов, “тогда минералоги были вынуждены публиковать свои мемуары в “Анналах химии и физики”, редакторы которых не всегда их охотно принимали. И Деклуазо, желая быть независимым, объединил парижских минералогов в секретариате факультета естественных наук, где он в ту пору преподавал”³⁴⁰. Потребность в обществе была столь настоятельной, что в течение 10 месяцев в него было принято 126 членов.

С самого начала Вырубов стал одним из активных членов минералогического общества, встречаясь на его заседаниях с крупными французскими химиками и минералогами: Малларом, Фукэ, Фриделем, Отфеем, Лаппараном, Ст. Менье, Ле Шателье. Постоянными членами этого общества стали такие учреждения, как Императорский Горный институт и Императорское Минералогическое общество в Петербурге. На заседании Общества 12 января 1905 г. при общем одобрении присутствующих Вырубов был выбран его почетным членом³⁴¹. Как член сообщества французских минералогов Вырубов считал себя ответственным за преподавание этой дисциплины. В 1903 г. он с целью преломить тенденцию к падению уровня преподавания вместе с действующим президентом Минералогического общества А.Дюфе и его экс-президентами Ф.А. Лакруа и Ф. Валлераном вошел в состав комиссии для обоснования необходимости экзамена по минералогии для лицензиатов наук в физике. Комиссия составила записку, в которой было подчеркнуто большое значение минералогических исследований для развития физики, химии, петрографии, технических дисциплин, и особенно металлургии. Был отмечен самостоятельный характер кристаллографии, которая “не может рассматриваться как какая-то бесполезная или вспомогательная наука”. Далее в ней констатировалось, что целым

³³⁸ НБ МГУ ОР Ф. 12. Карт. 2. Д. 19. № 135. Л. 293 об., 299 об.

³³⁹ Там же. Карт. 3. Д. 34. № 34. Л. 873.

³⁴⁰ A. de Lapparent // Bull. Soc. Franç. minéral. 1908. Т. 32, N 2. P. 38–41.

³⁴¹ Знаменательно, что после его смерти почетным членом Общества в 1914 г. стал профессор минералогии Горной школы в Санкт-Петербурге Е.С. Федоров, талантом которого Вырубов так восхищался.

рядом примеров теперь можно показать “с какой легкостью современные теории кристаллографии в широком смысле слова дают возможность решать задачи, перед которыми оказалась бессильна физика”³⁴².

Активная натура Вырубова нашла признание у коллег, он не раз избирался в руководящие органы научных обществ. Ученый признавался Петунникову, что “почетными выборами” на него взвалили много обязанностей, из-за которых он “разрывается на мелкие куски”. Но эта “каторжная жизнь” была ему по нраву³⁴³. В 1883 г. он стал вице-президентом минералогического общества. В письме Петунникову Вырубов не удержался от иронического комментария по этому случаю: “Кто бы сказал, что ученик Толстопятова попадет в такую честь, да еще в Париже, рядом со всеми членами Института?”³⁴⁴. В 1891 и 1902 гг. он избирался председателем Минералогического общества³⁴⁵. Входил также в бюро Химического общества в течение 8 лет (1891–1898)³⁴⁶, а в 1893 г. был представлен в его вице-президенты.

Неоднократно Вырубов жаловался Петунникову, что для парижских ученых начало года – “время самой скверной барщины”, так как январь – это “избирательный месяц”, проходят выборы в научные общества и учреждения. Эта процедура была сопряжена с большими хлопотами: с перепиской, чтением и писанием рекомендательных писем, приемом посетителей и визитами. Все это занимало много времени у членов Совета научных обществ, а Вырубов в начале 90-х годов состоял членом Совета трех–четырех научных обществ. Вырубов писал Петунникову, что “баталии”, разыгравшиеся вокруг избрания новых членов обществ, ему не чужды, он активно участвовал во всей этой работе³⁴⁷.

За долгую жизнь в науке перед Вырубовым прошла целая галерея западноевропейских ученых, среди которых были специалисты в области биологии, геологии, минералогии, кристаллографии, химии, физики, медицины, а также философы. География этих знакомств также обширна: Италия (А. Скакки, Ф. Пизани), Германия (П. Грот, К.-Ф. Раммельсберг), Швейцария, Бельгия и, конечно, Россия и Франция. Вырубов, безусловно, ценил научные достоинства своих коллег, но в восприятии их как личностей немаловажную роль играла оценка нравственных качеств ученых. Его привлекали в первую очередь такие их черты, как

³⁴² Цит. по: ЖМНП. 1904. Ч. 84, № 7. С. 25.

³⁴³ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. I. Д. 18. № 132. Л. 283.

³⁴⁴ Там же. Л. 284 об.

³⁴⁵ См.: Bull. Soc. Franç. Minéral. 1914. Т. 37. N 1. P. VI.

³⁴⁶ См.: Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1914. Т. 15. P. 106.

³⁴⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 27. № 294. Л. 639; Карт. 3. Д. 35. № 425. Л. 910.

бескорыстная преданность науке, трудолюбие, твердость в следовании избранной цели. На жизненном пути ему посчастливилось встретить несколько таких гармоничных личностей.

Подлинный восторг юноши вызвало его знакомство в середине 60-х годов с французским зоологом и палеонтологом Ж.-П. Дегеем, профессором Ботанического сада (*Jardin des Plantes*) в Париже. Дегеем была собрана уникальная коллекция ископаемых моллюсков, лучшая по тем временам в Европе. В науке имя ученого осталось в связи с тем, что вместе с Лайеллом он положил основание разделению третичной системы на эоцен, миоцен и плиоцен. Но, как отмечал Вырубов, признанию Дегея при жизни повредили его откровенные атеистические и республиканские убеждения. Как результат, он был беден и при этом высоконравствен. “Чрезвычайная скромность во всем, что до него касается, сочувствие ко всему, что относится до науки, ко всему, что может помочь научному воспитанию молодого человека, – писал Вырубов, – вот черты, которые так высоко в моих глазах ставят Дегея. Трудно передать невольное почтение, которое я почувствовал к нему в первые же минуты знакомства, он как-то особенно умеет обласкать вас и изгладить ту пропасть, которая в ученом отношении отделяет его от вас”³⁴⁸.

Вырубов, безусловно, высоко ценил научные достижения “виртуозного экспериментатора” Анри Дюфе, химика новой школы, кристаллографа, специалиста в области молекулярной физики, с которым был близко знаком. Но еще более его восхищало удивительное трудолюбие и бескорыстие ученого, его нежелание тратить время на искательство более выгодных в карьерном плане мест и покровителей³⁴⁹. Такое же “вкоренившееся чувство долга” и трудолюбие он отмечал у академика П.Э. Левассера³⁵⁰, известного французского историка, бывшего администратора Коллеж де Франс, при котором Вырубов успешно работал в этом заведении..

Достаточно близкие отношения сложились у Вырубова в молодые годы с Ф. Пизани, итальянским минералогом и химиком-аналитиком, оставшимся в истории благодаря своему открытию в минерале поллуксе элемента цезия. У Пизани, который всю свою сознательную жизнь прожил в Париже, Вырубов изучал оптические свойства минералов и занимался анализом силикатов. Он и позднее часто встречался с Пизани на заседаниях Ми-

---

³⁴⁸ Там же. Карт. 1. Д. 1. № 6. Л. 26.

³⁴⁹ *Wyrouboff G.* Notice sur Henry Dufet // *Bull. Soc. Franç. minéral.* 1905. Т. 28. Р. 246–258.

³⁵⁰ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 46. № 626. Л. 1326.

нералогического общества. Но особенное восхищение вызывал у Вырубова другой итальянский минералог – А. Скакки, занимавшийся, в частности, диморфизмом. С ним Вырубов познакомился впервые в 1865 г. Он считал Скакки не только замечательным ученым (образцом точности и прозорливости), но и удивительным своей щедростью человеком. Скакки был готов поделиться опытом и знаниями со всяким, кто к нему обратится, даже в ущерб своим собственным исследованиям. “Можно было бы сожалеть о таком избытке бескорыстия, но это такая добродетель, которая вызывает уважение даже в своем преувеличении”, – писал Вырубов в заметке памяти Скакки³⁵¹. Вырубов лишь сожалел, что образцовые труды ученого из-за итальянского языка и отдаленности Неаполя от центров мировой науки известны европейским ученым только в извлечениях.

Многолетняя дружба связывала Вырубова с французскими химиками А. Наке, Ш. Фриделем, А.Л. Ле Шателье, Э. Юнгфлейшем.

Врач и химик-органик Альфред Наке, в свое время профессор кафедры химии Медицинской школы, известный своими работами по теории валентности, автор популярного не только во Франции учебника химии “Принципы химии, основанные на современных теориях” (1865), был известен и как политический деятель³⁵². Из-за своих радикальных публикаций он лишился профессорского места, поэтому “перебивался учено-литературной работой” (сотрудничал с издателями словаря “Larousse”). Живой и общительный, добродушный и бескорыстный, он был любимцем русских интеллектуалов в Париже. С ним дружили В.Ф. Лугинин, П.Д. Боборыкин, Л.И. Мечников. Особенно близкими отношения между Вырубовым и Наке были в 1860–1870 гг., до тех пор пока последний не “погрузился” полностью в политику. Наке разделял увлечение Вырубова позитивизмом и был активным членом его философского кружка, писал статьи по философии науки в журнал “Позитивная философия”. Следует заметить, что Наке одним из первых высказал точку зрения о су-

---

³⁵¹ *Wyrouboff G.A. Scacchi // Bull. Soc. Franç. minéral. 1893. Т. 16. Р. 198–201.*

³⁵² Согласно воспоминаниям Боборыкина (см.: *Боборыкин П.Д. “За полвека”*: Воспоминания. М., 2003. С. 517–518), Вырубов познакомил его с Наке как раз тогда, когда тот отсиживал срок своего тюремного заключения по одному из политических процессов в известной лечебнице “Дом Дюбуа”. В то время разрешалось государственному преступнику, приговоренному к тюрьме, “отсиживать” срок в санатории без надзора полиции. Утверждение Третьей республики положило начало политической карьере Наке: в 1872 г. он стал членом палаты депутатов, а с 1883 г. – сенатором. Он оставил память в политической жизни Франции предложениями об амнистии участникам Парижской коммуны и законом о разводе, который провел через обе палаты.

ществовании переменной валентности (1864) и отчаянно отстаивал свои взгляды в борьбе со сторонниками Кекуле. Вполне возможно, что тесное общение Наке с Вырубовым повлияло впоследствии на формирование теоретических воззрений последнего в этой области.

Шарль Фридель, химик-органик и минералог, профессор Сорбонны³⁵³, вплоть до самой своей смерти был также в числе близких друзей Вырубова³⁵⁴. Фридель сыграл в какой-то мере определяющую роль в судьбе последнего, так как руководил кристаллографическими работами юного Вырубова в Горной школе (Париж, 1864), а также был его оппонентом при защите докторской диссертации (1886). На кафедре органической химии, которой руководил Фридель, Вырубов часто выступал с научными докладами. Они неоднократно встречались и в доме Вырубова. Несмотря на теплые дружеские отношения, полного единодушия по многим научным вопросам у них не было. Критика Вырубовым теории Пастера о разложении виноградной кислоты вызывала возражения Фриделя. В определенных моментах расходились их взгляды и на теорию атомности³⁵⁵.

А. Ле Шателье, французский физикохимик, с 1878 г. профессор Горной школы и одновременно Коллеж де Франс³⁵⁶, хотя и был намного моложе Вырубова, но состоял с ним в приятельских отношениях. Вырубов ценил труды ученого, отзывался о нем как об одном “из самых светлых умов научной Франции”³⁵⁷. Ле Шателье был близок Вырубову по стилю научного мышления, любви к научному эксперименту, который Ле Шателье считал основой образовательного процесса. Многолетняя педагогическая практика привела его к выводу, что задача профессора состоит не в разжевывании уже известных научных истин, а “во вдалбливании своим слушателям доверия к научному методу, в том, чтобы раз-

---

³⁵³ Большое значение имели работы ученого по изучению кетонов, соединений кремния, этерификации, в области синтеза производных пропионовой и молочной кислот (1861). В 1889 г. им была синтезирована мезокамфорная кислота. Открытие конденсирующего действия хлористого алюминия (именная реакция Фриделя–Крафтса) дало органической химии один из самых ценных синтетических методов. Фридель – иностранный член-корреспондент Петербургской АН (1894).

³⁵⁴ *Wyrouboff G. Ch. Friedel // Bull. Soc. Franç. minéral.* 1900. Т. 23. Р. 171–183.

³⁵⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 20. № 175. Л. 371.

³⁵⁶ Занимался процессами воспламенения, горения рудничного газа. Одним из первых применил термодинамику к химии и металлургии. Широко известен и применяется в химии сформулированный им в 1884 г. закон смещения химического равновесия (принцип Ле Шателье). Установил в 1901 г. условия синтеза аммиака (из элементов).

³⁵⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 39. № 505. Л. 1077.

вивать интеллектуальные способности, а не захламлять память”. Ученые сходились и по отношению к роли математических теорий, идей, методов в развитии научного знания, считая, что именно язык математики дает возможность выявить логическую общность процессов самой различной природы. Именно поэтому Ле Шателье широко использовал математические методы в своей преподавательской практике. Это полностью соответствовало взглядам Вырубова, активно проповедовавшего необходимость более существенной математизации многих разделов современного ему естествознания (в частности кристаллографии, молекулярной физики, химии). Именно в таком русле выполнены, например, все его кристаллографические работы, связанные с рассмотрением интегративного понятия в науке как симметрии³⁵⁸.

Также тесные дружеские отношения он поддерживал с учеником М. Берто – Эмилем Юнгфлейшем (см. Приложение. № 2. Письмо № 7), входившем в Société de l'encouragement des sciences и немало сделавшем для распространения новых стереохимических представлений во французском научном сообществе.

Особое уважение и восхищение Вырубова вызывал, несомненно, минералог Франсуа Эрнест Маллар³⁵⁹, которого он воспринимал как “одного из великих, гениальных людей [того] времени”³⁶⁰. В некрологе, написанном Вырубовым, по случаю смерти Маллара подробно разобран тот “блистательный след”, оставленный учёным в науке³⁶¹, приведший “к революционным сдвигам в кристаллографии”. Особое внимание Вырубов уделит зна-

---

³⁵⁸ Как известно, симметрия является одним из фундаментальных понятий математики. Опираясь именно на это понятие, в частности, Е.С. Федоров в 1890 г. в труде “Симметрия правильных систем фигур” осуществил вывод 230 пространственных групп симметрии, позволивших определить истинную структуру кристаллов, что явилось лишним раз лучшим подтверждением необходимости математизации минералогии и кристаллографии.

³⁵⁹ Маллар, профессор Горной школы в Париже, занимался металлургией и рудничным делом; осуществил ряд важных исследований (большей частью совместно с Ле Шателье) рудничного газа, сжатого воздуха, скорости распространения взрыва во взрывчатых газовых смесях, теплоемкости газов при высоких температурах и проч. Его работы по минералогии “Traité de cristallographie géométrique et physique” (P., 1879–1884); “Sur l'arrangement moléculaire des substances cristallisées” (P., 1884) и ряд отдельных статей и заметок в специальных журналах были посвящены разработке теории изоморфизма, полиморфизма, поляризации и др.

³⁶⁰ Вырубов о нем писал: “Это был не только замечательный ум, это был редкий характер. Я на своем веку видел и знавал многих людей, но я не встречал такого стройного сосуда всех высших умственных и нравственных качеств” (НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 29. № 332. Л. 716).

³⁶¹ *Wyrouboff G. François-Ernest Mallard // Bull. Soc. Franc. minéral. 1894. T. 16. P. 242–259.*

чимости работы Маллара под названием “Объяснение явлений оптических аномалий, наблюдаемых на большом числе кристаллических веществ” (1876), в которой им было установлено, что все оптически аномальные кристаллы представляют совокупности смешанных и сдвойникованных между собой низкосимметричных пластинок. Благодаря работам Маллара, что ценил прежде всего Вырубов, была установлена связь физических свойств кристаллов с их кристаллографической формой. Постепенно стали утверждаться представления, что форма кристалла – следствие внутреннего строения его мельчайших частиц, между которыми действуют направленные силы, и что, следовательно, эта форма – физическое свойство вещества. Как отмечает Вырубов, “с Малларом кристаллография [...] стала тем, чем должна была быть, частной главой физики и настолько новой, что до сих пор ее еще игнорирует большая часть кристаллографов и физиков”³⁶².

В отличие от многих французских коллег Вырубов не отрицал огульно немецкую науку. Его естественнонаучное образование в значительной степени базировалось на немецких учебниках. Он всегда пристально интересовался немецкой научной литературой, не пренебрегая возможностью “на месте” изучить жизнь тамошних лабораторий. В пору своей первой научной поездки в Европу, в 1865 г., он по возвращении в Россию ненадолго заехал в Германию (посетил Берлин, Ганновер и др.), “чтобы узнать, что делается у немецких ученых”³⁶³. Летом 1882 г. он предпринял поездку по немецким университетам, а в 1891 по пути в Россию намеревался, согласно письмам к Петунникову, посетить Берлин, чтобы узнать последние новости “по части кристаллографии”. Как видно из этого источника, в Берлине проживал немецкий кристаллограф Клейн³⁶⁴, один из его главных противников, впрочем, как охарактеризовал его Вырубов, “весьма бездарный немец”³⁶⁵. Немецкая научная школа пользовалась авторитетом в Западной Европе. Но Вырубов по многим позициям не был согласен с немецкими кристаллографами (о чем, например, свидетельствуют его статьи в журнале *Zeitschrift für anorganischen Chemie*³⁶⁶). Со многими учеными в результате он полемизировал. В числе его оппонентов были химики Римбах (Rimbach), Глюк-

³⁶² Ibid. P. 247.

³⁶³ Боборыкин П.Д. “За полвека”. Воспоминания. М., 2003. С. 372; НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карг. 1. Д. 2. № 15. Л. 59 об.

³⁶⁴ Известен своими работами в области изучения оптических аномалий кристаллов.

³⁶⁵ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карг. 2. Д. 26. № 276. Л. 604.

³⁶⁶ Wyruboff G.N. Einige Bemerkungen zu der Abhandlung von H.P. Stevens über das Metathorium // *Ztschr. anorg. Chem.* 1901. Bd. 28. S. 90–91; *Idem.* Ein letztes Wort über das Thoriummetoxyd // Ibid. 1902. Bd. 32. S. 376–377.

манн (Gluckmann), кристаллограф Майген (Meigen). Кроме того, он находил сочинения большинства немецких авторов тяжеловесными и недостаточно ясными по форме изложения. Среди немногих, чьи труды Вырубов высоко ценил, были химик и минералог Р.-Ф. Раммельсберг и кристаллограф и минералог П. фон Грот. Он хорошо также отзывался об исследованиях немецкого кристаллографа Н. Таубе (N. Taube), поскольку по ряду позиций экспериментальные наблюдения последнего полностью подтверждали многие опытные данные Вырубова.

Вкус к работе, умение придерживаться четко выработанной стратегии и линии исследований импонировали ему в творчестве Раммельсберга, с которым он состоял в переписке³⁶⁷. Работы ученого относились главным образом к изучению химической природы минеральных веществ, проблеме изоморфизма³⁶⁸. “Его долгие и кропотливые исследования самых разнообразных соединений, – писал Вырубов в некрологе на смерть Раммельсберга³⁶⁹, – привели ученого к убеждению, что аналогия химического состава была лишь случайной причиной тождественности форм, он считал, что тела весьма различных соединений могли в определенных условиях кристаллизоваться вместе в неопределенных пропорциях. И если, однако, его аргументы не всегда были безупречны [...], то во всяком случае можно уверенно говорить, что он был одним из первых ученых, если вообще не первым, кто подвергнул сомнению точность закона Митчерлиха и поставил проблему, которая по сегодняшний день все еще не приблизилась к своему разрешению”³⁷⁰.

В последние десятилетия Вырубов особенно близко сошелся с П. Гротом³⁷¹. Они достаточно регулярно переписывались (см. Приложение. № 2). Рефераты работ Вырубова постоянно публи-

³⁶⁷ Об этом можно найти в письмах Вырубова к Гроту (см.: Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriften Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek).

³⁶⁸ Профессор неорганической химии в Берлинском университете (с 1846 г.), член Немецкой академии естествоиспытателей “Леопольдина” (1862). Главные сочинения: “Hauptwörterbuch des chemischen Theils der Mineralogie” (В., 1841. Suppl. 1–4. 1843–1849) – словарь, переработанный позднее в учебник – “Handbuch der Mineralchemie” (2-е изд. Leipzig, 1875), “Handbuch der krystallographischen Chemie” (В., 1855. Supplement. 1857), “Handbuch der krystallographisch-physikalischen Chemie” (Bd. 1–2. Leipzig, 1881–1882) и др., см.: Deutsche biographische Enzyklopedie. München, 1998. S. 132.

³⁶⁹ Wyrouboff G. Notice nécrologique de M. Rammelsberg // Bull. Soc. Franç. minéral. 1901. T. 24. P. 280–282.

³⁷⁰ Ibid. P. 281–282.

³⁷¹ Генрих Пауль фон Грот – родом из семьи художника. В 1872 г. стал профессором минералогии в Страсбургском университете, где основал институт, лабораторию для начинающих кристаллографов, а также значительную минералогическую коллекцию. В 1883 г. перешел в Мюнхенский университет

ковались в редактируемом Гротом журнале *Zeitschrift für Kristallographie*. Во время приездов Грота в Париж он бывал в доме у Вырубова, ученые беседовали на темы преподавания математики в Германии и во Франции. Соответственно Грот был неплохо осведомлен о работах Вырубова, многие из которых высоко ценил, ссылаясь неоднократно на них в своих монографиях, как на выполненные на безупречно высоком научном уровне.

Вырубов весьма скептически относился к научным съездам и выставкам, которые широко вошли в обиход научного сообщества последней трети XIX в. Он считал, что как средство продвижения новых идей, как арена широких дискуссий они почти ничего не дают с точки зрения собственно науки. В то же время как средство общения с “собратьями” по науке, особенно с иностранными учеными, они казались ему привлекательными, такой обмен мыслями он находил и полезным и часто приятным³⁷². Он участвовал в палеонтологическом конгрессе в Париже в августе 1868 г. Особенно часто он посещал конгрессы “Французской ассоциации для продвижения науки”, созданной в 1872 г. по образцу английской. Ассоциация проводила ежегодные месячные конференции в провинциальных городах Франции. Вырубов посетил такие конгрессы в Лионе (1873), Нанси (1886), в Лиможе (1890), в Ренне (1892), не задерживаясь на них дольше недели. Последним в его жизни стал седьмой международный конгресс по прикладной химии в Лондоне в 1909 г. Вырубова соблазнила возможность повидаться со старыми друзьями и познакомиться с молодым поколением иностранных химиков³⁷³.

Общее предубеждение против русской науки, представление об ее отсталости и непроизводительности сказалось на отношении Вырубова к съездам русских естествоиспытателей. Он считал, что на них съезжаются скорее, чтобы закусить, чем решать научные дела. Благодаря хлопотам “приятеля Тимирязева” его

профессором минералогии и консерватором научных коллекций названного города. П. Грот был центральной фигурой среди кристаллографов и минералогов конца XIX – начала XX века, под его руководством работали многие ученые со всего мира, в том числе русские (в частности, В.И. Вернадский). Грот сформулировал закон о соотношении между составом и симметрией кристаллов. Ему минералогия и кристаллография обязаны многими усовершенствованиями в приборах и инструментах для кристаллооптических исследований, а также изданием многотомной “Химической кристаллографии” (об этом см. выше). Почетный член МОИП с 1904 г. (*Johnsen A. Zum fünfundsiebzigsten Geburtstage von Paul von Groth // Sonderdruck aus die Naturwissenschaften. 1918. N. 33; Grothiana. VI. 1–17. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriften Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek.*)

³⁷² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 2. Д. 33. № 396. Л. 840.

³⁷³ Там же. Карт. 3. Д. 44. № 591. Л. 1260 об.

приглашали на “естественноисторический конгресс” в 1893 г. и как члена с 1895 г. Петербургского геологического общества на геологический съезд в 1897 г. Всякий раз он любезно благодарил, но отказывался от участия, ссылаясь на занятость³⁷⁴. Сам факт, что его помнят на родине, был ему приятен. Большим утешением для него, всегда скептически относившемуся ко всякого рода официальным церемониям и приветственным адресам было дружественное послание русских химиков со второго Менделеевского съезда в Петербурге в 1912 г., он тотчас же поспешил передать “русским товарищам сердечное спасибо”³⁷⁵.

Русский журналист

Представления Вырубова об особенностях жанра. В.Ф. Корш и Г.Н. Вырубов. Фельетоны в “СПб. ведомостях”: их содержание, своеобразие авторского подхода. Последние публицистические статьи Вырубова – сериал “Воспоминаний” в “Вестнике Европы”. Обстоятельства создания, участие А.Н. Петунникова в редактировании. Замысел, содержание.

Блиские друзья Вырубова Е.В. де Роберти и А.Н. Петунников находили у него писательский талант, де Роберти обращался к нему, как уже указывалось, за помощью, когда нужно было поправить литературную форму его сочинений, безусловно доверяя его вкусу, принимая как благо любую поправку. Относительно одной из ранних вырубовских статей в “Позитивной философии” де Роберти писал ему: “Ты родился писателем первого разряда... Все вопросы схвачены мастерски и изложены весьма убедительно”³⁷⁶. Сам Вырубов оценивал свои возможности более строго. Он думал, что его литературный дар слишком скромнен, чтобы отдать занятиям беллетристикой или журналистикой всю жизнь. В России, не имея имени, он не смог бы печататься, а во Франции и без того “слишком много из ряда выходящих талантов”³⁷⁷. К тому же у него, бравшего первые уроки родного языка в Париже у “русского немца” Н.Н. Кауфмана, всегда было опасение, что он “не доучился” русскому языку. Опасение, впрочем, совершенно напрасное, так как русская проза Вырубова (включая письма) не дает для этого оснований. По свидетельству Петунникова, Вырубов писал легко, сразу же набело и почти без помарок.

³⁷⁴ Там же. Карт. 2. Д.29. № 327. Л. 705 об.; Д. 32. № 375. Л. 802.

³⁷⁵ Там же. Карт. 3. Д.47. № 631. Л. 1337.

³⁷⁶ ИРЛ. 2193. У1М5Фб. Л.84.

³⁷⁷ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 5. № 50. Л. 120.

В журналистской работе, к которой его старались приобщить де Роберти и Петунников, успешно подвизавшиеся на этом поприще, его отпугивали жесткие требования ремесла: писать ежедневно на заданную тему, поставлять к определенному сроку определенное число строк. Он отказался от постоянного сотрудничества в “Русской мысли” и “Природе”, не исключая возможности время от времени поставлять им кое-какие материалы о парижской жизни, о некоторых общих и политических вопросах и о “других материалах, интересующих русскую публику”. В своей журналистской практике Вырубов выбрал девиз: “Пишу, что хочу, сколько хочу, когда хочу”³⁷⁸. Такая позиция не кажется слишком эгоистичной для человека, взвалившего на себя всю тяжесть ежедневной работы по изданию журнала “Позитивная философия”.

Свои взгляды на журналистику Вырубов обсуждал в письмах к Петунникову. Не всегда их мнения на этот счет совпадали. Непременным требованием к этому литературному жанру Вырубов считал живость и доступность изложения. Из-за пренебрежения этим правилом, замечал он, многие русские газеты “чрезвычайно скучны”. Вообще, русская журналистика, по его наблюдениям, неудовлетворительна с точки зрения слога. Другая ее беда – навязчивость, прямолинейность, проповеднический тон. По его мнению, журнальная статья ничего не должна доказывать, а излагать так мастерски, чтобы читатель сам смог сделать необходимое заключение³⁷⁹. На возражение Петунникова, что читатель может не понять недоговоренности, Вырубов приводил примеры “хорошей” русской журналистики – статьи Белинского и Добролюбова, которые все понимали, и ссылался на самый большой авторитет в этой области – А.И. Герцена. “Вспомни тоже, как писал человек гениальный, один из первых журналистов нашего времени, Герцен. Разве он доказывал? Разве он читал проповеди? А между тем все его понимали”³⁸⁰. Среди “газетных писателей” Вырубову более всего нравился И.С. Аксаков, его сочинения он предлагал Петунникову как образец слога. Вырубов предостерегал от еще одной, как ему казалось, опасности, свойственной русской журналистике и ораторскому искусству, от напасти, проникающей даже в адвокатские и профессорские речи, – от многословия, злоупотребления вниманием читателя и слушателя.

Вырубов был крайне осмотрителен в выборе журнала, с которым собирался сотрудничать. Прежде, чем ответить “да”, он интересовался общественным лицом издания, его содержанием, политическими взглядами редактора, особенно, если это относи-

³⁷⁸ Там же. Д. 6. № 73. Л. 171 об.–172 об.

³⁷⁹ Там же. Д. 7. № 74. Л. 175.

³⁸⁰ Там же. Л. 181.

лось к новым журналам. Из-за крайне невятной издательской программы в 1870 г. он отказался от предложения Петунникова принять участие в новой московской газете М.П. Щепкина. Для себя он выбрал газету и журнал спокойного либерально-консервативного толка “Санкт-Петербургские ведомости” в конце 60-х–70-е годы и “Вестник Европы” в 1909–1913 гг.

В 60–70-е годы XIX в. “Санкт-Петербургские ведомости” пользовались заслуженной славой одного из лучших периодических изданий России. Это была относительно независимая газета, арендующая типографию и издательские права у Петербургской Академии наук, что избавляло ее от роли государственного официоза. Газета особенно процветала, когда ее арендатором-издателем стал в 1863 г. многоопытный журналист и литератор Валентин Федорович Корш. Он был беззаветно предан своему делу, привлек к сотрудничеству лучшие литературные силы России. Корш был чрезвычайно осмотрителен в своих действиях, за что получил от Вырубова эпитет “мудрый”, а от своих оппонентов прозвание “целомудренной Саломеи”³⁸¹. Он искренно терзался, что в условиях цензурного гнета, наступившего после 1866 г., “священному огню”, которым он руководствовался, принимая редакторские обязанности, “не хватает воздуха, чтобы разгореться”. Но именно благодаря житейской мудрости Корша, которого не оставляло ощущение того, что “веревка закручивается вокруг меня все сильнее и сильнее”, удалось поддержать этот огонь вплоть до 1875 г.³⁸²

Похоже, что Вырубова “сосватал” Коршу де Роберти. Сам де Роберти писал в газету уже с 1867 г. Он сомневался, что позитивное направление встретит сочувствие осторожного Корша из-за опасения придинок цензуры³⁸³. Корш оказался не чужд позитивистских влияний, и в известных пределах не препятствовал распространению идей этой философии, опубликовал в газете рецензии Вырубова и де Роберти на работы позитивистского толка. Позднее, в 1876 г., он и сам поместил в “Вестнике Европы” свою заметку о книгах позитивистских авторов³⁸⁴. Но, конечно, не это обстоятельство послужило причиной долгого сотрудничества де Роберти и Вырубова в газете Корша. Редактора устраивали деловые качества и журналистские способности обоих.

Де Роберти работал у Корша много. Особенно это относится к 1871–1873 гг. Он печатал свои заметки без подписи, “в редак-

³⁸¹ Русское слово. 1865. № 1. С. 1.

³⁸² РГАЛИ. Ф. 2197 (Суворина А.С. Оп. 1. № 2001. Л. 4, 20.

³⁸³ ИРЛ. 2193. У1М5Фб. Л. 86 об.

³⁸⁴ Корш В.Ф. Книга Литтре и сборник сочинений Ф. Шаля и Эд. Гартманна // Вестн. Европы. 1876. № 3. С. 422.

ции зело любят и почитают аноним” иронизировал он по этому поводу. В конце 1871 г. у Корша возникла идея передать редактирование газеты де Роберти. Последний тешил себя некоторое время надеждой “подвизаться на издательско-редакционных подмостках” и даже намеревался посоветоваться по этому поводу с “капиталистом” В.Ф. Лугининым. Проект не состоялся, видимо, из-за сопротивления других сотрудников газеты. Отношения с коллегами, образующими, как писал де Роберти, “омут безалаберности и бестолковости” в редакции, начали портиться уже с 1869 г., особенно раздражало де Роберти “умеренное”, как ему казалось, направление газеты. Тем не менее Корш и в 1872, и в 1873 гг. продолжал “загонять” де Роберти срочными передовыми статьями пока не произошло окончательной ссоры между ними³⁸⁵. Вырубова эти внутренние интриги редакции не коснулись.

В апреле 1869 г. он писал Герцену о весьма чувствительных письмах, получаемых им от Корша³⁸⁶. Корш часто ездил за границу отдыхать и лечиться, там он встречался с Вырубовым либо у него в Париже, либо в каком-нибудь курортном местечке. П.Л. Лавров встречал его в квартире Вырубова вместе с И.С. Тургеневым и Н.В. Ханьковым³⁸⁷. В одном из писем к Петунникову в апреле 1869 г. Вырубов сообщал о своих частых встречах с Коршем – “весьма честным и благополучным человеком”³⁸⁸. Умный и добросердечный Корш и не менее умный и отменно воспитанный Вырубов скоро прониклись симпатией друг к другу, их отношения превратились в дружеские, во время своих зарубежных путешествий Корш часто перевозил книги и рукописи для Вырубова, посылал с оказией купленные на деньги вырубовских гонораров книги. Когда их отношения стали доверительными и согретыми “вполне приятным чувством”, Корш достаточно откровенно писал о “политиканствующих школьниках” – русских либералах, об удушливой и безрадостной атмосфере на родине³⁸⁹. В одном из писем он признавался Вырубову, что зачитывается Конттом.

Вскоре после их знакомства Корш просил Вырубова помочь ему в выборе парижского корреспондента для его газеты. В начале 1868 г. он спрашивал мнение Вырубова о кандидатуре Владимира Чуйко, готового взяться за дело, но в ту пору неизвестного еще литератора. “Ваша рекомендация, – писал он, – была бы

---

³⁸⁵ ИРЛ. 2193. У15МФд. Л. 148, 150 об., 156 об.

³⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 2197 (Заграничный архив А.И. Герцена и Н.П. Огарева). Оп. 1. № 219. Л. 4.

³⁸⁷ Лит. наследство. М., 1967. Т. 76: И.С. Тургенев: Новые материалы и исследования. С. 231.

³⁸⁸ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 6. № 58. Л. 142.

³⁸⁹ ИРЛ. 2199. У11М5. Л.18.

для меня серьезной гарантией”³⁹⁰. Кроме того, Корш задумал для своей газеты отдел общеевропейской хроники. По совету Вырубова он готов был поговорить с неким Петром Дмитриевым, хотя и считал, что никто, кроме Вырубова, не сможет так хорошо вести этот раздел. Он полагал, что вырубовское увлечение философией не будет помехой для намерения показать “выдающиеся новости и явления общественной жизни”. В качестве политического обозревателя Чуйко не устраивал Корша, так как повторял только то, что накануне уже появилось во французских газетах. За ним была оставлена роль парижского корреспондента. Сам Вырубов отказался от подобного предложения, но попробовал услужить Коршу. Он рекомендовал как “способного и знающего человека”, доброго друга всех русских эмигрантов, вечно нуждающегося химика А. Наке, имевшего уже опыт сочинительства на социально-политические темы. Вскоре обнаружилось, что Наке непригоден для газетного дела, его рукописи оказались совершенно неудобочитаемыми из-за скверного почерка и небрежного перевода. С помощью П.Д. Боборыкина удалось выправить присланные статьи, они были напечатаны, после чего Корш порвал с Наке. Этот инцидент нисколько не испортил отношения между ним и Вырубовым. В марте 1868 г. Вырубов печатался в “Санкт-Петербургских ведомостях”, ему платили по высшему разряду – 5 копеек серебром за строку³⁹¹.

Первая крупная публикация Вырубова в газете появилась в мае 1869 г. Это была рецензия на книгу де Роберти “Политико-экономические этюды”. В июле 1869 г. де Роберти благодарил “самого компетентного судью” России за “великолепную рецензию”³⁹². Далее последовала серия “Парижских фельетонов”. В середине XIX в. слово “фельетон” не имело того сатирического смысла, какой оно приобрело позднее. Это были свободной формы зарисовки современной жизни во всем ее многообразии: будь то политика, экономика, литература, музыкальное искусство и художественное творчество в Европе и разных уголках России. Это была живая смесь впечатлений, нестесненная жесткими рамками жанра. Эту информацию поставляли корреспонденты на местах, как в европейских столицах, так и в российской провинции.

Вырубовские фельетоны в “Санкт-Петербургских ведомостях” соединяли свободную форму изложения с определенной авторской программой. Летом–осенью 1869 г. Вырубов поместил под шапкой “Из парижской жизни” два фельетона: о француз-

---

³⁹⁰ Там же. Л. 1 об.

³⁹¹ Там же. Л. 8 об.

³⁹² Там же. Л. 126.

ских нигилистах (№ 216) и социалистах (№ 313), затем в 1872 г. серию заметок об осаде и обороне Парижа во время франко-прусской войны 1870 г. (№ 262, 264, 267, 273, 274), в 1874 г. – о междоусобной войне в Испании (257, 258, 272, 273). Публикации 1872 и 1874 гг. были авторским переводом статей в “Позитивной философии”. Каждая из статей занимала подвал титульного листа с продолжением на обороте.

Фельетоны Вырубова вполне соответствовали традиции “Санкт-Петербургских ведомостей”, где часто публиковались развернутые корреспонденции из различных уголков Европы. В описании стран современной Европы на страницах этого издания Вырубов имел предшественников, профессиональных писателей Марко Вовчок и П.Д.Боборыкина. Если в заметках украинской писательницы можно заметить близость к жанру путевых заметок, то Боборыкин уже отступил от этой традиции. В “Письмах из Мадрида” в августе 1869 г. он подчеркнул, что при написании своих очерков руководствовался не интересом к истории, природе или искусству Испании, а к умственным и социальным стремлениям народа, “к его нуждам, немощам и упованиям”, т.е. к “злобе дня”³⁹³. Эта вполне позитивистская программа была созвучна настроению Вырубова. Сам он в молодости много путешествовал, объездил всю Европу, хорошо знал европейские музыку и искусство, музейные коллекции многих городов. Эти впечатления могли бы послужить богатым подспорьем для его корреспонденций. Но объектом его журналистского внимания стало не географическое пространство в его историко-культурном обрамлении (хотя все его фельетоны привязаны к определенному месту), не путешествия как таковые (хотя есть в его рассказах описание путешествий), сколько столкновение на этом пространстве людских интересов, страстей, честолюбий.

Преимуществом Вырубова перед другими корреспондентами, а для Корша сущей находкой, было то, что, хорошо владея русским языком, он и для западного мира не был посторонним человеком, он хорошо его знал изнутри. В одном из фельетонов он подчеркивал, что, как ученый, он не любит факты “из третьих рук” и предпочитает писать о мире, в котором живет и с которым имеет общие интересы³⁹⁴. Вырубов обладал еще одним качеством профессионального журналиста – быстротой восприятия окружающего. Ему не требовалось много времени, чтобы составить картину происходящего. Зная основные европейские языки,

---

³⁹³ Боборыкин П.Д. Письма из Мадрида // СПб. ведомости. 1869. № 229. С. 2.

³⁹⁴ Вырубов Г.Н. Из парижской жизни. 1. Французские нигилисты // Там же. С. 2.

нравы и обычаи многих стран, он везде чувствовал себя, как дома, будь то парижские кварталы или испанские провинции. Поэтому так достоверны его рассказы, в некоторых эпизодах современники и очевидцы событий находили необычайную точность описания.

Вырубову, для которого в жизни было привычно опекать, наставлять, поучать даже своих сверстников, было трудно соблюдать роль беспристрастного наблюдателя, на которую его обрекали заповеди позитивизма. Беспристрастность, по Вырубову, – это далеко не безучастность. Иногда он становился более или менее активным участником событий, но даже тогда, когда намеренно занимал отстраненную позицию, его нельзя назвать простым хроникером, его репортажи всегда содержат элемент оценки, и это делает Вырубова сопричастным всему, о чем он пишет. Критическое начало, по его понятиям, только тогда оправдано, когда содержит поучительный смысл. Он полагал, что актуальность ретроспекции событий состоит не в том, что с ее помощью можно исправить уже случившееся, не в том, что ее выводы могут быть немедленно использованы, а в том, что в будущем они, быть может, уберегут от повторения ошибок. И поэтому в своих журналистских заметках Вырубов никогда не ставил цели полно и в деталях описать событие или явление, он останавливался на том, что ему казалось наиболее существенным с точки зрения выводов. Он предостерегал читателей, что в его очерках они, возможно, не найдут новых для себя фактов и подробностей.

В подобном подходе присутствует, несомненно, элемент какой-то нарочитости, за которую Герцен прозвал Вырубова резонером. Некоторых читателей раздражал уверенный тон сравнительно молодого еще человека, следствие самонадеянности, как им казалось. Этот тон был связан не с завышенной самооценкой (письма Вырубова это опровергают), а с независимостью мысли, с готовностью пойти против общепринятого мнения, если оно противоречит его собственным убеждениям. Самоограничение Вырубова искупалось оригинальным, иногда даже парадоксальным взглядом на вещи, заставлявшим задумываться над некоторыми расхожими истинами.

Объективизм, по Вырубову, заключался в спокойствии тона, в воздержании от излишней эмоциональности в оценках, в отсутствии обличительных интонаций и грубых выпадов в адрес оппонентов, чему русская пресса 60-х–70-х годов имела немало примеров. Самое большое, что он позволял себе в отношении противников позитивизма, это насмешливо-иронический тон. Так это было, например, когда на страницах “Санкт-Петербургских ведомостей” он откликнулся на речь московского математика В.Я. Цингера, попытавшегося в своей речи “развенчать” идеи по-

зитивизма³⁹⁵. Подстать такой манере был язык вырубовских фельетонов – всегда живой и выразительный, иногда ироничный, достаточно сдержанный и редко достигающий высоких патетических нот. Это случалось, когда он описывал очарование Парижа, остановившее тевтонских варваров, или мужество защитников Сарагосы.

“Трудное дело быть парижским корреспондентом”, – начал Вырубов свою корреспонденцию о французских нигилистах. В многоликом, многомиллионном городе он облюбовал наиболее знакомый ему уголок, квартал “молодой Франции”, место обитания студенческой и всякой иной молодежи, из ее среды чаще всего и выходят нигилисты. Вырубов проанализировал нигилизм как общее явление. С дотошностью экспериментатора он разложил его на отдельные элементы: дал определение, как оппозиции общепринятым представлениям, докопался до причин – преследование свободы мысли и всякого инакомыслия, отметил главную особенность – безоговорочное отрицание прошлого, обозначил временные ориентиры – эпохи перехода от старого к новому порядку. В своих основных чертах французский нигилизм, по заключению Вырубова, ничем не отличается от общей модели, французский вариант порожден оппозицией бонапартовскому режиму, его политическая подоплека несомненна, ибо “нет страны в мире, где бы была большая сумма свободы, большая терпимость... Преследуют тут не самые идеи, а те политические последствия, которые могут из них происходить”. Вывод кажется парадоксальным во время роста полицейских репрессий второй империи, он относится только к свободе мысли, стеснение свободы действий, по мнению Вырубова, неизбежно приведет к падению режима.

Наиболее интересен тот фрагмент репортажа, где автор сравнил французский и “отживающий отечественный” нигилизм. Нигилисты обеих стран различны, внешне французы больше походят на обычных молодых людей и отдают предпочтение социальным наукам, российские – естественным. Основное их различие порождено социальными условиями. Во Франции нигилизм имеет политический оттенок, в России, где до сих пор еще существует запрет на свободную мысль, – философский, это медленное разложение существующих понятий, отрицание фундаментальных основ общества: брака, семьи, религии, политических институтов и прочего. Роднит и тех и других энергия, так как “одной молодости принадлежит способность одина-

---

³⁹⁵ *Вырубов Г.Н.* Положительная философия перед судом московских философов: (Письмо в редакцию “СПб. ведомостей”) // Там же. 1874. № 80. С. 1–2.

ково легко доходить до истины и до самых крайних непостижимых абсурдов”³⁹⁶.

Вырубов не осуждает нигилистов, но в его изображении их деятельность кажется пустой, легкомысленной и даже провокационной, поскольку своими поступками они компрометируют республиканскую идею, превращаясь для массы обывателей в “пугало” и в “апокалиптического зверя”. Единственный раз Вырубов дал волю чувствам – он высказал острое сожаление о том, что так бесславно растрачивается молодая энергия, которая уходит на работу разрушения.

Реакция на статью о нигилистах последовала незамедлительно. Де Роберти писал, что “венгерец Корш” (“последнее обвинение московских патриотов”) не нахвалится фельетоном Вырубова. Обратил на нее внимание, как уже указывалось ранее, и А.И. Герцен. В сентябре 1869 г. в письме к Н.П. Огареву он наказывал: «Не пропускай в “СПб. ведомостях” фельетоны Вырубова (они с подписью)»³⁹⁷. Зато “многолетний приятель” Е.И. Утин, близкий к революционной эмиграции, счел их “печатным разглашением деятельности нигилистов, когда все ожидают революционных событий во Франции”³⁹⁸, хотя Вырубов не назвал ни одного конкретного имени и ни одного места, где собирались французские нигилисты. Если верить Вырубову, то парижская полиция в этом не нуждалась, она и без того знала всех их наперечет.

Тема нигилизма задевала русских читателей. В следующем очерке о французских социалистах Вырубову пришлось дать некоторое разъяснение своим критикам. Он заметил, что не имел намерения углубляться в идеологические корни проблемы, судить о достоинствах или недостатках той или иной теории. Он был твердо убежден, что нельзя перестроить общество по заданному плану, что прогресс осуществляется не правительственными декретами или действиями политических партий, а “медленной работой всех и каждого, постепенным поднятием умственного уровня”³⁹⁹.

Статья Вырубова о социалистах – это образец публицистики “на злобу дня”, попытка определить в назревающей революционной ситуации сценарий возможного развития событий: либо постепенное накопление социальных завоеваний (именно так он оценил отрезок французской истории от революции XVIII в. до конца 60-х годов), либо путь, чреватый социальными потрясениями

³⁹⁶ *Вырубов Г.Н.* Из парижской жизни. С. 2.

³⁹⁷ Лит. наследство. М., 1953. Т. 61, кн. 1. С. 430.

³⁹⁸ ИРЛ. 2193. У1М5Фв. Л. 137, 133 об.

³⁹⁹ *Вырубов Г.Н.* Из парижской жизни: (Письмо к редактору “СПб. ведомостей”). 2. Французские нигилисты // СПб. ведомости. 1869. № 313. С. 1.

ями. Верный себе, Вырубов дал не “рациональный”, так как для этого не было достоверных данных, а “элементарный” анализ явления и с точки зрения практики революционной борьбы определил понятие “социалист”. По его мнению, это тот, “кто стремится произвести переворот в пользу рабочего класса, и в ущерб буржуазии, несоциалист – тот, кто видит в пролетариате опасную вредную силу”⁴⁰⁰.

В многообразном спектре партий социалистического толка – от нигилистов до собственно демократов – Вырубов выделил два крупных блока: приверженцев “государственного социализма” и сторонников “свободной ассоциации”. “Государственный социализм”, по Вырубову, водворяется административным путем, с помощью декретов государство обеспечивает материальные потребности общества, заботится о больных и убогих, дает всем работу, уравнивает экономическое положение пролетария и буржуа – так видят сторонники этой партии “золотой век экономических отношений”. Вырубов признавал, что эта партия многочисленнее всех других, поскольку идея физического принуждения более доходчива.

Вырубов познакомил читателя со второй партией, которая выдвигает программу уничтожения злоупотреблений капитала с помощью свободной ассоциации и считает индивидуальную свободу краеугольным камнем социализма. Вырубов не скрывал симпатий к подобным идеям, но вынужден был признать, что они менее популярны.

Как и многие другие очевидцы событий конца 60-х годов, Вырубов предчувствовал, что Франция находится на пороге серьезных политических потрясений, вторая империя не справилась со своими социальными обязательствами, экономика страны находится в страшной разрухе. Он отрицал возможность совместить теорию и практику в реальной общественной жизни, он считал, что нет общих интересов, которые могли бы сплотить общество, об этом свидетельствует борьба за власть между социалистами и несоциалистами. Как повернутся события, какая партия возьмет верх в назревающем общественном взрыве, – на эти вопросы Вырубов затруднился ответить. Он предполагал, что в результате столкновения крайних интересов может реализоваться средняя линия развития, даже захватив власть, социалисты едва ли смогут ее удержать, так как у большей части населения их идеи вызывают отторжение. В одном Вырубов не сомневался: на вопрос, “возможна ли для Франции демократическая и социальная республика”, он твердо ответил “нет”⁴⁰¹.

---

⁴⁰⁰ Там же.

⁴⁰¹ Там же. С. 2.

Де Роберти прочел статью Вырубова еще в рукописи и нашел ее “совершенно верной в главной идее и подробностях”. Он похвалил автора “за живой и красивый слог”⁴⁰². Лестный отзыв и приглашение к дальнейшему сотрудничеству пришли от В.Ф. Корша: “За последнюю статью Вашу я должен дружески пожать Вам руку. Она произвела эффект между людьми мыслящими, а это – самая лучшая похвала, какую только можно высказать. Мне остается только убедительно просить Вас о продолжении начатых очерков”⁴⁰³.

Содержание вырубовских фельетонов, связанных с событиями установления третьей республики во Франции и Парижской коммуной, подробно изложены в соответствующей главе книги Б.С. Итенберга (Россия и Парижская коммуна. М., 1971. С. 61–67). Лейтмотив выступлений Вырубова состоял в повторении излюбленной мысли позитивистов, что пора насильственных революций для Западной Европы миновала (1870, № 37). Допуская возможность кровопролития и междоусобной войны, Вырубов не находил предпосылок для социалистической революции, народ для нее еще не созрел (1870, № 250). События 2 сентября, связанные с падением второй империи и воцарением третьей республики, как бы подтвердили вырубовский прогноз о возможности бескровного переворота, когда насильственная революция заменяется мирной эволюцией (1871, № 47).

Было бы логично продолжить рассказ об обороне французской столицы статьей о Парижской коммуне. Вырубов подготовил для Корша “статейку” под названием “Еще одна революция”⁴⁰⁴.

Согласно своей общей концепции, Вырубов оценил Парижскую коммуну как локальное событие, как попытку переворота в интересах консервативного большинства, добивавшегося признания за Парижем прав крупного торгового и промышленного центра. Это оно позволило радикальному меньшинству взять руководство восстанием в свои руки и, обратясь к призракам революции 1794 г., придать ему легкую социалистическую окраску. Люди, возглавлявшие Коммуну, были по преимуществу теоретиками и не имели никакой практической программы. Единственное достижение Коммуны Вырубов видел в том, что она дала толчок развитию коммунального движения, положившего начало децентрализации страны, нового, как ему казалось, этапа в истории Франции. Еще раньше Вырубов пришел к выводу, что

---

⁴⁰² ИРЛ. 2193. У1М5Фв. Л. 129 об.

⁴⁰³ ИРЛ. 2199. У11М5. Л.13 об.

⁴⁰⁴ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 8. № 83. Л. 93.

рано списывать Францию со счетов мировой политики. Поражение во франко-прусской войне, потрясения Коммуны завершили период “отчаянной централизации”. Перед страной открылся новый период гражданской истории, новый путь развития, на котором она опережает другие государства Европы (1871. № 47; 1871. № 218).

Продолжение фельетонов последовало в 1872 г. и было связано с событиями обороны Парижа во время франко-прусской войны⁴⁰⁵. Вырубов выдержал временной интервал, чтобы дать остыть эмоциям и оценить происходившее в целом. К своим воспоминаниям участника событий он добавил свидетельства видных деятелей обороны Парижа, члена временного правительства Ж. Фавра и главнокомандующего французской армией генерала Л. Трошю.

Основная цель этого вырубовского опуса – назидательная, извлечь уроки из недавних событий. Он подверг всестороннему анализу действие всех сил, ответственных за оборону Парижа: правительства, местной администрации, военного руководства и пришел к выводу, что все они были неудовлетворительными. Все без исключения руководители оказались некомпетентными, недееспособными и из-за опасения народного восстания преступно пассивными. Вину за падение Парижа Вырубов возложил на всех участников драмы – на правительство, которое подчинило свои действия политическим соображениям, на военных, которые не имели определенного плана кампании и заняли выжидательную позицию, на народ, выдвинувший к руководству людей, неспособных справиться с ситуацией. Красноречивые и находчивые в словесных баталиях против бонапартовского режима, они растерялись перед необходимостью действовать быстро и решительно. “Защита Парижа не была для них, как защита Сарагосы для испанцев или Севастополя для русских, защитой принципов, убеждений, страсти. Это был для них просто вопрос самолюбия, настолько неопределенный, что позволял остановиться, как скоро будет признано, что самолюбию дано достаточное удовлетворение”, – именно их равнодушие, по Вырубову, стубило Париж⁴⁰⁶. Падение Парижа, по его мнению, сродни предательству, правительство не выполнило свой долг по отношению к народу.

На просьбы Корша “не забывать” его газету Вырубов отозвался серией статей о поездке по Испании⁴⁰⁷. Вырубов призна-

⁴⁰⁵ *Вырубов Г.Н.* Мнения русского статского о защите Парижа // СПб. ведомости. 1872. № 262, 264, 267, 273, 274.

⁴⁰⁶ Там же. № 274. С. 2.

⁴⁰⁷ *Вырубов Г.Н.* Несколько дней на театре испанской междоусобной войны // СПб. ведомости. 1874. № 257, 258, 272, 273.

вался Петунникову, что простые путешествия кажутся ему слишком пресными, и надеялся получить острые впечатления от картин междоусобной войны в Испании, длившейся уже не первое десятилетие. Это была борьба за власть двух династических партий. Поездка Вырубова по Испании противоречила общепринятым представлениям о путешествии. Он оставил в стороне избитые туристские тропы и признанные достопримечательности. Летом 1874 г. в течение трех недель Вырубов самостоятельно, верхом на лошади объехал места расположения двух воюющих армий, а иногда продвигался вместе с армейскими подразделениями. Испытывая отвращение ко всяким проводникам и путеводителям, он обращался за разъяснениями к местным жителям и участникам событий. Он получил представление об испанском военном искусстве, об администрации и порядках страны и пришел к выводу, что ее судьба решается не на театре войны, а в Мадриде. Война произвела на него впечатление вялой, безалаберной, “оперетточной” и никому ненужной, кроме правительства, которое этой бесконечной войной с карлистами создавало видимость своей нужности⁴⁰⁸. Сильное впечатление на Вырубова произвели развалины укреплений Сарагосы, свидетели в 1808–1809 гг. истощенной борьбы защитников крепости с солдатами наполеоновской армии. Перед ними пережитые “ужасы” двух парижских осад казались мне какой-то карикатурой, какой-то забавой бессильных пигмеев⁴⁰⁹. Испанские зарисовки Вырубова обратили на себя внимание И.С. Тургенева, он нашел их “колоритными”. Вырубову, видимо, польстила похвала писателя, которого он считал одним из лучших русских стилистов, в письмах он не раз вспоминал о ней.

Вырубов закончил свои испанские заметки осенью 1874 г., а в январе 1875 г. его сотрудничество с “Санкт-Петербургскими ведомостями” прекратилось. Права на сдачу газеты в аренду перешли от Академии наук к Министерству народного просвещения. “Прикосновение к нему (частному изданию. – *Авт.*) Министерства придает газете напротив официозный характер, уже теперь по поводу одного только слуха о предполагаемой передаче, в публике ожидается превращение газеты в полуофициальный орган”, – писал Корш А.С. Суворину⁴¹⁰. В таких условиях он не захотел остаться редактором, вместе с ним из состава редакции вышли А.С. Суворин и Е.В. де Роберти⁴¹¹.

---

⁴⁰⁸ Там же. № 272. С. 2.

⁴⁰⁹ Там же. № 273. С. 1.

⁴¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2197. Оп. 1. № 219. Л. 18 об.

⁴¹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1. № 2157. Л. 1.

Вырубов сожалел о “положительной революции” в русской периодической печати. “Единственный честный орган, через который я беседовал иногда с моими соотечественниками, исчез. Жалко, что порвалась и порвалась при таких условиях последняя нитка, прикреплявшая мое русское перо”, – жаловался он Петунникову⁴¹². Власти давно были недовольны газетой. В гонениях на нее обвиняли министра народного просвещения Д.А. Толстого, с которым Корш разошелся в оценке школьной реформы, кто-то приписывал их проидам партии М.Н. Каткова. Власти настораживало сотрудничество издателей с “неблагонадежным” Вырубовым. Историк русского масонства С.П. Карпачев в архиве Совета по делам печати Министерства внутренних дел России обнаружил документ, датированный 17 сентября 1874 г., в котором содержалась крайне резкая оценка речи Вырубова на Бернском конгрессе⁴¹³.

Дружеские отношения между Вырубовым и Коршем на этом не прекратились. Отголоски их мы встречаем в письме Вырубова начала 80-х годов, в нем он благодарит Корша за какие-то гонорары и сообщает о своем желании написать что-нибудь для “Зарубежного вестника”, который редактировал Корш⁴¹⁴. Мы встречаем рецензию Вырубова в журнале “Критическое обозрение” (1880, № 5), где сотрудничал Корш.

С апреля 1881 г. Вырубов был парижским корреспондентом петербургской либеральной газеты “Порядок” вместо французского журналиста А. Фукье, не устроившего редактора М.М. Стасюлевича. Вырубова рекомендовал Стасюлевичу И.С. Тургенев. Сотрудничество оказалось недолгим, потому что короток был век самой газеты. Она существовала только год (январь 1881 – январь 1882 г.), закрывшись из-за гонений цензуры (Тургеневский сб. М., 1968. Вып. 4. С. 282–292). Вероятно, нашлись бы и еще какие-то публикации. Со слов Петунникова известно, что он печатался в “Голосе”. Вырубов поддерживал отношения с известным журналистом А.П. Пятковским⁴¹⁵, с ним он познакомился еще в конце 60-х годов по рекомендации А.И. Герцена. Выудить вырубовские публикации в море газетной продукции крайне трудно, да и не нужно. Тематических сериалов, подобных тем, которые он печатал у Корша в 70-е годы, он долго не писал. Дело не столько в том, что он не находил близкого по ду-

---

⁴¹² НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 1. Д. 11. № 100. Л. 226.

⁴¹³ Карпачев С.П. Масонская интеллигенция России конца XIX – начала XX в. М., 1998. С. 139.

⁴¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 2. № 2. Л. 2.

⁴¹⁵ РГАЛИ. Ф. 396 (А.П. Пятковского). Оп. 1. № 17. Л. 1.

ху издателя, а в том, что после 1884 г. он с головой ушел в исследовательскую работу.

Последние журналистские опыты Вырубова были связаны с печальными обстоятельствами его жизни. Он был человеком дела, склонен был думать скорее о будущем, чем о прошлом, его бесконечно увлекала лабораторная работа, ради нее он был готов жертвовать многим. Но уже в 1908 г. из-за тяжелой, прогрессирующей болезни он вынужден был покинуть лабораторию. Появился некоторый досуг для литературных занятий. Этим воспользовались друзья, по настоянию редактора “Вестника Европы” М.М. Ковалевского летом 1909 г. Вырубов начал работу над “Воспоминаниями”.

Сочинение “Воспоминаний” заняло свободные от преподавания летние месяцы 1909–1913 гг., исключение составил 1911 г., когда Вырубов занимался “стряпанием книжицы” о теории строения материи. Началу работы сопутствовали сомнения, будут ли интересны современному читателю события пятидесятилетней давности. Вырубова немало смущало и то, что он “несколько поссорился с грамматикой и синтаксисом русского языка”. Он признавался, что разговорная практика русского языка становится для него с каждым годом все более затруднительной, в его окружении было так мало соотечественников, что приходилось упражняться в родном языке с французским русистом “сотоварищем” Л. Леже. В конце концов “русский парижанин” решил доверить редактирование своих текстов “исправительному перу” Петунникова. Вырубов посылал по почте свои рукописи в Москву, а они возвращались оттуда с исправлениями и замечаниями Петунникова. К делу подключились М.М. Ковалевский и де Роберти. Ковалевскому выпала роль “толкача”, ссылаясь на большой читательский интерес, он торопил Вырубова, склонного отвлечься гораздо более интересной для него научной работой, настойчиво требовал продолжения мемуаров, в 10-е годы XX в. он несколько раз посещал Вырубова в Париже и на даче в Орсе. Де Роберти взял на себя обязанности критика и курьера при перевозе из Москвы в Петербург уже выправленных текстов.

Вырубов выполнил свои “Воспоминания” в обычной для него журналистской манере: дал изображение нескольких наиболее ярких эпизодов своей жизни, объединив их сходной тематикой. Так появились: “Школьные”, “Военные”, “Революционные” воспоминания и заметки “Между двумя войнами” (1870–1877 гг.). В этом сериале оригинальную часть составляют “Школьные” и “Революционные” воспоминания. С остальными сюжетами читатель был уже частично знаком по публикациям Вырубова в “Санкт-Петербургских ведомостях” и в “Позитивной философии”.

В последней работе Вырубов остался верен однажды выбранному правилу: группировать материал вокруг общей идеи так, чтобы он помогал осуществлению цели, как и всегда у него, – назидательной. “Воспоминания – только канва, главное – критика того, что было и картина того, что должно быть в будущем”, – пояснял он свой замысел Петунникову⁴¹⁶. Его критическому умонастроению не подходил развлекательный жанр. Он признавался другу, что не собирается “стряпать” литературное произведение в юмористическом, саркастическом или сатирическом стиле. Он задумал свои воспоминания не как сетование старика, перед которым закрыто будущее, а как напутствие молодым.

Вырубов, как всегда, писал только о том, что ему было хорошо известно. Он руководствовался своим личным видением проблемы, давал собственную оценку людям, событиям, явлениям, что нередко противоречило общепринятым мнениям. Вырубов полагал, что участники событий давних лет его молодости уже отошли в мир иной, и он может свободно толковать о прошлом, никого при этом не обижая. Между тем остались родственники умерших. Дочь П.Л. Лаврова, М.П. Негрескул, обиделась на автора за развенчание “революционного образа” ее отца, не говоря уже о вдове профессора М.А. Толстопятова, которая сочла статью Вырубова о Московском университете прямой клеветой и на университет, и на ее мужа.

С резкой отповедью в журнале “Голос минувшего” (1913, № 3. С. 237–241) выступил друг Лаврова политэмигрант Н.С. Рузанов. В рассказе Вырубова он увидел попытку принизить образ популярного народовольца, а сам тон статьи нашел высокомерно-глумливым. М.М. Ковалевский думал иначе, о чем писал дочери Лаврова. Сам Вырубов остался тверд в осуществлении замысла, многочисленные критические отклики его не останавливали, он считал, что всем угодить невозможно.

В отдельных своих оценках, весьма резких и нередко несправедливых по отношению к некоторым, весьма почитаемым деятелям русской культуры, Вырубов всегда был выше сведения личных счетов. В официальной, несколько протокольной и покрытой “хрестоматийным глянцем” версии некоторых явлений, в изображении действующих лиц русской жизни и в самом “любезном отечестве” и за его рубежами (русская эмиграция) он находил некоторые неожиданные стороны, делавшие картину менее благостной. Суждения Вырубова могли быть субъективными и даже предвзятыми, но они никогда не затмевали общего взгляда на вещи. И в этом заключался их интерес. Это понимал Кова-

⁴¹⁶ НБ МГУ ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 44. № 595. Л. 1266, 1268.

левский, когда настаивал на продолжении “Воспоминаний”, несмотря на неудовольствие некоторых читателей.

Вырубову чаще всего не нравилось написанное. Болезнь не давала возможности сосредоточиться, приходилось останавливаться, писать урывками, небольшими кусками. У него было ощущение, что некоторым очеркам недостает цельности, композиционной стройности. Он всецело полагался на критическое чутье друзей, с благодарностью принимая любые исправления, он всегда был готов отказаться от печатания рукописи, если она, по их мнению, окажется слабой или неинтересной. Этому правила он придерживался на протяжении всей своей писательской карьеры, охотно уступая редактору право суда над своей работой.

Редактирование, по наблюдениям самого Вырубова, мало изменяло основной текст рукописи. По совету Петунникова, Вырубов снял “лирические отступления” о французской кухне, но от предложения дополнить статью некоторым справочным материалом отказался. Он считал, что подробное описание устройства Александровского лицея далеко увело бы его от цели и увеличило объем, ограниченный жесткими рамками журнальной статьи. Читательский интерес к “Воспоминаниям” родил у Вырубова замысел, горячо поддержанный М. Ковалевским, издать их отдельной “книжицей” с соответствующим предисловием и дополнительными “Философскими и научными воспоминаниями”. Смерть оборвала работу на четвертой странице “Научных воспоминаний”, которые, пожалуй, могли бы стать лучшим украшением вырубовского сериала.

“Школьные воспоминания” – это взгляд Вырубова на систему высшего образования в России на примере двух, противоположных по своим педагогическим принципам организаций, двух *alma mater* его молодости: Александровского лицея в Петербурге и Московского университета⁴¹⁷.

Вырубов не идеализировал Лицей, он находил массу просчетов и несуразиц в учебных программах, отягченных случайными предметами и лишенных самых необходимых общеобразовательных дисциплин, более других формирующих философское и научное мировоззрение. Ему казался далеко небезупречным выбор преподавателей, среди которых, на его взгляд, попадались, настолько неумелые, что могли внушить лишь отвращение к своему предмету. Он не находил необходимой логики и какой-то системы в расположении множества преподаваемых дисциплин.

---

⁴¹⁷ *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. 1. Александровский лицей // *Вестн. Европы.* 1910. № 1; *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. 2. Московский университет // Там же. № 2.

Но при всех этих недостатках Лицей, по мнению Вырубова, имел одно неоспоримое достоинство – включение в учебную программу множества предметов спасало от узкой специализации. Преподавание было элементарным, т.е. коротким и сжатым, но далеко не поверхностным. В Лицее отсутствовало принятое многими образовательными системами разделение учебного процесса на качественно различные уровни подготовки: низшее, среднее и высшее, в нем сохранялась преемственность на протяжении всех шести лет обучения.

Еще одно достоинство находил Вырубов в лицейском образовании – присутствие большого числа иностранных, “даже не блестящих” преподавателей вносило представление об иных культурах, иных мировоззрениях, религиозных представлениях и взрывало тем самым существующую рутину.

На протяжении всей жизни Вырубов не уставал повторять, что он многим обязан лицейскому “общеобразованию”. В отношении Московского университета начала 60-х годов XIX в. его выводы были прямо противоположными. Он считал, что университет ничего ему не дал, кроме скудного специального знания. “Из университета я ничего не вынес, кроме диплома, который мне ни к чему не пригодился”, – писал он Петунникову в 1910 г.⁴¹⁸ Причиной такой, по его мнению, скудости университетского образования Вырубов считал недостаток талантливых преподавателей, они уже появились, и он их называл, но их было еще слишком мало. Другая беда, как казалось Вырубову, состояла в отсутствии практических занятий. Преподавание было умозрительным даже там, где требовались лабораторные опыты, научные экскурсии, изучение естественнонаучных коллекций.

Самым большим грехом университетского преподавания тех лет, по мнению Вырубова, была “мания” узкой специализации, начинавшаяся уже с первого курса. Она, по его свидетельству, существовала внутри отдельных научных дисциплин, не говоря уже о разобщенности между отдельными предметами. “Разве можно знать химию, не зная физики, которая неизбежно требует знания математики?” – возмущался Вырубов. Он недоумевал, как можно было исключить из преподавания естественного факультета математику – необходимое основание всякого научного знания?⁴¹⁹ Свое недоумение он высказал спустя почти 50 лет после описываемых событий, первое впечатление об университетском преподавании и профессорах было еще более резким, о чем свидетельствуют письма к Петунникову 60-х годов. В “Воспоминаниях”

---

⁴¹⁸ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 45. № 603. Л. 1280 об.

⁴¹⁹ *Вырубов Г.Н.* Школьные воспоминания. СПб., 1910. С. 38.

Вырубов несколько смягчил свои первоначальные оценки, но не отказался от критики изъянов российской образовательной системы.

Он предложил и некоторые способы ее преобразования, повторив идеи, высказанные в записках о реформе Лицея и университетов. Решающим моментом, думал он, должна стать выборность административного и научного руководства. Для Лицея это должны быть компетентные и нечуждые ему лица, преимущественно из бывших выпускников. Вырубов предлагал вернуться к принципу “общеобразования”, разрушенному лицейским уставом 1877 г. Лучшим способом подготовки научных кадров для России он считал не учебу в западных университетах, а стажирование уже дипломированных специалистов в европейских научных центрах и лабораториях. Вырубов считал, что его собственный случай нетипичен, и заклинал родителей не отрывать молодежь от привычной среды.

В “Школьных воспоминаниях” имеются тонкие наблюдения о различии между ученым и эрудитом, исследователем и преподавателем. От последнего требуется особый профессиональный талант: дар слова и педагогическое чутье. Вырубов утверждал, что чем более оригинален ученый, тем менее он подходит на роль рутинного лектора. А. Реньо, М. Бертло, В. Бунзен, Ж. Мариньяк были хорошими наставниками, но не для “подмастерьев”, едва постигающих азы науки, а для “мастеров”, уже завершивших образование и вставших на путь самостоятельного исследования. “Невообразимо скучным” показался Вырубому курс лекций академика и “блестящего эрудита”, выпускника Лицея Я.К. Грота, представлявший “послужной список русских литераторов”. По его мнению, Грот был чистым эрудитом и не имел необходимых задатков педагога – ни дара слова, ни критического чувства, он превращался в интересного человека лишь тогда, когда попал в сферу своей специальности – филологию.

Для характеристики самого Вырубова интересно, какой тип исследователя был ему более по душе, кого в молодости он выбрал в качестве примера для себя, кто способствовал его научному возмужанию. Это “трудолюбивый немец”, профессор Московского университета, ботаник Н.Н. Кауфман, образец преданности науке и того постоянства усилий, которое “позволяет дойти до результатов, быть может, не блестящих, но верных”⁴²⁰. В этой оценке Вырубов отметил ценное, с его точки зрения, качество. Выверенность результатов, добытых путем тщательных наблюдений и опытов, он ставил превыше всего. Именно “осто-

---

⁴²⁰ Вырубов Г.Н. Школьные воспоминания. 2. Московский университет.

рожными, рациональными приемами научного мышления” привлекли его лекции швейцарского химика Мариньяка, который отвергал “блестящие фантазии” и преклонялся лишь перед достоверно доказанными фактами. При этом Вырубов относил Мариньяка к отличному по сравнению с Кауфманом типу ученого, он считал его “носителем священного огня”, не просто труженником в науке, а создателем⁴²¹.

Заметки Вырубова о русско-турецкой войне 1877–1878 гг., печатавшиеся в “Позитивной философии” по горячим следам событий, русскому читателю стали известны лишь в 1911 г. под названием “Военные воспоминания”⁴²². Эта часть “Воспоминаний” представляет большой биографический интерес, она проливает свет на организационно-практическую деятельность Вырубова, руководителя службы Красного креста Эриванского отряда русской армии. Он помогал раненым и больным во время осады Парижа и Парижской коммуны в 1870–1871 гг. В 1872 г. он попытался обобщить свои впечатления о военной хирургии, напечатав статью в “Санкт-Петербургских ведомостях”⁴²³.

Наблюдения с полей сражений русско-турецкой войны интересны тем, что содержат некоторые общие выводы об организации службы Красного креста в военное время. Вырубов исходил из того, что “в военное время нет места сентиментальным излишностям; все задачи войны – достигнуть желаемого результата как можно скорее и наименьшими средствами. Та армия побеждает, которая лучше решает эту задачу”⁴²⁴. Он предложил свое видение постановки санитарной службы: тесное взаимодействие сотрудников Красного креста с военными врачами, четкое распределение функций между ними (первая помощь и транспортировка раненых остается за первыми, лечение в стационаре – за вторыми). В чрезвычайных условиях, полагал Вырубов, жизненно важным становится единое руководство, жесткая концентрация достаточно скудных средств, сосредоточение их лишь на самом необходимом. Он предложил создавать летучие вспомогательные отряды медиков с опытными хирургами и санитарями, с удобными подвижными повозками и выдвинул идею палаточных лазаретов для долечивания раненых на месте, без транспортировки их в глубокий тыл.

Война оставила у него общее тяжелое впечатление. Ее цели казались Вырубову “сентиментальными” (помощь “полудиким

---

⁴²¹ Там же. С. 13.

⁴²² *Вырубов Г.Н.* Военные воспоминания: Война 1877 г. // Вестн. Европы. 1911. № 2.

⁴²³ *Вырубов Г.Н.* К вопросу о барачной системе: Письмо в редакцию “СПб. ведомостей” // СПб. ведомости. 1872. № 285.

⁴²⁴ *Вырубов Г.Н.* Военные воспоминания. С. 100.

болгарам”) и неоправданными с точки зрения собственных интересов России. В военной среде Вырубова поразили страшный разлад, несогласованность действий, отсутствие единоначалия и строгой дисциплины, постоянная и беспорядочная перетасовка войск, среди множества храбрецов он не находил достаточного числа опытных и хорошо подготовленных солдат и офицеров. Начатая без всякой подготовки, “на авось” война закончилась поражением турок. Цена победы оказалась очень дорогой, закидали их “не шапками, как предполагали, а горами трупов наших солдат”. “После всего виденного и испытанного на полях сражений на Западе и на Востоке, – подытожил он свои впечатления, – я громко возглашаю: Да здравствует мир, если не вечный, то по возможности долгий”⁴²⁵.

Из всех этюдов цикла “Воспоминания” наиболее интересными представляются “Революционные воспоминания”, портреты трех видных деятелей русского освободительного движения: Герцена, Бакунина, Лаврова⁴²⁶. Вырубовская трактовка темы привлекает оригинальностью подхода. Каждый из этих деятелей уже занимал вполне определенное место в пантеоне революционных героев. Но никому до Вырубова не приходило в голову соотносить их революционность с природными задатками и темпераментом, определить воздействие революционной ситуации и среды на их поведение и судьбы, спрогнозировать, наконец, меру их влияния на “читателя в потомстве”. При этом мифологизированный образ несколько развенчивался, но высвечивалось многообразие личности и способов ее реализации. Вырубов также предпринял новаторскую попытку дать сравнительный портрет своих героев. Именно этот момент кажется особенно интересным и важным, потому что содержание “Революционных воспоминаний” гораздо богаче, в них много живых наблюдений о событиях и деятелях эпохи.

Вырубов показал то общее, что объединяло Герцена, Бакунина и Лаврова – преданность революционной идее как туманному представлению о “будущем золотом веке человечества”, стремление разрушить существующий строй во имя этого будущего, верность отвлеченным идеям французской революции XVIII в., отсутствие позитивной программы действий. Вырубов отметил общность их идеологической платформы – гегелевскую философию с ее логикой и диалектическими приемами.

Разницу между этими людьми Вырубов относил к разнице темпераментов и дарований. По этому признаку он составил ти-

---

⁴²⁵ Там же. С. 125.

⁴²⁶ *Вырубов Г.Н.* Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров) // Вестн. Европы. 1913. № 1, 2.

пологию своих героев: Герцен – революционный художник; Бакунин – революционный деятель; Лавров – теоретик революции. Вырубов не скрывал своих симпатий к Герцену, он и раньше много писал о своем знаменитом современнике. Вырубов предостерегал от применения эпитета “великий” по отношению к Герцену. Ему казалось, что у Герцена отсутствовала одна непременная черта великого человека – “соответствие между умственными и нравственными способностями и тем делом, на которое они потрачены”⁴²⁷. Вырубов считал, что герценовские таланты не нашли должного применения.

Вырубов находил в Герцене воплощение гениальной одаренности. В его представлении Герцен был художественной личностью во всех ее проявлениях, в восприятии жизни, в преломлении ее по отношению к практической деятельности и творчеству. Именно художественное творчество, по глубокому убеждению Вырубова, было истинным призванием Герцена: “В этой сфере он был полный хозяин, безупречный мастер”⁴²⁸, здесь он царил безраздельно и никогда бы не вызвал упреков, как это было в случае с политической деятельностью. Достаточно случайные и внешние, по мнению Вырубова, обстоятельства выдвинули Герцена на роль вождя политической партии, тогда как по своим природным задаткам он не был создан для подобной роли, он был слишком далек от программы практических действий, слишком возвышался над толпой, чтобы иметь на нее непосредственное влияние. Его основные требования – освободить “крестьян от помещиков, печатное слово от цензуры, личность от побоев” носили, по оценке Вырубова, скорее нравственный, чем политический и государственный характер. Общая значимость гуманистических идеалов Герцена снискала ему необычайную популярность среди самых различных слоев русского общества, но, как только эти требования были удовлетворены реформами 60-х годов XIX в., политический вес Герцена резко упал.

Характерно, что исходя из творческих потенций личности и способов их реализации, Вырубов сблизил человеческие судьбы таких разных и столь различно им ценимых людей, как Герцен и Лавров. Вырубов считал “усидчивого эрудита” Лаврова гораздо менее одаренным, чем Герцен. Он полагал, что так же, как и в случае с Герценом, судьба обошлась с ним несправедливо, навязав ему, кабинетному ученому, совершенно несвойственную роль активного политика и оппозиционера. Вырубов не отрицал мирный характер творчества Лаврова, но ставил ему в упрек, что он

---

⁴²⁷ Там же. № 1. С. 60.

⁴²⁸ Там же. С. 64.

разжигал страсти у “разгоряченной” молодежи: «Сколько “лавровцев” погибло в русских тюрьмах и сибирских тундрах»⁴²⁹. Этот упрек относится скорее к практической пропаганде русских народолюбцев, от которой Лавров был далек. Сам того не ведая, Вырубов подтвердил мнение знатоков творчества Лаврова, которые полагали, что политическая борьба в значительной мере подавила его действительное призвание историка естествознания и философа науки.

Еще менее, как казалось Вырубому, реализовал свои незаурядные способности “даровитый” Бакунин. По своим задаткам – железной воле, кипучей энергии, он был создан для плодотворной практической деятельности. Вырубов находил, что его сила состояла не в сочинительстве, а в ораторском таланте, он зажигал слушателей, проповедуя с одинаковым блеском на многих европейских языках. Вырубов был уверен, что живи Бакунин в эпоху французской революции, он стал бы одним из ее великих трибунов наряду с Дантоном, Маратом и Бабефом. В отсутствии революционной ситуации Вырубов уподобил его бурную деятельность сизифову труду, когда жизнь прожита в подготовке несостоявшихся политических и социальных революций.

Вырубов поставил посмертную судьбу своих героев в зависимость от содеянного ими: “Герцен останется как художник свободной мысли, и слава его не померкнет с годами; Бакунин теперь уже забыт, как забыты те практические деятели, много работавшие, но ничего не сотворившие – все в свое время знаменитые актеры и виртуозы”⁴³⁰. В этом Вырубов не был большим провидцем – жизнь литературного шедевра, всегда долговечнее, чем жизнь политической листовки. “Былое и думы” до сих пор еще остаются любимой книгой русской образованной публики. Смелость и новизна вырубовского взгляда состояла в том, что художественное творчество было поставлено выше политической борьбы, тем более что Вырубов не видел в этой борьбе элементов конструктивной программы даже в отдаленной перспективе, ибо только это оправдывало в его глазах разрушительный пафос революции.

Записки о Парижской коммуне и заметки об испанской междоусобной войне 1874 г. – это сокращенный вариант его же фельетонов, напечатанных в “СПб ведомостях”⁴³¹. Вырубов подчеркнул неполноту своих впечатлений, его мало интересовали поли-

⁴²⁹ Там же. № 2. С. 70.

⁴³⁰ Там же. С. 49.

⁴³¹ *Вырубов Г.Н.* Между двумя войнами: Воспоминания о Парижской коммуне и испанской войне // Вестн. Европы. 1914. № 1, 2.

тические страсти, разгоревшиеся во время Коммуны. Он отдавал все силы привычному для него делу – помощи раненым в барачной больнице *Cour de Reine*. В близко знакомой ему профессиональной среде он обнаружил следы чудовищной некомпетентности. Некомпетентность царила во всех областях деятельности Коммуны – этого слепого и слабого, как казалось Вырубову, подражания революции XXIII в. Некомпетентность и бессилие в военных и гражданских делах, по его глубокому убеждению, сгубили Парижскую коммуну. Вырубов был лично знаком с некоторыми ее деятелями, находил среди них много благородных, честных и бескорыстных людей, подобных генералу Я. Домбровскому, но он признавал также, что “извержение народного вулкана” вынесло на поверхность много людских отбросов, любителей ловить рыбу в мутной воде. Такие личности наводнили обе партии, с самого начала они придали гражданской войне дикий и необузданный характер. В такой обстановке Вырубов затруднялся в том, кому отдать предпочтение. “Кровавая неделя” версальцев затмила все ужасы Коммуны, по понятиям Вырубова, их зверства нельзя было оправдать никакими соображениями высшего порядка, ибо “торжествовал не порядок, торжествовали необузданные страсти расшвырявшей солдатчины”⁴³². В реальной жизни, в пору версальского террора Вырубов встал на сторону побежденных, назвав “отчаянной и геройской” оборону коммунаров на кладбище Пер-Лашез. “Стена коммунаров” на месте их расстрела осталась напоминанием о событии, которое в исторической ретроспективе Вырубов расценил как явление “не на своем месте и не в свое время”⁴³³.

“Нагая правда” Вырубова, его старание оставаться объективным, все же часто носит отпечаток его личных пристрастий. В чем он, действительно, был неизменен – это в том, что никогда не поддавался влиянию конъюнктурных соображений, никогда не гнался за дешевой популярностью у читателя в ущерб своим убеждениям и всегда находил в себе смелость выступать в разрез с общепринятыми мнениями, рискуя заслужить репутацию консерватора, клеветника и даже русофоба. О качестве вырубовской публицистики свидетельствует ее высокая оценка такими профессионалами, как В.Ф. Корш, И.С. Тургенев, М.М. Ковалевский.

---

⁴³² Там же. С. 193.

⁴³³ НБ МГУ. ОР. Ф. 12. Карт. 3. Д. 39. № 498. Л. 1064.

Вырубов о судьбах России

Немаловажной ипостасью многообразного творчества Вырубова были его размышления о судьбах России. Все написанное Вырубовым о родине носит характер зарисовок современной российской действительности. На страницах “Позитивной философии” он писал о самодержавии, духовенстве, нигилистах, сельской общине, пьянстве. Этот вполне конкретный материал послужил основанием для общих выводов о судьбах России.

Вырубов подходил к своей задаче не как историк, его не интересовало многообразие фактов из прошлого России. Он рассматривал страну как гигантскую социологическую лабораторию, как модель общественного и государственного устройства, на которой можно изучать общие закономерности исторического развития.

Вырубов откровенно от западничества. Ему претили огульное отрицание прошлого своей родины и слепое подражание западным образцам культуры. Но в его концепции прошлого и будущего России можно найти точки соприкосновения с этим течением отечественной общественной мысли. Представления Вырубова особенно близки философскому взгляду на Россию П.Я. Чаадаева. Оба они приписывали христианству исключительную роль в становлении западноевропейского социума и культуры. Оба с горечью констатировали, что современная им Российская империя представляет страну бескультурную, варварскую и дикую. Чаадаев считал, что Россия выпала из мирового процесса развития, не принадлежит ни одной цивилизации и для нее имеет существенное значение географический, а не исторический фактор. Вырубов как бы нехотя признавал срединное положение России между Европой и Азией. “Сколько времени понадобится, чтобы этот запад Азии действительно превратился в восток Европы?” – сетовал он, но не акцентировал на этом особого внимания¹. Россия с ее прошлым, настоящим и будущим, ду-

---

¹ *Wyrouboff G. Deux mois entre l'Europe et l'Asie // Ph. pos. 1876. Т. 16. № 4. Р. 40.*

мал он, всецело принадлежит Европе. Соседство Азии, по его мнению, сыграло для России роковую роль. Оно затормозило развитие необходимостью борьбы с суровой природой и с азиатскими кочевниками. Еще одну несправедливость, как ему казалось, допустила судьба по отношению к России – это византийская форма христианства, принятая страной. Вырубов полагал, что принятие православия сразу же отодвинуло Россию от западного мира, что в X в. она была более европейской страной, чем в XVIII. Он повторил позитивистский тезис о том, что западноевропейская культура обязана своим появлением не столько христианству, сколько наследию античного мира.

Православное христианство, введенное насильственно и несколько преждевременно среди народа, еще не изжившего языческих верований, по мнению Вырубова, не пустило глубоких корней в душах россиян. Ему казалось, что в противоположность странам западного мира христианство в России не выполнило цивилизующей миссии: оно не смягчило грубости азиатских нравов, ничего не противопоставило всеокрушающей деспотии, которая находится здесь в прямом соответствии с крайними проявлениями русского характера в сфере интеллекта, политики, морали. В религиозной смуте первых веков, последовавших за принятием христианства, Вырубову виделись истоки политических и социальных потрясений, раздиравших страну на протяжении всей ее истории.

В противоположность Чаадаеву Вырубов признавал, что тысячелетнее существование России создало свою цивилизацию, но находил ее примитивной, считая, что ее отличительные особенности состоят не в своеобразии расы, почвы или климата, а в отсутствии позитивного знания².

Политическая система России, согласно представлениям Вырубова, не имеет ничего общего с современной цивилизацией, хотя она и необходима в определенную эпоху исторического развития. Вырубов был убежден, что в России нет еще почвы для республиканского правления, и неоднократно повторял, что Россия – монархическая страна. Это нужно принимать как данность при размышлении о ее ближайшем будущем, так как только монархия способна уравновесить интересы всех сограждан, ей противостоит самая необузданная анархия³.

Вырубов признавал, что по мере прогресса общества самодержавие в виде деспотии, византийской автаркии теряет почву в русской действительности. Оно должно быть заменено более

---

² *Wyrouboff G.* La Russie dans le passé et dans le présent // *Ibid.* 1881. Т. 27. N 1. P. 55.

³ *Wyrouboff G.* L' autocratie et nihilisme // *Ibid.* 1883. Т. 30. N 4. P. 11; *Idem* La Russie dans le passé ... P. 63.

гибкой, несколько модифицированной, но все же монархической, формой правления. Ограниченная монархия должна привести верховную власть в соответствие с новой социальной структурой общества, сложившейся после реформ 60-х годов XIX в.

Значимость этих реформ для России, думал он, вполне сопоставима с преобразованиями Петра I. Тогда, в начале 60-х г. Россия стала огромной социологической лабораторией, где правительство с поистине чрезвычайной дерзостью проводило крупные реформаторские эксперименты, одна идея которых повергала в ужас государственных мужей Запада⁴. При этом Вырубов считал, что реформы провалились, так как не достигли основных своих целей, они не создали гарантий для личной свободы и частной собственности – двух фундаментальных опор современной цивилизации. Россия осталась страной, где личная свобода граждан не защищена от притеснений, где частная собственность отдана на откуп первому попавшемуся чиновнику⁵.

Неумелое проведение реформ, стремление обуздать либеральное движение, встать на его пути привели к небывалому брожению в умах россиян, и без того шатких из-за слабого влияния объединяющей религиозной идеи. В России, по его наблюдениям, западные социалистические идеи приобрели форму “испорченной философии”. Были восприняты лишь их разрушительные положения, отрицание всех общественных институтов прошлого, политических и нравственных авторитетов, религии. По его мнению, иного и не могло быть, в стране на девять десятых неграмотной. В низком уровне цивилизованности видел Вырубов источник всех бед России. Согласно его логике, получалось, что народ в стране нищенствует не из-за перенаселенности или чрезмерной эксплуатации, а из-за недостатка деятельной жизни, а это в свою очередь снижает его материальные и особенно интеллектуальные потребности⁶. В России последних десятилетий XIX в. Вырубов обнаруживал приметы перехода к промышленной цивилизации. Он с удовлетворением отмечал, что страна встала на путь развития крупной индустрии и формирования пролетариата, уже принятый ведущими странами Западной Европы. Это звенья одного ряда, и никакие силы, думал Вырубов, не помешают России рано или поздно ступить на европейскую стезю развития и вместе с передовыми народами стремиться к высшей цели современной цивилизации – к материальному и интеллектуальному благосостоянию масс.

---

⁴ *Wyrouboff G. La Russie scéptique // Ibid. 1873. Т. 25, N 3. P. 330.*

⁵ *Wyrouboff G. L' autocratie ... P. 14.*

⁶ *Wyrouboff G. La Russie dans le passé... P. 63:*

В консервации в России сельской общины как определяющего структурного элемента хозяйствования Вырубов видел существенный тормоз для экономического и социального прогресса. Вместе с тем он приписывал общине роль стабилизирующего элемента при переходе к промышленной цивилизации. Он надеялся, что, используя европейский опыт, Россия сможет сократить переходный период, в котором так долго барахталась Европа, и не истощит силы в беспрерывных классовых битвах, избежит обнищания пролетариата. «Россия вступит однажды, и я надеюсь, что этот день недалек, – писал он, – в большую европейскую семью, чтобы делить с будущей Европой все удачи и все превратности судьбы, а не затем, чтобы раздавить Европу. Россия воспользуется уроками, которые дает ей Запад, она начнет быстро продвигаться вперед, и, выровняв все классы общества, она в несколько раз повысит свой интеллектуальный и моральный уровень»⁷. Смысл этого движения, по Вырубому, состоит в том, чтобы вступить в эпоху «научного развития человечества, без него на земле не возможны ни истинное нравственное счастье, ни истинное материальное благосостояние»⁸.

Пророчества Чаадаева и Вырубова относительно будущего России схожи. Оба предполагали, что Россия пойдет путем, уже проложенным странами Запада, воспользуется «методологической стороной дела», чтобы сделать «лучше, чем другие, не впасть в чужие ошибки и суеверия»⁹. На России, как им казалось, лежит миссия осуществления многих социальных задач, воплощение большей части идей, возникших в старых обществах. Однако средства достижения цели виделись ими по-разному. У Чаадаева – это оживление христианства в его западноевропейской форме, водворение царства Божия на земле, у Вырубова – прогресс позитивного знания, место Бога у него занимает всесильный человеческий разум.

Вырубов связывал будущее России с безграничной верой в исторический прогресс, воплощенный в форму справедливого социального общества, верил в благодатное влияние науки на развитие человечества. В отношении первого Вырубов не ошибался. Он чутко уловил становление на Западе того, что нынче принято называть гражданским обществом. Многие принципы социализма вошли в обиход наиболее развитых стран мира. Что каса-

---

⁷ *Wyrouboff G. Le clergé russe: La réforme de clergé russe par le P. Gagarin, 1867. Versailles, 1868. P. 24.*

⁸ *Вырубов Г.Н. Предисловие // Литтре Э. Несколько слов по поводу положительной философии. Берлин, 1968. С. XVI.*

⁹ *Богучарский В.Я. Три западника сороковых годов. СПб., 1901. С. 379.*

ется второго, то существующее в наши дни положение дел в экологии, в социальной и нравственной сферах, в области безопасности граждан заставляет усомниться в непогрешимости прогноза. Что касается России, то вопреки ожиданиям Чаадаева и Вырубова она не воспользовалась уроками, преподнесенными ей Европой, и выбрала свой путь. Слишком умозрительным оказалось примеривание к нуждам России, этой огромной евразийской державы, форм и мерок западного мира, хотя она и впитала многие завоевания Запада, и в свою очередь много дала мировой культуре. Мечта не только об общеевропейской, но и общемировой семье народов, для воплощения которой беззаветно трудились Герцен, Вырубов и многие их современники, и о достойном в ней месте для России отнюдь не кажется утопичной, хотя все еще остается не реализованной.

Хроника жизни Г.Н. Вырубова

- 31 октября (1 ноября) 1843 г.** – родился в Москве
1852–1855 гг. – пребывание на юге Европы (Италия, Швейцария, Франция)
1856–1857 гг. – учеба в лицее Бонапарта в Париже
1 янв. 1858 г. – начало учебы в Александровском лицее
1859 г. – годичный отпуск, поездка в Швейцарию
1862 г. – окончание Лицея
1862–1864 гг. – вольный слушатель Московского университета
1864–1865 гг. – поездка в Париж и Германию для завершения научного образования
1865–1866 гг. – поездка в Париж для подготовки магистерской диссертации
ноябрь 1866 г. – отъезд из России
1865–1870 гг. – знакомство с А.И. Герценом, речь на его могиле (январь 1870) на кладбище Пер-Лашез
1867–1883 гг. – редактирование и издание журнала “Позитивная философия”
1867, 1868, 1869 гг. – участие в международных конгрессах Лиги мира и свободы
1870–1871 гг. (осень–весна) – работа дежурным хирургом общества Красного креста во время осады Парижа и Парижской коммуны
1872 г. – вступление в масонскую ложу
1875–1879 гг. – редактирование первого на русском языке “Собрания сочинений” А.И. Герцена
1875 г. – женитьба на Анне Поццо ди Борго
1877 г. – начальник санитарного отряда Эриванского полка на русско-турецкой войне
август 1883 г. – речь на гражданской панихиде И.С. Тургенева в Париже
январь 1886 г. – смерть жены
февраль 1886 г. – защита диссертации доктора физики в Сорбонне
1887 г. – натурализация
1888 г. – гражданский брак с Софьей Рише
1891 г. – последняя поездка в Россию
1893 г. – чтение курса лекций по молекулярной физике в Сорбонне
1894–1899 гг. – участие в кампании в защиту А. Дрейфуса
1895 г. – смерть матери
1899 г. – смерть сестры

1899 г. – записка о реформе Александровского лицея в Петербурге

1901 г. – записка о реформе русских университетов

1903 г. – чтение лекций по редкоземельным элементам на кафедре минералогии Коллеж де Франс

1904–1913 гг. – чтение курса лекций по истории науки в Коллеж де Франс

30 ноября (13 декабря) 1913 г. – смерть, похороны на кладбище Пасси в Париже.

Приложения

1. Список сокращений

- ВИЕТ – Вопросы истории естествознания и техники (журнал)
ВСЗ – Всероссийский земский совет помощи больным и раненым
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЖРФХО – Журнал Русского физико-химического общества
Земгор – Союз земств и городов России, позднее Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей
ИИЕиТ РАН – Институт истории естествознания и техники РАН
Институт [Франции, Institut de France] – объединение 5-ти академий в Париже. Принадлежность к Институту – высшая форма официального признания.
ИРЛ – Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом)
НБ МГУ ОР – Научная библиотека Московского государственного университета. Отдел редких книг и рукописей
МОИП – Московское общество испытателей природы
ОЛЕАЭ – Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ ОР – Российская государственная библиотека. Отдел рукописей
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
ACF – Archives Collège de France (Архив Коллеж де Франс)
AN – Archives Nationales (Национальный архив)
Bull. Soc. Chim. – Bulletin de la Société chimique de France (Бюллетень Французского химического общества)
Bull. Soc. Franç. minéral. – Bulletin de la Société française de minéralogie (Бюллетень Французского общества минералогии)
C.R. – Comptes rendus hebdomadaires des séances de l'Académie des Sciences (Отчеты Академии наук)
Ph. pos. – La philosophie positive. Revue dirigée par É. Littré et G. Wyrouboff (“Позитивная философия”, журнал редактируемый Э. Литтре и Г. Вырубовым)

2. Архивные документы и представление на премию Лаказа

№ 1

Письмо Г.Н. Вырубова Г.Е. Щуровскому

Москва. 24 октября 1866 г.

Ваше превосходительство Григорий Ефимович!

Покидаю Москву под тяжестью университетской экскоммуникации (excommunication-отлучение. – *Авт.*), покидаю ее без злобы, без негодования. Мнение мое о Московском университете составилось уже давно, и такой исход моего дела я предвидел и ожидал. Может быть, если бы это случилось неожиданно, пришел бы момент разочарования, а за ним неизбежно момент раздражения, – но смею Вас уверить, ни того, ни другого не было: разочароваться я не мог, потому что не был никогда очарован, сердиться мне было не на кого, потому что пришлось бы сердиться на всех.

Перед отъездом в другие, более гостеприимные края позвольте сказать Вам несколько прямых, откровенных слов, позвольте попросить у Вас несколько минут внимания, которым постараюсь не злоупотребить.

Прежде всего, полагаю необходимым заявить, что вся вина встретившихся недоразумений принадлежит мне. Еще в прошлом году, когда Вы предложили мне занять кафедру в университете, еще прежде этого, я должен был понять, что быть мне в университете так же невозможно, как и невозможно мне возвратиться к прежним, наивным понятиям моего детства. Я думал, что возможно какое-нибудь примирение, какое-нибудь взаимодействие, – спешу признаться, что смешна и наивна была эта надежда. В длинном ряду философских систем, выработанных человечеством, я и Московский университет занимаем две крайние точки: я занимаю скромное место на конце левой стороны, Московский университет блестящим образом занимает край правый. И так велико разделяющее нас расстояние, что нечего и думать подать друг другу руку: только жалкие болезненные продукты могло бы породить наше сотрудничество. Наш разрыв, тихий и миролюбивый, не пройдет без плодотворных последствий: университет избавится от беспокойного последователя новых идей, я избавлюсь от неприятной обязанности стесняться в приложении и популяризировании этих идей. Московский университет, захлопывая мне свои двери, открыл мне невольно другой выход, из которого видна широкая и беспредельно длинная дорога. Я наскоро уло-

жил свой нетяжелый дорожный мешок, взял свою дорожную палку и завтра утром пускаюсь по этой дороге. В ней мы с вами, Григорий Ефимович, не встретимся и на ней мы с Вами не будем конкурировать – это можно сказать наверное, дадим же друг другу на прощание руку и пожелаем друг другу успеха, – так должны расстаться честные деятели.

РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 10. Л. 40 об. – 42. Автограф

№ 2

Письмо Вырубова секретарю Московского общества испытателей природы К.И. Ренару

Париж 16/28 октября 1867 г.

Дорогой меесье,

Позвольте мне обратиться к вам, чтобы просить представить от моего имени Обществу естествоиспытателей Москвы, секретарем которого вы являетесь, палеонтологическую коллекцию. Я собрал ее во время частых путешествий, она сейчас находится в Москве. В настоящее время эта коллекция мне не нужна, т.к. я полностью оставил геологию, чтобы заняться исключительно кристаллографией. Мне хотелось бы, однако, чтобы она не пропала без пользы, и я не придумал ничего лучшего, чем предложить ее обществу, которое насчитывает среди своих членов столько работников, преданных геологии.

Бросив взгляд на собрание моих ископаемых, вы увидите, что лучшую его часть составляют новые формации, особенно формация третичного периода, которая представлена очень богато. Я позволю себе привлечь внимание тех, кто пожелал бы заняться русским третичным периодом, к той части коллекции, которая относится к парижскому бассейну. Почти все типы определены г-ном Дегеем и значительная часть собрания происходит из его неисчерпаемой коллекции, которую он всегда с такой готовностью предоставляет в распоряжение иностранных геологов. Осмелюсь утверждать, что ни в одном собрании в России, не исключая Горную школу в Петербурге, не найдется коллекции моллюсков третичного периода, определенных с таким тщанием и точностью. Я надеюсь, что коллекция будет полезным приобретением для общества.

Я предлагаю коллекцию лишь при одном условии, но оно неукоснительно. Я желаю, чтобы коллекция оставалась полной и исключительной собственностью Общества и не перешла в университетский музей. Позвольте мне в нескольких словах пояснить мое условие, чтобы оно не было превратно истолковано. Я всегда думал и сейчас уверен в этом больше, чем когда бы то ни было, что исключительной задачей университета является подготовка не ученых, а образованных людей, что он должен давать общую, а не специальную подготовку. Я, возможно, ошибаюсь, но такова моя идея фикс и я утешаюсь тем, что не единственный ее придерживаюсь. Дж.Ст.Милль ее открыто исповедует. Итак, моя коллекция, которая может иметь интерес для специалиста, не представляет никакой ценности для коллекционера, она потеряется без всякой пользы для кого бы то ни было в многочисленных витринах универ-

ситетского музея. Думаю, что не совершу ошибки по отношению к факультету, когда лишу его совершенно ненужной ему вещи.

Буду вам очень обязан, дорогой меcье, если в ответном письме вы проинформируете меня о решении Общества по отношению к моему незначительному дару, который, поверте мне, я предлагаю с искренним удовольствием.

Примите, сударь, мое почтительное приветствие.

Арх. МОИП. 1867. Д. 423, Л. 401–403. Автограф. Пер. с фр.

№ 3

Письма Г.Н. Вырубова П. Гроту

Париж 4 декабря 1888 г.

Дорогой меcье,

Премного благодарен за очень любезное письмо и приношу извинения за ошибку, совершенную брошюровщиком. Я сегодня же распоряджусь, чтобы мой издатель переслал вам экземпляр листа 8, который у вас пропущен.

Я очень рад, что ваши наблюдения над пластинами камфарного вещества подтвердили мои предвидения и предоставили еще один аргумент в пользу диссертации, которую я защитил, и который мне кажется единственно верным подтверждением вращательной поляризации.

Физики, которые в массе используют абстракции вместо того, чтобы опираться на реальность, несомненно, будут иметь лишь одну заботу – принять эту новую интерпретацию феномена, который они считали столь хорошо изученным, однажды они будут вынуждены согласиться с очевидностью.

Я был бы очень вам признателен, дорогой меcье, за присылку работ, которые публикуют стажеры вашей лаборатории, а именно работы г-на Вернадского, о которой вы мне предварительно сообщили.

Прошу вас, дорогой меcье, примите уверения в моем самом глубоком уважении.

1888 г.

Г. Вырубов

Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek (München). Wyruboff G. Brief N 2. S. 1–2. Автограф. Пер. с фр.

№ 4

Париж 11 мая 1898 г.

Дорогой меcье,

Приношу извинения за многочисленные ошибки, на которые вы мне указали. Однако же я дважды проверил корректуру, и должен признаться, что я очень плохой корректор. Вот исправленные цифры: (приводятся исправления. – *Авт.*).

С великой радостью узнал о реализации вашего проекта репертуара кристаллических форм. С тех пор, как книга Раммельсберга ста-

ла не только неполной, но и недостаточной, очень не хватало подобной работы. Несколько лет тому назад я имел намерение взяться за это дело и даже нашел сотрудника, готового мне помочь. Но меня постоянно отвлекали работы, которые поглощали меня без остатка и не оставляли времени.

Сейчас я занят исследованиями по молекулярной физике. Мне понадобилось свести воедино все, что мы имеем в настоящее время в вопросе симметрии. Занимаясь этим, я столкнулся со странным обстоятельством, а именно: г-н Либих исследует скольжение (неразборчиво. – *Авт.*) иначе говоря, в сущности, в качестве феноменов определения минеральных видов использует эллипсоиды!

Сердечно ваш
Г. Вырубов

Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek (München). Wyruboff G. Brief N 5. S.1–3. Автограф. Пер. с фр.

№ 5

Париж. 26 мая 1906 г.

Дорогой меесь,

Г-н Браун опубликовал несколько лет тому назад (*Z.f.Kr.* t. 34, p. 428) оптические константы двойных аммиачных солей дидима и лантана. Я только что определил некоторые из этих констант продуктов... (неразборчиво. – *Авт.*) чистых солей... (неразборчиво. – *Авт.*) и установил, что константы г-на Брауна для лантана содержат дидим и что дидим в особенности содержит более 50% лантана. Но имеется другая, более серьезная позиция, в которой мы сходимся. Г-н Браун нашел, что соль дидима диморфна и обладает ромбоэдрической формой. Итак, эта форма, которую он описал, во всех точках идентична: а именно – это уже давно известная двойная соль магнезии. Существует ли соответствие, содержит ли раствор магнезию или один из металлов–магний? Поскольку работа вышла из вашей лаборатории, вы, возможно, сохранили некоторое количество кристаллов и могли бы легко подтвердить с помощью простого качественного наблюдения отсутствие аммиака и присутствие металла магнезии. Прежде чем будет опубликована моя заметка, я хотел бы, чтобы эта двусмысленность была устранена.

Сердечно ваш
Вырубов

Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek (München). Wyruboff G. Brief N 9. S.1–2. Автограф. Пер. с фр.

№ 6

Аркашон (Жиронда)
19 мая 1910

Мой дорогой коллега,

Я получил ваше письмо, находясь на юге Франции. Я живу здесь уже 6 недель, чтобы поправить здоровье после тяжелой болезни прошедшей зимы, которая чуть не унесла меня на тот свет.

Здесь у меня нет никаких документов, чтобы ответить на ваш запрос, но через 8 дней я возвращаюсь и тогда отправлю вам необходимые разъяснения. Случай камфары не единичный. Активный... (неразборчиво, вероятно, какое-то соединение борной кислоты. – *Авт.*) и виноградная кислота идентично представляют ту же клиноромбическую форму и те же оптические свойства. Я понимаю, что все это очень шатко, но это неоспоримо.

Сердечно жму руку
Вырубов.

Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek (München). Wyrouboff G. Brief N 16. S.1. Автограф. Пер. с фр.

№ 7

Париж
7 июня 1910

Дорогой коллега

Сегодня я вернулся в Париж и спешу отправить вам разъяснения о смеси виннокаменной кислоты и камфары, кристаллы которой вы хотели бы иметь.

Эта просьба побудила меня обратиться к моему другу Jungfleisch, благодаря ему я имею кристаллы, которых у меня не было. Я не знаю упомянутой вами работы Seheir-Ton'a, и я не исследовал воздействие поляризованного света на кристаллы. К несчастью, я все еще болен и не могу работать.

Но вам будет легко сделать это наблюдение, т.к. в (неразб. – *Авт.*) находят синтетическую камфару в больших количествах.

Тысячи дружеских пожеланий
Вырубов

Grothiana. X. Handschriftlicher Nachlaß. Handschriftlichen Abteilung der Bayerischen Staatsbibliothek (München). Wyrouboff G. Brief N 15. S.1–2. Автограф. Пер. с фр.

**Письмо Г.Н. Вырубова
администратору Коллеж де Франс (1903 г.)**

Месье,

Я выдвигаю свою кандидатуру на кафедру Общей истории наук в Коллеж де Франс. Это представление кажется мне резонным только в том случае, если кафедра сохранит чисто научный характер, принятый при ее основании.

Хотя я и опубликовал много работ по философии в журнале “Позитивная философия”, который Э. Литтре и я редактировали с 1867 по 1883 г., я представляю себя не как философ, а как ученый.

Название кафедры можно, несомненно, толковать по-разному, но если под “науками” подразумевать точные науки, начиная с математики и кончая биологией, мне кажется очевидным, что этой кафедре более всего соответствует философская доктрина О.Конта. Наука сама несет в себе философию, но эта философия кончается там, где кончаются наблюдение и опыт и начинаются неподдающиеся проверке гипотезы. Философия не является и не должна быть синонимом тех общих представлений, которые более или менее ловкие метафизики противопоставляют науке под именем той или иной школы. Она является конечным результатом изучения законов, владение которыми позволяет нам познать природу и господствовать над ней.

Исключая математику, первые позитивные теории которой восходят к классической античности, все другие науки возникли сравнительно недавно. Научные астрономия и физика датируются XVII, химия – XVIII, биология – XIX веком. Именно в этом трехсотлетнем интервале их эволюция может представлять для нас общий интерес. Особенно наше внимание должны привлечь настоящее состояние науки и изменения, которые она претерпевает. Эти изменения, иногда кажущиеся и эфемерные, иногда окончательные и плодотворные, редко оцениваются по достоинству из-за их новизны или из-за уже сложившейся привычки. Преподаванию Коллеж де Франс, совершенно свободному от всякой заранее определенной программы, надлежит, как мне кажется, показать, как прошлое науки связано с ее настоящим и как это настоящее может подготовить будущее. “Общая” история наук, так же как история всего, что подвержено эволюции, не должна быть простой констатацией фактов. Она должна быть разумной критикой методов и приемов, с помощью которых эти факты наблюдаются, что позволяет различить в каждой развивающейся эпохе достоверное и преходящее.

Я не преуменьшаю трудности подобной задачи, которая требует кроме разнообразных знаний владения техникой научных исследований. Многочисленные оригинальные исследования по наиболее тонким (деликатным) проблемам физики и химии, результаты которых я опубликовал, и медицинские занятия, которые я никогда полностью не прерывал, дают мне уверенность, что я имею достаточную квалификацию, чтобы попытаться ее выполнить.

Я опубликовал после 1866 г. и до настоящего времени сотню мемуаров и заметок в “Отчетах” Академии наук, в “Анналах химии и физики”, в “Физическом журнале”, в “Бюллетене Французского минералогического общества”. Большая часть моих исследований относится к общей химии (сложные тела, функции окисей, редкоземельные элементы) и к физике среды, обладающей свойством симметрии (ротационная способность, изоморфизм, полиморфные преобразования, феномен растворимости).

Г. Вырубов, доктор наук

ACF. C – XII (Wyrouboff). I A. Автограф. Пер. с фр.

№ 9

Представление Г.Н. Вырубова на кафедру Общей истории наук, сделанное профессором Коллеж де Франс Ф.А. Фуке

Г-н Вырубов в начале своей карьеры специально занимался чистой философией и добился в этой области исследований заслуженной известности. Он был одним из последовательных учеников Огюста Конта и сотрудником Литтре. Выдвижение его кандидатуры на кафедру Общей истории наук в Коллеж де Франс оправдано его собственно научными работами, которые появлялись непрерывно в течение 25 лет и которые обеспечили ему сегодня достойное место среди физиков, химиков и минералогов. Его эрудиция обширна, никакая из наук ему не чужда, что очень редко встречается в нашу эпоху. В наши дни он представляет человека, который, возможно, более всего приблизился к идеалу ученого, компетентного во всех областях обширных владений науки.

Он занимается более специально экспериментальными науками и увлекается одновременно математическими науками, методом которых владеет и в которых может проводить самые смелые исследования. Он – искусный вычислитель, что доказал в своих публикациях по кристаллографии. Вместе с тем он внимательно следит за развитием биологических наук, он подходит к ним практически с точки зрения приложения к гигиене и медицине.

Кафедра истории наук не является кафедрой простой эрудиции. Профессор этой кафедры не может ограничить себя регистрацией научных достижений других исследователей. Чтобы полностью выполнить свою миссию, он должен в них участвовать, для этого ему необходимо постоянное личное участие в наблюдениях и опытах. Никто лучше г-на Вырубова не отвечает этим требованиям. В области строения материи всегда существовали самые разнообразные и часто избитые теории. Как не отметить того, кто может представить новые данные, относящиеся к этому противоречивому сюжету, обнаружить в нем столько лагун и несовершенств, и сразу же взяться за дело, чтобы преодолеть спорные моменты с помощью великолепно проведенных и изобретательных экспериментов?

Эта манера исследований в точности характеризует всю научную работу г-на Вырубова. Одинаково ловкий экспериментатор и проница-

тельный теоретик, он решил большое число сложных и в высшей степени интересных для философии естествознания проблем. Он обогатил науку большим числом новых фактов, установленных всякий раз на неколебимой опытной базе и приводящих к замечательным выводам.

Ко всему этому я добавлю, что он в высшей степени владеет ораторским мастерством. Его речь ясна, прозрачна, лаконична и часто красноречива.

Ф. Фукэ

ACF. C – XII (Wyrouboff). 2. Автограф. Пер. с фр.

№ 10

Вырубов Г.Н.

Записка о своих научных трудах. б/д

Моя научная работа, начатая в 1866 г., относилась к двум совершенно различным отраслям знания, хотя близким между собой и постоянно опирающимся одна на другую: к кристаллографии в смысле изучения свойств тел, обладающих симметрией, и собственно химии. Из этих разнообразных исследований, из коих многие очень обширны и точный список которых помещен в конце этой записки, я изложу здесь лишь общие выводы или новые факты, мои новые идеи, содействовавшие уяснению различных вопросов, которые мне довелось исследовать.

Исследование кристаллографических тел приводит к двум задачам, далеко неодинакового значения, хотя и одинаково важных, а именно: к изучению внешней формы и внутреннего строения. Их решение находится в зародыше в одинаковой степени важных работах Гаюи, но на протяжении трех четвертей века только первая задача занимала исследователей. Под влиянием немецкой школы Вейсса, Мооса, Кеймана кристаллография превратилась в искусство (*procédé*, умение) определения кристаллов в приложении к возможно точному описанию естественных или искусственных веществ. Это исследование внешней формы кристаллических многогранников, разумеется, не было бесполезным, ибо сослужило большую службу минералогии, опыты же дали возможность легко различать виды/ минералов/, но будучи (слишком) исключительно геометрическими, они отвлекли на долгое время от изучения физических свойств кристаллических тел, которые непосредственно зависели от их внутреннего строения.

И не то чтобы не понимали значения другой задачи, неизмеримо более сложной и в силу этого неизмеримо более интересной, но пренебрегаемая кристаллографами она перешла в руки химиков, которые не были ни подготовлены, ни обставлены должным образом для ее разрешения. Изоморфизм, полиморфизм, вращательная поляризация, все явления, зависящие непосредственно от особых свойств кристаллических веществ, рассматривались с чисто химической точки зрения, не внося ничего нового в наши познания о строении кристаллических тел, хотя Браве, геометр и физик, пытался, начиная с 1848 г., поставить вопрос на надлежащую почву, однако его теория, сыгравшая впоследствии столь видную роль в науке, была слишком физической, по отзыву чистых

кристаллографов, и слишком геометрической, по отзыву химиков. Она прошла незамеченной и была оценена по достоинству лишь 30 лет спустя.

В этот промежуток времени, к концу шестидесятых годов благодаря трудам Деклюазо во Франции и в особенности венской школе, инициаторами которой были Грайлих и В. Лонг (Grazilich, V. Long), возникло новое течение, которое стремилось изучать кристаллы не как отвлеченные многогранники или как химические соединения, облеченные в определенные формы, но как физические тела, которые следовало изучать физическими методами. Этому течению следовал я с первых шагов, вся моя продолжительная научная карьера содействовала лишь развитию этой важной и плодотворной идеи. Выделить изучение кристаллов в специальную область, независимо от химических воззрений и связать их историю с общей теорией строения вещества – такова была цель, которую я всегда преследовал. Если эта цель не была вполне достигнута, если многие из тех, которые занимаются кристаллизованными веществами, придерживаются еще прежних воззрений, по крайней мере, я испытываю удовлетворение в том, что это положение, которое я поддерживал почти в течение 40 лет, все более и более завоевывает почву.

Новые общие воззрения в науке, чтобы быть производительными, требуют новых методов исследования. Вместо того чтобы описывать тела, взятые случайно (на удачу), как прежде это делалось из числа тел, которые встречаются в природе или какие изготавливаются в лабораториях, я обращался к возможно длинным рядам веществ, представляющим внешнее сходство между собою, например, соли одной и той же кислоты или одного и того же основания. Такие приемы, несомненно, более продолжительные и трудные, но зато более плодотворные, ибо дают возможность шаг за шагом проследить за развитием (*évolution*) кристаллизованного вещества. Таким образом, я мог составить богатый архив, в котором были собраны все степени изоморфизма, всякого рода полиморфные преобразования, все разновидности ложной симметрии, все переходы от тел, обладающих способностью вращательной поляризации, до тел бездеятельных (*inactif*). Оставалось только распределить весь этот накопившийся материал и получить из него выводы: это я и попробовал сделать.

Я показал, что изоморфизм, псевдосимметрия – явления гораздо более сложные, чем это думали, что они представляют различные виды изменения (*modalité*), которые важно было различить, и что все это было непосредственно связано со строением кристаллической среды, но никак не с химическими свойствами.

Необходимость приготовить и анализировать множество самых разнообразных веществ вновь естественно увлекла меня в свое время в область чистой химии то ради усовершенствования аналитических приемов, то для объяснения неясных реакций. Это отвлечение в область близкую к той, в которой я подвизался в течение стольких лет, оказалось небесплодно. Один, или в сотрудничестве с моим другом Вернейлем, нашел я несколько групп тел, которые по их особым свойствам

нельзя было включить ни в одну из категорий, принятых в минеральной химии, и состав которых мог быть рационально объяснен (истолкован) лишь введением понятия, издавна установленного в химии углерода, а это лучше всяких теоретических соображений доказывает необходимость соединить оба отдела этой науки, разделенные столь неправильно и столь противоречиво. Изучение этих соединений привело меня к исследованию столь капитального в химии понятия об атомности, но до сих пор столь неустоявшегося, и это исследование доставило мне случай открыть действительный реактив – две величины (valeur) этой атомности*.

На этом “Записка” (три листка, исписанных с обеих сторон) обрывается. Обещанный в начале список трудов отсутствует.

РГАЛИ. Ф. 1036. Оп. 1. № 5. Л. 1–3. Автограф.

№ 11

Письмо Г.Н. Вырубова А.Г. Небольсину

Париж 19/28 мая 1910

Дорогой друг Небольсин,

Письмо твое пришло мне в то время, когда я отдыхал в известном тебе Аркашоне от тяжелой болезни, перенесенной зимой, и был еще так слаб, что не мог писать.

Хоть и теперь я еще далеко не поправился, но все же могу держать перо в руках и не хочу дальше откладывать свой ответ.

Ты совсем напрасно так злобно нападаешь на лицей. Он представлял собой единственную общеобразовательную школу в России, которая так страдала отсутствием общего образования. Вопрос о привилегиях лицейцев совсем другое дело и притом побочное. Он может существовать с нами и без нас, лишь бы его устройство соответствовало необходимым педагогическим требованиям.

В том виде, в каком лицей находится теперь, он действительно ни на что не годен, но из этого еще не следует, что его нельзя переделать и приспособить его к настоящему назначению.

Нынешним летом, если здоровье позволит, буду я продолжать свои воспоминания по просьбе “Вестника Европы”. На этот раз речь будет о моих военных похождениях, парижской осаде и войне 1877–1878 гг. Как жаль, что ты не посещаешь Париж! А я уже так дряхл, что о длинных путешествиях не могу и думать.

Крепко жму тебе руку.

Твой Вырубов.

РГИА. Ф. 1001 (А.Г. Небольсина). Оп. 1. № 407. Л. 1–2. Автограф.

**Выписка из решения комиссии Парижской АН от 1901 года
о присуждении премии Лаказа (La Caze)**

“...соединения церия в значительной степени были изучены, благодаря прекрасным исследованиям Мозандера, точным работам Мариньяка и многих химиков: Раммельсберга, Вёлера, Хиллебранда и Нортонна, Клева, Норденскёльда, Поля Дидье, Робинсона и др. Наконец, заметим, что изучение спектров эмиссии и поглощения металлов церита было продолжено особенно Мариньяком, Соре, Таленом, Глэдстоуном, Делафонтемом, Нильсоном, Лекоком де Буабодраном, Анри Беккерелем, Браунером и Демарсеом.

Методы осадков, разделенных на фракции реактивом, или фракционирования двойных солей, которые часто применялись в этих исследованиях, представляют собой ограниченные методы, хотя и давшие очень интересные результаты, но не приводящие к полным разделениям.

Гг. Вырубов и Вернейль оставили эти методы и подошли к тонкой проблеме приготовления окиси чистого церия при помощи чисто химических реакций.

После длительных исследований они установили, что эти редкоземельные металлы обладают любопытной способностью к полимеризации с чрезвычайной легкостью. В связи с этим они дают соединения, устойчивость которых может увеличиваться, но которая будет и меняться при различных реакциях.

Кроме того, гг. Вырубов и Вернейль выявили из совокупности своих исследований другой важный факт: более или менее полимеризованные окислы легко сочетаются между собой, таким образом, что разделение будут усложняться в зависимости от условий среды и изменений температуры. Они установили на многочисленных примерах, что окисел, названный ими церозоцериевым (cerosocerique) соединяясь с лантаном, дидимом или иттрием, будет образовывать сложные окислы формы $\text{Ce}^3\text{O}^4\text{MO}$, которые полимеризуясь, дают два изомерных конденсированных окисла. Поэтому они могут образовать с кислотами соли, аналогичные солям чистого церия. Эти различные реакции демонстрируют большую трудность такого разделения редкоземельных металлов.

Работая в определенных условиях и взяв за исходный материал монацит или церит, гг. Вырубов и Вернейль получили окись церия полностью свободную от тория, лантана, дидима и земель иттрия.

Их способ основывается на разложении нейтрального церозоцериевого нитрата, который распадается, в присутствии нитрата аммония и нитратов протоксидов лантана и дидима, на азотную кислоту, высвобождая ее, и на нерастворимый щелочной церозоцериевый нитрат с четко определенной формулой.

Нитраты лантана, дидима и земель иттрия остаются в растворе, тогда как выпавшее в осадок церозоцериевое соединение влечет за собой окись тория. Этот торин отделяется при помощи карбоната аммония, который от него оставляет, после двух или трех экстрагирований толь-

ко лишь приблизительно один процент в окиси церия. Это количество удаляется путем кристаллизации окисей, превращающихся во вполне нейтральные сульфаты, сульфат тория накапливается в маточных растворах, и остается только удалить посредством нескольких осадений при помощи щавелевой кислоты последние следы железа, которые с совершенно особенной вязкостью присоединяются к соединениям церия. Очищенная таким образом церозоцериевая окись, которую в конечном итоге получают путем кальцинации при высокой температуре оксалата или сульфата церия, является абсолютно белой в холодном виде, и ее атомный вес неизменен.

Вследствие этих первых исследований гг. Вырубов и Вернейль установили атомный вес церия, исходя из гидратированного сульфата церия формулы $(\text{SO}_4\text{Ce})^3, 8\text{H}_2\text{O}$. Вода полностью изгоняется из этой соли при температуре 250° , и получаются постоянные числа. Ученые основали свое определение атомного веса этого простого тела на этой потере воды, контролируя результат при помощи кальцинации при 1500° дегидратированного сульфата.

Затем они изучали отделение окиси тория от земель церита, и их способ исследования был достаточно точным, и это привело их к хорошему методу отделения окиси тория.

Наконец, гг. Вырубов и Вернейль расширили свое исследование, показав общий характер явлений полимеризации, которые встречаются в большом количестве различных соединений, таких как окиси железа, алюминия, хрома и олова, титановой кислоте и двуокиси кремния. Они поместили в один и тот же ряд соединения железа, некогда описанные г. Бешампом, и окиси железа, которые Пеан де Сен-Жиль и Грэм рассматривали, как растворимые окиси.

Эти долгие и трудные исследования, позволившие получить окись чистого церия и определить атомный вес этого элемента, делают великую честь гг. Вырубову и Вернейлю.

Комиссия, констатировав заслуги и оригинальность этих исследований, присуждает премию Лаказ (Химия) за 1901 год гг. Вырубову и Вернейлю.

Эти ученые уже известны по другим публикациям. Достаточно вспомнить многочисленные работы г. Вырубова по кристаллографии, по кремнекислым вольфраматам, двойным оксалатам, ацетатам, хроматам, его прекрасным исследованиям по цианистым железам и двойным рацематам.

Г. Вернейль опубликовал очень интересные исследования о селене и его соединениях; он воспроизвел, в сотрудничестве с Фреми, прекрасные кристаллы рубина и сапфира; наконец, он продолжил длительные и любопытные исследования по фосфоресценции сфалерита и щелочно-земельных сульфидов”.

Un prix La Caze (Chimie) // C.R. 1901. T. 133, № 22. P. 1075–1077.

3. Труды Г.Н. Вырубова¹

Философские и общественно-политические работы, статьи в “Позитивной философии” (1867–1883)²

1867

Qu’ est-ce que la géologie? // Ph. pos. T. 1, N 1. P. 31 etc.
Le certain et le probable. L’ absolu et relatif // Ph. pos. T. 1, N 2. P. 165 etc.
Le congrès de la paix // Ph. pos. T. 1, N 3. P. 477–488.

1868

Le clergé russe: La réforme du clergé russe par le père Gagarin // Ph. pos. T. 2, N 4.
P. 5–26; L’ hypothèse de l’ ether en optique // Ph. pos. T. 2, N 5. P. 246 etc.
L’ enseignement libre // Ph. pos. T. 2, N 6. P. 442–456.
Le Congrès de Berne // Ph. pos. T. 3, N 3. P. 471–485; T. 4, N 5. P. 160 etc; Versailles:
Cerf, 13P.

1869

De l’ individudans le règne inorganique // Ph. pos. T. 4, N 4. P. 52 etc.
De l’ ivrognerie en Russie // Ph. pos. T. 4, N 3. P. 456–466.
De l’ espèce et de la classification en zoologie par L. Agassiz // Ph. pos. T. 5, N 1.
L’ opinion de M.Huxley sur la philosophie positive // Ph. pos. T. 5, N 2. P. 306–311.
Le Congrès de Lausanne. Versailles: Cerf, 13 P.

1870

De la méthode dans la statistique // Ph. pos. T. 6, N 4.
Quelques mots à propos d’ une nouvelle métaphysique // Ph. pos. T. 6, N 5. P. 225 etc.

1871

Le prolétariat en Russie // Ph. pos. T. 7, N 1. P. 5–23.
Le communisme russe // Ph. pos. T. 7, N 2. P. 256–277.

1872

L’ opinion d’ un civil sur la défense de Paris // Ph. pos. T. 9, N 1. P. 101–122;
P.: Chevalier, 60 P.

---

¹ Достаточно большой перечень работ как философского, так и естественнонаучного содержания представлен в “Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Professeur au Collège de France”. P.: Imprimeries CERF S.a. (ACF. C-XII).

² Из-за большого количества журнальных статей приводится выборочная библиография работ Г.Н. Вырубова. Полный перечень публикаций Вырубова, помещенных в “Позитивной философии”, можно найти в “Table générale des matières” (Ph. pos. 1876. T. 16, N 6. P. 483–485; Ibid., 1883. T. 21, N 3. P. 469–470).

1873

- L'école libre des sciences politiques // Ph. pos. T. 10, N 4. P. 115–124.
Les civilisation de l' Extrême Orient sont elles soumises à la loi de trois états? // Ph. pos. T. 10. P. 321 etc.; T. 11, N 1. P. 35 etc.
Discours de M. Wyruboff au banquet offert à M.É. Littré à l'occasion de l'achevèment de son Dictionnaire de la Langue française // Ph. pos. T. 11, N 3. P. 305.
La Russie scéptique (La Russie libre par M. Herworth Dixon) // Ph. pos. N 3. P. 325–348.

1874

- La philosophie positive à l' exposition de Vienne (a obtenu un diplôme d'émérite, comme recueil scientifique) // Ph. pos. T. 12, N 4. P. 159.

1876

- Deux mois entre l'Europe et l'Asie // Ph. pos. T. 16, N 4. P. 13–40.
La minéralogie. Son caractère, sa place dans la classification des sciences // Ph. pos. T. 16, N 5. P. 199–215.
Les ambulances de la Société française de Secours aux blessés pendant la guerre de 1870–71 // Ph. pos. T. 16, N 6. P. 376–403.
A l'anniversaire de la réception de M. Littré dans la Franco-Maçonnerie // Ph. pos. T. 17, N 2. P. 270–287.

1877

- Lettres d' Asie // Ph. pos. T. 19, N 3. P. 429–448.

1878

- Lettres d'Asie // Ph. pos. T. 20, N 4. P. 99–114.

1879

- La philosophie matérialiste et la philosophie positive // Ph. pos. T. 22, N 4. P. 23 etc.
Remarques sur la philosophie critique en Allemagne // Ph. pos. T. 22, N 6. P. 375 etc.
De l' esprit métaphysique en chimie // Ph. pos. T. 23, N 2. P. 177 etc.

1880

- Lettres de Russie // Ph. pos. T. 24, N 4. P. 5–31.
L' influence métaphysique en biologie. L' antropologie. Ce qu' elle est? Ce qu'elle doit être // Ph. pos. 1880. T. 24, N 6. P. 345 etc.
A propos d'antropologie. Reponse à M. Dally // Ph. pos. T. 25, N 2.
Les hypothèses scientifiques // Ph. pos. T. 25, N 2. P. 169–184.

1881

- La sociologie et sa méthode. La sociologie: Essais de philosophie scientifique par E. De Roberty // Ph. pos. T. 26, N 4.
Les modernes théories du néant: Schopenhauer, Leopardi, Hartmann. Ph. pos. T. 26, N 5. P. 151 etc.
La Russie dans le passé et le présent // Ph. pos. T. 27, N 1. P. 50–73.
Programme d'un cours d'ethnologie par E. Dally // Ph. pos. T. 27, N 3. P. 319.

1891

Paroles prononcées sur la tombe de Pierre Petroz le 6 février 1891. Paris: Impz. de Cerf et fils.

1882

La conception métaphisique d'une vie universelle // Ph. pos. T. 28, N 6.
Académie Française. Discours de réception de M. Lois Pasteur. Wyruboff. Les deux opinions académiques sur M. Littré // Ph. pos. T. 29, N. 1. P. 151–156.

1883

L'autocratie et nihilisme // Ph. pos. T. 30, N 4. P. 5–24.
Lois Blanc et Gambetta // Ph. pos. T. 30, N 5. P. 300–309.
Ce qu' il faut pour philosopher? // Ph. pos. T. 31, N 1. P. 5–26
Quelques considérations sur la morale // Ph. pos. T. 31, N 3. P. 324–338.

1893

Caubet J.-M.-L. Souvenirs (1860–1889). Avec une préf. de G. Wyruboff. Paris: Cerf. 276 P.

Естественнаучные работы³

1866

О красящих веществах плавиков. М.: Университетская типография (Катков и К°).
Sur les substances colorantes des fluorines // Bull. Soc. Chim. T. 5. P. 334–347.
Recherches microscopiques sur les substances colorantes des fluorines // Bull. Soc. Natur. Moscou. T. 39, N 3. P. 150–162.

1867

Sur les propriétés optiques de quelques nouveaux tartrates // Ann. Chim. Phys. Sér. 4. T. 10. P. 455–461.
Nouvelles recherches microscopiques sur les substances colorantes des fluorines // Bull. Soc. Natur. Moscou. T. 40; N 3. P. 228–240.

1869

Recherches chimiques et cristallographiques sur les cyanoferrures. Premier mémoire // Ann. Chim Phys. Sér. 4. T. 16. P. 280–308.

1870

Recherches chimiques et cristallographiques sur les cyanoferrures. Deuxième mémoire // Ann. Chim Phys. Sér. 4. T. 21. P. 271–291.

---

³ Представлена наиболее полная библиография работ. Хотя, несомненно, мно- : гие работы остались за рамками настоящего перечня.

1876

Recherches sur les ferrocyanures. Troisième mémoire // Ann. Chim Phys. Sér. 5. T. 8. P. 444-486.

1877

Note sur la composition et la forme cristalline de deux nouveaux ferricyanures et d'un sulfocyanoplatinate de potassium // Ann. Chim. Phys. Sér. 5. T. 10. P. 409.

1879

Sur les propriétés optiques des mélanges isomorphes // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 2. P. 91. etc.

Contribution à l'étude de l'isomorphisme chimique, géométrique et optique // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 2. P. 170 etc.

Note sur les figures de corrosion des silicates amorphes // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 2. P. 213 etc.

1880

Quelques remarques à propos des propriétés optiques des mélanges isomorphes // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 3. P. 69.

Sur les analogies cristallographiques des sulfates et chromates de soude // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 3. P. 75

Sur les rapports géométriques qui existent entre plusieurs chromates alcalins // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 3. P. 136 etc.

Sur les rapports géométriques qui existent entre plusieurs sulfates alcalins // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 3. P. 198 etc.

1881

Un cas curieux de mélanges isomorphes. Trichromates et tétrachromates de potasse et d'ammoniaque // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 4. P. 17 etc.

Sur l'orientation des chromates anhydres neutres et acides de potassium de rubidium, d'ammonium et de sodium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 4. P. 120 etc.

Tétrachromate de potasse et d'ammoniaque // Bull. Soc. Chim. Sér. 2. T. 35. P. 162 etc.

Sur quelques sulfates alcalins doubles // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 5. P. 35 etc.

Sur la dispersion du chromate de soude à 4 H²O // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 5. P. 160 etc.

Sur la dispersion tournante de quelques substances orthorhombiques // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 5. P. 272 etc.

1883

Formes cristallines et propriétés optiques de quelques sels (Tartrate de Li-Rb. Tartrate de Li-Tl. Tartrate neutre de rubidium. Tartrate neutre d'ammonium. Malate acide d'ammonium. Racémate de Li-K. Perchlorate de Li) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 6. P. 53 etc.

Recherches cristallographiques sur quelques nouveaux tartrates (racémate acide d'ammonium, racémate acide d'thallium, racémate acide d'potassium, racémate acide de rubidium. Tartrate inactif acide d'thallium. Tartrate inactif acide de rubidium) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 6. P. 310 etc.

1884

- Observations relatives aux théories de M. Pasteur sur la dissymétrie moléculaire // Bull. Soc. Chim. T. 41. P. 210–214.
- Sur le dimorphisme du sulfate acide de potasse et la forme cristalline de la misénite // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 5 etc.
- Détermination des indices de réfraction du sel de Seignette ammoniacal // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 8 etc.
- Sur les phénomènes optiques de l'hyposulfate de plomb // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 49–54.
- Sur les phénomènes optiques du sulfate de strychnine // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 10–20.
- Sur les propriétés optiques du benzile et du carbonate de guanidine // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 86–89.
- Sur la forme cristalline d'un nouvel hyposulfate de thallium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 139 etc.

1885

- Sur la pseudo-symétrie des hyposulfates hydratés doués du pouvoir rotatoire // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 8. P. 78 etc.
- Sur les formes cristallines des acetates doubles d'uranyle et de lithium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 7. P. 115 etc.
- Quelques considérations sur l'isomérisie et le polymorphisme // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 8. P. 398 etc.

1886

- Deux cas embarrassants d'isomorphisme (racémate de thallium et racémate d'ammonium; tartrate de thallium et tartrate d'ammonium) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 9. P. 102 etc.
- 1re Thèse. Recherches sur la structure des corps cristallisés doués du pouvoir rotatoire.
2e Thèse. Recherches sur la composition et la forme de quelques nouveaux tartrates.
P.: Gauthier-Villars; Imprimeur-libraire.
- Sur le racémate de soude et de potasse et les causes qui déterminent le dédoublement de certains racémates // Bull. Soc. Chim. Sér 2. T. 45. P. 52 etc.
- Sur la forme cristalline du chlorure de baryum // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 9. P. 262 etc.

1887

- Sur la forme cristalline des chlorures doubles de cuivre et des métaux alcalins // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 10. P. 125 etc.

1888

- Sur la forme géométrique du sulfate de cadmium monohydraté // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 11. P. 275 etc.

1889

- Manuel pratique de cristallographie. P.: Gauthier-Villars.
- Sur quelques sulfates de la série magnésienne ($\text{SO}_4\text{Mg}_5\text{H}_2\text{O}$, $\text{SO}_4\text{Zn} \cdot 6\text{H}_2\text{O}$) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 12. P. 366 etc.
- Sur la forme cristalline du salol // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 12. P. 443 etc.
- Sur quelques nouveaux composés de thallium (silicate et oxyde salin) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 12. P. 536 etc.

Sur un sulfate acide de cérium // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 2. P. 745–747.
Sur la forme cristalline de quelques sels, chromates et molybdates de magnésie // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 12. P. 60 etc.

1890

Sur la forme cristalline des deux naphthols // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 73 etc.
Sur la forme cristalline du chromate d'ammoniaque // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 77 etc.
Sur la forme cristalline de l'oxalo-nitrate de cadmium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 149 etc.
Sur la forme cristalline de quelques hyposulfites (hyposulfite de potassium et calcium, hyposulfite de potassium, hyposulfite d'ammonium) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 152 etc.
Nouvelles recherches sur la structure des cristaux doués du pouvoir rotatoire (sulfates doubles de lithium et des métaux alcalins; chlorate de sodium, bromate de sodium; quartz) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 215 etc.
Recherches sur le polymorphisme et la pseudosymétrie (bichromate de rubidium, bichromate de potassium; sulfate de sodium, sulfate de lithium) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 13. P. 277–319.

1891

Sur la forme cristalline de deux bichromates // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 14. P. 77 etc.
Sur la forme cristalline de quelques sels de cérium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 14. P. 83 etc.
Sur un nouveau microscope propre aux observations à haute température // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 14. P. 198 etc.
Sur la forme cristalline du chromate de calcium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 14. P. 203 etc.
Recherches sur le polymorphisme et la pseudo-symétrie. Suite de mémoire de 1890 // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 14. P. 233–278.
Sur l'état des corps en solution // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 9. P. 216 etc.

1892

Sur le pouvoir rotatoire des solutions // C.R. T. 115. P. 832–835.
Sur la forme cristalline des métatungstates // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 15. P. 63 etc.

1893

Sur la forme cristalline de l'acide succinique // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 16. P. 35 etc.
A. Scacchi // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 16. P. 198–201.
Sur les tétrachromates de potassium et d'ammonium // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 9. P. 156.

1894

Recherches sur la nature du phénomène de la polarisation rotatoire moléculaire. P.: Gauthier-Villars.
Recherches sur la nature du phénomène de la polarisation rotatoire moléculaire // Ann. Chim. Phys. Sér. 7. T. 1. P. 5–90.
François-Ernest Mallard // Bull. Soc. Franç. minéral. 1894. T. 16. P. 242–259.

Quelques observations sur les amidochromates // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 11. P. 845 etc.

1896

Recherches sur les silicotungstates. P.: Impr. Chaix.

Sur la nature des phénomènes de polymorphisme et d'isomorphisme // Conférences de chimie faites au laboratoire de M. Friedel, 1893–1894. Paris.

Recherches sur les silicotungates // Bull. Soc. Franç. minéral. 1896. T. 19. P. 219–354.

1897

Sur l'unité élémentaire de cérium (en collaboration avec M. Veurneuil) // C. R. T. 125. P. 950 etc.

Sur la purification et le poids atomique du cérium // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. 1897. T. 17. P. 617 etc.

1898

Sur la séparation des oxides de cérium et de thorium // Bull. Soc. Chim. T. 11. P. 219 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur le nouveau cérium de M. Boudouard // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 19. P. 6 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur la propriété caractéristique des terres rares de former des polymères et des oxydes complexes également polymérisables // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 19. P. 947 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur la séparation du thorium et des terres de la cérite // C.R. t. 126. P. 340–343. Avec A. Veurneuil.

Sur l'extraction industrielle de la tharine // C. R. T. 127. P. 412–414. Avec A. Veurneuil.

Sur les oxydes condensés des terres rares // C. R. T. 127. P. 863–868. Avec A. Veurneuil.

1899

Sur les oxydes condensés des terres rares // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 21. P. 118–143, 258 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur les oxydes de la cérite // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 21. P. 562 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur la dosage de l'acide sulfurique, en présence du fer // Bull. Soc. Chim. T. 21. P. 1046 etc. Avec A. Veurneuil.

Sur les oxides complexes des terres rares // C. R. T. 128. P. 501–503. Avec A. Veurneuil.

Sur la séparation quantitative de cérium // C. R. T. 128. P. 1331–1334. Avec A. Veurneuil.

Sur la constitution des oxides des métaux rares // C. R. T. 128. P. 1573–1575. Avec A. Veurneuil.

1900

Recherches sur quelques oxalates. Tours: Imprimerie Deslis Frères.

Ch. Friedel // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 23. P. 171–183.

Recherches sur quelques oxalates (aluminoxalates, chromoxalates, ferrioxalates; analyses et déterminations cristallographiques de 31 composés nouveaux) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 23. P. 65 etc.

Note sur la forme cristalline de quelques oxalates alcalins (bioxalate d'ammonium, oxalate neutre de potassium, bioxalate de potassium hydraté, bioxalate de sodium, tétraoxalate de rubidium) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 23. P. 141 etc.

1901

- Sur un nouveau corps doué du double pouvoir rotatoire (sulfate d'hydrocinchonine hydraté) // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 76 etc.
- Sur quelques sels des terres rares // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 105 etc.
- Sur quelques acétates triples // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 93 etc.
- Sur l'oxalate de chrome cristallisé // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 86–92.
- Sur la forme cristalline de quelques sels des terres rares // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 105–116.
- Un prix La Caze (Chimie) // C. R. 1901. T. 133, N 22. P. 1075–1077.
- Sur le racémate de rubidium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 354 etc.
- Recherches sur les solutions // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 25. P. 105–130.
- Remarques sur les colloïdes // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 25. P. 1016 etc.
- Notice nécrologique de M. Rammelsberg // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 24. P. 280–282.
- Einige Bemerkungen zu der Abhandlung von H.P. Stevens über das Metathorium // Ztschr. anorg. Chem. Bd. 28. S. 90–91.

1902

- Sur la forme cristalline de l'oxalate de didyme // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 25. P. 66 etc.
- Sur quelques oxalates de glucine // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 25. P. 71 etc.
- Sur la forme cristalline des inosites // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 25. P. 165 etc.
- Recherches sur la constitution des composés de chrome. (I) // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 27. P. 666–679.
- Recherches sur la constitution des composés de chrome. (II) // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 27. P. 719–733.
- Recherches sur la solubilité du bleu de Prusse // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 27. P. 940 etc.
- Ein letztes Wort über das Thoriummetoxyd // Ztschr. anorg. Chem. Bd. 32. S. 376–377.
- Sur la séparation de la glucine // Bull. Soc. Chim. Sér. 3. T. 27. P. 733–734.

1905

- Nouvelles recherches sur les silicotungstates. P.: Gauthier-Villars.
- Nouvelles recherches sur les silicotungstates // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 28. P. 204–242.
- Recherches sur la terres rares // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. T. 6. P. 441–507. Avec A. Veurneul.
- Notice sur Henry Dufet // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 28. P. 246–258

1906

- Recherches sur la chimie des terres rares. P.: Gauthier-Villars.
- Recherches sur la chimie des terres rares // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. T. 9. P. 289–361. Avec A. Veurneul.
- Sur les propriétés optiques des sels doubles ammoniacaux des terres cériques // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 29. P. 324 etc.
- Sur un nouveau sulfate acide de sodium-potassium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 29. P. 332 etc.
- Nouvelles recherches sur le polymorphisme et la pseudosymétrie (sulfate d'éthylène diamine, sulfate séléniate et chromate de la forme $(\text{MO}^4)_2\text{K}^3\text{Na}$ // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 29. P. 335 etc.
- Les théories modernes sur la structure des milieux cristallisés // Rev. gén. sci. pures et appl., 1906. 30 déc.

1907

- Sur les propriétés optiques des mélanges isomorphes // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 30. P. 94 etc.
Sur les silicotungstates d'indium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 30. P. 277 etc.
Sur les nitrates doubles des métaux alcalins et des métaux du groupe de cérium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 30. P. 299 etc.

1908

- Sur la théorie de la valance et la constitution des sels // Ann. Chim. Phys. Sér. 8. T. 13. P. 523–561.
A. de Lapparent // Bull. Soc. Franç. minéral. 1908. T. 32, N 2. P. 38–41.
Sur le bichromate de rubidium // Bull. Soc. Chim. Sér 4. T. 3. P. 7–10.
Sur le dimorphisme du chromate de calcium-potassium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 32. P. 6 etc.
Sur la forme cristalline de la diméthylpyrone et de quelques-uns de ses sels // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 32. P. 336 etc.
Sur quelques composés de l'uranium // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 32. P. 340 etc.
Sur un nouveau nitrate double des terres rares // Bull. Soc. Franç. minéral. T. 32. P. 366 etc.

1909

- Sur l'acide chromique // Bull. Soc. Chim. Sér 8. T. 5. P. 765–767.

1913

- A propos de la basicité des acides // Ann. Chim. Phys. Sér 8. T. 30. P. 633–634.

Без указания года издания (предположительно 1910/1911)

- Notice sur les travaux de M.G. Wyrouboff. Professeur au Collège de France. P.: Imprimeries CERF.

Публицистические статьи в русской периодике

- Из парижской жизни. I. Французские нигилисты // СПб. ведомости. 1869. № 216.
Из парижской жизни: (Письмо к редактору “СПб. ведомостей”). 2. Французские социалисты // СПб. ведомости. 1869. № 313.
Из парижской жизни. III. Французские демократы // СПб. ведомости. 1870. № 37.
Из парижской жизни. IV. Накануне революции // СПб. ведомости. 1870. № 250.
Из парижской жизни. V. На другой день после революции // СПб. ведомости. 1871. № 47.
Из парижской жизни VI // СПб. ведомости. 1871. № 218.
Из парижской жизни. VII. Парижские масоны // СПб. ведомости. 1872. 11 мая.
Мнения русского статского о защите Парижа // СПб. ведомости. 1872. № 262, 264, 267, 273, 274.
К вопросу о барачной системе: Письмо в редакцию “СПб. ведомостей” // СПб. ведомости. 1872. № 285.

- Несколько дней на театре испанской междоусобной войны // СПб. ведомости. 1874. № 257, 258, 272, 273.
- Школьные воспоминания. I. Александровский лицей // Вестн. Европы. 1910. № 1.
- Школьные воспоминания. II. Московский университет // Вестн. Европы. 1910. № 2.
- Военные воспоминания. Война 1877 г. // Вестн. Европы. 1911. № 2.
- Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров) // Вестн. Европы. 1913. № 1, 2.
- Между двумя войнами: Воспоминания о Парижской коммуне и об испанской войне // Вестн. Европы. 1914. № 1, 2.

4. Литература о Г.Н. Вырубове

Справочные издания

- Г.Н. Вырубов // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Эфрон. Т. VII. СПб., 1892. Т. 7. С. 546.
- Вырубов Г.Н. БСЭ. 1-е изд. М., 1929. Т. 13. С. 780–781; 3-е изд. М., 1971. Т. 5. С. 535.
- Вырубов Г.Н. // Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1. С. 312.
- Вырубов Г.Н. // История философии в СССР. М., 1968. Т. 3. С. 18, 394–398, 401.
- Вырубов Г.Н. // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М., 1989. Т. I А-Г. С. 499–500.
- Poggendorff J.C. Biographisch-literarisches Handwörterbuch. Leipzig; Berlin, 1926. Bd. 4. T. 4. S. 1675; T. 5. S. 1393.
- Charle Ch., Telkes E. Les professeurs du Collège de France // Dict. biogr., 1901–1939. P.: Inst. Nat. de Rech. Pédagog. Ed. CNRS, 1988. P. 242–243.

Некрологи

- Боборыкин П.Д. Русский позитивист: (Памяти Г.Н. Вырубова) // Русское слово. 1913. 21 дек., № 294. С. 4.
- Де Роберти Е.В. Памяти духовного вождя // Вестн. Европы. 1914. № 1. С. 397–404.
- Ковалевский М.М. Памяти Г.Н. Вырубова // Русские ведомости. 1913. 1 дек., № 277. С. 5.
- Некролог Г.Н. Вырубова // Ежегодник по геологии и минералогии России. 1914. Т. 16, вып. 1. С. 35.
- Петунников А.Н. Из моих воспоминаний о Г.Н. Вырубове и его “Воспоминаниях” // Русские ведомости. 1913. 4 дек., № 279. С. 2, 3.
- Стрекалов Л.Г. Н. Вырубов: (Некролог) // Природа. 1914. № 5. С. 630–632.
- Sorais H. Notice sur la vie et les travaux de Grégoire Wyruboff // Bull. Soc. Chim. 1914. N 1. P. I–XII.
- Jourdy E. G.N. Wyruboff: Sa vie, son oeuvre // Rev. sci. 1914. N 1. P. 14–19.
- Wallerant F.G. Wyruboff (1843–1911) // Bull. Soc. Franç. minéral. 1913. T. 37, N 1. P. 41–58.

Отдельные публикации

- Из воспоминаний кн. Д.Д. Оболенского // Вечернее время. 1913. 12 янв., № 351. С. 3.
- Тимирязев К.А. Григорий Николаевич Вырубов: Обрывки личных воспоминаний // Наука и демократия: Сб. ст., 1904–1919. М., 1929. С. 91–103.
- Шептунова З.И. Заметки о Г.Н. Вырубове // Тр. ИИЕиТ. История хим. наук. М., 1962. Т. 39. С. 283–287.

- Аристократ, богач и ученый // Итенберг Б.С. Россия и Парижская коммуна. М., 1971. С. 56–68.
- Лицинер С. Герцен и Добролюбов в оценке молодого современника // Вопр. лит. 1972. № 10. С. 250–252.
- Поздеева И.В. Неопубликованные письма Г.Н. Вырубова к А.Н. Петунникову // Рукописная и печатная книга в фондах Научной библиотеки Московского университета: Сб. ст. М., 1973. Вып. 1. С. 117–128.
- Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. 1993. № 28. С. 101–112.
- Вырубов Н.В. Должностное преступление: “Дело Дрейфуса” // Русская мысль. 1994. № 4047.
- Любина Г.И. “Русский парижанин” Г.Н. Вырубов // Природа. 1998. № 1. С. 125–128.
- Любина Г.И. Г.Н. Вырубов о судьбах России // ИИЕиТ. Годичная конференция, 1998. М., 2000.
- Шахматов Б.М. Стартовый манифест российского позитивиста // Огюст Конт. Взгляд из России. М., 2000. С. 262–277.
- Зайцева Е.А., Любина Г.И. Г.Н. Вырубов как естествоиспытатель и философия позитивизма // История химии: Область науки и учебная дисциплина. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 239–244.
- “Очень рад, что мог чем-то услужить соотечественникам”: Письма Г.Н. Вырубова П.Л. Лаврову / Публикация Г.И. Любиной // Ист. арх. 2001. № 4. С. 175–202.
- Любина Г.И. Герценовская тематика в публицистике и эпистолярном наследии Г.Н. Вырубова // ИИЕиТ. Годичная конференция, 2001. М., 2002.
- Любина Г.И. В поисках родословной Г.Н. Вырубова: (Документы по генеалогии дворянства в московских архивах) // ИИЕиТ. Годичная конференция, 2004. М., 2004. С. 291–294.
- Любина Г.И. Питомец Московского университета в Париже: (По материалам архивного фонда Г.Н. Вырубова Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ) // Рукописи. Редкие издания. Архивы. М., 2004. С. 85–107.
- Sarton G. Paul, Jules and Marie Tannery (with a note on Grégoire Wyruboff) // Isis. 1947. November. P. 37–41.
- Spencer L.J. Biographical notices of mineralogists // Mineral. Mag. 1930. V. 22. P. 393.
- Zaitseva E.A., Liubina G.I. Grégoire Wyruboff's early positivism // 24 th annual conference of ESHHS. Moscow. 2005. Paper and poster abstracts. P. 55.

5. Указатель имен

- Абу Э.Ф.В. (About Edmond François Valentin, 1828–85) – фр. писатель – 84, 94
Агассис Ж.Л.Р. (Agassiz Jean Louis Rodolphe, 1807–73) – шведско-американ.
биолог – 163, 169
Адлер М. – русск. певица – 93
Аксаков. Ив.Серг. (1823–86) – писатель, публицист и обществ. деятель – 261
Александр II (1818–81) – росск. император с 1855 г. – 74
Алексеев Ник.Ник. (1829–79) – математик, адъютант Петерб. АН – 46
Алькан Ф. (Alcan Félix, 1841–1925) – фр. издатель – 198
Амфитеатров Ал-др Валент. (1862–1938) – писатель и журналист, с 1905 г.
в эмиграции – 85
Андерсон Владим. Максимилиан. (1880–...) – историк, библиофил – 19
Андре Л.Ж.Н. (André Louis Joseph Nicolas, 1838–1913) – фр. полит. деятель,
воен. министр в 1903–1904 гг. – 120, 130, 157, 161
Аничков Евг.Вас. (1866–1937) – литературовед, с 1918 г. в эмиграции – 85
Анненков Пав.Вас. (1813–87) – лит. критик, писатель – 93
Аносова Т. – переводчица – 57
Анучин Дм. Ник. (1843–1920) – антрополог и обществ. деятель – 58, 64
Анциферов Ник.Пав. (1889–1958) – культуролог, историк, литературовед – 69
Араго Д.Ф.Ж. (Arago Dominique François Jean, 1786–1853) – фр. физик – 208
Арно (Arnaud P.) – фр. философ – 202
Арцруни (Arzruni Andreás, Андрей Еремеевич, 1847–98) – нем. минералог,
кристаллограф армянск. происхождения – 7, 219
Аршиак Э.Ж.Д. де С.-Симон, виконт де (Archias Etienne Jules Desnier de S.-Simon,
vicomte de, 1802–68) – фр. минералог, чл. Института – 38
Ауэрбах Иван Богд. (1815–1867) – русск. геолог и минералог – 46, 47, 63
Афанасьев Ал-р Ник. (1826–71) – фольклорист – 57
- Бабеф Г. (Babeuf Gracchus, 1760–97) – фр. революционер – 282
Бабине Ж. (Babinet Jacques, 1794–1872) – фр. физик, усовершенствовал
гонометр – 40
Базен Ф.Ж. (Vazen, 1816–78) – фр. композитор, преподаватель – 57
Байков Ал-р Ал-др. (1870–1946) – металлург и металловед – 116
Байон Е. (Baillon E.) – библиограф – 49
Бакст Ник. Игнатьевич (1843 –...) – член Гейдельбергской читальни, сотрудник
Н. Тиблена – 184, 192
Бакунин Мих.Ал-др. (1840–76) – революционер, анархист – 45, 53, 67–69, 71, 76,
79, 146, 280–282
Балакирев Милий Алексеевич (1836–1910) – композитор, пианист – 57
Бальер Г.Ж. (Ballière Gustave Germer) – парижск. книгоиздатель – 73, 152
Баренбаум Иосиф Евсеевич – книговед – 185
Бастьен-Лепаж Ж. (Bastien-Lepage Jules, 1848–84) – франц. художник-реалист – 56
Баумриттер (Baumritter) – польск. эмигрант – 155
Бекетов Андр.Ник. (1825–1902) – ботаник-эволюционист – 190

Белинский Виссарион Григ. (1811–48) – литерат. критик, публицист – 30, 52, 261
Белкова Г. – журналист – 15
Белопольский – 57
Бенсо́д-Винсе́нт Б., мадам (Bensaude-Vincent Bernadette) – фр. историк науки, профессор – 9
Бер П. (Bert Paul, 1833–86) – фр. ученый, гос. деятель, министр образования в 1881–82 гг. – 84
Берберова Нина Ник. (1901–93) – прозаик, поэт, с 1922 г. в эмиграции – 83
Березовский Антон Иосифович (1847–69) – польск. эмигрант, в 1867 г. в Париже совершил покушение на Ал-ра II – 74
Бернар К. (Bernard Claude, 1813–78) – фр. физиолог и патолог – 41, 178
Бертильон Л.А. (Bertillon Louis Adolphe, 1821–83) – фр. статистик, антрополог – 161
Бертло П.Э.М. (Berthelot Pierre Eugène Marcellin, 1827–1907) – фр. химик – 64, 108, 127, 129, 158, 178, 236, 278
Берцелиус Й.Я. (Berzelius Jons Jacob, 1779–1848) – шведск. химик – 132, 169, 175, 219, 226, 227
Био Ж.Б. (Biot Jean Baptiste, 1774–1862) – фр. физик, чл. Париж. АН (с 1803) – 209, 213
Биркин Серг. Гавр. – инженер-подполковник, с 1853 г.– инспектор Александр. лицея – 29
Биша М.Ф.К. (Bichat Marie François Csavier, 1771–1802) – фр. врач, физиолог – 163
Благосветлов Григ. Евлампиевич (1824–80) – журналист – 182
Блан Л. (Blan Louis, 1811–82) – фр. утопический социалист – 58, 65, 84, 88, 182
Бломстранд К.В. (Blomstrand Christian Wilhelm, 1826–97) – швед. химик и минералог, проф. ун-та в Лунде (с 1862 г.), чл. Королевской швед. АН – 232, 237–239
Блох Марк Абр. – химик, историк химии – 6
Боборыкин Петр Дм. (1836–1921) – писатель, публицист – 10, 44, 58, 61, 62, 73, 143, 149, 159, 160, 181, 254, 264, 265
Бобринский А.Н. – 19
Богданов Анат. Петр. (1834–96) – зоолог, антрополог – 34, 36, 37, 41, 103, 115
Боголюбов Алексей Петр. (1824–99) – пейзажист, маринист, морск. баталист – 93
Богучарский В.Я. – 287
Бокий Григ. Борис. (1903–...) – историк науки, физик, кристаллограф – 6
Бокль Г.Т. (Buckle Henry Thomas, 1821–62) – англ. историк, социолог-позитивист – 147, 193
Больцман Л. (Boltzmann Ludwig, 1844–1906) – австр. физик – 132
Борзенков Яков Андреевич (1832–1883) – зоолог, физиолог животных – 103
Браунер Б. (Brauner Boguslav, 1855–1935) – чешск. химик, проф. Пражск. ун-та (с 1897) – 227, 302
Бредихин Фед. Алексеевич (1831–1904) – астроном – 37, 189
Бретон Ж.А. (Bréton Jules Adolph, 1827 – 1906) – фр. пейзажист, жанрист – 56
Бриссон Э.-А. (Brisson Eugène Henri, 1835–1912) – фр. полит. деятель, премьер-министр в 1885–86 гг. – 84
Брока П.П. (Broca Pierre Paul, 1824–80) – фр. хирург и антрополог – 172
Брокгауз Э. (Brockhaus Edward, 1829–1914) – нем. издатель русск. энцикл. словаря – 6, 19
Брук Г. (Brook) – англ. кристаллограф и минералог – 248
Бугле С. (Bouglé Célestin, 1890–1940) – фр. социолог – 197
Бунзен Р.В. (Bunsen Robert Wilhelm, 1811–99) – нем. химик – 226, 278
Буржуа Л. (Bourgeois Léon, 1851–1925) – фр. полит. деятель, м-р образования в 1895–96 гг. – 128

- Бутру П. (Boutroux Pierre, 1880–1922) – фр. математик, историк науки, сын философа Эмиля Бутру (1845–1921) – 137
- Бутурлин Мих. Дм., гр. (1807–76) – историк – 23
- Бюхнер Л. (Buchner Ludvig, 1824–99) – нем. философ – 193, 202
- Вагнер Ник. Петр. (1849–1907) – зоолог и писатель – 190
- Валлеран Ф.Ф.О. (Wallerant Frédéric Félix Auguste, 1858–1936) – фр. кристаллограф, чл. Института – 8, 53, 225, 251
- Валлери-Радо Р. (Vallery-Radot René) – фр. писатель – 42
- Вальден П. (Павел Ив.) (Walden Paul, 1863–1957) – русско-нем. физикохимик – 6, 212
- Вант-Гофф Я.Х. (Vant Hoff Jacob Hendric, 1852–1911) – голл. химик-теоретик – 7, 212, 216, 217
- Васильев Иосиф Вас. (1821–81) – протоиерей, настоятель русск. правосл. церкви в Париже – 26
- Васютинский А. – историк – 83
- Ватсон Эрнест Карлович (1839–91) – русск. журналист – 12, 93, 179–181
- Вейсс Х.С. (Weiss Christian Samuel, 1780–1856) – нем. минералог и кристаллограф – 299
- Вейс фон Вейссенгоф Станислав Альфонсович (Weissenhoff, 1836–1912) – военный инженер, полковник, затем генерал – 141
- Венгерова З.А. – историк западноевр. литературы – 64
- Вернадский Вл-р Ив. (1863–1945) – кристаллограф и минералог – 34, 35, 221, 222, 259, 294
- Вернейль О.В.Л. (Verneuil Auguste Victor Louis, 1856–1913) – фр. химик – 226, 302, 303
- Вернер А. (Werner Alfred, 1866–1919) – швейц. химик-неорганик, проф. Цюрихского ун-та (1893–1915) – 232
- Веселкин Мих.Мих. (1842 –...) – лицейский одноклассник Г.Н. Вырубова – 147, 181
- Веселовский Ал-р Ник. (1839–1906) – историк литературы, академик – 177
- Виардо-Гарсия М.П. (Viardot-Garcia Michel Pauline, 1821–1910) – фр. певица и композитор исп. происхождения – 57
- Виардо Л. (Viardot Louis, 1800–83) – фр. писатель, искусствовед, муж П. Виардо – 181
- Виньи А.В. (Vigny Alfred Victor, 1797–1863) – фр. поэт и писатель – 52, 58
- Витте Серг. Юльевич (1849–1915), гр. – гос. деятель, с 1892 г. – министр финансов – 114
- Витязев Петр (Седенко Ферапонт Ив.) – писатель, издатель – 200
- Волков Вл-р Акимович – историк науки, химик – 6
- Волластон В. (Wollaston William, 1766–1828) – англ. физик, изобрел отражательный гониометр – 40
- Волошин Максимилиан Ал-р. (Кириенко, 1877–1932) – поэт, масон – 85
- Вольтер (Аруэ) М.Ф. (Voltaire Marie François (Arouet) 1694–1778) – фр. писатель и философ – 58, 75, 78
- Вуверман Ф. (Wouverman Philipp, 1619–1668) – голл. живописец – 56
- Вульф Георгий Викт. (1863–1925) – русск. кристаллограф – 213
- Вырубов Ал-р Вас. (1880–1919) – племянник Г.Н. Вырубова – 140
- Вырубов Ал-р Ник. – брат отца Г.Н. Вырубова – 98
- Вырубов Вас.Вас. (1879–1963) – племянник Г.Н. Вырубова – 101, 140
- Вырубов Вас.Ник. – дед Г.Н. Вырубова – 19, 20
- Вырубов Вас.Ник. (1844–1905) – брат Г.Н. Вырубова – 20, 37, 44, 57, 60, 98, 140, 149

- Вырубов Ив.Петр. (1766–1848) – двоюродный дед Г.Н. Вырубова – 20
 Вырубов Михайло Тимофеевич (начало XVI в.) – основатель рода Вырубовых – 17
 Вырубов Ник.Вас. (1817–52) – отец Г.Н. Вырубова – 19, 25
 Вырубов Ник.Вас. – внучатый племянник Г.Н. Вырубова – 14, 19, 120, 142
 Вырубов Петр Ив. (1729–1801) – прадед Г.Н. Вырубова – 17
 Вырубов Петр Ив. (1807–71) – сын И.П. Вырубова, дядя Г.Н. Вырубова – 20
 Вырубова Анна (Pozzo di Borgo Anna, 1848–86) – первая жена Г.Н. Вырубова – 88, 95, 289
 Вырубова (Танеева Анна Ал-р., 1884–1964) – первая жена А.В. Вырубова, фрей-
 лина императрицы Александры Федоровны, с 1920 г. в эмиграции – 140
 Вырубова Евдокия Ал-р. (кн. Львова, 1845–1904) – жена В.Н. Вырубова, брата
 Г.Н. – 140
 Вырубова Мария Григ. (Высоцкая, 1819–99), тетка Г.Н. Вырубова, сестра мате-
 ри – 20
 Вырубова Мария Ник. (Вейссенгоф, 1849–99) – сестра Г.Н. Вырубова – 20, 118
 Вырубова Наталья Григ. (Высоцкая, 18(21?)–95) – мать Г.Н. Вырубова – 21, 23,
 25, 60, 118
 Вырубова Софья (Richet Sophie, 1861–1941) – вторая жена Г.Н. Вырубова – 12, 96,
 141, 142, 205, 289
 Высоцкая Анна Петр. (Бутурлина, 1796–1879) – бабушка Г.Н. Вырубова – 22
 Высоцкий Ал-р Григ. (1818–98) – дядя Г.Н. Вырубова – 21
 Высоцкий Григ.Петр. (меньшой, 1777–1833) – дед Г.Н. – 21
 Высоцкий Петр Григ. (1816–...) – дядя Г.Н. Вырубова – 21, 25
 Высоцкий Петр Егорович (...–1799) – прадед Г.Н. Вырубова – 20
 Вюрц Ш.А. (Wurtz Charles Adolphe, 1817–84) – фр. химик, чл. Института – 108,
 237, 238
 Вяземский, кн. – 147
- Гамбаров Юрий Степ. (1850–26) – правовед, проф. – 85
 Гамбетта Л. (Gambetta Léon, 1832–82) – фр. политич. деятель – 84
 Гарибальди Д. (Garibaldi Giuseppe, 1807–82) – один из вождей национально-осво-
 бодительного движения Италии – 69
 Гартманн Э. (Hartmann Eduard, 1842–1906) – нем. философ – 145, 262
 Гаюи Р.Ж. (Hauy René Just, 1743–1822) – фр. минералог, кристаллограф – 218
 Гегель Г.В.Ф. (Hegel Georg Wilhelm Friedrich, 1770–1831) – нем. философ – 67, 145
 Гей-Люссак Ж.-Л. (Gay-Lussac Joseph-Louis, 1776–1850) – фр. физик и химик – 169
 Геккель Э. (Haeckel Ernest, 1834–1919) – нем. биолог-эволюционист – 191
 Гексли Т.Г. (Huxley Thomas Henry, 1825–95) – англ. биолог, дарвинист – 163, 189, 191
 Гельмгольц Г.Л.Ф. (Helmholtz Hermann Ludwig Ferdinand, 1821–94) – нем. физиоло-
 г и физик-теоретик – 132
 Геннадий Григ.Ник. (1826(27)–80) – библиограф – 10
 Герман Рудольф Иосифович (Hans Rodolf, 1805–79) – русск. (нем. происхождения)
 химик-неорганик, минералог – 46
 Герцен Ал-р Ал-р. (Herzen, 1839–1906) – физиолог, сын А.И. Герцена – 140, 155
 Герцен Ал-р Ив. (1812–70) – 5, 6, 10–12, 19, 23, 45, 52–54, 57, 63, 65–79, 94, 104,
 149–151, 153–155, 157, 192, 195, 261, 263, 266, 268, 273, 280, 281, 288, 289
 Герцен Наталья Ал-р. (1844–1936) – дочь А.И. Герцена – 72, 74, 76–79
 Герцен Ник.Ал-р. (1873–29) – внук А.И. Герцена, юрист, проф. – 77
 Гершензон Мих. Осипович (Мейлах Иосиф., 1869–1925) – историк русск. литера-
 туры, публицист – 78
 Геттэ Владимир (Guettee René Francois, 1816–92) – крещенный в православие
 (1862) франц. аббат – 43

- Гизо Ф.П.Г. (Guizot François Pierre Guillaume, 1787–1874) – фр. историк и гос. деятель – 126, 127
- Гийом Э.Ш. (Guillaume Ed.Ch.) – швейц. химик – 109
- Гиппократ (Hippocrate, ок. 460–370 до н.э.) – древнегреч. философ – 158
- Глинка Мих.Ив. (1804–57) – композитор – 57
- Глуховская И.И. – 19
- Гобле Р. (Gobelet René, 1828–1905) – фр. полит. деятель, журналист – 87
- Гоголь Ник.Вас. (1809–52) – писатель – 57
- Годри А. (Gaudry Albert, 1827–1908) – фр. палеонтолог – 38
- Гольдсмит Исидор Альбертович (1845–90) – редактор ж-ла “Знание” 185–188
- Гольдсмит Лев – студент Моск. ун-та – 34
- Горожанкин Ив.Ник. (1846–1904) – ботаник, проф. – 103
- Готье Т. (Gautier Théophile, 1811–72) – фр. писатель и критик – 58
- Грайлих В.Ж. (Grailich Wilhelm Joseph, 1829–59) – австр. кристаллограф – 300
- Грановский Тимофей Ник. (1813–1855) – историк – 30, 52
- Грачев В. – историк – 83
- Грезин Иван (Grezeine) – 19
- Григорьев Дм.Павл. – историк науки, минералог – 6
- Гримо Л.Э. (Grimaux Louis Edouard, 1835–1900) – фр. химик-органик – 64
- Грот П. (Groth Paul Heinrich, 1843–1927) – нем. минералог, кристаллограф, проф. Мюнх. ун-та (1883–1924), иностр. чл.-корр. Петерб. АН (с 1883) – 7, 8, 12, 212, 226, 252, 258, 259, 294
- Грот Яков Карл. (1812–93) – филолог – 278
- Грубер Венцеслав Леопольд. (Gruber Wenzel Leopold, 1814–96) – анатом, родом чех – 28
- Губер Э. (Goubert E., ...–1867) – парижск. знакомый Г.Н. Вырубова, исследователь-естественник – 41, 43, 44
- Гюго В. (Hugo Victor, 1802–85) – фр. писатель – 58
- Гюйо Ж.-М. – фр. социолог – 178
- Давен К.Ж. (Davain Casimir Joseph, 1812–82) – фр. врач-гельминтолог – 41
- Давидов Август Юльевич (1823–85) – математик – 38
- Далли Э. (Dally) – фр. антрополог – 170, 172, 173
- Даль Владим.Ив. (1801–72) – писатель, лексикограф, этнограф – 57
- Даниельсон Ник.Франц. (1844–1918) – экономист, первый переводчик на русский язык “Капитала” К. Маркса – 81
- Дантон Ж.Ж. (Danton Georges Jacques, 1759–94) – фр. революционер – 282
- Дарамбер Ш.В. (Daramberg Charles Victor, 1841–72) – фр. историк медицины – 127
- Дарвин Ч.Р. (Darwin Charles Robert, 1809–82) – англ. натуралист – 174, 188, 190, 191
- Де Бризьер – 152
- Дегей Жерар Поль (Deshayes Gerard Paul, 1795–1875) – фр. конхиолог – 38, 39, 253
- Деклуазо А.Л.О.Л. (Des Cloizeaux Alfred Louis Olivier Legrand, 1817–97) – фр. минералог, чл. Института – 38, 248, 251
- Делафосс Г. (Delafosse Gabriele, 1795–1878) – фр. минералог – 221
- Делепин М. (Delépine Marcel, 1872–1966) – фр. химик, возглавлял кафедру орг. химии в Колл. де Франс (1930–1941) – 8, 9, 217, 239
- Де Роберти де Кастро де ла Серда Евг. Валент. (1843–1915) – русск. философ и социолог – 12, 14, 51, 57, 85, 87, 92, 99, 105, 111, 142, 143, 147, 148, 151, 160, 161, 166, 179–183, 187, 188, 191–203, 214, 249, 260–264, 272, 274
- Де Роберти Леонид Фед. (1838–67) – беллетрист, критик, экономист – 191, 192
- Де Роберти Сергей Валент. – брат Е.В. Роберти – 191, 194

- Добре Г.О. (Daubré Gabriel Auguste, 1814–96) – фр. геолог и минералог, чл. Института – 38, 39
- Добролюбов Ник.Ал-р. (1836–61) – лит. критик, публицист – 261
- Долгоруков Петр Владим., кн. (1816–68) – генеалог, писатель, публицист – 71
- Долгорукова Е.Д. – 71
- Домбровский Я. (Dabrowski Jaroslaw, 1836–71) – польск. революционер – 283
- Дорохова Г.И. – 32
- Достоевский Федор Мих. (1821–81) – писатель – 58
- Дрейфус А. (Dreyfus Alfred, 1859–1935) – офицер фр. генштаба – 91, 120, 289
- Дрепер Д. В. (Draper John William, 1811–82) – англо-амер. химик, культуролог – 179, 180, 188, 193
- Дурново Ив.Ник. (1834–1903) – гос. деятель, в 1889–95 гг. м-р внутр. дел – 117
- Дурново Петр Ник. (1844–1915) – гос. деятель, в 1884–1915 гг. директор департамента полиции – 97
- Дэви Г. (Davy Humphrey, 1778–1829) – англ. химик, чл. Лондонск. Королевского о-ва (с 1803), его президент (1820–27) – 218
- Дюбо А.А., называемый Антонен (Dubost Henri Antoine, dit Antonin, 1842–1921) – фр. полит. деятель – 83, 128, 130, 137, 157, 160, 161
- Дюбризе (Dubrisay) – фр. химик, ученик Г.Н. Вырубова – 139
- Дюгем П. (Duhem Pierre, 1861–1916) – фр. физик-теоретик и историк науки – 127
- Дюма Ж.Б.А. (Dumas Jean Baptiste André, 1800–84) – фр. химик – 219
- Дюпюи Ш.А. (Dupuy Charles Aléxandre, 1851–1923) – фр. полит. деятель, в 1892 г. м-р нар. просвещения – 128
- Дюринг Е. (During Eugéne, 1833–1921) – нем. философ – 191
- Дюркгейм Э. (Durkheim Émile, 1858–1917) – фр. социолог – 178, 197
- Дюфе А. (Dufet Henri, 1848–1905) – фр. химик и кристаллограф – 219, 251, 253
- Егоров-Тисменко Ю.К. – 32
- Ершов Ал-р Степ. (1818–1867) – доцент, затем проф. практич. механики в Моск. ун-те – 33
- Есипова Анна Ник. (1851–1914) – пианистка – 94
- Ефрон Илья Абр. (1845–1919) – издатель русск. Энциклопедич. словаря – 6, 19
- Жак Ж. (Jaques Jean) – фр. историк науки, химик – 9, 176, 239
- Жамен Ж.С. (Jamaïn Jules Céléstin, 1818–86) – фр. физик, чл. Института – 211, 248
- Жерар Ш.Ф. (Gerhardt Charles Frédéric, 1816–56) – фр. химик – 39, 175, 221
- Жермен С. (Germain Sophie, 1776–1831) – фр. математик – 160
- Жоли Н. (Jolie Nicolas, 1812–85) – фр. анатом и зоолог, чл. Института – 42
- Жуковский Ник.Ив. (1833–95) – участник рев. движения, с 1862 г. эмигрант – 67
- Жуковский Павел Вас. (1845–1912) – художник, коллекционер, сын В.А. Жуковского – 93
- Журди Э. (Jourdy Émile) – генерал, друг Г.Н. Вырубова – 131, 132, 143, 157, 160, 161, 186, 247
- Заболотских Борис Вас. – писатель, историк – 107
- Зайцев Варфоломей Ал-др. (1842–82) – публицист и критик – 146
- Закревский Игнатий Платон. – юрист и судебн. деят. – 120
- Звоницкая Агнесса Соломон. – социолог начала XX в. – 199
- Зибер Ник.Ив. (1844–88) – экономист и публицист – 187
- Золя Э. (Zola Émile, 1840–1902) – фр. писатель – 58, 93, 120
- Зонов Владимир Тимоф. – философ – 146

- Иван IV Вас. Грозный (1530–84), с 1547 г. – русский царь – 17
Иванов Анаст. Евг. – историк – 82
Ивановский Игнатий Иакинфович (1807–86) – юрист, профессор – 29
Иевлев – моск. домовладелец – 37
Иконников Н.Ф. (Konnikov N.F.) – историк русск. дворянства – 19
Итенберг Борис Самуил. – историк – 11, 270
- Каблуков Ив. Алексеевич (1857–1942) – физикохимик – 116, 139, 217
Каблуков Н. – 111
Кавелин Конст.Дм. (1818–85) – историк, юрист, публицист – 146
Казанович Евлалия Петр. – историк – 11
Казаль – 87
Кант И. (Kant Emmanuel, 1724–1804) – нем. философ – 144, 163, 168, 175
Каракозов Дм.Владим. (1840–1866) – революционер, в 1866 г. совершил неудав-
шееся покушение на Ал-ра II – 184
Кареев Ник.Ив. (1850–1931) – историк – 146, 187, 202
Карно Н.Л.С. (Carnot Nicolas Léonard Sadi, 1753–1823) – фр. математик – 132
Каро Э.М. (Carot Elme Marie, 1826–83) – фр. философ – 158, 177, 178
Карпачев Серг.Петр. – историк масонства – 11, 19, 83, 273
Каррель Н.А. (Carrel Nicolas Armand, 1800 – 36) – фр. писатель, публицист – 185
Карцов Андрей Ник. (1834–1907) – дипломат, в 1880–1903 гг. – ген. консул в
Париже – 117
Кассо Лев Аристид. (1865–1914) – м-р нар. просвещения России в 1910–1914 гг. –
114
Катков Мих.Никифор. (1818–87) – журналист, публицист – 44, 273
Кауфман Ник.Ник. (1834–70) – ботаник, проф. – 26, 31, 45, 103, 106, 107, 260,
278, 279
Каченовский Дм.Ив. (1827–72) – правовед, проф. – 63
Кинэ Э. (Quinet Edgard, 1803–75) – фр. полит. деятель – 178
Кириллов Д.К. (1834–1877) – химик, адъюнкт Моск. ун-та – 37, 64
Клапрот М.Г. (Klaproth Martin Heinrich, 1743–1817) – нем. химик, чл. Берлинск.
АН (с 1788), ин. почетн. чл. Петерб. АН (с 1805) – 218
Клейн К. (Klein K, 1842–1907) – нем. кристаллограф, проф. Геттингенск. и Бер-
линск. ун-тов – 245, 257
Клеменц Дм.Александр. (1848–1914) – революционер – 187
Ключевский Вас.Осип. (1841–1911) – историк – 86, 146
Кобе Ж.М.Л. (Caubet Jean Marie Lazare, 1820–91) – сотрудник ж-ла “Позитивн.
философия” – 83, 157
Кобеко Дм.Фомич (1837–1918) – гос. деятель, историк – 91, 112, 113
Ковалевский Ал-р Онуфр. (1840–1901) – зоолог, эмбриолог – 45
Ковалевский Максим Максим. (1851–1916) – историк, юрист, политолог, со-
циолог, в 1887–1905 гг. жил за границей – 10, 55, 58, 79, 83, 85, 88, 89, 91,
99, 101, 110–112, 131, 133, 142, 143, 146, 177, 181, 197, 202, 203, 274–276,
283
Козьмин Борис Павл. – историк – 192
Коковцов Владим. Ник. (1853–1943) – гос. деятель, в 1904–11 гг. – министр финан-
сов – 114
Кокшаров Ник.Ив. (1818–1893) – минералог, кристаллограф – 41, 223
Кольбе А.В. (Kolbe Adolph Wilhelm Hermann, 1818–84) – нем. химик – 186
Кольцов Ник.Конст. (1872–1940) – биолог – 111
Колубакин Ал-р Мих. (1868–1915) – земск. деятель – 85
Конгрив Р. (Congreve Richard, 1848–99) – англ. писатель, позитивист – 152

- Конт О.И.Ф.М. (Comte Auguste Isidore François Marie, 1798–1857) – фр. философ-позитивист – 6, 28, 65, 68, 121, 127, 128, 137, 144–147, 151, 152, 158, 159, 162, 164–166, 176, 178–180, 182, 183, 200, 203, 298
- Копо А. (Coraux Henri) – фр. химик, проф., ученик Г.Н. Вырубова – 8, 9, 139
- Коропчевский Дм.Андреевич (1846–1903) – географ, этнограф, писатель – 185, 187
- Коррье П. (Corgiez) – сотрудник ж-ла “Позитив. философия” – 157
- Корш Валент.Фед. (1828–83) – журналист – 12, 57, 93, 180, 181, 260, 262, 264, 270–273, 275, 283
- Кривошеина Галина Геннад. – историк науки, биолог – 36
- Кропоткин Ал-р Алексеевич, кн. (1841–86) – в 1872–74 гг. жил в Швейцарии, сотрудничал и переписывался с П.Л. Лавровым – 187
- Кропоткин Петр Алексеевич, кн. (1842–1921) – теоретик анархизма, географ, геолог – 24, 87, 187, 203
- Кукушкина Елена Иосиф. – философ – 181, 199
- Кулешова Анна Моис. (Розенштейн, 1854 –1925) – участница рев. движения в России, позднее в Италии, где известна под фамилией мужа – Турати – 87
- Кулябко-Корецкий Ник.Иван. (1855–1924) – обществ. деятель – 187
- Кунт Р.С. (Kunth R.S.) – нем. ботаник – 46
- Купер А.С. (Cooper A.S., 1831–91) – шотл. химик – 237
- Купфер Адольф Яков. (Kupfer A.T., 1799–1865) – русск. академик, кристаллограф – 245
- Курбатов Сергей Мих. – минералог, геолог – 35
- Курочкин Ник.Степ. (1830–84) – поэт-сатирик – 94
- Лавров Петр Лаврович (1823–1900) – философ, социолог, публицист – 10, 11, 53, 55, 76, 81, 82, 86, 87, 89, 90, 146, 149, 161, 177, 178, 181, 185–188, 200, 263, 275, 280, 281, 282
- Лавуазье А.Л. (Lavoisier Antoine Laurent, 1743–94) – фр. химик – 135, 163, 169, 182, 186
- Ладенбург А. (Ladenburg Albert, 1842–1911) – нем. химик-органик, историк химии – 6
- Лакруа Ф.А.А. (Lacroix François Antoine Alfred, 1863–1848) – фр. минералог, чл. Института – 251
- Ламарк Ж.Б. (Lamarck Jean Baptiste, 1744–1829) – фр. естествоиспытатель – 132
- Лаплас П.С., де (Laplace Marquis Pierre Simon de, 1749–1829) – фр. математик и физик – 9, 132, 163
- Лаппаран А.О.К. де (Lapparent Albert-Auguste Cochon de, 1839–1908) – фр. геолог, чл. Института – 116, 139, 248–251
- Лаппо-Данилевский Ал-р Серг. (1863–1919) – социолог, историк и источниковед – 113
- Лапшин Григ.Иван. – преподаватель латинск. языка в Александр. лицее – 28
- Лаффит П. (Laffitte Pierre, 1823–1903) – фр. математик и философ – 128, 137, 138, 152, 177
- Ле Бель Ж.А. (Le Bel Joseph Achille, 1847–1930) – фр. химик – 212, 217
- Лебле – 152
- Левассер Э. (Levasseur Émile Pierre, 1828–1911) – фр. экономист и историк – 127, 129, 253
- Леви-Брюль Л. (Lévy-Bruhl Lucien, 1857–1939) – фр. философ и социолог – 178, 197, 201
- Левье Эм. (Levier) – флорент. знакомый А.И. Герцена, врач – 155
- Леже Л. (Leger Louis, 1844–1923) – фр. славист – 274

- Лейкарт Р. (Leuckart Rudolf, 1822–98) – нем. зоолог – 41
- Лемке Мих.Конст. (1872–1923) – русск. историк, публицист – 19, 77–79
- Ленин Вл-р Ильич (1870–1924) – полит. деятель – 201
- Леопарди Д. (Leopardi Giacomo, 1798–1837) – итальянск. поэт – 145
- Лермонтов Мих.Юрьевич (1814–41) – поэт – 57
- Лесевич Вл-р.Викт. (1837–1905) – философ, публицист – 179, 181, 200–202
- Лефевр А. (Lefèvre André) – сотрудник ж-ла “Позитивн. философия” – 157
- Ле Шателье А.Л. (Le Chatelier Henri Louis, 1850–1936) – фр. физикохимик, чл. Института – 130, 131, 139, 222, 251, 254–256
- Либих Ю. фон (Liebig Justus von, 1803–73) – нем. физик – 36, 132, 191, 295
- Линд Вас.Никол. (...–1916) – 33
- Линев Ал-р Логин. (1843–1918) – участник рев. движения, с 1873 г. в эмиграции – 87
- Линк Г.-Ф. (Link H.F.) – нем. ботаник – 46
- Линней К. фон (Linnaeus Carolus, Linne Karl, 1707–78) – шведск. естествоиспытатель – 173
- Липшиц Серг.Юльевич (1905–...) – моск. ботаник – 48, 102
- Литтре М.П.Э. (Littré Maxime Paul Émile, 1801–81) – фр. философ, энциклопедист, полит. деятель – 5, 63, 67, 68, 84, 85, 92, 126, 127, 144, 148, 151–153, 156–161, 165, 176–181, 183, 200, 262, 297, 298
- Лишин К.Н. – начальник сан. службы Эриванск. отряда – 90
- Лицинер (Гурвич) Софья Давыд. – историк русск. лит-ры – 148, 151
- Лобанов-Ростовский, кн. – 147
- Лобанов-Ростовский Н.Д., кн. – 19
- Лонгинов Аркадий (1845–...) – лицейск. знакомый Г.Н. Вырубова – 147
- Лопатин Герман Александр. (1845–1918) – революционер – 187
- Лоран О. (Laurent Auguste, 1807–53) – фр. химик-органик – 175
- Лорис-Меликов Ив.Захар. – д-р медицины, племянник М.Т. Лорис-Меликова, друг М.М. Ковалевского – 86
- Лохвицкий Ал-р Вл-р. (1830–84) – правовед – 29
- Лугинин Вл-р Фед. (1834–1911) – физикохимик – 48, 66, 85, 91, 99, 105, 107–110, 116, 130, 139, 140, 249, 254, 263
- Лучицкий Ив. Вас. (1845–1918) – историк – 146, 181, 203
- Львов Георгий Евг., кн. (1861–1925) – глава Врем. правительства, председатель Земгора, с 1918 г. в эмиграции – 142
- Льюис Джорж Генри (Lewes, 1817–78) – англ. философ-позитивист – 65, 110, 147, 162, 185, 188
- Любавин Ник.Ник. (1845–1918) – химик, проф. Моск. ун-та – 222
- Любимов Ник.Алексеевич (1830–96) – физик – 33
- Лясковский Ник.Эрастович (1816–71) – химик, проф. Моск. ун-та – 36, 45
- Майков Аполлон Ник. – поэт – 57
- Майлевские – родственники Г.Н. Вырубова по матери – 24, 31
- Маллар Ф.Э. (Mallard François Ernest, 1833–94) – фр. минералог – 211–213, 215, 219, 222, 248, 251, 256
- Мальтус Т.Р. (Malthus Thomas Robert, 1766–1834) – англ. экономист – 193
- Малюс Э.Л. (Malus, 1775–1812) – кристаллограф – 208
- Мамонтовы Ал-р Ив. и Ник.Ив. – моск. предприниматели и книгоиздатели – 105, 139, 247
- Мануврие Л.П. (Manouvrier Léonce Pierre, 1850–1927) – фр. антрополог – 133, 134, 137, 178
- Марат Ж.П. (Marat Jean Paul, 1743–93) – фр. революционер – 282

- Мариньяк Ж.Ш.Г. (Marigniac Jean Charles Galissier, 1817–94) – швейц. химик-неорганик – 28, 279, 302
- Маркович Мария Ал-р. (Марко Вовчок, 1834–1907) – писательница – 265
- Марковников Вл-р Вас. (1837–1904) – химик – 116
- Маркс К. (Marx Karl, 1818–83) – нем. философ – 81, 187
- Мартино Г. (Martineau Harriet, 1802–76) – англ. писательница – 147
- Маскар Э.-Э.-Н. (Mascart, 1837–1908) – фр. физик – 248
- Массен К. (Massin Caroline, 1803–77) – жена О. Конта – 86, 152, 153, 159, 165
- Мейзенбуг А.М. (von Meysenbug Amalie Malwida, 1816–1903) – нем. писательница, переводчица, друг семьи А.И. Герцена – 67
- Менделеев Дм.Ив. (1834–1907) – химик – 64, 124, 191, 226, 232, 236, 238, 242
- Мензбир Мих. Ал-р. (1855–1935) – зоолог – 188, 189
- Мечников Илья Ильич (1845–1916) – зоолог и иммунолог, с 1886 г. в эмиграции – 111, 124, 189, 191, 193
- Мечников Лев Ильич (1838–80, брат И.И. Мечникова) – географ, социолог, этнограф, с 1858 г. эмигрант – 74, 203, 254
- Миллер В. (Miller William, 1801–80) – англ. кристаллограф, автор популярной системы символов – 248
- Милль Д.С. (Mill John Stuart, 1806–73) – англ. философ-позитивист – 65, 147, 152, 158, 161, 162, 178–180, 182, 293
- Мильн-Эдвардс А. (Milne-Edwards Alphons, 1835–1900) – фр. зоолог и палеонтолог, чл. Института – 38, 211
- Минцлов Рудольф Ив. – ст. библиотекарь Имп. Публ. Б-ки в Петербурге – 144
- Митчерлих Э. (Mitscherlich Eilhardt, 1794–1863) – нем. химик – 209, 214, 218, 219–221
- Михайловский Ник.Конст. (1842–1904) – социолог, публицист, лит. критик – 146, 200, 201, 202
- Мишле Ж. (Michelet Jules, 1798–1874) – фр. историк – 58, 63, 178
- Модзалевский Борис Львович – историк – 19
- Молешотт Я. (Moleschott Jacob, 1822–93) – нем. физиолог – 155
- Монж Г. (Monge Gaspard, 1746–1818) – фр. математик и инженер – 163
- Моно Г. (Monod Gabriel, 1844–1912) – фр. историк – 128, 155
- Моос Ф. (Mohs Friedrich, 1773–1839) – нем. минералог – 299
- Муаньо Ф.Н.М. (Moigno François Napoléon Marie, 1804–88) – фр. математик, аббат – 43
- Муассан А. (Moissan Henri, 1852–1907) – фр. химик – 131
- Муранов А.Б. – 192
- Мурчисон Р. (Murchison, sir Roderick Impey, 1792–1871) – англ. геолог – 32
- Мюнц Э. (Muntz Eugène, 1845–1902) – фр. искусствовед – 186
- Мятлев Ив.Петр. (1796–1844) – поэт-юморист – 23
- Наке А.Ж.** (Naquet Alfred Joseph, 1834–1916) – фр. врач, химик и полит. деятель – 64, 157, 160, 237, 254, 264
- Наше К.С.** (Nachet Camille Sebastien, 1798–1881) – фр. техник, поставщик науч. инструментов – 40
- Небольсин Ал-р Григ.** (1842–1917) – экономист, статистик, тайн. сов. м-ва торговли и пром-сти – 14, 62, 91, 113, 114, 116, 147, 181, 301
- Негрескул Мария Петр.** (Лаврова, 1851–1919) – дочь П.Л. Лаврова – 275
- Неклюдов Ник. Андриан.** (1840–96) – криминалист, проф. – 147, 184
- Некрасов Ник.Алексеевич** (1821–77) – поэт, журналист – 57, 182, 192
- Некрасова Екат.Степ.** (1847–1905) – писательница, биограф А.И. Герцена – 79
- Нечаев Серг. Геннад.** (1847–83) – деятель русск. рев. движения – 76

- Николардо (Nicolardot) – фр. химик, ученик Г.Н. Вырубова – 139
 Николе К. (Nicolet Cl.) – фр. историк – 130, 177
 Нодон П. (Naudon P.) – фр. историк – 83
 Нью Йо М. (Jo Nye M.) – амер. историк науки – 203
 Ньютон И. (Newton, sir Isaac, 1642–1727) – англ. физик и математик – 132
- Оболенский Дм.Дм. (1845–1931) – проф. права Моск ун-та, родственник Г.Н. Вырубова, с 1923 г. в эмиграции – 24, 30, 31, 35
 Овсянников Филипп Вас. (1827–1906) – физиолог – 184
 Огарев Ник.Плат. (1813–77) – поэт, публицист, друг А.И. Герцена – 69, 73, 76, 79, 155, 196, 263, 268
 Ольденбург Серг.Фед. (1863–1934) – востоковед – 79
 Ольхин Ник.Алексеевич (1843–1912) – лицейский друг Г.Н. Вырубова, ст. сов. СПб. дворянск. опеки – 105, 112, 116, 139
 Ольхина Мария Серг. – начальница Мариинского института – 114
 Орлов Ник. Алексеев., кн. (1820–85) – дипломат, в 1871–84 гг. – русск. посол во Франции – 8
 Оствальд Ф.В. (Ostwald Friedrich Wilhelm, 1853–1932) – нем. химик и натуралист, историк науки – 132
 Отфей П.Г. (Hautefeuille Paul Gabriel, 1836–1902) – фр. минералог, чл. Института – 214, 251
- Павел I (1754–1803), с 1796 г. – император – 113
 Павлов Алексей Петр. (1854–1929) – геолог – 47
 Пастер Л. (Pasteur Louis, 1822–95) – фр. микробиолог и химик – 42, 163, 210, 211, 213, 214, 221, 255
 Паул Г.В. (Paul H.W.) – амер. историк науки – 8, 43, 128, 129, 132, 136, 137
 Перетц Б. (Peretz B.) – сотр. ж-ла “Позитив. философия” – 160
 Персиани Виктор Ив. (1841–...) – лицейский приятель Г.Н. Вырубова, д.с.с. МИД России – 181
- Петр I (1672–1725) – с 1682 г. – царь, с 1721 – росс. император – 286
 Петуников Алексей Ник. (1842–1919) – моск. ботаник – 9, 11, 14, 31, 37–45, 47, 49, 51, 55, 57, 63, 69, 71, 78–80, 83, 86, 88, 89, 91, 94, 95, 97–99, 102–106, 108, 118, 119, 121, 135, 136, 139, 141–143, 145, 146, 148, 153, 156, 157, 162, 189, 190, 194, 195, 198, 211, 230, 244, 252, 257, 260–263, 273–277
 Петуников Григ. Алексеевич (Гриша, 1876–...) – старший сын А.Н.Петуникова – 107, 139, 140
- Петуникова Мария Алексеевна (Маша) – дочь А.Н. Петуникова – 139, 140
 Пизани Ф. (Pisani F.) – фр. химик и минералог – 38, 39, 206, 253
 Пикар Ш. Э. (Picard Charles Émile, 1856–1941) – фр. математик и астроном – 8
 Пикеринг С. (Pickering S.U.) – англ. химик – 238, 241
 Писарев Дм.Ив. (1840–68) – публицист, критик – 146, 179
 Писемский Ал-р Феофилактович (1821–81) – писатель – 93
 Писемский Пав.Ал-р. – сын А.Ф. Писемского – 93
 Плеве Вяч.Конст. (1846–1904) – гос. деятель – 117
 Плиний Старший (Plinius Maior, 23(24)–79) – древнеримск. ученый и писатель – 158
- Плотников Иван Степ. (1878–1955) – физикохимик, с 1919 г. в эмиграции – 109
 Победоносцев Конст. Петр. (1827–1907) – гос. деятель. В 1880–1905 гг. – обер-прокурор Синода – 197
 Поггендорф И.Х. (Poggendorff Johann Christian, 1796–1877) – нем. физик, биограф и издатель – 8
 Поздеева Ирина Вас.– историк, археограф, библиофил – 7

- Поленов Вас.Дм. (1844–1927) – художник-передвижник – 93
 Поляков Ник.Петр. (1843–1905) – петерб. издатель – 182
 Помье Л.Э. (Никол.) (Paumier Louis Edmond) – учитель фр. языка и лит-ры в Александр. лицее (1859–65 гг.) – 28, 29, 144, 152
 Поппер К.Р. (Popper, sir Karl Raimund, 1902–94) – австро-британск. философ – 203
 Потехин Ал-р Антип. (1829–1900) – писатель – 184
 Преженцов Ал-р Осип. (–1883) – журналист, знакомый Е.В. де Роберти – 63; 192, 194
 Прествиш Ж. (Prestwich, sir Joseph, 1812–96) – англ. геолог – 189
 Прудон П.Ж. (Proudhon Pierre Joseph, 1800–65) – фр. социалист, теоретик анархизма – 58, 182
 Пузыревский Платон Алексеевич (1831–71) – геолог – 46, 47
 Пуше Ф.А. (Pouchet Félix Archimède, 1800–72) – фр. врач и натуралист, чл.-корр. Института – 42
 Пушкин Ал-р Серг. (1799–1837) – поэт – 37, 57, 123
 Пыпин Ал-р Ник. (1833–1904) – литературовед – 184
 Пятковский Ал-р Петр. (1840–1902) – журналист, историк лит-ры – 181, 273

Рагозин Евг.Ив. (1843–1906) – экономист, журналист, предприниматель – 12, 63, 75, 183
 Райков Бор.Евг. (1880–1966) – биолог, историк науки, педагог – 32, 34, 36
 Раммельсберг К. (Rammelsberg Karl Friedrich, 1813–99) – нем. химик и минералог – 252, 258, 294, 302
 Рачинский Серг.Ал-р. (1833–1902) – биолог – 37, 45
 Рейш Е. – нем. кристаллограф – 213
 Реклю М. (Reclus Maurice) – фр. историк – 84
 Ренан Ж.Э. (Renan Joseph Ernest, 1823–92) – фр. писатель, историк – 94, 152, 178
 Ренар Карл Ив. (Renard Carl, 1809–86) – медик, секретарь, затем президент МОИП'а (1840–84) – 11, 49, 293
 Реньо А.В. (Renault Henri Victor, 1800–78) – фр. физик и химик – 278
 Репин Илья Ефим. (1844–1930) – художник-передвижник – 93
 Рибо А.Ф.Ж. (Ribot Aléxandre Félix Joseph, 1842–1923) – фр. полит. деятель – 160
 Риг Ж. (Rig Jules) – псевдоним автора, адаптировавшего сочинения О. Конта – 165
 Риголаж Э. (Rigolage Émile) – фр. популяризатор социологии О. Конта – 183
 Рише Р.Ш. (Richet Robert Charles, 1850–1935) – фр. физиолог, лауреат Нобелевской премии 1913 г. – 96
 Робен Ш.Ф. (Robin Charles Philippe, 1821–85) – фр. медик, чл. Института – 5, 40, 148, 152, 156, 157, 160, 176–178
 Робине Ж.Э. (Robinet Jean François Eugéne, 1825–99) – фр. медик, публицист, позитивист – 83, 152, 178, 179
 Ровинский Пав.Аполл. (1831 –1916) – славист, исследователь Черногории – 184
 Ройе К., мадам (Royer Clemence, 1830–1902) – активная участница феминистского движения, писательница, автор ж-ла “Позитивн. философия” – 186
 Романова Светл.Ник. – архивовед – 19
 Рубец А.А. – секретарь и воспитатель Александр. лицей – 27
 Рубинский Юрий Ильич – историк, дипломат – 84
 Рулье Карл Францевич (1814–58) – русск. биолог – 106, 189
 Руммель Витольд Владисл. – генеалог русск. дворянства – 19
 Русанов Н.С. – политэмигрант – 275

 Сабанеев Леонид Павл. (1844–98) – зоолог – 188
 Сабатье П. (Sabatier Paul, 1854–1941) – фр. химик, чл.-корр. Института – 203
 Сабуров Яков Вас. – судебн. следователь – 192

- Саятов Вл-р Ив. (1849–1938) – историк лит-ры, библиограф – 19
- Саломон Ал-р Петр. (1853 – 1908) – гос. деятель, в 1900–1908 гг. – директор Александр. лицея – 124
- Салтыков-Щедрин Мих. Евграф. (1826–89) – писатель-сатирик – 57, 112
- Самарин Петр Федор. (1832–1901) – юрист, обществ. деятель – 193
- Сартон Д.А.Л. (Sarton Géorge Alfred Léon, 1884–1956) – америк. историк науки – 8, 77, 131, 135, 137, 161, 178
- Сватиков Сергей Григ. (1882–1942) – историк, коллекционер старых рукописей, после революции 1917 г. эмигрировал во Францию – 192
- Свиньин И.А. – студент-правовед Моск. ун-та в начале 60-х гг. – 35
- Свиньин Ник.Никитич (1842–95) – мировой судья, лицейский знакомый, Г.Н. Вырубова – 147
- Свиньин Петр Павл. (1801–...) – отставной ротмистр, помещик – 21
- Северцов Ник.Ал-р. (1827–85) – зоолог, зоогеограф и путешественник – 190
- Севинье М., маркиза (Séguigné (Rabutin-Chantal) Marie, 1626–96) – фр. писательница – 58
- Селезнев И. – историограф Александр. лицея – 27
- Семенов – переводчик А. Лаппарана – 139
- Семенов Петр Петр. (1827–1914) – географ, статистик, обществ. деятель – 113
- Сен-Жюст Л. (Saint-Juste Louis, 1767–94) – фр. революционер – 67
- Сен-Клер Девиль А.Э. (Sainte Claire Deville Henri Etienne, 1814–81) – фр. геофизик и минералог – 40
- Сен-Симон К.А. де Рувруа (Saint-Simon Claude Henri de Rouvroia, 1760–1825) – фр. философ, социалист-утопист – 144, 145, 187
- Сент-Бев Ш.О. (Sainte-Beuve Charles Augustin, 1804–69) – фр. литерат. критик – 158
- Серков А.И. – историк мasonicства – 6, 19, 83
- Сеченов Ив.Мих. (1829–1905) – физиолог – 42, 191
- Сикар А. (Sicard) – фр. биолог, печатался в ж-ле “Знание” – 186
- Симон В.М. (Simon W.M.) – американ. историк философии – 9, 84, 128, 177, 203
- Симон Ж. (Simon Jules, 1814–96) – фр. полит. деятель, публицист, философ – 84
- Скакки А. (Scacchi Arcangelo, 1810–93) – итальянск. минералог и кристаллограф – 45, 252, 254
- Смирнова Ольга Ник. (1834–93) – писательница, долгое время жила в Париже – 86
- Солей (Soleil, 1798–1849) – фр. оптический техник, усовершенствовал поляризационный микроскоп – 40
- Соловьев Вл-р Серг. (1853–1900) – философ, поэт, публицист – 180, 202
- Соловьев Д.И. – сотрудник П.Л. Лаврова – 87
- Соловьев Олег Фед. – независимый исследователь, историк мasonicства – 6, 83
- Соловьев Юрий Иван. – историк науки, химик – 109, 217
- Сонин Анат.Степ. – историк науки – 213
- Сорокин Питирим Ал-р. (1889–1968) – социолог, с 1922 г. в эмиграции – 197, 199, 203
- Спасович Вл-р Данил. (1829–1906) – юрист, писатель, публицист – 63
- Спенсер Г. (Spencer Herbert, 1820–1903) – англ. философ, социолог – 147, 158, 179, 184, 185, 188
- Спенсер Л.И. (Spencer L.J.) – англ. кристаллограф – 8
- Старосельский Павел Исак. – историк науки – 109
- Стаюлевич Мих.Мих. (1826–1911) – историк, журналист, обществ. деятель – 273
- Столетов Ал-р Григ. – (1839–96) – физик, проф. – 116, 191
- Стоянов Андрей Никол. (1830–1907) – правовед, проф. – 63
- Страус Д.Ф. (Strauss David Friedrich, 1808–1874) – нем. философ – 43
- Стрекалов Л.Г. – минералог – 143

- Стронин Ал-р Ив. (1827–89) – социолог – 201
- Струве Генрих Егор. (Юрьевич) (1840–1912) – польско-русс. философ – 104, 188
- Стуарт Ал-р Фед. (1842–...) – землевладелец, обществ. деят., привлекался по делу о Гейдельбергской читальне, лицеист – 192
- Стюпкой И. (Stupuy Hippolite) – автор ж-ла “Позитив. философия” – 128, 160
- Суворин Ал-р Серг. (1834–1912) – журналист, издатель – 181, 272
- Суворов Ал-р Вас. (1730–1800) – полководец – 21
- Сури Ж. (Sougy Jules, 1842–1915) – фр. историк, психопатолог – 186
- Сырейщиков Дм. Петр. (1868–1932) – ботаник – 107
- Сюзев Пав. Вас. (1867–1928) – ботаник – 107
- Танеев В-р Ив. (1840–1921) – обществ. деятель, юрист – 64
- Таннери Ж. (Tannery Jules, 1848–1910) – фр. геометр, историк математики, брат П. Таннери – 77, 161
- Таннери М.А. (Tannery (Prisset) Marie Aléxandrine, 1856–1945) – жена П. Таннери – 77, 161
- Таннери П. (Tannery Paul, 1843–1904) – фр. историк науки – 77, 127, 129, 131, 138, 161
- Тард Г. (Tarde Gabriel, 1843–1904) – фр. философ, социолог – 178
- Тахтарев Конст. Мих. (1887–1923) – социолог – 199
- Тиблен Ник. Львович (1825–69) – петерб. издатель, типограф, журналист – 147, 149, 182–185
- Тимашев Серг. Ив. (1858–1920) – крупный чиновник м-ва финансов, в 1912–14 гг. – чл. Гос. совета, лицеист – 114
- Тимирязев Климент Арк. (1843–1920) – физиолог растений, дарвинист – 5, 10, 35, 54–56, 58, 64, 78, 89, 103, 116, 131, 132, 179, 181, 191, 259
- Тихомиров Лев Ал-р. (1852–1922) – участник рев. движения – 78
- Ткачев Петр Никитич (1844–86) – публицист, идеолог рев. народничества – 146
- Толстой Дм. Андр., гр. (1823–89) гос. деятель, в 1866–80 гг. министр нар. просвещения – 273
- Толстой Лев Ник. (1828–1910) – писатель – 58, 120
- Толстопятов Мих. Ал-р (1836–90) – минералог, проф. – 32–35, 46, 214, 275
- Томсон У. (Thomson William, барон Кельвин (Kelvin), 1824–1907) – англ. физик – 191
- Топфер (Topfer) – швейц. латинист – 28
- Торичелли Э. (Torricelli Evangelista, 1608–47) – итал. физик и математик – 132
- Траутшольд Герман Адольф. (Trautschold Hermann, 1817–1902) – русск. геолог нем. происхождения – 46–48, 63, 189
- Трачевский Ал-р Семен. (1835–1906) – историк, проф. – 85
- Трифонов Дм. Ник. – историк науки, химик – 226
- Тройницкий Ал-р Григ. – товарищ м-ра финансов в 60-е гг., отец Н.А. Тройницкого – 29
- Тройницкий Ник. Ал-р. (1842–1913) – чиновник мин-ва финансов и статистики – 14, 91, 113–116
- Трошю Луи (Trochu Louis, 1815–96) – фр. генерал – 271
- Тургенев Ив. Серг. (1818–83) – писатель – 6, 12, 57, 67, 81, 82, 87–89, 91, 93, 94, 111, 181, 263, 272, 273, 283
- Турнефор Ж. П., де (Tournefort Joseph Pitton de, 1656–1708) – фр. ботаник и путешественник – 173
- Тучкова-Огарева Нат. Алексеевна (1829–1913) – вторая жена Н. П. Огарева (с 1849) и А. И. Герцена (с 1857), мемуаристка – 11, 74, 76, 78
- Тэн И. (Taine Hippolyte, 1828–93), фр. литератор, философ, историк – 178, 179

- Умов Ник.Алексеевич (1846–1915) – физик-теоретик – 109, 191
 Урбен Ж. (Urbain Georges, 1872–1938) – фр. химик, чл. Института – 139
 Урусов Ал-р.Ив. (1843–1900) – адвокат, театр. критик, переводчик – 11, 58, 59, 63, 182
 Усов Серг.Алексеевич (1827–86) – зоолог – 188, 189
 Успенская Нина Владим. – редактор, историк научн. журналистики – 102, 189
 Успенский Глеб Ив. (1840–1902) – писатель-народник – 94
 Утины, братья:
 Ник. Исаак. (1840–83) – революционер, чл. I-ого Интернационала – 67
 Евг. Исаак (1843–94) – адвокат, публицист, поэт – 63, 67, 268
 Уткина Нина Федор. – философ – 202
- Фавр Ж. (Favre Jules, 1809–80) – фр. политик, правовед – 271**
 Федоров Евграф Степан. (1853–1919) – минералог и кристаллограф – 244
 Федченко Алексей Павл. (1844–73) – зоолог, ботаник, геолог и географ – 64
 Ферран Ж. (Ferrand Jean) – фр. генеалог – 19
 Ферри Ж. (Ferry Jules, 1832–93) – фр. политик, в 1883–85 гг. м-р просвещения – 84, 85, 128, 157
- Фигнер Вера Ник. (1852–1942) – революционерка – 187**
 Филарет (Вас.Мих. Дроздов, 1783–1867) – митрополит московский – 44
 Фишер фон Вальдгейм Г.А. (1803–84) – ботаник – 103
 Флобер Г. (Floberst Gustave, 1821–80) – фр. писатель – 58, 64
 Флоке Ш.-Т. (Floquet Charles Thomas, 1828–96) – фр. полит. деятель – 84
 Фогт К.К. (Vogt Karl Christoph, 1817–95) – нем. естествоиспытатель и полит. деятель – 191, 193
 Фольгард Я. (Volhard Jacob, 1834–1910) – нем. химик – 186
 Фоппертуи А. (Fonpertuis Adalbert) – политолог, автор статей в ж-ле “Позитивн. философия” – 160
 Фреми Э. (Fremy Edmond, 1814–94) – фр. химик – 38
 Френель О.Ж. (Fresnel Augustin Jean, 1788–1827) – фр. физик – 132, 209
 Фридель Ш. (Friedel Charles, 1832–99) – фр. химик и минералог, чл. Института – 38, 39, 64, 211, 214, 223, 248, 251, 254, 255
 Фулье Ф.А. (Fouquier François Henri) – фр. журналист – 273
 Фуке Ф.А. (Fouqué Ferdinand André, 1828–1904) – фр. геолог и петролог, чл. Института – 129, 248, 251, 298, 299
 Фулье А.Ж.Э. (Fouillé Alfred Jules Émiles, 1838–1912) – фр. философ, социолог – 178
 Фуркруа А.Ф. (Fourcroy Antoine François, 1755–1809) – фр. химик – 169
 Фурний (Foumille) – фр. микроскопист – 40
- Ханукаева И.В. – 186, 187
 Ханыков Ник. Вл-р. (1819–78) – ориенталист, географ, путешественник и этнограф, с 1860 г. жил во Франции – 89, 93, 263
 Харламов Алексей Алексеевич (1842–1922) – живописец, портретист, долго жил в Париже – 93
 Хемницер Ив. Ив. (1745–84) – поэт – 57
 Хомяков Алексей Степ. (1804–60) – философ, писатель, поэт – 57
 Хорошков Алексей Алексеевич (1867–1924) – моск. ботаник – 107
- Цингер Вас. Як. (1836–1907) – математик – 266**
 Цингер – 109
 Цинке Э.К.Т. (Zincke Ernest Theodor, 1843–1928) – нем. химик-органик – 223
 Цыпленков А.И. – философ – 67

Чаадаев Петр Яков. (1794–1856) – религиозн. философ – 284, 285, 287, 288
Чайковский Юрий Викт. – историк науки, биолог – 190
Чебышев Пафнутий Львович (1821–94) – математик – 27
Черкесов Ал-р.Ал-р. (1839–1908) – издатель и владелец книж. магазина в Петербурге, лицеист – 196
Чернецкий Людвиг (1828–72) – польск. эмигрант, заведовал Вольной русской типографией в Лондоне и Женеве – 155
Чернов В.Г. – 32
Черняк Владим.Семен. – философ – 129
Чичерин Бор.Ник. (1828–1904) – юрист, историк, публицист, обществ. деятель – 24, 31, 36, 52, 193
Чуйко Вл-р Викт. (1839–99) – лит. и худ. критик, историк литературы и переводчик – 263, 264

Шаль Ф. (Chasles Philarète) – фр. историк, литературовед – 262
Шампени (Champegny) – чл. Франц. академии – 92
Шарлетон Д.Г. (Charleton D.G.) – фр. историк – 159
Шау Фома Иван. – магистр Кембриджск. ун-та, с 1862 г. – преподаватель англ. словесности в Александр. лицее – 29
Шафрановский Илларион Иллар. – минералог, кристаллограф и историк науки – 6, 35, 219
Шахматов Борис. Мих. – историк, философ – 6, 145, 148, 149, 183
Шаховской Вл-р Мих. – конспиративное имя Озерова, деятеля рев. движения, с 1866 г. в эмиграции – 63
Шебеко Ник. Игнатъев. (1834–1904) – 1887–95 гг. товарищ м-ра внутр. дел, глава корпуса жандармов и заведующий полицией – 117
Шелгунов Ник.Вас. (1824–91) – рев. демократ, публицист, литерат. критик – 146
Шеллинг Фридрих В. (Schelling, 1775–1854) – нем. философ – 145
Шенье А.М. (Chenier André Marie, 1762–94) – фр. поэт – 58
Шелтунова Зинаида Ив. – историк науки, химик – 7
Шифф М. (Schiff Moritz, 1823–96) – нем. физиолог – 155
Шкуринов Павел Семен. – историк философии – 145, 165, 191
Шнерб – 87
Шомье Ж. (Chaumie Joseph, 1849–1919) – фр. полит. деятель, в 1902–1905 гг. – м-р образования – 129
Шопенгауэр А. (Schopenhauer Arthur, 1788–1860) – нем. философ – 144, 145
Шпер – 155
Шютен (Chutin) – фр. микроскопист, ботаник – 40
Шютценберже П. (Shützenberger, 1829–97) – фр. химик, чл. Париж. АН (с 1888) – 227
Щепкин Митрофан Павл. (1832–1908) – публицист, обществ. деятель, в 1866–71 гг. – проф. политэкономии в Петровск. Академии – 103, 104, 262
Щуровский Григ.Ефим. (1803–84) – геолог – 32, 34, 36, 46, 292, 293
Эмери Л. (Emery Léon, 1898–...) – обществ. деятель, журналист, писатель – 89
Юнгфлейш Э. (Jungfleisch Émile Clément, 1839–1916) – фр. химик и медик, чл. Париж. АН (с 1909) – 254, 256, 296
Яблочков Пав.Ник. (1847–97) – электротехн., изобретатель – 86
Янжул Ив.Ив. (1845–1914) – экономист, профессор – 114

Оглавление

Введение	5
Глава первая	
Между Россией и Западом	17
“Семейство, странствующее по вселенной”	17
Родословная. Отец. Высоцкие. Мать. Чужой среди “своих”. Дворянская усадьба. Поездка на юг Европы. Начало обучения. Лицей Бонапарта.....	17
Александровский лицей (1858–1862)	26
Учебная программа. Поездка за границу в 1859 г. Естественно-научное образование. Наставники. Достоинства лицейской подготовки.....	26
Московский университет	29
Студенческая среда. Преподаватели. Кандидатские экзамены. Поездка в Париж (1864–1865). Знакомство с французскими учеными. Увлечение биологией. Полемика с аббатом Муаньо. Поездка в Париж для подготовки диссертации (1865–1866). Заминка с защитой диссертации. Московское общество испытателей природы. Мотивы эмиграции	29
Глава вторая	
Хроника парижской жизни	51
Первое десятилетие в Париже: конец 60-х – 70-е годы XIX в.	58
Обустройство, вхождение в новую жизнь. Родные и друзья в Париже: семья, П.Д. Боборыкин, лицейские приятели, “вся Москва обрушилась на меня”. Встречи с деятелями либерального движения и научной молодежи. А.И. Урусов. Русские ученые: К.А. Тимирязев, Д.Н. Анучин. Путешествия по Европе, поездка в Лондон (1868). Знакомство с А.И. Герценом (1865–1870 гг.) Участие в международных конгрессах мира. Издание сочинений А.И. Герцена. Оборона Парижа и Парижская коммуна (1870–1871 гг.). Массонская деятельность, благотворительность. Женитьба. Поездка в Цюрих (1873). Участие в русско-турецкой войне (1877). Поездка в Россию (1879).....	58
Середина жизни: 80–90-е годы XIX в.	91
Встречи с И.С. Тургеневым, речь на гражданской панихиде писателя. Болезнь и смерть жены. Повторный брак. Защита докторской диссертации. Натурализация. Раздел имущества. Вырубов – русский помещик. Друзья–“москвитяне”: А.Н. Петунников, В.Ф. Лугинин, М.М. Ковалевский. Лицейские друзья: Д.Ф. Кобеко, А.Г. Небольсин, Н.А. Тройницкий. Поездка в Россию (1891). Смерть матери и сестры. Чтение лекций по молекулярной физике в Сорбонне. Участие в “деле Дрейфуса”.....	91

Последнее десятилетие жизни – первое десятилетие XX в.	121
Работа в лаборатории Сорбонны. Взгляд на проблемы образования. Записки о реформе Лицея и университета в России. Кафедра общей истории науки в Коллеж де Франс. Лекции по истории науки в Коллеж де Франс. Научное наставничество. Русское окружение. Болезнь, смерть....	121
Глава третья	
Разные лики “русского парижанина”	144
Философ-позитивист	144
Первые шаги молодого позитивиста: Знакомство с философией О. Конта и А. Шопенгауэра. Оценка возможностей пропаганды контизма в России. Скептическое отношение к частичному переводу “Курса позитивной философии”. Провал планов издания сочинений Конта в России. Окольные пути распространения философии позитивизма. Перевод брошюры Э. Литтре. Контизм во Франции. Первое знакомство с французскими позитивистами	144
Журнал “Позитивная философия”: Программа и принципы издания. А.И. Герцен и “вырубовка”. Вырубов – редактор, издатель. Сотрудники журнала. Кружок позитивистов. Э. Литтре. Тематика “Позитивной философии”. “Социологическое общество” (1872). Вырубов – автор. Итоги работы	153
Распространение философии позитивизма в России: Пропаганда позитивизма в 60-е–70-е годы: Д.И. Писарев, Э.К. Ватсон, В.В. Лесевич. Реакция на журнал Вырубова. Попытки пропагандировать “Позитивную философию”. Журналы нового типа: “Современное обозрение”, “Знание”, “Природа”. Неопозитивизм. Вырубов и Е.В. де Роберти. В.В. Лесевич и критика “литтреистов”	179
Ученый – естествоиспытатель: кристаллограф, минералог, химик.....	203
Магистерская диссертация. Изучение вращательной способности кристаллических тел, растворов. Докторская диссертация. Исследования изоморфизма, полиморфизма. Редкоземельные элементы и их соединения. Изучение комплексных соединений. Некоторые теоретические воззрения Вырубова. Учебные пособия. Вырубов и научное сообщество, участие в научных обществах, конгрессах и съездах	203
Русский журналист	
Представление Вырубова об особенностях жанра. В.Ф. Корш и Г.Н. Вырубов. Фельетоны в “СПб. ведомостях”: их содержание, своеобразие авторского подхода. Последние публицистические статьи Вырубова – сериал “Воспоминания” в “Вестнике Европы”. Обстоятельства создания, участие А.Н. Петунникова в редактировании. Замысел, содержание	260
Заключение	
Г.Н. Вырубов о судьбах России	284
Г.Н. Вырубов. Хроника жизни	289
Приложения	291
1. Список сокращений	291
2. Архивные документы и представление на премию Лаказа	292
3. Труды Г.Н. Вырубова	304
4. Литература о Г.Н. Вырубове	314
5. Указатель имен.....	316

Contents

Introduction	5
Part One	
Between Russia and the West	17
“Family, wandering in the universe”	17
Genealogy. Father. Vysotskie. Mother. Alien among his circle. Nobleman’s estate. Trip to the South. Beginning of the study. Bonapartés lyceum	17
Alexander’s lyceum (1858–1862).....	26
Syllabus. Trip abroad in 1859. Education in sphere of natural sciences. Mentors. Advantages of study in lyceum	26
Moscow university	29
Student environment. Teachers. Candidate exams. Trip to Paris (1864–1865). Acquaintance with French scientists. Enthusiasm for biology. Polemics with abbot Moigno. Trip to Paris for preparation of thesis (1865–1866). Hitch in defending the thesis. Moscow Society of Investigators of Nature. Motives for emigration.....	29
Part Two	
Life in Paris chronicles	51
First decade in Paris: end of 1860s-70-s, XIX century.....	58
Arrangement, entering new life. Relatives and friends in Paris: family, P.D. Boborykin, friends from lyceum, “the whole Moscow fell upon me”. Meetings with activists of liberal movement and scientific youth. A.I. Urusov. Russian scientists: K.A. Timiryazev, D.N. Anuchin. Trips throughout Europe, trip to London (1868). Acquaintance with A.I. Gertsen. Participation in international congresses. Publication of A.I. Gertsen’s works (1875–1879). Defense of Paris and Commune of Paris (1870–1871). Masonic activity, charitable activity. Marriage. Trip to Zurich (1873). Participation in Russian-Turkish War (1877). Trip to Russia (1879)	58
Middle of the life: 80–90-s, XIX century	91
Meetings with I.S. Turgenev. The speech at civil funeral rites of the writer. Illness and death of wife. Second marriage. Defense of doctor’s thesis. Naturalization. Division of property. Wyrouboff – a Russian landlord. Friends from Moscow: A.N. Petunnikov, V.F. Luginin, M.M. Kovalevskii. Friends from lyceum: D.F. Kobeko, A.G. Nebol’sin, N.A. Troinitskii. Trip to Russia (1891). Deaths of mother and sister. Reading lectures on molecular physics in Sorbonne Participation in “Dreifus case”	91
Last decade of his life – first decade of the XXth century	121
Work in laboratory of Sorbonne. View on problems of education. Notes on	

reforming the lyceum and university in Russia. Chair of general history of science in Collège de France. Lectures on the history of science. Scientific tutorship. Russian entourage. Illness, death	121
Part Three	
Various faces of “Russian Parisian”	144
Philosopher – positivist	144
First steps of a young positivist: acquaintance with philosophy of A. Comte and A. Schopenhauer. Evaluation of possibilities to propagandize ‘comtisme’ in Russia. Skeptical attitude to partial translation of “Course of positive philosophy”. Failure of plan to publish Comte’s works in Russia. Circuitous ways of popularizing positive philosophy. Translation of É. Littré’s brochure. ‘Comtisme’ in France. First acquaintance with French positivists	144
“Positive Philosophy” magazine: programme and principles of publishing. A.I. Gertsen and ‘wyruboffka’. Wyruboff as an editor, publisher. Magazine’s staff. Positivists’ circle. É. Littré. Themes of “positive philosophy”. “Sociological society” (1872). Wyruboff as an author. Results of journalist work	153
Dissemination of positive philosophy in Russia: popularization of positivism in 60–70-s. D.I. Pisarev, E.K. Vatson, V.V. Lesevich. Reaction on Wyruboff’s magazine. Attempts to popularize “Positive Philosophy”. Magazines of a new type: “Sovremennoe obozrenie”, “Znanie”, “Priroda”. Neopositivism. Wyruboff and de Roberti. V.V. Lesevich and critics of “littreists”. De Roberty’s remark	179
Scientist – naturalist: crystallographer, mineralogist, chemist	203
Master’s thesis. Research of rotary power of crystallines and solutions. Doctor’s thesis. Research of isomorphism, polymorphism. Rare earth elements and their compounds. Research of complex compounds. Some theoretic views of Wyruboff. Study textbooks. Wyruboff and scientific community, participation in scientific societies, congresses and conferences	203
Russian journalist	
Wyruboff’s conception of particular qualities of the genre. V.F. Korsh and G.N. Wyruboff. Feuilletons in “SPb. vedomosti” their contents, originality of author’s approach. Last publicistic articles – serial “Reminiscences” in “Europe’s Bulletin”. Circumstances of appearance, participation of A.N. Petunnikov in editing, conception, contents	260
Conclusion	
Wyruboff’s view on Russia’s fate	284
G.N. Wyruboff. Life’s chronicle	289
Appendices	291
1. List of abbreviations	291
2. Archive documents and recommendation for a prize La Caze	292
3. Works of G.N. Wyruboff	304
4. Publications on G.N. Wyruboff	314
5. Names index	316

Annotation

Grigorii Nikolaevich Wyruboff (1843–1913) made a considerable contribution to the history of science and culture of the first third of XIX – beginning of XX century. At age of 23 he left Russia and settled down in Paris. His life was saturated with interesting occurrences and meetings, faithful friendship, intense creative work.

During 17 years (1867–1883) he was the life and soul of the magazine “Positive philosophy” which was popular among West-European scientists and which he published on his means together with famous scholar of A. Comte, philosopher-erudite person É. Littré.

Abroad he associated a lot with outstanding representatives of Russian culture: A.I. Gertsen, P.L. Lavrov, I.S. Turgenev, M.M. Kovalevskii. Wuruboff was the editor of first collected works of Gertsen (1875–1879, Geneva), published in Russian.

French scientists highly estimated the talent of their Russian colleague, his passionate polemics often enlivened meetings of scientific communities of Paris, he was on friendly terms with chemists A. Naquet, Ch. Friedel, H. Le Chatelier, cooperated with chemist A. Verneuil, mineralogists A. Lapparant and F. Wallerant. He worked in the oldest scientific-pedagogic centers of French capital - La Sorbonne, Muséum d' Histoire Naturelle, Collège de France. In the last he gave a course of general history of science in 1904–1913.

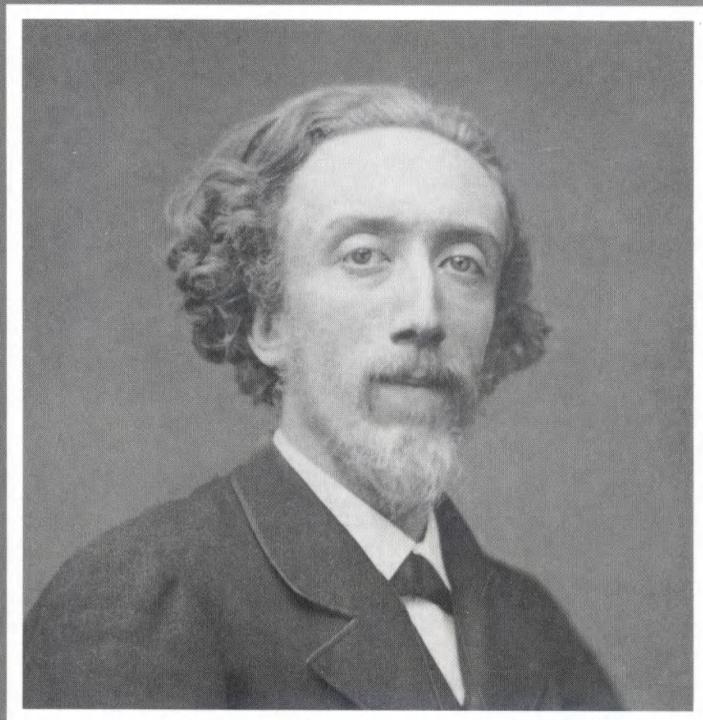
Wuruboff's active nature brought him to the thick of many events of his time. The brightest episodes in his life, marked off by French and Russian decorations, was his participation in defense of Paris from Prussians and in Commune of Paris (1870–1871) and also Russian-Turkish War of 1877–1878. In all cases he helped wounded as hospital attendant, orderly surgeon, head of health service. Being a prominent hierarch of French freemasons, he contributed a lot to renewal of freemasons' ideology, engaged in philanthropy for a number of social organizations and individuals.

Wuruboff was obsessed by a thirst of creative work. He was distinguished by a breadth of interests. With equal success he engaged in positivist philosophy, crystallography, mineralogy, chemistry, wrote publicistic articles for Russian and French magazines. All this reflected in his diverse creative heritage.

The proposed book is the first attempt to present varied activity and original creativity of our remarkable compatriot. For professional historians it will be interesting, as while making it we used unpublished documents from 12 Russian and foreign archives, analyzed Wuruboff's works on philosophy, natural science and his Russian publicism.

Authors are far from thought that they managed to exhaust diversity of personality and creativity of G. N. Wuruboff. His nature is so many-sided, that it can inspire more researchers and can be of interest to any reader who is not indifferent to history of native and West-European culture.

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

*Е. А. Зайцева
Г. И. Любина*

**Григорий Николаевич
ВЫРУБОВ**

Е. А. Зайцева Г. И. Любина Григорий Николаевич **ВЫРУБОВ**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Григорий Николаевич ВYРУБОВ – талантливый философ, естествоиспытатель, журналист, педагог, с молодых лет связал свою судьбу с Парижем, где занимался пропагандой философии позитивизма. Его жизнь богата напряженным творчеством, преданной дружбой, яркими событиями и поступками, встречами с выдающимися людьми эпохи. О нем М. Ковалевский писал: “...исчез один из талантливейших и образованнейших людей в мире... один из умнейших и благороднейших людей, каких мне пришлось встретить. Как жаль, что его деятельность прошла не в России!”

ISBN 5-02-033896-6

9 785020 338968 >

